

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

На правах рукописи

Каинов Сергей Юрьевич

**Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в.
(по материалам Гнёздовского некрополя и поселения)**

Исторические науки:
специальность 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Том I

Научный руководитель
кандидат исторических наук
Пушкина Т.А.

Москва
2019

Содержание

Том I

Введение	4-12
Глава I. Некоторые вопросы изучения Гнёздовского археологического комплекса	13-26
I.1. История полевого изучения Гнёздовского комплекса археологических памятников.....	13-15
I.2. История изучения предметов вооружения Гнёздовского археологического комплекса	15-26
Глава II. Комплекс боевых средств Гнёздова	27-210
II.1 Наступательное оружие.....	29-186
<i>II.1.1. Оружие ближней и средней дистанции боя</i>	32-158
Клинковое оружие:.....	32-118
– Мечи.....	32-102
– Боевые ножи.....	102-112
– Сабли.....	113-118
Древковое оружие:.....	118-157
– Наконечники копий и сулиц.....	119-137
– Топоры.....	138-152
– Кистени.....	153-158
<i>II.1.2. Оружие дальней дистанции боя и снаряжение лучника</i>	159-184
– Луки.....	159-165
– Стрелы.....	165-180
– Снаряжение лучника.....	180-186
II.2. Защитное вооружение.....	186-208
– Шлемы.....	187-196
– Кольчуги.....	197-200
– Пластинчатый доспех.....	200-204
– Щиты.....	204-210
Глава III. Археологический контекст находок предметов вооружения в Гнёздове	211-270
III.1. Вопросы хронологии Гнёздовского комплекса археологических памятников.....	211-227
III.2. Предметы вооружения в погребениях Гнёздова.....	228-262
<i>III.2.1 Количественная оценка погребений с предметами вооружения</i>	228-231

III.2.2	<i>Топография, погребальный обряд, половозрастная дифференциация погребённых. Размеры курганных насыпей.....</i>	231-234
III.2.3	<i>Количественные оценки предметов вооружения в погребениях.....</i>	234-240
III.2.4	<i>Положение предметов вооружения в погребениях.....</i>	240-249
–	<i>Погребения с клинковым оружием.....</i>	241-245
–	<i>Погребения с древковым оружием.....</i>	245-249
–	<i>Погребения с метательным оружием и снаряжением лучника.....</i>	249-250
–	<i>Погребения с защитным вооружением.....</i>	250-251
III.2.5	<i>Предметы вооружения в Больших курганах.....</i>	252-254
III.2.6	<i>Погребения с предметами вооружения Гнёздовского могильника в сравнении с аналогичными памятниками.....</i>	254-262
III.3.	<i>Предметы вооружения на поселении Гнёздова.....</i>	262-270
Глава IV.	Вооружение Гнёздова как отражение процесса сложения комплекса боевых средств Древней Руси X – начала XI века	271-289
Заключение.....		290-294
Список сокращений.....		295
Список литературы.....		296-336
Список иллюстраций.....		337-342

Введение

Актуальность темы исследования. Война в разных ее проявлениях – одно из изначально присущих человеческому обществу состояний на всех стадиях его развития – от древности до современности. И вполне закономерно, что именно военное дело, и в особенности его материальная составляющая – комплекс боевых средств – аккумулируют все самые последние для своего времени достижения. В первую очередь, поэтому изучение военного дела является неотъемлемой и необходимой частью изучения истории и культуры любого общества.

В результате событий и процессов, происходивших в конце I тыс. н.э. на территории Восточно-Европейской равнины, возникло государство, много позднее названное Древняя или Киевская Русь. Формирование политических и других институтов растянулось на несколько столетий, и на него оказали влияние различные внешние и внутренние факторы. Процесс сложения древнерусской воинской культуры, проходивший одновременно с образованием государства и также растянутый во времени, отразил многие политические, социальные и этнические реалии конца IX – начала XI века. Наиболее интенсивно этот процесс шёл в рамках социумов поселений, расположенных на международных торговых путях и являвшихся военно-административными и торговыми центрами, связанными различными отношениями как с ближайшими, так и отдаленными территориями. В них располагались отряды профессиональных воинов (дружинников) и аккумулировались наиболее передовые достижения военно-технической мысли своего времени. Результаты археологических исследований таких памятников, как Гнёздово, Рюриково городище, Киев, Чернигов, Шестовица и др., формируют наше представление о так называемой дружинной культуре Руси IX–XI веков и части этой культуры – комплексе боевых средств.

Наиболее крупные памятники, связанные с «дружинной культурой», ряд исследователей трактуют как раннегородские центры (Жарнов, 1992. С. 164;

Пушкина, 2012; Ениосова, Пушкина, 2014). Одним из таких раннегородских центров было Гнёздово, иногда отождествляемом с первоначальным Смоленском (Нефёдов, 2012. С. 289; Пушкина, 2012. С. 18). Продолжающиеся более 140 лет раскопки памятника позволили собрать самую представительную по количеству и составу коллекцию предметов древнерусского вооружения. Всего при разных обстоятельствах в Гнёздове найдено более 750 предметов вооружения и боевого снаряжения, относящихся к X – началу XI века (Таблица 1).

Масштабы гнёздовской коллекции, в которой представлены практически все категории раннесредневекового вооружения, наличие в большинстве случаев археологического контекста, делают её уникальной и эталонной для территории Древней Руси эпохи образования государства. Обработка и обобщение этой коллекции, несомненно, актуальны. Выявление различных традиций – как этнических, так и военно-технических – и возможность определенной хронологической дифференциации материала, позволит представить динамику и особенности процесса формирования древнерусского комплекса боевых средств в Гнёздове, а также возможно позволит приблизиться к пониманию этниполитических процессов, имевших место на рубеже I и II тыс. н.э. в конце первого тысячелетия в этом регионе. Немаловажным является сравнение гнёздовского комплекса вооружения с материалами других, близких по характеру и в основном синхронных памятников, например, с Шестовицами или могильниками Ярославского Поволжья. Это сравнение позволит выявить региональные особенности в формировании набора боевых средств Древней Руси.

Цели исследования – представить детализированную картину формирования комплекса боевых средств Гнёздова – одного из наиболее полно изученных раннегородских центров Руси – и, сравнив результаты с материалами аналогичных памятников, выявить особенности этого процесса.

Задачи исследования. Достижение заявленных целей возможно при решении ряда задач:

1. Сбор и систематизация информации о максимальном количестве предметов наступательного и защитного вооружения, найденных в Гнёздове, как находящихся в музейных собраниях, так и известных по архивным данным.
2. Выяснение круга аналогий предметам гнёздовской коллекции, что позволит в ряде случаев уточнить датировки и даст представление о динамике и источниках формирования гнёздовского комплекса боевых средств.
3. Сравнение результатов, полученных на основе изучения комплекса боевых средств Гнёздова, с материалами аналогичных древнерусских памятников.

Объектом исследования выступает Гнёздовский комплекс археологических памятников – крупнейший сохранившийся на территории Древней Руси памятник эпохи образования государства.

Основная часть комплекса, состоящая из поселений и синхронных им 8 курганных групп, лежит в 13 км на запад от города Смоленска. Поселения и курганные группы располагаются вдоль правого берега Днепра на протяжении более чем 5 километров. Общая площадь поселений составляет более 30 га, курганные группы в общей сложности насчитывали более 4 500 насыпей (Авдусин, 1999. С. 7–11; Лявданский, 2002. С. 187).

Предметом исследования в нашей работе выступает *комплекс вооружения (комплекс индивидуальных боевых средств)*. Под этим термином следует понимать совокупность предметов наступательного и оборонительного вооружения и снаряжения. Вопрос о включении в комплекс боевых средств элементов снаряжения всадника и верхового коня применительно к ранним этапам формирования комплекса дискуссионен. Несомненно, часть предметов снаряжения верхового коня (удила, псалии, стремяна, подпружные пряжки и др.) свидетельствовали о знакомстве с искусством верховой езды. Тем не менее, сомнительно, что находка только этих предметов означает существование воинов, сражавшихся верхом. Таким маркером определено

выступают шпоры, основным предназначением которых было понуждение коня к быстрому выполнению команд в экстремальных ситуациях, каким и было боевое столкновение.

Очевидно, что предметы, входящие в комплекс индивидуальных боевых средств, можно разделить на две части – «профессиональный» комплекс (оружие и снаряжение профессиональных воинов) и «универсальный» комплекс. Если основным предназначением первого было непосредственное применение во время войны, то второй мог использоваться как во время войны, так и в быту (ремесло и охота), причем «ремесленно-охотничье» применение превалирует над «боевым» (Каинов, 2014б).

Можно указать на следующие различия двух комплексов. Во-первых, «профессиональный» комплекс включает в себя категории вооружения, применение которых в быту невозможно (или нерационально) – в первую очередь это клинковое оружие (мечи, сабли, боевые ножи), а также защитное вооружение и снаряжение. Во-вторых, «профессиональный» комплекс, как правило, характеризуется быстрым «впитыванием» оружейных новаций, в том числе иноэтнических. В-третьих, оружие и снаряжение «профессионального» комплекса отличается, как правило, более высоким технологическим уровнем изготовления и уровнем обработки, в том числе финальной обработки. В-четвертых, оружие и снаряжение профессионального комплекса указывают на социальный статус владельца, что выражается как самим фактом наличия некоторых видов вооружения (например, мечи), так и отделкой предметов, в том числе и с применением сложных техник (инкрустация, чернь, золочение). «Универсальный» комплекс, напротив, консервативен (архаичен) по составу и менее «технологичен». В него входит значительно меньшее количество категорий предметов, и они изготавливаются в первую очередь для

утилитарных целей (рабочие топоры, охотничьи наконечники копий и стрел¹). Их военное применение скорее вынужденное, нежели заложенное изначально.

Основное внимание в данной работе уделено комплексу «профессиональных» боевых средств. По нашему мнению именно он наилучшим образом отражает уровень развития военного дела населения отдельно взятого памятника/региона, а его состав – различные процессы, проходившие на рубеже I–II тыс. н.э. на территории формирующегося древнерусского государства.

Территориальные рамки исследования. Основой настоящего исследования являются коллекции, собранные при изучении Гнёздовского комплекса археологических памятников: поселения и курганов. Так как процесс формирования набора боевых средств Гнёздова является неотъемлемой частью общего процесса сложения древнерусского комплекса, для выявления его особенностей в разной степени были проанализированы предметы вооружения, происходящие из близких по характеру и хронологии древнерусских памятников. Степень сохранности и доступность материала определили их выбор. В первую очередь привлекались материалы Шестовиц, Киева и памятников Ярославского Поволжья – Тимерёвского поселения и курганов, Петровского и Михайловского могильников, Рюрикова и Сарского городищ, в меньшей степени – Чернигова).

Хронологические рамки исследования ограничены концом IX – началом XI века. Эти рамки соответствуют наиболее распространенной точке зрения на время существования Гнёздовского археологического комплекса. Хотя стоит отметить, что в последнее время появились убедительные данные, свидетельствующие о функционировании гнёздовского поселения в более раннее время (Мурашева, Малышева, Френкель, 2018. С. 336–339).

¹ Несомненно, топоры, наконечники копий и стрел входили и в комплекс вооружения профессиональных воинов. Такие предметы отличались иногда специфической морфологией, предназначенной для поражения защищенного противника, и качеством изготовления (в том числе финальной обработки).

Источники. Основными источниками для написания работы послужили археологические коллекции раскопок гнёздовских курганов и поселения с 1874 по 2012 года, хранящиеся в фонде кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственном историческом музее, Смоленском государственном музее-заповеднике, а также в Государственном Эрмитаже. Подавляющее большинство сохранившихся в музейных коллекциях предметов изучены автором лично, в ходе изучения проведена их графическая и фото- фиксации.

Небольшую часть источниковой базы составили так называемые случайные находки. Часть из них действительно связана со случайными обстоятельствами, часть является результатом противозаконных целенаправленных поисков артефактов с применением металлодетекторов. Большинство из них были переданы в музейное собрание Государственного исторического музея и в фонды кафедры археологии МГУ и так же использованы в работе.

Сохранность значительного числа предметов вооружения позволяет провести четкую атрибуцию на уровне типа. Для выявления типологических, конструктивных и орнаментальных особенностей некоторых предметов потребовалась их дополнительная расчистка или реставрация, выполненные в лаборатории кафедры археологии МГУ и отделе реставрации Исторического музея.

Помимо самих археологических коллекций, привлечены публикации результатов и материалов раскопок. Активно использованы научные отчеты о раскопках и другие документы, хранящиеся в архивах Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН, а также коллекционные описи Государственного исторического музея и полевой архив Смоленской экспедиции МГУ, хранящийся на кафедре исторического факультета, в ряде случаев предоставившие уникальную информацию, не зафиксированную другими источниками.

В значительно меньшей степени, чем археологические, в работе использованы письменные (главным образом, восточные и византийские) и изобразительные источники, что отображает общую диспропорцию источниковой базы применительно к этому периоду древнерусской истории. Эти источники сохранили информацию об использовании тех или иных предметов вооружения, подтверждая и дополняя картину, полученную при изучении археологического материала.

Научная новизна работы. Работа представляет собой первую за последние 100 лет попытку собрать и систематизировать всю информацию о предметах вооружения, найденных в Гнёздове. Причем использованы материалы, происходящие не только из раскопок могильника, но и с территории поселения. Полнота выборки позволяет делать обоснованные выводы, базирующиеся на всей совокупности материала, а не на анализе отдельных предметов или их категорий. Предложенная хронологическая локализация расширяет или уточняет наши представления о времени появления и бытования тех или иных видов вооружения на территории Верхнего Поднепровья, а также даёт возможность представить динамику развития комплекса вооружения Гнёздова, несомненно, отразившей этнополитическую ситуацию в данном регионе.

Обработка коллекции оружия подтверждает и наполняет более конкретным материалом высказанные ранее предположения о значительном и изначальном скандинавском присутствии в Гнёздове, о появлении здесь в рамках первой половины X века населения, связанного с Великой Моравией и об усилении связей со Средним Поднепровьем в рамках середины – второй половины X века.

Ряд предметов вооружения, а также снаряжения всадника, позволяет вернуться к вопросу о времени возникновения «дружинного» Гнёздова. С нашей точки зрения, совокупность данных не позволяет однозначно отказаться от возможности его существования в IX веке.

Сравнение коллекций предметов вооружения, происходящих из Гнёздова и памятников Ярославского Поволжья и Шестовиц, позволяют утверждать значительно более высокий статус Гнёздова в системе поселенческой структуры Древней Руси рассматриваемого периода. Исходя из количества и набора предметов вооружения, концентрации драгоценных металлов, наличия монументальных насыпей и камерных погребений с большим количеством погребального инвентаря, Гнёздово наиболее близок таким раннегородским центрам ранней Руси как Киев и Чернигов.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Сформулированные выводы о процессе формирования комплекса вооружения могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории и археологии как Верхнего Поднепровья, так и в целом Древней Руси.

Каталоги предметов вооружения и предложенные датировки их типов, с нашей точки зрения позволят лучше ориентироваться при атрибуции и хронологической локализации как вновь найденных предметов, так и уже находящихся в музейных собраниях.

Методы исследования. Собранный материал обработан с применением сравнительно-типологического метода. Учитывая сложный состав гнёздовской (и в целом древнерусской применительно к раннегосударственному периоду) коллекции предметов вооружения, для обработки материала привлекались общепринятые в археологической науке и оригинальные типологические разработки предметов вооружения, созданные отечественными и зарубежными авторами на материалах Скандинавии, Центральной и Восточной Европы, Северного Кавказа и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Количественный состав гнёздовского комплекса вооружения, значительная часть предметов которого представлены находками, имеющими археологический контекст, делают его эталонным для изучения древнерусского вооружения раннегосударственного периода.

2. Гнёздовский комплекс вооружения не статичен, в его развитии можно выделить несколько этапов, связанных с изменениями этнополитической ситуации в регионе.
3. В комплексе вооружения Гнёздова выделяются две военно-технические «традиции», представленные разным набором предметов вооружения и разным способом ведения боевых действий.
4. Этапы сложения гнёздовского комплекса боевых средств находят соответствие в процессе формирования общерусского комплекса вооружения.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы и отдельные сюжеты, нашедшие в ней своё отражение, обсуждались на заседаниях Смоленского семинара кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова (2000–2015 гг.), Проблемного совета «Военная археология» при Институте археологии РАН (2001–2016 гг.).

Ряд положений работы был представлен на XIII, XIV, XVI Международных конференциях по изучению Скандинавских стран и Финляндии (1998, 2001, 2008 гг.), международной конференции «Русские княжества, Литва и Орда в системе этнокультурных взаимоотношений» (2008 г.), международной конференции «Русь в IX–X вв.» (2012 г.), международных конференциях «Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья» (2012, 2018 гг.) и др.

Некоторые положения и выводы исследования изложены автором в 30 статьях (5 из них опубликованы в рецензируемых изданиях).

Структура работы. Диссертация состоит из двух томов. Том I включает введение, четыре главы, заключение, список сокращений, список литературы и список иллюстраций. В Томе II представлены таблицы (Приложение 1) и иллюстрации (Приложение 2).

Глава I. Некоторые вопросы изучения Гнёздовского археологического комплекса.

I.1. История полевого изучения Гнёздовского комплекса археологических памятников.

Гнёздовский комплекс археологических памятников – крупнейший сохранившийся на территории Древней Руси памятник эпохи образования государства. Основная его часть расположена на обоих берегах Днепра около деревень Гнёздово и Глущенки (Смоленский район, Смоленская область) в 13 км на запад от города Смоленска. В состав комплекса входят два городища – Центральное и Ольшанское² с прилегающими к ним селищами и восемь курганных групп – Лесная, Глущёнковская, Центральная, Днепровская, Ольшанская, Правобережная Ольшанская, Нивленская и Левобережная (рис. 1). Поселения и курганные группы растянулись вдоль правого берега Днепра на протяжении более чем 5 километров. На левом берегу Днепра напротив Центрального городища находится Левобережная курганная группа³. Общая площадь Центрального поселения составляет около 30 га, курганные группы в общей сложности насчитывали более 4 500 насыпей (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 269; Лявданский, 2002. С. 187; Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001. С. 14).

Несмотря на свои гигантские размеры и близость к такому крупному городу, каким был в Новое время Смоленск, Гнёздовский археологический комплекс относительно поздно привлек к себе внимание ученых (Таблица 2). Гнёздово стало известно после находки при строительстве Орловско-Витебской железной дороги двух денежно-вещевых кладов в 1867 и 1870 гг. Научное изучение памятника началось в 1874 году М.Ф. Кусцинским, который раскопал здесь 14 курганов. Наиболее значительные работы в XIX веке провел В.И. Сизов, исследовавший в Гнёздово несколько сот курганов. Помимо него на

² Вопрос о существовании в X веке Ольшанского городища до сих пор открыт (Авдусина, Зозуля, 2018. С. 27).

³ Учитывая значительное смещение русла Днепра в южном направлении, в результате чего уничтоженной оказалась значительная часть курганов Левобережной группы, очень вероятным кажется возможность существования поселения и на левом берегу Днепра.

памятнике в XIX – первой половине XX века работали А.С. Уваров, В.Д. Соколов, С.И. Сергеев, Н. Бируков, Г.К. Бугославский, И.С. Абрамов, В.А. Городцов, Е.Н. Клетнова, Н.В. Андреев, Н.П. Милонов, исследовавшие в основном курганы. В 1920-х годах в районе Гнёздовского комплекса провел обширные разведки А.Н. Лявданский, результатом чего стало составление первого подробного археологического описания комплекса⁴. Во время немецкой оккупации Смоленской области в 1941–1943 гг. несколько курганов были раскопаны под руководством археолога из Гёттингенского университета Клауса Раддатца (Klaus Raddatz), члена Аненербе⁵ (Мигай, 1999. С. 216–217).

С 1949 года по настоящее время в Гнёздове работает Смоленская археологическая экспедиция Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. К настоящему времени экспедицией исследовано более 730 курганов во всех курганных группах комплекса и более 5 300 кв.м. на территории Центрального поселения.

В 1962 году раскопки двух курганов Лесной курганной группы по просьбе Смоленского музея произвел Е.А. Шмидт (Шмидт, 2005в). В 1967–1968 гг. на территории Центрального селища экспедицией ЛОИА АН СССР было раскопано около 700 кв. м. (Вешнякова, Булкин, 2001).

В 1995 году раскопки гнёздовского поселения осуществила Смоленская археологическая экспедиция Государственного исторического музея, с 1999 года работающая на памятнике на постоянной основе. Основное внимание в исследованиях уделяется изучению пойменной части Центрального поселения, где в общей сложности раскопано около 1 100 кв.м. С 2010 года отдельные отряды этой экспедиции изучают курганы Днепровской, а с 2016 года Лесной курганных групп. В 2015 году были осуществлены спасательные раскопки

⁴ В том числе А.Н. Лявданским было подсчитано количество курганов в каждой курганной группе. Эти данные очень важны для понимания масштаба памятника, так как антропогенное воздействие, значительно усилившееся во второй половине XX века, сильно повлияло на сохранность комплекса.

⁵ Общее количество курганов, раскопанных в Гнёздове до 1949 года, можно определить примерно в 600 комплексов. Раскопанную площадь на поселении подсчитать невозможно.

двух курганов в Центральной группе. В общей сложности в трёх группах за период с 2010 по 2018 гг. раскопано 17 погребальных насыпей.

Таким образом, можно считать, что к настоящему времени в Гнёздове раскопано не менее 1 300 курганных насыпей и более 7 000 кв. м на территории Центрального поселения. Однако названная цифра раскопанных курганов не указывает на число исследованных погребений, поскольку во многих случаях, начиная с 40-х годов XX века, раскопанные «на снос» курганы имели очевидные следы предшествующих раскопок в виде заплывших траншей или «колодцев».

В ходе раскопок была собрана значительная коллекция индивидуальных находок, насчитывающая более 20 000 предметов.

I.2. История изучения предметов вооружения Гнёздовского археологического комплекса

Общая характеристика комплекса вооружения Гнёздова, несмотря на большое количество самих предметов и полноту представленных категорий, никогда не становилась предметом отдельного исследования, хотя уже первые, незначительные по масштабу, раскопки в гнёздовском некрополе в 1874 году сразу принесли находки уникальных предметов вооружения (Кусцинский, 1881).

В 1902 году вышла монография «Гнёздовский могильник близ Смоленска», написанная крупнейшим исследователем Гнёздова XIX века В.И. Сизовым (Сизов, 1902. С. 64–75, 89–90).

Работа содержит «обзор предметов оружия», найденных за 1874–1901 годы, дополненный описанием нескольких вещей из раскопок С.И. Сергеева в 1898–1900 годах. В.И. Сизов пишет, что «судя по раскопкам, оружие древних обитателей Гнёздова состояло главным образом из луков, стрел, дротиков, мечей, копий и редко топоров или секир. ... Что касается оборонительного оружия, то употребление щитов, несомненно, подтверждается многократными

нахождениями щитовых блях или умбонов. Шлем найден в единственном экземпляре». Далее исследователь дает в ряде случаев более развернутую характеристику перечисленным категориям оружия, много места уделяя описанию конструктивных особенностей, указаниям на возможные места производства того или иного оружия, найденного в Гнёздове.

Подробно описав шлем, В.И. Сизов указывает, что аналогии ему «можно встретить со шлемами Востока», оговариваясь, тем не менее, что за ним нельзя «не признать местного своеобразного характера», которое выражается в форме шлема, простой конструкции и главное – в орнаментике. Аналогии орнаменту В.И. Сизов видит на «резных подзорах крестьянских изб в Смоленском уезде», что, по его мнению, нельзя признать случайным совпадением «художественных приёмов примитивной орнаментики». Отмечая редкость находок деталей щитов в Гнёздове, В.И. Сизов приводит важные сведения при описании одного экземпляра, найденного в Большом кургане, описывая форму деревянного поля щита, его окраску и металлические детали. Ценным источником являются сведения, собранные о находках гнёздовских мечей, часть из которых являются уникальными. О самих мечах В.И. Сизов пишет – «в эпоху Гнёздовского могильника формы мечей были довольно однородны как для Востока, так и для Запада, и отделка их рукоятей исполнялись в лучших экземплярах восточными мастерами, хотя самые клинки могли быть привозимы и с Запада (в особенности с берегов Рейна)». Отделка части мечей могла производиться местными мастерами, «на что указывает более грубая техника этих мечей». Длинный однолезвийный нож («скрамасакс») признан В.И. Сизовым скандинавским или «северо-германским» оружием. Многочисленность и разнообразие типов гнёздовских наконечников стрел, по мнению В.И. Сизова, указывает на то, что лук и стрелы были исконным оружием местных жителей, а «прекрасная техника железных вещей, найденных в гнёздовских курганах», позволяет думать, что «наконечники стрел изготавливались по большей части самими жителями этой

местности». Из четырёх⁶ учтённых наконечников копий, один, найденный М.Ф. Кусциным, В.И. Сизов относит к «типу иноземных копий» и видит аналогии среди наконечников из Швеции и Дании. Насколько можно понять из текста, В.И. Сизов указывает на находку в Гнёздове всего пяти топоров – три из них относятся к типам с опущенным вниз лезвием, один представляет собой топор-чекан, тип еще одного по описанию восстановить сложно (Там же, с. 75).

Часть предположений, сделанных В.И. Сизовым, можно считать верными, часть не нашла подтверждений в ходе дальнейшего изучения оружия⁷. В целом этот труд красноречиво отражал уровень развития изучения оружия того времени и представления самих исследователей на проблему сложения древнерусского материальной культуры в целом и комплекса вооружения в частности. В.И. Сизов представляет комплекс «предметов оружия» Гнёздова как сочетание привозных (североевропейских и восточных) образцов, так и местных, производящихся непосредственно на территории памятника. Развернутая аргументация этих положений в книге отсутствует, автор в большинстве случаев ссылается на известные ему аналогии, в том числе, орнаментальные. Отсутствует в работе В.И. Сизова и характеристика изменений в составе комплекса вооружения на протяжении времени существования памятника – «с IX века до конца X столетия, или начала следующего» как определял его сам исследователь (Сизов, 1902. С. 35).

Несомненная ценность труда В.И. Сизова состоит и в том, что в нём приведены сведения о находках в Гнёздове предметов вооружения, которые не сохранились в коллекциях и не отмечены в других источниках.

⁶ В другом месте своей монографии В.И. Сизов указывает, что в Гнёздове найдено всего два наконечника копий (Сизов, 1902. С. 69). Возможно среди упомянутых четырёх наконечников присутствуют экземпляры, полученные в ходе работ С.И. Сизова в 1898–1900 гг, а разночтения в количестве найденных наконечников объясняется разновременным написанием отдельных частей работы.

⁷ Например, В.И. Сизов считал, что техника инкрустации, при помощи которой железная поверхность деталей мечей «эпохи викингов» покрывалась цветным металлом, «по своему происхождению» представляет «характерное восточное мастерство» (Сизов, 1902. С. 71). Но инкрустация для украшения деталей мечей использовалась для декорирования европейского оружия в значительно более раннее время. Ошибочно к деталям щита В.И. Сизовым были причислены «стрелообразные железные длинные скобки», на самом деле являющиеся деталями колчанов (Сизов, 1902. С. 69, 74. Рис. 18, Табл. IX, 28).

В монографию В.И. Сизова был включен краткий очерк, посвященный предметам вооружения, найденным в ходе раскопок С.И. Сергеева в 1901 году, в основном в кургане № 18. Автором этого очерка был известный русский оружейвед Э.Э. Ленц (Там же, с. 97–100). Сам исследователь отмечал, что надеется «со временем составить более подробное описание этих предметов в связи с остальным оружием, добытым из Гнёздовского могильника» (Там же, с. 98). К огромному сожалению, этот труд по неизвестным причинам так и не был написан.

В очерк Э.Э. Ленца вошли шлем, два меча, боевой нож, наконечник копья и наконечник ножен меча. Описание предметов вооружения отличается пристальным вниманием непосредственно к вещи, к её морфологии, конструктивным и размерным характеристикам. Часть информации, приведенной в очерке, уникальна, так как предметы до наших дней дошли в сильно фрагментированном виде. В заключение Э.Э. Ленц замечает, что «преждевременно высказывать окончательное суждение о немногих предметах вооружения, найденных ... в 1901 году» и ограничился замечанием, что «тождественные с рассмотренными образцы шлемов, мечей и копий встречаются преимущественно в северных и северо-восточных странах Европы и относятся к X–XII вв.». При этом исследователь считал, что окончательное суждение возможно только при сравнении «их с другими экземплярами оружия, добытого уже ранее» (Там же, с. 100).

Обзор предметов вооружения В.И. Сизова – единственная опубликованная работа, где присутствует попытка дать общую оценку гнёздовского комплекса вооружения.

Следующее обращение к гнёздовскому комплексу вооружения было предпринято в защищенной в 1948 году кандидатской диссертации Д.А. Авдусина, посвященной дружинным курганам кривичей (Авдусин, 1948). Используя опубликованные материалы и находки, хранящиеся в Историческом музее, ученый рассмотрел несколько категорий предметов, обнаруженных в

так называемых дружинных курганах Гнёздовского и Михайловского некрополей. Наиболее подробно изучены наконечники стрел, для которых была предложена оригинальная типология, предполагающая разделение по морфологическим признакам на группы, отделы и типы. Для всех выделенных типов дается описание формы и указаны аналогии. Особо отмечена «изумительная выделка» и «тщательность отделки» наконечников стрел, найденных в двух могильниках, что, по мнению автора, говорит «об их местном происхождении». К сожалению, аргументация, позволяющая сделать такое заключение, не приведена.

При описании мечей Д.А. Авдусин делает акцент на повторении тезиса, высказанного Д.Н. Анучиным и А.В. Арциховским о нескандинавском характере мечей IX–XI веков, найденных в Восточной Европе и их общеевропейском распространении. Опираясь на работы Б.А. Рыбакова, Д.А. Авдусин указывает на возможность изготовления клинков и деталей рукоятей мечей «на территории расселения славян». Д.А. Авдусин дает краткое описание шести из десяти известных ему гнёздовских мечей и определяет их тип согласно типологии Я. Петерсена. Обзор клинкового оружия завершает «скрамасакс»⁸ и наконечники ножен мечей. В отношении первого Д.А. Авдусин уверенно, опираясь на морфологию «клинки», говорит о его боевом предназначении, а не использовании «для каких-то культовых целей, как считал Сизов». Для наконечников ножен Д.А. Авдусин указал аналогии и особо отметил, что изображение птицы на одном из них может иметь не «западное», а «восточное» происхождение, при этом ссылаясь на изображение орла на иранском блюде. Касаясь наконечников копий, которых было учтено семь экземпляров, исследователь приходит к выводу, что все они, за исключением одного, не являются привозными. Наконечник копья из раскопок М.Ф. Кусцинского – изделие не скандинавское, а «пришло с Востока», на что

⁸ Речь идёт о предмете, найденном при раскопках С.И. Сергеева кургана 74 (Ц-74/Серг-1901). Судя по отсутствию заточенных лезвий и тонкой металлической рукояти, не обеспечивающей надежное удержание в бою, данный предмет не имеет отношения к оружию.

указывает «волнистый узор, присущий дамасской стали». Описывая восемь известных в Гнёздове топоров, Д.А. Авдусин для части из них приводит аналогии, часть определяет как уникальные.

В этой работе обстоятельно разобрано оборонительное вооружение, представленное кольчугами, шлемами и щитами. Автор отметил плохую сохранность найденных кольчуг – ни одна из которых не дошла в целом виде. Важно то, что автор указал размеры кольчужных колец и обратил внимание на способы их изготовления. На основании определения Б.А. Рыбаковым погребения в кургане 50, раскопанном С.И. Сергеевым в 1899 году, как погребения мастера-кольчужника⁹, Д.А. Авдусин посчитал возможным говорить о местном изготовлении гнёздовских кольчуг.

Касаясь шлема из Большого кургана, раскопанного В.И. Сизовым, Д.А. Авдусин пишет о его русском происхождении, «которое предполагал ещё В.И. Сизов и доказал Б.А. Рыбаков». Второму шлему, из раскопок С.И. Сергеева, Д.А. Авдусин отказывает в «норманнском характере» и, ссылаясь на Л. Нидереле, приводит несколько аналогий этому боевому наголовью¹⁰. Рассматривая находки щитов, Д.А. Авдусин ставит под сомнение высказанное В.И. Сизовым предположение о принадлежности железных полос специфической формы для крепления умбонов. Д.А. Авдусин также отмечает, что тип полусферических умбонов, «неоднократно» найденных в Гнёздове, часто встречается в Западной Европе и Скандинавии.

В целом при достаточно пристальном внимании к морфологическим особенностям гнёздовского оружия, в работе Д.А. Авдусина за редким исключением отсутствуют объективные попытки поиска (и принятия) аналогий ряду предметов, найденных в том числе в Гнёздове, среди зарубежного материала. Даже несмотря на указание на существующие

⁹ Основанием для этого послужили находки в погребении двух зубил, шила с железной рукоятью и главное – «связки кованых железных колечек, продетых одно в другое, но не закреплённых и свободно вынимающихся», по размерам близких к кольцам кольчуг (Рыбаков, 1948. С. 230). На самом деле «связка колечек» – фрагмент цепочки (ГИМ, Оп. В. 1537/401).

¹⁰ Указанный в качестве аналогии гнёздовскому шлем из тайника в Десятинной церкви Киева, таковым не является. Отличается форма и конструктивное решение.

аналогии в работе В.И. Сизова. В диссертации Д.А. Авдусина заметно отчётливое желание автора показать и доказать местное происхождение подавляющего большинства оружия. Крайне неохотно говорил Д.А. Авдусин о скандинавском влиянии, предпочитая видеть скорее влияние «восточное» влияние, что в целом отражает настроения борьбы с «норманнским колониализмом», долгое время господствовавшие в советской исторической науке (Мусин, 2017).

Несколько страниц в монографии В.И. Сизова, включенный в неё очерк Э.Э. Ленца и довольно подробное описание оружия в неопубликованной диссертации Д.А. Авдусина представляют собой немногочисленные попытки комплексно рассмотреть гнёздовское оружие. Впоследствии внимание исследователей привлекали лишь отдельные предметы вооружения и их категории.

Так большинство предметов вооружения (мечи, боевые ножи, топоры, копья, шлемы, кольчуги, щиты), найденные в Гнёздове до начала 70-х годов XX века, вошли в каталоги фундаментальных трудов А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1966а; 1966б; 1971). Они включали в себя краткую информацию об обстоятельствах и авторстве находки, типологическое определение¹¹, размерные характеристики, информацию о месте хранения. А.Н. Кирпичникову принадлежит заслуга обнаружения клейм на древнерусских мечах и в частности на мечах из Гнёздова, на которых было расчищено девять клейм (Кирпичников, 1966в. Рис. 1, 1-2, 2, 3, 5, 3, 2, 7, 9; Кирпичников, Каинов, 2001. Рис. 4). Большинство гнёздовских мечей несут именные клейма – ULFBERHT (3 экз.), INGELRII (1 экз.) и впервые выявленное – ULEN. Одно клеймо – подражание именованному. На остальных расчищенных клинках были выявлены изображения различных знаков, в одном случае – фигуры человека.

¹¹ С рядом типологических определений, по нашему мнению, согласиться нельзя.

Наконечники стрел и детали колчанов, найденные в ходе дореволюционных раскопок и первых лет раскопок в Гнёздове Д.А. Авдусина, были учтены в работе А.Ф. Медведева, посвященной метательному вооружению и снаряжению Восточной Европы (Медведев, 1966). Большая часть известных гнёздовских наконечников ножен мечей вошло в собранный Н.В. Ениосовой каталог ажурных бутеролей с территории Восточной Европы, на основе которого была предложена типология этой категории находок (Ениосова, 1996). Автор рассматривает наконечники ножен мечей как несомненное заимствование из скандинавской культуры, но не отрицает и возможность их местного изготовления.

Отдельные гнёздовские предметы вооружения были рассмотрены в статьях или включены в специальные работы, посвященные тем или иным категориям оружия (Горелик, 1993а; Кирпичников, 1971; Каинов, Михайлов, 2011; Пушкина, 1980; Arendt, 1935; Lenz, 1924). Более подробно о высказанных в этих работах положениях стоит остановиться при рассмотрении конкретных предметов и категорий.

В нескольких работах затрагивались вопросы технологии производства гнёздовских предметов вооружения (Колчин, 1953; Пушкина, Розанова, 1992; Розанова, Пушкина, 2001). Выводы, сделанные авторами различны. Б.А. Колчин настаивал на возможности местного производства древнерусского оружия, в том числе найденного при раскопках Гнёздова. Доказательством чего, по его мнению, являлась почти полная идентичность технологических операций, применявшихся при изготовлении косы и меча, т.е. «ремесленник, владевший необходимым комплексом технологических знаний и навыков для производства косы..., мог совершенно свободно с этими же знаниями, опытом и инструментами,.. изготовить и клинок меча» (Колчин, 1953. С. 136). Изучив с применением спектрального анализа несколько предметов вооружения из Гнёздова (мечи, наконечники копья и стрел, топор), и обнаружив в составе их

металла примеси никеля, Б.А. Колчин также посчитал это дополнительным аргументом в пользу их местного, древнерусского производства¹².

Т.А. Пушкина и Л.С. Розанова, исследовав ряд категорий железных вещей Гнёздовского комплекса, пришли к выводу о возможности выделения двух основных традиций в обработке чёрного металла в Гнёздове – славянской и скандинавской (Розанова, Пушкина, 2001. С. 79). Для славянской производственной традиции характерны цельножелезные и цельностальные предметы, технология наварки и использование приема цементации. В славянской производственной традиции изготовлены топоры, наконечники копий и стрел, меч, шлем и умбон щита¹³. Скандинавская производственная традиция представлена сваркой из трех и пяти полос, а также вваркой стального полотна в железную основу (Там же, с. 79). С использованием технологических операций этой традиции изготовлены меч, боевой нож, топор, наконечники копий и стрел. Авторы предполагают, что часть вещей, изготовленных в скандинавской традиции, попали в Гнёздово вместе со своими владельцами-скандинавами или в результате торговли. Но какая-то часть была изготовлена в гнёздовских мастерских¹⁴, в том числе использовавших привозной металл (Там же, с. 81). В целом авторы делают вывод, что неоднородность технологических традиций железообрабатывающего и кузнечного ремесла отражает этническую неоднородность постоянного населения Гнёздова (Там же, с. 82).

Если история изучения гнёздовского оружия насчитывает некоторое количество работ, то вопросы сложения и динамики развития древнерусского

¹² А.Н. Кирпичников указывает, что впоследствии в устном заявлении Б.А. Колчин отказался «от способа определения района производства по наличию в железном изделии одного лишь никеля» (Кирпичников, 1966а. С. 44) По-видимому, в значительной мере на это повлияло и обнаружение А.Н. Кирпичниковым на клинках мечей, содержащих никель, клейм, выполненных латинскими буквами.

¹³ Вряд ли можно относить шлем и умбон к продукции местных, восточнославянских кузнецов. Как будет показано в соответствующем разделе, шлем, скорее всего, западнославянского или в целом западноевропейского производства. При изготовлении умбона щита не требуется применения таких технологий как многослойное пакетирование, вварка или дамаскирование. Сама функциональная нагрузка умбона – основного защитного элемента щита – требует как раз однородности металла, которая достигалась изготовлением умбона из цельножелезной заготовки.

¹⁴ Несколько мастерских, связанных с обработкой чёрного металла, зафиксированы на территории центрального поселения (Пушкина, Мурашева, Енисова, 2012. С. 252–254).

комплекса вооружения оставались вне зоны интересов большинства исследователей. Очевидно, что это было связано с пониманием необходимости проведения значительного объема предварительной работы по сбору и обработке громадного количества накопленного материала, происходящего со всей территории Древней Руси.

Такая работа была проведена А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1966а; 1966б; 1971). В работе 1971 года исследователь, обобщив огромный массив находок древнерусского оружия X–XIII веков, сформулировал основные тенденции в развитии русской воинской культуры этого периода (Кирпичников, 1971. С. 41-79).

Источниковой базой для анализа комплекса вооружения раннегосударственного периода (IX – начало XI века) послужили материалы 547 погребений с оружием. А.Н. Кирпичников проанализировал встречаемость разных видов вооружения в погребениях, а также региональные особенности в распределении видов вооружения. Исследователь пришёл к выводу о высокой степени «военизации общества, при которой каждый 5–10 носил оружие», а также хорошую техническую оснащенность войска, выражавшуюся во владении одним из трёх воинов двумя (или более) видами оружия (Там же, с. 46). Отмечается различие в вооружении северных и южных территорий Древней Руси, которое отразилось в большей популярности топоров на севере, а на юге – копья и лука. В итоге А.Н. Кирпичников констатировал, что выявленный в погребениях IX – начала XI века арсенал древнерусских боевых средств отличается разнообразием и приспособленностью к ведению борьбы на севере и юге.

В своей работе А.Н. Кирпичников уделил внимание и процессу сложения древнерусского комплекса вооружения. При этом автор использовал не только данные археологии, но и сведения письменных источников. Для славян догосударственного периода, по мнению А.Н. Кирпичникова, были характерны пешие военные отряды. Немногочисленные конные дружины

появляются уже в «начальную эпоху русской государственности», а как самостоятельная боевая сила древнерусская конница выдвигается в середине – второй половине X века, о чем особенно красноречиво свидетельствуют письменные источники (Там же, с. 56). В качестве причин, вызвавший активное развитие конницы Древней Руси, А.Н. Кирпичников называет «нарастающий процесс феодализации общества и войска» и необходимость «тактического противоборства» с кочевниками юго-востока (Там же, с. 56). В археологическом отношении появление древнерусской конницы выражается, по мнению Н.Н. Кирпичникова, в распространении сабель, мечей с изогнутым перекрестием, копий-пик и миндалевидных щитов.

Некоторые положения, изложенные в монографии 1971 года, были развиты и конкретизированы А.Н. Кирпичниковым в совместной с А.Ф. Медведевым работе 1985 года, посвященной вооружению Древней Руси (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 298–363). Наиболее важный сформулированный в этой работе вывод – большинство видов вооружения IX–X веков не имеют местных корней и являются или заимствованием или собственным изобретением. Авторы подчеркивали, что оружейная культура Древней Руси «питалась достижениями других народов, но не была только восточной, только западной или только местной. Наряду с заимствованием чужого опыта создавались и использовались собственные виды оружия и снаряжения» (Там же, с. 299, 321). Важным было отсутствующее в работе 1971 года признание роли варягов в распространении на территории Древней Руси некоторых видов европейского вооружения – мечей, боевых ножей, некоторых типов наконечников копий, стрел, некоторых типов топоров, полусферических шлемов, так называемых ледоходных шипов (Там же, с. 321). Проводя боевые действия с кочевниками, русские воины для эффективного противостояния вынуждены были заимствовать кочевнические приемы борьбы и связанный с этим комплекс вооружения – сабли, полусферические шлемы, копья-пики, сложносоставные луки, топоры-чеканы и др. (Там же).

Работы А.Н. Кирпичникова (в одном случае в соавторстве с А.Ф. Медведевым) – единственные, где на археологическом материале предприняты попытки сформулировать представления о комплексе вооружения Древней Руси в раннегосударственный период.

В отдельной работе был рассмотрен процесс сложения комплекса вооружения населения западных земель Руси (Плавинский, 2014б). Исследователь отметил крайне незначительное количество предметов вооружения на этой территории в догосударственный период, и резкое его увеличение в X веке (особенно его второй половине), когда здесь появляются носители «дружинной субкультуры». Как региональную особенность западных земель Руси Н.А. Плавинский отмечает «ограниченное число предметов вооружения североευропейских типов» при широком распространении образцов оружия ближнего боя, характерного для населения Юго-Восточной Прибалтики (Плавинский, 2014б. С. 70–72).

В зарубежной литературе оружие Гнёздова комплексно не рассматривалось. Отдельные предметы вооружения (главным образом, мечи и наконечники ножен мечей) кратко упоминались в контексте североευропейского присутствия на древнерусской территории (Тунмарк-Нюлен, 2001; Arne, 1914. P. 31, 45–61).

В заключение обзора историографии можно констатировать, что, несмотря на то, что уже первые раскопки Гнёздова принесли находки предметов вооружения, а к началу XXI века была сформирована крупнейшая коллекция оружия раннегосударственного периода, история научного изучения предметов вооружения этого памятника носит отрывочный характер, не дающий представления о количественных характеристиках коллекции, особенностях формирования комплекса вооружения, его хронологической изменчивости. Не раскрытым остаётся и вопрос о существовании общих (или различных) тенденций в формировании гнёздовского и общерусского комплексов вооружения.

Глава II Комплекс боевых средств Гнёздова.

Комплекс боевых средств Гнёздова представлен наступательным и оборонительным вооружением, а также снаряжением всадника¹⁵. Всего в работе учтено не менее 750 целых и фрагментированных предметов наступательного и защитного вооружения и сопровождающего снаряжения (Таблица 1).

Во избежание путаницы в номенклатуре курганных комплексов, раскопанных в гнёздовском могильнике в разных курганных группах разными исследователями до 1949 года, в данной работе использована единая форма обозначения исследованных курганов – *«курганная группа – номер кургана/исследователь – год исследований»* (например, Ц-15/Кусц-1874 – курган № 15 Центральной курганной группы, раскопанный М.Ф. Кусцинским в 1874 году). При отсутствии информации об одном (или нескольких) из полей ставится знак вопроса (например, ?-1/Ув-1883 – курган № 1 неизвестной курганной группы, раскопанный А.С. Уваровым в 1883 году). Курганы, исследованные начиная с 1949 года, которые имеют сквозную нумерацию, обозначаются без указания фамилии исследователя – Л-1/1949 – курган № 1 Лесной курганной группы, раскопанный в 1949 году. Для находок, не связанных с археологическими работами и предположительно относящихся к одному погребальному комплексу, вводится следующее обозначение – *«комплекс дата/курганная группа»* (например, «комплекс 14 июля 1899 года/Ц» – комплекс вещей, найденный 14 июля 1899 года на территории Центральной курганной группы).

Так как большинство исследователей гнёздовских курганов не вводили сквозную нумерацию исследованных курганов, а, как правило, для каждого года она была своя, предлагается воспользоваться работами, где информация о раскопанных курганах обобщена и для курганов введена общая нумерация. Для насыпей, изученных С.И. Сергеевым и И.С. Абрамовым, подобная работа была

¹⁵ Снаряжение всадника в нашей работе не является объектом отдельного изучения и упоминается в контексте с находками предметов вооружения.

проведена А.А. Спицыным (Спицын, 1905; 1906) Информация о курганах, исследованных В.И. Сизовым, обобщена С.С. Ширинским¹⁶ (Ширинский, 1999. С. 87–146). Для курганов, раскопанных Г.К. Бугославским, Е.В. Клетновой используется нумерация курганов, приведенная в авторских статьях, публикующих результаты раскопок (Бугославский, 1909; Клетнова, 1916; 1923).

С 1949 года, после начала работ Смоленской археологической экспедиции МГУ, все раскопанные курганы имеют сквозную нумерацию по курганным группам. Этот порядок сохраняется и для насыпей, изученных экспедицией Государственного исторического музея. Курганы, раскопанные в Лесной и Глущёнковской курганных группах, обозначались литерой «Л»¹⁷. На современном этапе изучения Гнёздова принято различать эти две курганные группы. Поэтому, сохраняя сквозную нумерацию курганов, раскопанных Д.А. Авдусиным и Т.А. Пушкиной в этих двух курганных группах, комплексы, изученные в Глущёнковской курганной группе предлагается обозначать следующим образом – *Л(Гл)-150/-1987* (курган № 150 Глущёнковской курганной группы, раскопанный в 1987 году).

В 1970 году Д.А. Авдусин начал исследование курганов Днепровской группы и первые раскопанные здесь курганы пронумеровал в соответствии со сквозной нумерацией Центральной группы (курганы обозначены в отчете как «курган 102» и «курган 103» (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4337. С. 58–61). В дальнейшем (с 1984 года) курганы Днепровской группы получили свою маркировку («Дн») и нумерацию, начиная с № 1. Одно из погребений Днепровской группы, раскопанное в 1970 году и упомянутое в нашей работе, промаркировано как *Дн-«102»/1970*. Три кургана, изученные Е.А. Шмидтом в Лесной курганной группе в 1959 и 1962 годах, обозначены в соответствии с

¹⁶ Стоит отметить, что, если у С.С. Ширинского в рамках одного года курганы пронумерованы по отдельным курганным группам, то в работе А.А. Спицына все курганы, раскопанные С.И. Сергеевым за четыре года в разных курганных группах, имеют общую сквозную нумерацию.

¹⁷ Довольно длительный период курганы, раскопанные в Лесной и Глущёнковской курганных группах, вообще не имели буквенного обозначения, а обозначались только цифрами (например, курган № 1), в отличие от одновременно копавшихся курганов в Центральной и Ольшанской группах, которые перед номером имели литерное обозначение курганной группы – «Ц» и «Оль» (Авдусин, 1957).

нумерацией, введенной в Смоленской археологической экспедиции МГУ (Авдусин, 1970. С. 286; Шмидт, 2005в). Нумерация курганов, исследованных сотрудником Государственного исторического музея С.С. Зозулей в Днепровской курганной группе в 2010–12 годах, также продолжает нумерацию Смоленской экспедиции МГУ.

Основные работы по изучению гнёздовских поселений ведутся Смоленской экспедицией МГУ и экспедицией Государственного исторического музея. В ходе этих работ была выработана собственная (иногда изменяющаяся во времени) система обозначения раскопов на различных объектах и частях поселения (Таблица 3). В данной работе раскопы экспедиций МГУ и ГИМ обозначаются с указанием объекта и года исследований.

Другие экспедиции и исследователи, изучавшие поселение, не вводили специальных обозначений для раскопов. В случае необходимости в настоящей работе эти раскопы будут обозначаться с использованием номенклатуры Смоленской экспедиции МГУ следующим образом – *объект/исследователь-год*. Например, *ЦГ-вал/Серг-1900* (раскопки С.И. Сергеева в 1900 году вала Центрального городища).

II.1. Наступательное оружие.

К наступательному оружию относятся виды оружия, основным предназначением которых является поражение противника. Наряду с основной функцией, наступательное оружие могло служить социально-репрезентативным и ритуальным целям.

В отечественной специальной литературе не выработано единого подхода к общей систематизации наступательного оружия. В большинстве исследований, в которых представлены значительные по количеству и видовому разнообразию коллекции предметов, задача систематизации специально не ставилась.

Наиболее распространено деление на *клинковое* – мечи, сабли, боевые ножи, *древковое* – копья, топоры и *метательное оружие* – лук, арбалет. Стоит отметить, что при таком подходе в одноуровневой систематизации учитываются совсем разные признаки – конструктивные и дистанция поражающего воздействия.

М.В. Горелик в работе, посвященной наступательному и защитному вооружению Древнего Востока, привел несколько вариантов построения одноуровневой систематизации наступательного оружия (Горелик, 2003. С. 9). По сочетанию двух признаков – конструкции и материала – выделено *древковое* и *монолитное* оружие, а также *метательные конструкции и приспособления*. К древковому отнесено оружие с поражающей частью, насаженной на древко. К монолитным – те виды оружия, у которых «рукоять составляет, как правило, единое целое с поражающей частью, а по длине не более поражающей части». По характеру поражающего действия и наносимой травмы (боевой функции) наступательное оружие разделено автором на *колющее, режущее, ударно-дробящее* и т.д. Была отмечена определенная сложность систематизации по этому признаку, так как существуют виды оружия, сочетающие в себе несколько характеристик поражающего воздействия (Там же, с. 9)¹⁸. Исходя из дистанции поражающего воздействия, наступательное оружие, по мнению М.В. Горелика, может подразделяться на *оружие дальней дистанции боя* (20–100 м), *оружие средней дистанции боя* (5–20 м), *оружие ближней дистанции боя* (1,5–3 м) и *оружие рукопашного боя* (Там же, с. 9).

В монографии Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова, посвященной вооружению и тактике кочевников Центральной Азии и Южной Сибири XV – первой половины XVIII века, выделено *дистанционное оружие* и *оружие ближнего боя*, которое в свою очередь подразделяется на *клинковое, длиннодревковое* и

¹⁸ Отметим также, что определение характера поражающего воздействия, основанное исключительно на визуально оцениваемых морфологических характеристиках оружия, в ряде случаев представляется не совсем обоснованным. Диагностика поражающих характеристик того или иного вида оружия возможна в результате проведения ряда натуральных экспериментов, предполагающих изготовление копий предметов и реконструкции способов владения оружием.

ударное/ударно-рубящее. Последняя категория включает булавы, кистени и т.п. (ударное) и топоры (ударно-рубящее) (Бобров, Худяков, 2008).

В польской оружиеведческой литературе принято разделение наступательного оружия на оружие *ближнего боя* (клинковое, древковое, «абуховое») и *оружие дальней дистанции боя* (напр. Marek, 2008). Подобное деление используется и белорусскими исследователями оружия (Бохан, 2002; Плавинский, 2013). Термин «абуховая зброя» (*бел.*) не имеет эквивалента в русском языке и включает в себя топоры, чеканы, клевцы, булавы, кистени и т.п. При всем многообразии эти виды оружия объединяет функция – поражение противника за счет своей массы. При этом поражающая кинетическая энергия увеличивается за счет рукояти. Непосредственно поражающий эффект может быть как рубящим (топоры), так и ударно-дробящим (булавы, кистени и т.п.) (Бохан, 2002. С. 143). С нашей точки зрения, польско-белорусская систематизация оружия ближнего боя в некоторых своих частях не представляет чёткой иерархической схемы, при которой каждый уровень систематизации определяется по одному признаку. Так в основе выделения клинкового и древкового оружия лежит конструктивный признак, а третья категория («абуховая зброя») выделяется на основе функционального применения (что для колющего оружия в схеме Ю.М. Бохана является следующим уровнем систематизации).

Гнёздовский материал систематизирован с учётом специфики набора оружия изучаемого памятника и изучаемого периода. Первый уровень систематизации заключается в разделении всего материала на основе учёта дистанции применения на две большие группы – на оружие *ближней и средней дистанций боя*¹⁹ и *оружие дальней дистанции боя*. Затем на втором уровне оружие ближней и средней дистанции боя по конструкции подразделено на

¹⁹ Выделение отдельно оружия ближней дистанции боя и оружия средней дистанции боя кажется нам нецелесообразным, так как не всегда возможно чётко разделить виды оружия по дистанции их применения. Из письменных источников известно, что одно и то же копье можно использовать как на ближней, так и на средней дистанции, изобразительные и письменные источники дают примеры использования оружия ближней дистанции боя – булавы в качестве метательного оружия (т.е. на средней дистанции боя) и т.д.

клинковое и *древковое* оружие, и в дальнейшем материал рассматривается в рамках конкретных видов оружия. Оружие дальней дистанции боя по конструктивным особенностям (в данном случае по конструктивной сложности) разделено на простые (луки) и сложные (арбалеты) конструкции. Строго говоря, оружие дальней дистанции боя ограничено на изучаемом памятнике одним видом – луком. Но, исходя из находки в Гнёздове двух наконечников арбалетных болтов, логично выглядит утверждение о применении в Гнёздово в определенный исторический период и арбалетов.

II.1.1. Оружие ближней и средней дистанции боя.

К оружию ближней и средней дистанции боя относятся предметы наступательного вооружения, чье использование в бою обеспечивается только мускульной силой человека без помощи механизмов. Из таковых в гнёздовской коллекции представлены мечи, боевые ножи, сабли, копья, топоры и кистени. В зависимости от конструктивных особенностей оружие ближней и средней дистанции боя подразделяется на *клинковое* и *древковое*.

Клинковое оружие.

Клинковое оружие определяется наличием двух или одного лезвия у клинка, являющегося основной функциональной частью предмета. *Клинковое* оружие представлено в Гнёздове мечами, боевыми ножами и саблями.

– *Мечи*. Меч в изучаемую эпоху для большей части европейской территории – вид наступательного оружия с прямым двулезвийным клинком длиной свыше 70 см. Основное предназначение меча – нанесение рубящих и в меньшей степени колющих ударов.

Меч состоит из двух основных частей – *клинка* и деталей *рукояти* (рис. 2). Рукоять состоит из *перекрестия* и *навершия*, а также из деталей, формирующих *хват рукояти* – деревянные (костяные/роговые) накладки, обмотка (кожаная, тканная или из металлической проволоки), скрепляющие

кольца и др. В ряде случаев в качестве хвата рукояти выступает металлическая трубка. Навершие может быть односоставным или двухсоставным. У двухсоставных наверший верхняя часть обозначается как *головка навершия*, нижняя – *основание навершия*. Детали рукояти монтируются на *черене клинка*, который является продолжением *лезвийной части клинка*. Центральную часть лезвийной части клинка занимает *дол*, по обеим сторонам которого находятся *лезвия*. Противоположный черену конец клинка оканчивается *острием*, которое в исследуемую эпоху, как правило, имело закругленное окончание. В верхней трети клинка располагалось клеймо, в VIII – первой половине XI века изготавливавшееся из отрезков простой или дамаскированной железной проволоки.

Навершие рукояти крепилось на черене клинка несколькими способами. У односоставных наверший черен проходит насквозь и расклепывается сверху. У двухсоставных наверший помимо вышеописанного способа крепления, наиболее распространён вариант, когда черен клинка проходил только через основание навершия. Головка навершия крепилась к основанию двумя способами – при помощи впаянных (возможны и другие способы) изнутри в головку двух железных штырей или впаянной U-образной скобы. Концы штырей или скобы проходили через отверстия в основании навершия и расклепывались. В большинстве случаев под расклёп подкладывались шайбы (железные или из медного сплава).

А. Гайбиг выделил три способа крепления навершия меча на черене клинка – конструктивные типы (*Konstruktionstyp*) I–III: I – черен клинка проходит сквозь обе части двухсоставного навершия, II – черен клинка проходит только через основание навершия, которое скрепляется с головкой или при помощи скобы (IIa) или – штырей (IIb), III – черен клинка проходит сквозь односоставное навершие (Geibig, 1991. P. 91. Abb. 24) (рис. 3).

Предложенная Я. Петерсеном в 1919 году хронология мечей «эпохи викингов», разработанная на основе анализа норвежского материала, до сих пор

является основной для датировок мечей, происходящих со всей европейской территории (Petersen, 1919; Петерсен, 2005). При этом зачастую именно датировки мечей являются определяющими для хронологической локализации археологических комплексов, а затем эти комплексы становятся основой для датировки и реконструкции различных исторических процессов, имевших место на той или иной территории. Но практически без внимания оставались вопросы корректности самих датировок Я. Петерсена и правомочность переноса этих датировок на территории, куда мечи импортировались или реимпортировались.

Проблема «хронологического разрыва» между норвежскими и «местными» датировками была обозначена в работе 1966 года А.Н. Кирпичниковым, который указал, что ряд типов мечей, встреченных на территории Древней Руси, имеет более длительное бытование, нежели на территории Норвегии. Например, мечи типа Н, Я. Петерсеном датированные 800–950 годами, на древнерусской территории по данным А.Н. Кирпичникова относятся к X – второй половине XI века (Кирпичников, 1966а. С. 27). Исследователь предположил, что «запаздывание в развитии некоторых мечей из русских находок (типы D, E, H) на 50–100 лет относительно норвежских объясняется, как кажется, не длительным бытованием того или иного меча, позднее попавшего с севера или запада Европы на Русь, а источниковедческими и исследовательскими превратностями нового времени (лучшая или худшая сохранность и разная частота находок археологического материала территориально, вероятное несовершенство некоторых старых хронологических наблюдений, возросшее количество аналогий и т.п.)» (Кирпичников, 1966а. С. 42). В работе шведского исследователя Х. Симонссона (H. Simonsson), была разобрана источниковедческая база хронологии мечей Я. Петерсена (Simonsson, 1969). В результате оказалось, что Я. Петерсен при составлении своей хронологии использовал только двадцать профессионально

раскопанных комплексов, остальные мечи являются случайными или плохо документированными находками (Андрощук, 2013. С. 137, 138).

Ф.А. Андрощук, указав, вслед за Х. Симонссоном, на малообоснованную источниковедческую базу хронологии Я. Петерсена, подчеркнул, что она «может быть использована только как очень приблизительная схема относительной датировки мечей. Хронологическая схема Петерсена не предоставляет надёжных датировок, а обозначает только основные тенденции преемственности типов» (Там же, с. 161). На основе анализа материалов, главным образом шведских могильников Бирка и Вальсърде, а также привлекая данные изобразительных источников, исследователь предложил свой взгляд на относительную и абсолютную хронологии мечей «эпохи викингов» (рис. 4).

Период	Ранний период эпохи викингов (750–900 гг.)	Средний период эпохи викингов (900–970-е гг.)	Поздний период эпохи викингов (970–1000-е гг.)
Тип меча	A, B, St1, St2, C, D1 K, L, N/I	D2, H/I, M, N, O, P, Q, V, W, X, Y	N, X, Y, P/Q, R/S, T, Z

Разделяя мнение Ф.А. Андрощука о возможностях хронологии Я. Петерсена, тем не менее, отметим, что предложенная исследователем хронология требует более развёрнутого обоснования. Также актуальным является вопрос о территориальных особенностях бытования тех или иных типов мечей – т.е. возможно ли создание единой европейской хронологии или необходимо говорить о региональных вариантах хронологии.

Не менее остро, чем проблема хронологии мечей, стоит вопрос о типологических определениях тех или иных экземпляров. Изданная в 1919 году типология норвежского исследователя Я. Петерсена хоть и является до сих пор по выражению А. Стальсберг «lingua franca» для изучающих европейские мечи VIII–XI веков, тем не менее очевидно, что эта типология не учитывала и не могла вместить всё типологическое и информативное разнообразие материала (Стальсберг, 2010. С. 382). Типология Я. Петерсена создавалась на основе

только норвежского материала и в ряде случаев критерии для выделения тех или иных типов были очень нечеткими. В виду этого, при обработке «ненорвежского» материала возникала необходимость вводить как новые типы мечей, так и выделять варианты уже существующих (Вешнякова, 2005. С. 307–317).

Именно по пути «расширения» норвежской типологии пошел А.Н. Кирпичников, обобщивший информацию о находках мечей IX – начала XI века на территории Древней Руси (Кирпичников, 1966а). Используя для типологизации основного количества мечей типологическую схему Я. Петерсена, А.Н. Кирпичников ввёл новые типы рукоятей мечей – типы Z-особый, скандинавский, А-местный.

Помимо «расширения» типологии Я. Петерсена, предпринимались попытки создания строго формальных классификационных схем, в отличие от типологии Я. Петерсена, основанной в большей степени на описательно-интуитивном подходе (Maure, 1977; Wheeler, 1927. P. 29–37).

Наиболее удачной попыткой создания «альтернативной» типологии, по нашему мнению, является типологическая схема, предложенная А. Гайбигом для мечей VIII–XII веков, найденных на территории Германии (Geibig, 1991). Меч рассматривается А. Гайбигом как сложный объект, отдельные части которого изменяются независимо друг от друга. Используя четкие формальные критерии, исследователь создал отдельные типологии деталей рукояти и клинков, а также систематизировал клинковые клейма и определил несколько способов сборки деталей рукояти.

Типология А. Гайбига учитывает большинство типов и вариантов мечей, выделенных другими исследователями как в качестве самостоятельных, так и в дополнение к типологии Я. Петерсена (Таблица 4). Но, в то же время, часть типов Гайбига включает сразу несколько типов по типологии Я. Петерсена (*далее* – по J.P.). Некоторые «норвежские» типы не нашли отражения в типологии А. Гайбига, так как «немецкая» типология основана на материалах

отдельного региона, где некоторые типы мечей, указанные у Петерсена, не были найдены.

Одним из достоинств типологии А. Гайбига является ее «открытый» характер, т.е. возможность, пользуясь предложенными критериями, включить в типологию новые находки. С нашей точки зрения для расширения объема информации, содержащейся в типологической системе Гайбига, необходимо интегрировать в неё такие критерии, как орнаментация деталей рукоятей и материал, из которого они изготовлены

В нашей работе мечи, найденные в Гнёздово, рассмотрены в соответствии с общепринятой типологией Я. Петерсена, где типы обозначены литерами норвежского алфавита. Также учтены типологические дополнения, сделанные другими исследователями. По возможности будет указываться соответствующий тип/вариант по типологии А. Гайбига²⁰.

Всего удалось собрать информацию о находке в Гнёздове не менее 27 целых мечей, их деталей и фрагментов (Таблица 5, далее – Каталог мечей). Тип точно установлен у 20 мечей, ещё у трёх он установлен предположительно. Из 27 находок 19 обнаружены при раскопках курганов, 5 – городища, 3 – различных участков селища.

*Тип 2²¹ или *тип Mannheim**

Помимо основных типов, Я. Петерсен выделил несколько редко встречающихся в Норвегии мечей, обозначив их как особые типы и присвоив сквозную нумерацию. Часть подобных мечей более характерна для континентальной Европы, где в ряде случаев они получили собственное обозначение.

²⁰ Как уже было отмечено, типология Я. Петерсена, несмотря на свою территориальную универсальность, устарела и не способна вместить и адекватно учесть всё многообразие мечей конца VIII – начала XI века. Дальнейшее движение в направлении дробления типов Я. Петерсена на варианты и подварианты только усложняет картину, не предлагая универсального подхода к типологизации мечей. Именно отсутствие чётких критериев при выделении таксономических единиц и отсутствие иерархии признаков в типологии Я. Петерсена должно подталкивать к поиску новых подходов к изучению мечей «эпохи викингов». Возможно, в основу нового этапа систематизации европейских мечей следует положить принципы, заложенные в типологии А. Гайбига. Хотя и она, с нашей точки зрения, нуждается в дополнениях.

²¹ Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) типы мечей даны в соответствии с типологией Яна Петерсена (Петерсен, 2005).

Я. Петерсен характеризует рукояти мечей особого типа 2 следующим образом – «навершие двусоставное, перекрестья широкие, с ребром. Головка навершия трёхчастная, центральная часть немного выше, чем крайние. Детали рукояти орнаментированы серебряными проволочками, забитыми в проделанные в железной основе вертикальные канавки» (Петерсен, 2005. С. 120). Тип Mannheim был выделен в 1939 году Х. Янкуном (Jankuhn, 1939). Отличие мечей этого типа от особого типа 2 (по J.P.) состоит в горизонтальных орнаментальных поясках, проходящих по центру перекрестия и основания навершия. На некоторых экземплярах зафиксированы пояски, расположенные вертикально на центральной части головки навершия.

К специальному изучению мечей особых типов 1, 2 и типа Mannheim обращались английские исследователи – Г. Дюннин и В. Эвисон, которые на основании особенностей морфологии и орнаментации выделили две группы мечей и в каждой из них – по несколько вариантов (Dunning, Evison, 1964. P. 131–137).

Предположительно к особому типу 2 (по J.P.) или типу Mannheim принадлежит головка навершия (№ 1 в Каталоге мечей) (рис. 5, 1), найденная в 1987 году при раскопках Центрального городища в Гнёздове (раскоп ЦГ-XX/1987).

Головка навершия представляет собой деталь, разделенную вертикально расположенными углублениями на три части. Центральная часть незначительно выше боковых. Оригинальная поверхность детали сохранилась плохо, тем не менее, удалось проследить небольшие фрагменты инкрустированной медной проволоки. Также выявлены канавки под инкрустацию. Расположение фрагментов инкрустированной проволоки и канавок под инкрустацию позволяют заключить, что фронтальная поверхность детали (или ее часть) была покрыта вертикально расположенной инкрустацией, выполненной проволокой из сплава на основе меди. В углубления, разделяющие деталь на три части, была вставлена проволока медного сплава, остатки которой зафиксированы в

нижней части двух углублений. На торцевой плоскости частично сохранилось медное покрытие, края которого выступали за край детали, тем самым образуя орнаментальную полосу, разделяющую нижнюю и верхнюю детали навершия. В центральной части торцевой плоскости грубо проделано углубление с целью уменьшения веса детали. В боковые части торцевой плоскости насквозь вставлены (вварены кузнечной сваркой?) два железных штыря, необходимые для скрепления головки и основания навершия.

Археологический контекст находки не позволяет датировать ее ранее второй четверти X века²².

Как уже отмечалось, описываемая деталь находит наибольшие соответствия среди мечей особого типа 2 (по J.P.) или типу Mannheim, родственного особому типу 2. По Г. Дюннин и В. Эвисон гнёздовская деталь меча схожа с вариантами 2a (наиболее соответствует типу Mannheim) и 2b (соответствует особому типу 2 по J.P.). По форме и наличию вертикальной инкрустации гнёздовская находка ближе всего к мечу типа 2b, найденному в Голландии (Wijk bij Duurstede, Голландия) (Там же, p. 133. Fig. 3, 11). Определенное сходство в форме также прослеживается с навершием меча типа 2a из De Wierhuizen, Голландия (Там же, p. 135. Fig. 4).

Уверенно атрибутировать гнёздовскую деталь меча особого типа 2 мешает то обстоятельство, что скрепление верхней и нижней частей навершия у этих мечей, насколько известно автору из публикаций, осуществлялось при помощи черена клинка (конструктивный тип I по А. Гайбигу)²³. А как было отмечено выше, деталь из Гнёздова крепилась к основанию навершия железными штырями. Здесь возможно несколько объяснений. Во-первых, деталь могла принадлежать мечу типа Mannheim, у которых детали навершия иногда скреплялись при помощи боковых штырей. Отсутствие следов крепления вертикальных орнаментальных полос, характерных для этого типа,

²² Обоснования датировок предметов вооружения, рассмотренных в Главе II, смотрите в разделе III.1.

²³ Данный способ крепления прослежен у всех мечей особого типа 2, найденных на территории Германии и Швеции.

можно объяснить плохой сохранностью поверхности предмета. Во-вторых, нельзя полностью отрицать возможность существования варианта скрепления деталей навершия мечей особого типа 2 при помощи штырей. Его отсутствие выглядит странным при учете того, что оба конструктивных типа сборки навершия присутствуют у мечей типа Mannheim и особого типа 1, существовавших одновременно с особым типом 2.

Мечи особого типа 2 разными исследователями датируются в промежутке второй половины VIII – первой половины IX века (Вешнякова, 2008). Мечи типа Mannheim относятся примерно к тому же времени – вторая половина VIII – начало IX века (Вешнякова, 2005. С. 320).

По подсчетам М. Якобссона в Европе найдено не менее 29 мечей особого типа 2 и не менее 24 мечей типа Mannheim (Jakobsson, 1992. P. 215). Деталь навершия из Гнёздова является самой восточной находкой одного из этих типов мечей и, возможно, самой ранней находкой меча «эпохи викингов» на территории Древней Руси.

Тип В

Согласно Я. Петерсену, рукояти мечей этого типа отличаются следующими особенностями – «Перекрестия короткие, высокие, с ребром; в продольном сечении четырехугольные, с наибольшим расширением в середине. Головка навершия треугольная, прямоугольная в продольном сечении. Детали рукояти не орнаментированы» (Петерсен, 2005, С. 98).

Ф. Штайн выделила две формы мечей, родственных типу В – тип Immenstedt и тип Altjührden (Stein, 1967. P. 78-79). Первый отличается узкими гранями на боковых сторонах перекрестия и основания навершия, продолжающимися на головку навершия. У второго типа эти грани отсутствовали и основания навершия и перекрестия в плане были ладьевидной формы. Ф. Штайн считала, что данные типы мечей не встречаются в Скандинавии и поэтому не нашли место в типологии Я. Петерсена.

В. Менгин выделил еще один тип меча, родственный типу В – тип *Dunum*, главным отличием которого является крепление основания к головке навершия двумя заклёпками (Menghin, 1980. P. 256). Это совсем не характерно для мечей типа В, двусоставное навершие которых закреплялось при помощи расклёпанного сверху навершия черена клинка (конструктивный тип I по А. Гайбигу).

Ф.А. Андрощук предложил скандинавские мечи типа В разделить на три основных варианта (Андрощук, 2013. С. 41-42. Рис. 10):

- *вариант В1* – мечи с овальным и слегка уплощённым на концах основанием и в плане такой же формы перекрестием.
- *вариант В2* – мечи с овальным в плане, с суживающимися концами основанием навершия, и такой же формы перекрестием.
- *вариант В3* – объединяет мечи с овальным и слегка уплощённым на концах основанием навершия и овальным в плане, с суживающимся к концам перекрестием²⁴.

По типологии А. Гайбига мечи типа В соотносятся с выделенными им комбинационными типами I (варианты I–VI) и V (варианты II–VI)²⁵. Конструктивный тип наверший мечей типа В определяется как тип I, при котором черен клинка проходит через обе детали навершия и расклепывается сверху.

На территории Европы найдено не менее 125 (без учета древнерусских находок) мечей типа В (Норвегия – 30, Швеция – 29, Германия – 29, Финляндия – 16, Аландские о-ва – 6, Дания – 3, Литва – 3, Эстония – 3, Латвия – 2, Голландия – 1, Франция – 1, Хорватия – 1) (Jakobsson, 1992. P. 208; Андрощук, 2013. С. 42, 233-234).

²⁴ Выскажем сомнение в целесообразности выделения варианта В3, являющегося, по нашему мнению, всего лишь частным случаем сочетания перекрестия и навершия, характерных для вариантов В1 и В2.

²⁵ Различие мечей комбинационного типа I и V состоит в боковых наклонных сторонах головки навершия. Если они выпуклые, то рукоять меча относится к комбинационному типу I, если стороны прямые – V (Geibig, 1991. P. 38). Также стоит отметить, что А. Гайбиг обозначает типом В не только мечи «классического» типа по Я. Петерсену, но и родственные типы, выделенные другими исследователями, например, тип *Immenstedt*, тип *Altjührden*, тип *Dunum* (Geibig, 1991. P. 16. Abb. 1).

Согласно данным Я. Петерсена в Норвегии мечи типа В датируются второй половиной VIII века. В работах многих исследователей предложенная для Норвегии датировка распространяется и на мечи, найденные в других регионах. С критикой ранней датировки типа В выступил Ф.А. Андрощук, который попытался обосновать появление этого типа не ранее начала IX века (Androshchuk, 2007. P. 157).

В Каталоге древнерусских мечей А.Н. Кирпичникова указано три меча типа В, происходящих с территории Древней Руси (Кирпичников, 1966а, каталог, №№ 1–3). Один из них найден при раскопках курганной группы около д. Новосёлки (Смоленская обл., Россия), расположенной всего в нескольких километрах от Гнёздова. По мнению В.С. Нефедова, комплекс кургана следует датировать второй четвертью X века (Нефёдов, 2001б. С. 156; Шмидт, 2005а. С. 160). Особо стоит отметить, что, собственно, типу В соответствует только перекрестие меча из Новосёлок. Навершие, характерное для типа В, заменено на основание навершия от рукояти меча другого типа (типа N?)²⁶. По морфологическим признакам перекрестие меча относится к варианту В1 (по Ф. Андрощуку)²⁷, но в тоже время имеет особенность, которая выделяет его из основной массы мечей данного типа – это орнаментация боковых сторон. Здесь расположено по три вертикальных полосы, инкрустированных проволокой из медного сплава²⁸). Толщина крайних проволок около 1 мм, центральной – 2 мм. Аналогичная инкрустация выявлена на перекрестии меча из Голландии, который Я. Пирс отнёс к типу В или к переходному варианту между типами В и Н (Pierce, 2002. С. 34–35)²⁹. Последнее обусловлено тем, что головка навершия

²⁶ Аналогичной формы основания наверший встречены у двух мечей из Германии (Oedt-Mulhausen, Bederkesa) (Gaibig, 1991. Taf. 105, 1-5; Taf. 115, 1-4). В обоих случаях у мечей отсутствовали головки навершия.

²⁷ Определение комбинационного типа по типологии А. Гайбига невозможно в виду находки только перекрестия.

²⁸ Визуально различаются три цвета металлов, используемых для инкрустации – белый, желтый и (условно) красный. Металлографических анализов металла, используемого для инкрустации, проведено незначительное число. В своей работе мы будем определять металл, используемый для орнаментации деталей рукояти, как серебро, латунь и медь, в случаях, если цвет этого металла, соответственно, определяется визуально как белый, желтый и «красный».

²⁹ На боковой стороне основания навершия, сохранившегося значительно хуже перекрестия, выявлена только одиночная канавка для проволоки (Pierce, 2002. P. 34).

у этого меча скреплена с основанием заклёпками (как у типа Н), а не при помощи расклёпанного черена рукояти, проходящего через головку и основание навершия (как у типа В). Подобные мечи были выделены В. Менгиным в тип *Dunum*, распространенный, по его мнению, только на территории континентальной Европы и неизвестный в Скандинавии (Андрощук, 2013. С. 42–43). Учитывая наличие на перекрестиях мечей из Новосёлок и Голландии схожей инкрустации, насколько известно автору вообще не встречающейся у мечей «классического» типа В, а также полное морфологическое сходство обоих перекрестий, можно предположить, что и перекрестие из Новосёлок изначально, до его перемонтировки, также принадлежало мечу типа *Dunum*.

Остальные два древнерусских меча типа В сохранились полностью. Один случайно найден у д. Бор на р. Оять в Юго-Восточном Приладожье (Россия). Он обнаружен воткнутым в землю и, видимо, происходит из разрушенного погребения (Raudonikas, 1930. Р. 113–114). Место находки второго меча, хранившегося в коллекции А.А. Бобринского, до некоторых пор считалось неизвестным. Ф.А. Андрощук обнаружил в архиве Т. Арне записи, которые позволили установить, что вышеупомянутый меч случайно найден в 60-х годах XIX века у с. Бичева (совр. Любарский район, Житомирская обл, Украина). К сожалению, отсутствие данных о контексте находок не позволяет датировать оба меча. Если верно предположение о принадлежности меча из Бора разрушенному погребению в кургане, то меч мог попасть в него не ранее второй половины IX века – времени распространения в Юго-Восточном Приладожье обряда погребения в курганах (Богуславский, 1993. С. 135).

Четвертая находка меча типа В на древнерусской территории сделана в Гнёздове в 1972 году при раскопках восточной части селища (раскоп ВС-4/1972), недалеко от Центрального городища.

Предмет представляет собой основание навершия меча – короткий и высокий железный брусок с чётким горизонтальным ребром посередине (№ 2 в

Каталоге мечей) (рис. 5, 2). Верхняя грань имеет чуть вогнутую форму. В плане брусок имеет форму сильно вытянутого овала.

Находка происходит из заполнения ямы 1, из слоя, содержавшего круговую керамику, что ограничивает нижнюю границу ее попадания в комплекс 20–30 гг. X века – временем появления гончарного круга в Гнёздове³⁰. Подобная, поздняя датировка отличается от датировки мечей типа В в других регионах. Возможно несколько объяснений этому факту. Во-первых, будучи ценными и редкими для восточноевропейской территории предметами, мечи и в особенности их детали могли иметь значительно более длительное бытование, нежели в Западной и Северной Европе³¹. Во-вторых, деталь могла попасть в заполнение ямы X века из более ранних, полностью разрушенных слоев, относящихся к IX веку.

Tun D

Согласно Я. Петерсену «перекрестья мечей этого типа массивные с ребром, в продольном сечении с зауженными концами. Головка навершия трёхчастная с высокой средней частью», крепится к основанию при помощи заклёпок. Характерным признаком мечей этого типа считается богатая и разнообразная орнаментация поверхности деталей рукоятей (Петерсен, 2005. С. 106–107).

Я. Петерсен выделял две группы мечей типа D (в работах Ф.А. Андрощука данные группы получили обозначение D-1 и D-2) – раннюю и позднюю, отличающиеся характером орнаментации. Детали рукоятей мечей группы D-1 орнаментированы «рядами крестообразных фигур», группы D-2 – «рядами маленьких выпуклых посеребренных бронзовых бляшек» (Петерсен, 2005. С. 106–107). Стоит отметить, что орнаментальное разнообразие мечей, причисляемых к типу D, не ограничивается указанными Я. Петерсеном, что прекрасно иллюстрирует меч из Гнёздова. В типологии А. Гайбига тип D не находит соответствий.

³⁰ Более подробно о датирующих возможностях гнёздовского материала см. главу III.1.

³¹ Пример такого хронологического «запаздывания» – меч типа N?/В из Новосёлка.

В Норвегии найдено не менее 16 экземпляров мечей этого типа (Jakobsson, 1992. P. 208–209). Значительно более редки они в других странах – от одного до трех экземпляров найдено в Швеции, Ирландии, Великобритании (Шотландии), Венгрии, Германии, Дании, России, Польши, Финляндии (Андрощук, 2013. С. 42, 233–234 и др.; Venda, 1963. P. 202–205; Jakobsson, 1992. P. 208–209; Peirce, 2002. P. 42–45; Schoknecht, 1988. P. 143–144).

Все мечи имеют сложную и редко повторяющуюся орнаментацию. По-видимому, мечи этого типа не были массовой продукцией и перед нами примеры штучной работы по индивидуальным заказам.

Я. Петерсен датирует мечи этого типа в целом IX веком, отмечая, что отдельные экземпляры группы D-2 могут относиться к началу X века (Петерсен, 2005. С. 108–110). Ф.А. Андрощук поднимает их верхнюю датировку до первой половины X века включительно (Андрощук, 2013. С. 48).

На территории Древней Руси найдено два меча типа D (Кирпичников, 1966а, каталог №№ 4–5). Первый из них обнаружен в 1902 году при раскопках Михайловского могильника в кургане, совершение погребения в котором датируется первой половиной X века (Каинов, Зозуля, 2014а. С. 38–39; Мурашева, 1999. С. 30–32).

Второй меч найден в Гнёздове в кургане Ц-2, раскопанном Д.А. Авдусиным в 1950 году и содержавшем парное погребение по обряду кремации (№ 3 в Каталоге мечей) (рис. 6; 7).

Навершие меча двусоставное, черен рукояти проходит через обе детали навершия и расклёпан сверху (конструктивный тип I по А. Гайбигу). Основу перекрестия и основания навершия составляет литая из сплава на основе меди пустотелая деталь, на которую с фронтальных сторон смонтированы ажурные накладки, спаянные(?) по бокам. Торцевые плоскости закрыты накладками из медного сплава, которые закреплены на основе при помощи железных заклепок (диаметром около 1,5 мм). Концы заклепок выступали на несколько миллиметров наружу, что заставляет предположить, что их могли маскировать

несохранившиеся декоративные шляпки. Подобная конструктивная схема повторяется и на головке навершия, но боковые орнаментированные части были отлиты вместе с неорнаментированной центральной частью, закрытой ажурными накладками. В широкие канавки между тремя частями головки навершия и между основанием и головкой навершия были вмонтированы несохранившиеся жгуты из перекрученной проволоки³². Ажурные накладки и боковые части головки навершия позолочены, накладки из медного сплава на торцевых плоскостях навершия и перекрестия покрыты оловом (?).

Ажурные накладки на деталях меча украшены заключенным в две панели зооморфным орнаментом. Основу зооморфной плетенки образует «расположенное анфас переплетенное существо с маленькой трехпалой лапкой, перехватывающей длинный узкий петлеобразный хвост (?), спиралеобразными суставами и головкой с пышной развевающейся гривкой» (Тунмарк-Нюлен, 2001. С. 73–74). На боковых частях головки навершия анфас изображены антропоморфные личины с характерными «длинными прядями», имеющими некоторое сходство с подобными личинами на овальных фибулах типов 37 и 51 (по типологии Я. Петерсена.), а также равноплечих и трёхлистных фибулах. Однако, по мнению И. Янсона орнаментация гнёздовского меча не имеет прямых параллелей в мотивах орнаментации как овальных фибул, так и других украшений материковой Скандинавии. Л. Тунмарк-Нюлен убедительно показала, что орнамент ажурных накладок гнёздовского меча наиболее схож с орнаментацией ряда готландских украшений, в первую очередь коробчатых фибул (Тунмарк-Нюлен, 2001). Исследовательница подчеркнула, что тыльная сторона именно готландских фибул иногда украшена гравированным геометрическим орнаментом, схожим с орнаментацией пластин на торцевых плоскостях основания навершия и перекрестия гнёздовского меча. Все это позволяет полностью согласиться с мнением Л. Тунмарк-Нюлен, что рукоять

³² Сохранилась нижняя часть одной проволоки желтого металла.

меча из гнёздовского кургана Ц-2/Авд-1950 сделана готландским мастером и в традициях готландского ювелирного искусства (Тунмарк-Нюлен, 2001. С. 76).

Клинок меча сохранился очень плохо, нынешние его размеры и форма – результат реставрации (рис. 6, 1). На остатках клинка были выявлены фрагменты клейм, выполненные простой недамаскированной проволокой: на одной стороне – О-образный знак, на другой частично сохранившееся изображение креста (Кирпичников, Каинов, 2001. С. 71) (рис. 8, 8). Остается неясным, были ли эти знаки самостоятельными или представляют собой часть более сложных клейм.

Керамический набор в кургане Ц-2/1950 включает лепной горшок и раннекруговой сосуд бочонковидной формы. По мнению Е.В. Каменецкой, такие сосуды являлись одними из первых круговых сосудов на памятнике и датируются 930–950-ми годами (Каменецкая, 2014. С. 143). Ранее, на основании учета точки зрения Ю.Э. Жарнова о появлении круговой керамики в Гнёздове только в середине X века, а также на основании находки в этом погребении овальной фибулы типа JP 52 этот курган датировался серединой X в. (Кирпичников, Каинов, 2001. С. 68–70). Возврат к точке зрения Е.В. Каменецкой о появлении круговой керамики в 20-30-х годах X в. и предложенная более ранняя датировка овальных фибул типа JP 52 позволяют датировать курган Ц-2/1950 в рамках второй четверти X в (Каинов, 2018б. С. 228–229).

С нашей точки зрения расхождение с датировками, предложенными для мечей типа D как Я. Петерсеном, так и Ф.А. Андрощуком, объясняется, прежде всего, довольно условным типологическим определением гнёздовского меча. С мечами типа D его роднят морфологические характеристики – крупные размеры деталей, трёхчастное двухсоставное навершие. В тоже время ни орнаментация, ни конструктивные особенности сборки деталей не находят аналогий ни у одного из известных мечей типа D. Наиболее вероятно, что перед нами образец штучной работы для заказчика, стремившегося иметь роскошный

и оригинальный меч, не похожий на мечи, изготавливавшиеся в относительно больших количествах.

Tun E

Я. Петерсен считал, что форма мечей типа E развивается из мечей типа D. В целом для этого типа характерны массивные перекрестья, трёхчастная головка навершия, «крайние части которой напоминают по форме звериные головы», в то же время «перекрестья могут быть меньших размеров, а головка навершия может утратить как свои выразительные формы, так и трёхчастность» (Петерсен, 2005. С. 111). Навершия у мечей типа E двусоставные, обе части крепятся на черене клинка (конструктивный тип I по А. Гайбигу).

Отличительной чертой мечей этого типа является наличие на фронтальных поверхностях перекрестия и навершия орнаментальных углублений круглой, овальной или квадратной формы. На основании анализа характера и группировки орнаментальных углублений, прослеженных на древнерусских находках, нами было предложено разделить этот тип на четыре варианта (Каинов, 2001. С. 56–58). Первый (E-1) характеризуется простой ячеистой орнаментацией, круглые ячейки, диаметром 1,5–2 мм расположены в 5–9 рядов, второй (E-2) – с дополнительной орнаментацией круглых ячеек, диаметром 3–5 мм, расположенных в 3–5 рядов, третий (E-3) – с ячейками овальной формы, расположенными в виде трёх- или четырёхлистников, четвёртый (E-4) – с простыми ячейками круглой формы, сгруппированными в ромбы³³.

Ф.А. Андрощук дополнил и несколько изменил вышеприведенное деление (Андрощук, 2013. С. 49–51; Зоценко, 2004. С. 100–101). Им предложено следующее деление на варианты: – *вариант 1* – мечи, у которых головка, основание навершия и перекрестие орнаментированы ячейками диаметром около 2 мм; орнаментация на основании навершия и перекрестие

³³ Позднее было выяснено, что помимо круглой и овальной форм углублений, они могут быть и квадратной формы (Каинов, 2011. С. 148).

расположена в 5–7 рядов. На основании наличия и особенностей расположения инкрустации деталей выделяется 4 подварианта (а–г); *вариант 2* – рукояти мечей с крупными (около 5 мм) ячейками, расположенными в 2-3 ряда. Наличие инкрустации между ячейками и проволоки в ячейках определяют два подварианта (а, б); *вариант 3* – рукояти мечей с небольшими ячейками, сгруппированными в ромбы. Мечи, у которых ромбовидная фигура расположена на боковых частях головки навершия выделяются подвариант а; *вариант 4* – рукояти мечей с ячейками овальной (листовидной) формы, расположенные в виде трёх- или четырёхлистников.

Всего на территории Европы известно более 120 находок мечей типа Е (Андрощук, 2013. С. 50–51; Каинов, 2001. С. 55, 62; Jakobsson, 1992. Р. 209; Janowski, Kotowicz, Michalak, 2008. Р. 180–184). Я. Петерсен датировал большинство норвежских мечей этого типа IX веку, и лишь один – началом X века (Петерсен, 2005. С. 114–115). Е. Кивикоски относил финские находки также к IX веку (Kivikoski, 1973. Р. 112). Экземпляры, найденные на территории Пруссии, по мнению В. Мюлена, датируются X веком, однако В. Казакевичус предложил для прусских мечей более широкую датировку – начало IX – первая половина X века (Kazakevičius, 1996. Р. 150; Mühlen, 1975. Р. 31). Один из эстонских мечей типа Е происходит из погребения, датированного X веком (Mandel, 1991. Р. 131).

На территории Древней Руси найдено не менее 12 мечей этого типа³⁴. Датировка их археологического контекста не выходит за рамки X века (Каинов, 2001. С. 57–58). Меч типа Е, найденный на Сарском городище, исходя из его морфологии и орнаментации предположительно можно отнести к IX веку (Каинов, 2011. С. 149). Три меча типа Е найдены в Гнёздове.

Первая находка представлена целым мечом из кургана Ц-15/1874, содержащем парное погребение по обряду кремации (№ 4 в Каталоге мечей)

³⁴ Не учтены две находки мечей типа Е из Гнёздова (находки 2017 и 2018 гг) и ряд экземпляров, происходящих из грабительских раскопок. Меч из Гульбища, ранее отнесённый к типу Е2, по нашему мнению, ближе к типу Т-1.

(рис. 9; 10). Меч был обнаружен вонзённым в землю, рядом с урной с остатками кремации.

Меч относится к варианту Е-1, для которого характерна простая ячеистая орнаментация. Перекрестие и основание навершия рукояти меча орнаментированы ячейками диаметром 1,5–2 мм, расположенными по девять рядов в шахматном порядке (рис. 10, 1, 2). Такие же ячейки находятся на центральной и боковых частях головки навершия. Поверхность между ячейками инкрустирована серебряной проволокой. Покрытие не сплошное – между полосками серебряной инкрустации сохраняются незакрытые участки железной поверхности. Плотность инкрустации составляет около 25 проволочек на 10 мм. Серебряный, скрученный из двух проволочек, жгутик ограничивал поле с ячеистой орнаментацией сверху и снизу на перекрестии и основании навершия. Головка навершия разделена на три части двумя желобками, в которых когда-то крепилось по три перекрученные между собой проволочки. На торцевых плоскостях перекрестия и основания навершия расположено по два железных штырька (вставленных в круглые отверстия диаметром 1,5–2 мм). Вокруг каждого из них видны 4–5 округлых углублений. Назначение железных штырьков до конца не ясно. Они могли нести декоративные полукруглые шляпки, имитирующие головки заклепок (например, Петерсен, 2005. С. 111. Рис. 61). Также возможно, что они крепили декоративные накладки, полностью закрывающие торцевые плоскости перекрестия и навершия.

Благодаря подвижности деталей рукояти, видно, что головка и основание навершия пустотелые. Между собой во избежание расшатывания они соединены двумя железными шпёнками.

На клинке меча выявлено клеймо, выполненное простой железной проволокой: на одной стороне +ULFBERH+T, на другой – композиция из вертикальных полос и двух «подков» (Кирпичников, 1966в. С. 254. Рис. 1, 1) (рис. 8, 1).

Наиболее вероятная дата кургана, из которого происходит меч – вторая четверть X века (Каинов, 2001. С. 60).

Вторая находка – также целый меч, но сломанный на две части, происходит из кургана Л-13/1949, содержавшего парное погребение по обряду кремации (№ 5 в Каталоге мечей).

Меч относится к варианту Е-2 со сложной ячеистой орнаментацией (рис. 11; 12). Перекрестие и основание навершия орнаментированы ячейками диаметром около 4 мм³⁵, расположенными в пять рядов в шахматном порядке (рис. 12, 1, 2). Подобные ячейки расположены также на центральной части головки навершия. Между собой ячейки соединены каналами диаметром около 2 мм, в которые пропущен жгутик, свитый из двух серебряных проволочек. В крайних рядах ячеек жгут уложен в виде петли, в остальных жгут перекрещивается. В своем первоначальном виде проволочная укладка сохранилась только на основании и центральной части головки навершия. На перекрестии сохранность укладки фрагментарная. Между ячейками и на боковых частях головки навершия нанесена инкрустация серебряной проволокой. Инкрустация на перекрестии, основании навершия и центральной части головки навершия не сплошная. Плотность инкрустации – около 13 проволочек на 10 мм. В двух углубления, разделяющих головку навершия на три части, вмонтировано по три жгутика из двух перекрученных проволочек, каждая из которых представляет собой так называемую бусинную проволоку. На торцевой плоскости основания навершия при помощи шести серебряных заклёпок закреплена серебряная пластина (толщина около 0,5 мм), по краям которой расположен гравированный орнамент в виде ступенчатой плетёнки³⁶. Углубленная часть орнамента заполнены чернью(?). На торцевых плоскостях перекрестия сохранились отверстия (по 6 отверстий на каждой плоскости) под

³⁵ Глубина ячеек – 3,5–3,8 мм.

³⁶ Подобный плетёный орнамент очень характерен для скандинавских ювелирных изделий X века. Он встречается как на женских украшениях (овальные, круглые фибулы), так и на предметах вооружения – мечах, наконечниках копий. Например, плетёнка представлена на мече типа Т-1 из Монастырища, где все детали рукояти украшены в североевропейском стиле (Кирпичников, 1966а. Табл. III).

заклёпки, крепившие подобные же пластины. Крепёжные отверстия были окружены 4–7 круглыми углублениями, обеспечивающими более плотное прилегание пластины к торцам деталей.

На клинке выявлено клеймо, выполненное дамаскированной проволокой – на одной стороне фигура человека, на другой два костыльковых креста, между которыми расположена спираль (рис. 8, 7).

Совершение погребения в кургане Л-13/1949, по мнению В.С. Нефедова, относится ко второй четверти – середине X в (Нефедов, 2001а. С. 65).

На древнерусской территории найден ещё всего один меч с дополнительной орнаментацией ячеек³⁷. Он происходит из кургана XIX (комплекс 1) у д. Усть-Рыбижна в Юго-Восточном Приладожье и относится к 920–950 гг.³⁸ (Богуславский, 1991. С. 108). За пределами Древней Руси подобные мечи известны на территории Швеции (Андрощук, 2013. С. 51. Табл. II:3).

Фрагменты еще одного меча типа Е, представленные перекрестием, обломком черена клинка и верхней частью клинка (рис. 13), были найдены случайно летом 2001 года на огородах, расположенных в непосредственной близости от западной оконечности Лесной группы курганов (№ 6 в Каталоге мечей). Состояние клинка и черена в районах слома свидетельствуют, что меч был согнут и сломан еще в древности. Очень вероятно, что данный обломок меча происходит из разрушенного и распаханного кургана, содержащего погребение по обряду трупосожжения³⁹.

Сохранившиеся фрагменты принадлежат мечу, который относится к варианту с простой ячеистой орнаментацией (Е-1). На перекрестье меча хорошо сохранилось семь рядов ячеек, диаметром около 2 мм. Между ячейками

³⁷ Еще один меч типа Е-2 был найден в 2018 году при раскопках гнездовского кургана Л-210. Вопрос с датировкой погребения пока не решён. Не исключено, что курган насыпан на рубеже IX–X веков.

³⁸ Ранее к типу Е-2 относили и меч из черниговского кургана Гульбище. Но тщательное его изучение позволило выявить орнаментальные элементы, характерные для мечей типа Т с ячеистой орнаментацией (Т-1).

³⁹ Именно в этой зоне в 2017 году найден еще один меч типа Е. Он был воткнут вертикально в землю рядом с ямой, в нижней части которой найдены кальцинированные кости, перемешанные с углём. Дальнейшие работы на участке позволили предположительно связать меч с остатками распаханного погребального сооружения.

нанесена инкрустация проволокой из серебра. Инкрустация не сплошная. Плотность инкрустации – около 20 проволочек на 10 мм. Серебряный, скрученный из двух проволочек, жгутик, помещенный в канавку, ограничивал участок с ячеистой орнаментацией сверху и снизу. На торцевой плоскости, обращенной к клинку, сохранились железные штырьки, диаметром около 2 мм. На одной стороне обломка клинка удалось выявить клеймо в виде «подковы», выполненной из простой недамаскированной проволоки. На сохранившейся части обратной стороны клинка клеймо выявить не удалось.

Tun H/I

По Я. Петерсену «перекрестье и основание навершия рукоятей типа Н широкие, эллипсовидные в продольном сечении. Чаще всего перекрестие и основание навершия слегка скруглены, но для ранних экземпляров характерны чётко выраженные ребра, реже встречаются перекрестья без ребра, прямоугольные в сечении» (Петерсен, 2005. С. 125). Наиболее массивные экземпляры типа Н, по мнению Я. Петерсена, являются ранними. Мечи типа Н украшает инкрустация, образующая сплошное монохромное поле или различные полихромные композиции, образованными инкрустированными в железную поверхность отрезками проволоки цветного металла (Там же, с. 125–126).

Ян Петерсен выделял также мечи типа I, настолько схожих с образцами типу Н, что «зачастую трудно определить, к какому именно из этих двух типов принадлежит тот или иной меч» (Там же, с. 135)⁴⁰. Отличают мечи типа I от типа Н меньшие размеры перекрестия и основания навершия. «Головка навершия более заужена к вершине и может быть слегка вогнутой» (Там же, с. 135). По мнению Л. Бергман и Б. Архениус, изучавших мечи из могильника Бирки при помощи рентгена, мечи типов Н и I различаются способом соединения основания и головки навершия (Thålin-Bergman, Arrhenius, 2005. P. 38. Tabl. 5). Для мечей типа Н, имеющих широкое основание навершия (до 3,6

⁴⁰ По мнению Я. Петерсена «тип I является особым вариантом типа Н» (Петерсен, 2005. С. 138). Ф.А. Андрощук также предлагает объединить в один тип мечи типов Н и I, а также мечи особого типа 20 (Андрощук, 2013. С. 53–56).

см), характерно соединение при помощи двух штырей (конструктивный тип Пб по А. Гайбигу), навершия мечей типа I, с шириной основания 1,8–2,3 см, соединялись при помощи скобы (конструктивный тип Па по А. Гайбигу). Ф.А. Андрощук, исследовавший при помощи рентгена 40 мечей типа Н/І, найденных на территории Швеции, пришел к выводу об отсутствии чёткой границы между размерными характеристиками (в данном случае ширины основания навершия) мечей типа Н/І с разными конструктивными схемами крепления головки навершия к основанию (Андрощук, 2013. С. 53–55)⁴¹. Тем не менее исследования Ф.А. Андрощука подтвердили наблюдение, сделанное Л. Бергман и Б. Архениус, – для мечей с широким основанием навершия более характерно соединение основания и головки при помощи штырей, для мечей с узким основанием – соединение при помощи скобы.

В типологии А. Гайбига типу Н/І по Я. Петерсену соответствует вариант 1 комбинационного типа V.

Мечи типа Н/І являются наиболее массовыми в Европе – без учета территории Древней Руси здесь найдено около 700 экземпляров (Андрощук, 2013. С. 60–61; Jakobsson, 1992. P. 209–210, 216; Marek, 2004. P. 113; Żabiński, 2012). Я. Петерсен датировал мечи типа Н началом IX – серединой X века. (Петерсен, 2005. С. 130–133). Предлагались и более ранние датировки появления типа – в рамках второй половины VIII века (Вешнякова, 2005. С. 318. Табл. 1). Мечи типа I датировались более узко – в рамках второй половины IX – середины X века (Петерсен, 2005. С. 137–138). Ф.А. Андрощук датирует появление типа Н/І второй половиной IX века, но большинство мечей этого типа относится к X веку (Андрощук, 2013. С. 60).

На территории Древней Руси найдено не менее 30 целых и фрагментированных мечей типа Н/І. В целом датировка этих находок укладывается в рамки X века.

⁴¹ Ширина основания наверший мечей со скобой – от 2 до 3 см, со штырями от 2,1 до 4,2 см (Андрощук, 2013. С. 54. Табл. II:4).

Из Гнёздовского комплекса происходит 6 мечей (с учетом отдельных деталей) типа Н/І⁴².

Наиболее ранняя находка сделана в октябре 1898 года, когда при строительных работах, уничтоживших часть курганов Центральной группы, были найдены рукоять и часть клинка («комплекс октябрь 1898/Ц») (№ 7 в Каталоге мечей) (рис. 14). Возможно, меч и ряд других находок происходят из разрушенного камерного погребения (Булкин, 1982. С. 140).

На деталях рукояти частично сохранилась вертикально расположенная инкрустация проволокой желтого металла. Плотность инкрустации около 16 проволок на 10 мм.

На фрагменте клинка выявлено клеймо, выполненное дамаскированной проволокой – на одной стороне буквообразные знаки, на другой «решётка» (рис. 8, б) (Кирпичников, 1966в. С. 262. Рис. 3, 2)

Предположительно вместе с мечом в разрушенном погребении найден фрагмент сбруйного (?) ремня, украшенного круглыми бляшками, инкрустированными серебряными вставками в форме пятиконечных звезд. Подобные бляшки считаются продукцией среднеднепровских ювелиров, в Гнёздове подобные бляшки появляются не ранее середины X века. Таким образом, при условии происхождения меча и бляшек из одного погребения, и учитывая также наиболее вероятный обряд захоронения в деревянной камере, погребение можно датировать в рамках второй половины X века.

Вторая находка представляет собой целый меч, сломанный при совершении погребения на две части (№ 8 в Каталоге мечей) (рис. 15; 16). Меч найден в кургане Л-35/Авд-1949, содержащем парное погребение, совершенное по обряду трупосожжения.

Фронтальные поверхности деталей рукояти покрыты вертикально (под небольшим наклоном) расположенной инкрустацией серебряной проволокой (рис. 15, 1,2). Плотность инкрустации – 13 проволочек на 10 мм.

⁴² Еще один меч типа Н/І был найден в 2017 году при исследовании кургана Л-207.

Между клинком и внутренней стороной отверстия под клинок в перекрестье вставлены железные пластины толщиной около 1 мм. По всей видимости, их предназначение – уплотнение крепления перекрестья на клинке.

На черене к настоящему времени сохранились незначительные фрагменты деревянной обкладки рукоятки, овальной в сечении⁴³. На момент находки рукоять меча сохранилась почти полностью⁴⁴ (рис. 15, 3).

На клинке выявлено клеймо, выполненное простой проволокой – на одной стороне – фрагмент буквообразного знака, на другой – спираль (Там же, С. 262. Рис. 3, 9) (рис. 8, 9).

Комплекс на основе сопровождающего инвентаря (лепная керамика, гребень группы II по О.И. Давидан) может быть отнесен ко второй четверти X века.

Еще один целый меч найден в кургане Лб-1/1987, содержащем парное погребение, совершенное по обряду трупосожжения (№ 9 в Каталоге мечей) (рис. 17, 18). Клинок и черен клинка были погнуты, также от черена клинка было отломано навершие.

Поверхность перекрестия и навершия меча была покрыта белым металлом (сплав серебра и меди). На перекрестии оно полностью выгорело в погребальном костре и сохранилось только в виде капель расплавленного цветного металла. На поверхности навершия сохранность покрытия значительно лучше, на некоторых участках воздействие погребального костра никак не сказалось. Важно отметить, что белый металл помимо фронтальных поверхностей и торцевой стороны фиксируется на верхнем торце основания навершия, уходящего под головку, а также на головке навершия на уступе под укладку скрученной проволоки, визуальную разделяющей верхнюю и нижнюю части навершия. Совершенно очевидно, что эти поверхности на собранном мече не видны и смысл их покрытия серебряным сплавом не понятен.

⁴³ Определения породы деревьев, применявшихся для изготовления рукоятей гнездовских мечей, пока не сделаны. Подобные определения для ряда европейских мечей выявили следующие породы – клен (Lake Lednica), хвойные (Donnybrook) (Hall, 1978. P. 79; Stepnik, 2011. P. 79).

⁴⁴ Полная сохранность деревянной рукояти говорит о том, что меч не был в погребальном костре.

Порядок осуществления процесса покрытия можно реконструировать следующим образом (Каинов, Щедрина, 2019. С. 70–72). Сначала фронтальные поверхности перекрестия и навершия были гравированы тонкими (толщина около 0,3 мм, плотность 17–18 канавок на 10 мм) параллельными линиями. Затем детали были покрыты сплавом серебра, предположительно, способом, аналогичным нанесению покрытия из цветного металла на железную основу бочонковидных и 14-ти гранных гирек, а также замков. Реконструкция способа была предложена А. Содербергом (Söderberg, 2014. P. 25–26). Железная основа предмета с наложенными на поверхность обрезками цветного металла обматывалась тканью, затем получившийся свёрток обмазывали глиной и помещали в огонь. В результате воздействия большой температуры цветной металл напаивался на железную основу. Необходимо отметить, что А. Содерберг говорит только об использовании медного сплава в качестве покрытия предметов. Случаи немеханического нанесения серебра (или сплава серебра и меди) на железные предметы «эпохи викингов» авторам не известны, но в тоже время, с нашей точки зрения, покрытие серебром (сплава серебра и меди) железа технологически сходно с покрытием железа медным сплавом. Применение вышеописанного способа покрытия объясняет и наличие металла на поверхностях, которые на собранном мече не видны.

После нанесения тонкого слоя серебра, по всей видимости, на фронтальных поверхностях деталей рукояти по канавкам в железной основе были продавлены параллельные углубления. Торцевые стороны перекрестия и основания навершия остались гладкими, покрытыми тонким слоем сплава серебра и меди.

На клинке выявлено клеймо, выполненное дамаскированной проволокой – на одной стороне надпись **+ULFBERHT**, на другой – «решётка», с двух сторон ограниченная тремя вертикальными столбиками (рис. 8, 2).

Были высказаны две точки зрения на датировку кургана Лб-1/1987. Т.А. Пушкина на основании находки в погребении овальной фибулы типа 52 (по J.P.)

ограничила нижнюю дату совершения погребения серединой X века (Пушкина, 1993б. С. 114). Автор настоящего исследования с учётом информации о возможной более ранней датировке того же типа фибул, отнёс погребение ко второй четверти X века (Каинов, 2018б. С. 228–229).

Помимо целых мечей типа Н/І при раскопках были найдены отдельные детали рукоятей.

В кургане Л-6/Сиз-1881, содержащем мужское погребение по обряду трупосожжения, была обнаружена отдельная головка навершия (Сизов, 1902. С. 21; Ширинский, 1999. С. 112–113) (№ 10 в Каталоге мечей) (рис. 19, 1).

На поверхности детали, несмотря на относительно хорошую сохранность, не выявлено следов инкрустации. Тем не менее, на отдельных участках заметно покрытие латунью. Способ покрытия не ясен. Возможно, технологически способ схож с покрытием латунью железной основы сферических гирек⁴⁵.

Деталь пустотелая и внутри так же хорошо заметна окислы медносодержащего сплава. Скорее всего, это следы пайки скобы, при помощи которой головка закреплялась на основании навершия (конструкционный тип Па по А. Гайбигу).

Особенностью этой детали меча, помимо оригинального способа покрытия поверхности цветным металлом, является его форма. Головка навершия имеет сильно скошенные нижние углы. Автору неизвестны аналогичные навершия у мечей типа Н/І⁴⁶. Также стоит отметить отсутствие уступа на основании, в котором размещается проволока, визуальное разделяющая верхнюю и нижнюю части навершия. По всей видимости, мы имеем дело с редкой разновидностью меча, по своим морфологическим особенностям наиболее близкой деталям мечей типа Н/І. К сожалению, инвентарь кургана не позволяет узко датировать погребение.

⁴⁵ Таким образом, при использовании «омеднения» – более простого с точки зрения технологии способа покрытия цветным металлом железной поверхности – достигался аналогичный результат, что и при использовании инкрустации.

⁴⁶ Наиболее близким по форме (при виде анфас) нам показался меч из Лилле Вестре Финстад (Норвегия), но головка навершия у этого меча при виде в профиль имеет полукруглую форму, в отличие от подтреугольной у гнездовской детали (Петерсен, 2005. С. 114. Рис. 92).

В 1953 году при раскопках Д.А. Авдусиным Центрального городища (раскоп ЦГ-II/1953) было найдено отдельное перекрестие (№ 11 в Каталоге мечей) (рис. 19, 3).

На поверхности детали хорошо сохранилась сплошная вертикальная инкрустация жёлтым металлом. Плотность инкрустации – 16 проволочек на 10 мм. На торцевых плоскостях сохранились незначительные участки сплошного очень тонкого покрытия желтым металлом. Способ крепления покрытия не ясен⁴⁷.

Перекрестие происходит из слоя, содержавшего круговую керамику, что не позволяет датировать его ранее второй четверти X века.

Отдельная головка навершия была найдена в 1986 году при раскопках Д.А. Авдусиным Центрального городища (ЦГ-XIX/1986) (№ 12 в Каталоге мечей) (рис. 19, 2).

Деталь орнаментирована вертикальной инкрустацией жёлтым металлом. Плотность инкрустации – около 17 проволочек на 10 мм. Три инкрустированные полосы желтого металла расположены по ребру навершия.

Головка пустотелая и крепилась на основании навершия при помощи частично сохранившихся двух железных штырей диаметром около 5 мм (конструкционный тип 2b по А. Гайбигу). Сохранившиеся внутри остатки сплава на основе меди позволяют предположить, что штыри впаивались в головку навершия.

Деталь происходит из слоя, содержавшего круговую керамику, что не позволяет датировать его ранее второй четверти X века.

Тип Т.

Я. Петерсен отмечает у мечей типа Т следующие особенности – «перекрестья, как правило, прямые или слегка изогнутые. Они одинаковой высоты, со слегка закругляющимися концами; на нижнем перекрестии концы закругляются внизу,

⁴⁷ На мече типа Н, найденного около фермы Scar, торцевые плоскости перекрестия были закрыты пластинами толщиной менее 1 мм, изготовленными из латуни (медь с большим количеством цинка и незначительной примесью олова). Предположительно пластины крепились на железной основе двумя заклёпками, проходящими насквозь перекрестия (Owen, Dalland, 1999. P. 107).

а на верхнем – вверху. Головка навершия также трёхчастная, крайние части более напоминают звериные морды, чем у предыдущего типа (S)» (Петерсен, 2005. С. 178).

Исходя из орнаментации деталей рукояти, Я. Петерсен выделил две группы мечей типа Т. К первой группе относятся мечи с орнаментацией в зверином стиле или украшенные несколькими рядами круглых углублений. Вторая группа представлена мечами, у которых детали рукояти орнаментированы треугольниками и ромбами. А.Н. Кирпичников в своей работе обозначил выделенные Я. Петерсеном группы как типы Т-1 и Т-2 (Кирпичников, 1966а. С. 28–30).

Работа В. Казакиявичуса, посвященная мечам, найденным на территории расселения балтских племен, внесла (и продолжает вносить) некоторую путаницу в определение мечей типа Т (Kazakevičius, 1996. Р. 44–53). Среди местных (балтских) мечей, которые В. Казакиявичус отнёс к этому типу, есть «классические» мечи типа Т, но подавляющее большинство находок, с нашей точки зрения, – некая местная, балтская форма мечей. Даже простой просмотр иллюстраций мечей, включенных В. Казакиявичусом в список типа Т, убеждает, что они крайне неоднородны как по морфологии, так и по орнаментации (Там же, Рав. 42, 49). Возможно, ряд мечей (например, меч из Gintaliske, погребение 2), действительно, представляет собой развитие (относящееся к XI веку) типа Т-1 по Я. Петерсену. Но также очевидно, что значительная часть мечей типа Т по В. Казакиявичусу не имеет ничего общего с «классическими» образцами этого типа, за исключением, разве что, общей для многих типов мечей трёхчастной формы головки навершия⁴⁸. В случае с мечами балтских племен XI–XIII веков

⁴⁸ Также не может не вызывать возражений выделение В. Казакиявичусом «смешанной» формы мечей типа Т/З. Подобные мечи имеют мало общего как с типом Т, так и с типом Z (по J.P.) (Kazakevičius, 1996. С. 50–53. Рав. 53–56). Они отличаются от них как морфологически, так и технологически. Мечи, смешанной формы Т/З (по В. Казакиявичусу), представляют собой самостоятельный тип, выделенный А.Н. Кирпичниковым на основе анализа древнерусского материала и определенный им как тип А-местный (Кирпичников, 1966а. С. 35–36). Нельзя признать удачным и обозначение В. Казакиявичусом мечей с характерным для балтов бронзовым набором деталей как тип *Т-1 куршский*, что создают ложную иллюзию связи этого типа с мечами типа Т по Я. Петерсену. Орнаментация, морфология и главное хронология (вторая половина XI–XIII век), с нашей точки зрения, не позволяют связывать этот меч с «классическим» типом Т и вообще рассматривать в рамках типологии мечей «эпохи викингов».

мы, видимо, наблюдаем возникновение и развитие собственной производственной традиции, проявившейся как в появлении местных типов рукоятей мечей, так и оригинальных мотивов их орнаментации⁴⁹.

В типологии А. Гайбига тип Т не находит соответствий.

Для территории Европы нет статистики отдельно по типам Т-1 и Т-2. Мечей типа Т найдено не менее 21 экземпляров (без учета древнерусских находок и находок с территории расселения балтских племен) (Андрощук, 2013. С. 71, 72; Jakobsson, 1992. Р. 213). Я. Петерсен датировал тип Т второй половиной X – началом XI века. (Петерсен, 2005. С. 180).

На территории Древней Руси⁵⁰ А.Н. Кирпичников учёл 9 мечей типа Т, из них не менее 4 мечей интересующего нас варианта Т-2⁵¹ (Кирпичников, 1966а. С. 78–79). Фрагмент еще одного меча найден в разрушенном кургане у д. Леоново (Юго-Восточное Приладожье) (Кирпичников, 1992. С. 76). А.Н. Кирпичников относит древнерусские мечи типа Т к середине – второй половине X века (Кирпичников, 1966а. С. 28).

Из Гнёздова происходит рукоять и часть клинка меча типа Т-2⁵² (№ 13 в Каталог мечей) (рис. 20, 21). Об обстоятельствах этой находки В.И. Сизов писал: «по словам г. Филимонова (владелец Гнёздова), мечь этотъ былъ найденъ рабочими при срытіи кургана въ полъ послѣднего вонзеннымъ въ землю» (Сизов, 1902. С. 28, 70. Рис. 21)⁵³.

⁴⁹ Несомненно, эта местная традиция испытала сильное влияние общеевропейской производственной традиции и в какой-то мере явилась ее продолжением, но это влияние не помешало создать собственные оригинальные типы рукоятей.

⁵⁰ В подсчет включены находки двух мечей типа Т-2, обнаруженных около Днепровских порогов и на Днепровском протоке между Херсоном и Алешками) (Кирпичников, 1966а. Каталог №№ 36-37, 42), возможно, связанные с движением по Днепровскому пути дружин русов (Комар, 2014. С. 59).

⁵¹ В ряде случаев, в виду схожести морфологии, довольно сложно определить тип меча, выбрав между типами Т и V. По нашему мнению, меч из кургана СХVI (комплекс 8) у д. Вахрушево (Юго-Восточное Приладожье) относится к типу V.

⁵² А.Н. Кирпичников отнес находку к типу V, что, с нашей точки зрения, не правильно. Более крупные детали, высокая средняя часть головки наверху, горизонтально расположенные орнаментальные ромбы и треугольники – признаки мечей типа Т-2.

⁵³ А.Н. Лявданский предполагал, что меч происходит из раскопок 1897 года вала Центрального гнёздовского городища (Лявданский, 2002. С. 195). Скорее всего, он повторяет информацию А.А. Спицына, который, описывая результаты работ С.И. Сергеева, предположительно связал с «раскопками вала» меч, поступивший в Исторический музей, при этом отметив, что «прямого указания на то, что это именно тот самый меч, который найден в валу, не имеется» (Спицын, 1905. С. 68). По всей видимости, источником информации о находках при разрушении вала является запись в дневнике С.И. Сергеева – «Ходили слухи, что в 1897 году, когда

На фронтальных поверхностях перекрестия и основания навершия в центральной части в технике инкрустации нанесена геометрическая орнаментация, состоящая из сочетания ступенчатых ромбов и треугольников, расположенных в вертикальной развертке (рис. 21, 1, 2). По бокам перекрестия и основания навершия – треугольники и ромбы, расположенные в горизонтальной развёртке. Центральная часть головки навершия также украшена вертикально расположенными треугольниками и ромбами. Треугольники выложены серебряной проволокой и оконтурены медной проволокой, ромбы между ними выложены скрученными жгутиками из медной и серебряной проволочек. Орнамент на боковых частях головки навершия сохранился относительно плохо и реконструируется следующим образом. Центр занимают подтреугольные фигуры с бахромой по одной из сторон. В.Н. Кулаков предлагает трактовать подобные фигуры в качестве изображения флага (Кулаков, 1989. С. 69). Остальное пространство занято сплошной серебряной инкрустацией и, возможно, ступенчатыми треугольниками с серебряно-медным заполнением. Самый край полностью покрыт инкрустацией из медной проволоки. Орнаментация из ступенчатых треугольников нанесена на центральную часть верхней торцевой плоскости перекрестия. На боковых частях верхней торцевой плоскости перекрестия – циркулярная орнаментация. На боковых частях нижней торцевой плоскости на серебряном фоне – фигуры из переплетающихся линий, выполненные медной проволокой. Остальная часть этой поверхности инкрустирована сочетаниями проволок разного цвета. На торцевой плоскости основания навершия в центральной части – ступенчатые ромбы, на боковых частях – сочетания проволок разного цвета. Плотность инкрустации 35–40 проволочек на 10 мм.

Конструктивный тип крепления деталей навершия – Па по А. Гайбигу. Головка навершия закреплена на основании посредством железной скобы, впаянной внутрь головки навершия (припой виден сквозь сильно

понадобилось снять часть вала, то будто найдена из булыжников гробница (могила), в ней кости воина и масса ценных вещей» (Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. Л. 49).

коррозированные участки навершия). На торцевой плоскости основания навершия под расклёп скобы подложены шайбы из медного сплава.

На клинке меча А.Н. Кирпичниковым расчищено клеймо: с одной стороны – +ULFBERN+T; с другой – «решётка» (Кирпичников, 1966в. С. 254. Рис. 1, 2) (рис. 8, 3).

Находка меча в разрушенном погребении, инвентарь которого не сохранился, делает невозможной его датировку по археологическому контексту.

Тип V

Я. Петерсен отмечает, что помимо выделенных им типов с прямыми перекрестиями и съёмной трёхчастной головкой (А, D, E, R, S, T, U) существуют мечи, также снабженные трёхчастной головкой навершия, «но форма их настолько неопределенна, что чрезвычайно трудно указать, к какому типу они могут относиться» (Петерсен, 2005. С. 183). Такие мечи он объединил в тип V. Они обладают следующими характеристиками – «головка навершия относительно высокая – 3–4 см, трёхчастная, округлой формы. В продольном сечении перекрестья узкие, с сужающимися концами. Переход от центральной части головки навершия к крайним довольно плавный. Головка навершия не утолщена и приблизительно той же толщины, что и основание навершия. Детали рукояти всегда орнаментированы серебряными и бронзовыми проволочками, обычно ступенчатыми фигурами» (Там же, с.183).

По орнаментации и форме (в первую очередь навершия) детали мечей типа V очень схожи с деталями мечей типа T-2. Иногда сложно решить, к какому из типов относится той или иной меч. Определяющими здесь, по нашему мнению, являются в целом более крупные размеры деталей у типа T-2, а также сильно возвышающаяся центральная часть и более чётко оформленные боковые части навершия. У мечей типа T-2 на боковых частях перекрестия и основания навершия, как правило, фиксируется орнамент в виде треугольников и ромбов, расположенных в горизонтальной развёртке.

В типологии А. Гайбига типу V соответствует комбинационный тип 11.

На территории Европы без учета древнерусских находок найдено не менее 36 мечей типа (Андрощук, 2013. С. 73, 74; Jakobsson, 1992. P. 213). Я. Петерсен датировал этот тип первой половиной X века (Петерсен, 2005. С. 184), Ф.А. Андрощук – серединой – второй половиной X века.

А.Н Кирпичников в своём каталоге учёл 14 мечей типа V (Кирпичников, 1966а. С. 80–83), которые датировал серединой – второй половиной X века.

В Гнёздове найдено 4 меча этого типа.

Первый меч обнаружен в кургане Ц-41/Сиз-1885, содержавшем парное погребение по обряду трупосожжения⁵⁴ (№ 14 в Каталоге мечей) (рис. 22, 4).

Орнаментация сохранилась плохо. На головке навершия и на торце основания навершия остатки насечки под орнаментацию и сильно оплавленные инкрустированные участки. По некоторым её остаткам можно предположить, что орнамент состоял из сочетания треугольников и ромбов. На боковых частях фрагментарно сохранились флагообразные фигуры. Основная инкрустация выполнена серебряной и латунной проволокой, «флаги» – с применением медной проволоки. Края боковых частей головки навершия полностью инкрустированы медной проволокой. Остатки сильно оплавленной инкрустации выявлены на торцевой плоскости основания навершия. Плотность инкрустации около 30 проволочек на 10 мм. Клеймо не расчищено.

На торцевой поверхности основания навершия фрагментарно сохранились чуть выходящие наружу железные штыри (или концы скобы). По А. Гайбигу конструктивный тип сборки этого навершия – II.

По нашему мнению, комплекс по сочетанию найденных в нем вещей можно датировать не ранее середины, а скорее третьей четвертью X века.

Второй меч найден в кургане Дн-86/Серг-1901, содержавшем парное погребение, совершенное по обряду трупосожжения⁵⁵ (№ 15 в Каталоге мечей) (рис. 22, 1-3).

⁵⁴ Часть клинка и перекрестие можно различить в спёкшейся груде предметов с кострища этого кургана, наряду с наконечниками копий и клинком боевого ножа.

На поверхности деталей рукояти в основном сохранилась только насечка под инкрустацию. На боковой части головки навершия выявлены остатки инкрустации серебряной проволокой. Плотность насечки под инкрустацию – около 22 канавок на 10 мм.

На торцевой поверхности основания навершия расположены две железные шайбы, подложенные под расклёпанные железные штыри или скобы. По А. Гайбигу конструктивный тип сборки навершия – II.

Комплекс, из которого происходит меч, можно датировать не ранее середины, а скорее третьей четвертью X века.

Третий меч найден при строительных работах в июле 1899 года («комплекс 14 июля 1899 года/Ц») (№ 16 в Каталоге мечей) (рис. 23). Происходит из разрушенного кургана, содержавшего погребение по обряду трупоположения в деревянной камере.

Отличительной особенностью этого меча является отсутствие углублений, делящих головку навершия на три части. Эти углубления и монтируемые в них проволочные жгуты заменены инкрустированными жгутиками из серебряной проволоки и таким образом была имитирована трёхчастность головки навершия. В основе орнаментации основной части поверхности – сочетание вертикально расположенных ступенчатых треугольников и ромбов. Треугольные фигуры выложены серебром, ромбы – жгутиками, скрученными из серебряной и медной проволоки. Между ромбами и треугольниками пространство заполнено медной проволокой. В центре боковых частей головки навершия расположены «флаги», выложенные медной проволокой. Края боковых частей и треугольники также выложены медной проволокой. Плотность инкрустации – около 24 проволочек на 10 мм. В углубление между верхней и нижней частями навершия вставлен жгут, скрученный из двух медных проволок.

⁵⁵ Меч сохранился фрагментарно – для исследования доступны навершие, обломки перекрестия и клинка.

На торцевой поверхности основания навершия расположены две шайбы из медного сплава, подложенные под расклёпанные железные штыри или скобы. По А. Гайбигу конструктивный тип сборки навершия – II.

На фрагментах клинка А.Н. Кирпичниковым были расчищены остатки клейма (Кирпичников, 1966в. С. 258. Рис. 2, 5). К сожалению, клинок сохранился фрагментарно⁵⁶, вследствие чего клеймо читается не полностью. На одной стороне клинка располагаются фрагменты клейма – +INGE ... IT, на другой – «решётка» (рис. 8, 5). Центральная часть клейма (на протяжении примерно 12 см) не сохранилась. Очевидно, что клеймо принадлежит группе клейм с именем «INGELRII».

Комплекс, исходя из обряда погребения и погребального инвентаря, по нашему мнению, датируется второй половиной X века. находка в погребении подвески-крестика, возможно, позволяет относить погребение к последним десятилетиям X века.

Четвёртый меч типа V меч был найден в кургане Дн-4/1984, содержащем мужское погребение, совершенное по обряду трупоположения в деревянной камере (№ 17 в Каталоге мечей) (рис. 24).

Перекрестие и основание навершия украшены орнаментом в виде двух противопоставленных вершинами рядов треугольников, выложенных серебром. Пространство между ними занимают ромбы, выполненные из жгутиков, где переплетаются медь и серебро. Между ромбами и треугольниками фиксируется тонкая (около 1 мм) линия, выложенная медной проволокой. Сочетание ромбов и треугольников отмечено также и на центральной части головки навершия. Орнаментация боковых частей головки навершия сохранилась плохо. Но очевидно наличие «флагов», остальная поверхность была сплошь покрыта белым металлом. Проволочные жгутики, разделяющие головку навершия на три части, не сохранились.

⁵⁶ В том числе и вследствие отбора проб для металлографического анализа Б.А. Колчиным.

На торцевой плоскости навершия и верхней торцевой плоскости перекрестия выявлены фрагменты деревянной рукояти в сечении подпрямоугольной формы со скругленными углами.

Клеймо не расчищено.

Дата погребения определяется датой рубки бревен, использованных при сооружении камеры, которая производилась в 60-х – начале 70-х годов X века. (Карпухин, 2001. С. 206). Таким образом, у нас есть все основания датировать погребение в рамках 970–980 годов.

Тип X.

По Я. Петерсену – «Навершие односоставное, полукруглое, в продольном сечении равномерной ширины с закругленными концами» (Петерсен, 2005. С. 186). Выделяется два варианта – ранний и поздний. У раннего варианта «навершие выше и тоньше, нижнее перекрестье также более высокое, слегка изогнутое, ... в продольном сечении часто с зауженными концами». Поздний вариант мечей типа X «имеет более низкое, толстое и короткое навершие, более низкое и широкое перекрестие, которое, в свою очередь. Может быть довольно длинным и коротким ... В продольном сечении перекрестья одинаковой ширины с закругленными концами...». Я. Петерсен приводит также метрические характеристики раннего и позднего вариантов типа X:

	Длина навершия, <i>мм</i>	Высота навершия, <i>мм</i>	Длина перекрестия, <i>мм</i>	Высота перекрестия, <i>мм</i>
Ранний вариант	78	51	-	до 20
Поздний вариант	50-65	27-35	107–177	7–14

Навершия мечей типа X односоставные и крепятся на черене клинка согласно конструктивному типу III по А. Гайбигу.

По мнению норвежского исследователя, мечи типа X появляются в первой половине X века и существуют до конца «эпохи викингов» (Петерсен, 2005. С. 192–193).

Ф.А. Андрощук высказал мнение об отсутствии хронологического развития от раннего к позднему вариантам мечей типа X, в качестве аргумента приведя погребение, датирующиеся, по его мнению, первой половиной X века, и в котором в составе погребального инвентаря присутствовал меч типа X (Андрощук, 2004. С. 5–6). Определить хронологию раннего варианта типа X в рамках второй четверти – середины X века позволяет уточнение времени бытования ряда скандинавских фибул (Янссон, Потупчик, Андрощук, 2010. С. 578). Также было указано, что три меча типа X (позднего варианта) найдены в курганах могильника Бирки, возведенных до сооружения городского вала в середине – второй половине X века.

Значительно более ранняя датировка мечей типа X предлагается чешскими исследователями. По мнению И. Кошты и И. Гошека, основанном на датировках погребений №№ 438, 805 и 1347 кладбища в Микульчицах, мечи типа X появляются уже в середине IX века (или несколько позднее) (Košta, Nošek 2009. P. 109–111).

В типологии А. Гайбига мечи типа X соотносятся с комбинационным типом 12 вариант 1. А. Гайбиг датирует мечи этого типа второй половиной X–XI веком.

На территории Европы найдено не менее 265 (без учета древнерусских находок) мечей типа X (Андрощук, 2013. С. 76; Jakobsson, 1992. P. 213–214; Marek, 2004. P. 106–114).

На древнерусской территории обнаружено не менее 7 мечей типа X, которые датируются X – началом XI века (Андрощук, 2004; Кирпичников, 1966а. С. 82–83; Кирпичников, 1992. P. 79). Из них детали двух мечей найдены в Гнёздове⁵⁷.

Навершие и черен клинка найдены в 1953 году при раскопках Д.А. Авдусиным Центрального городища (раскоп ЦГ-IV/1953) (№ 18 в Каталоге мечей) (рис. 25, 1).

⁵⁷ Еще одно навершие типа X было найдено при исследованиях на территории северо-восточной части Центрального поселения в 2017 году.

Навершие чёткой полукруглой формы с прямым основанием. Форма основания – овал с немного приплюснутыми сторонами. Конструктивный тип крепления навершия – III по А.Гайбигу.

Наиболее вероятное происхождение фрагмента меча из переотложенного слоя⁵⁸, не позволяет узко датировать находку.

Отдельное навершие было случайно найдено в 2001–2002 годах на восточной окраине восточной части Центрального селища (№ 19 в Каталоге мечей) (Рис. 25, 2).

Навершие полукруглой формы с прямым основанием. Форма основания навершия – подпрямоугольная с немного скругленными короткими сторонами. Размеры отверстия под черен клинка в нижней части – 9 × 18 мм, в верхней – 5 × 12 мм. Вес – 228,5 гр.

Тип Y.

По Я. Петерсену – «Навершие односоставное, «седловидной» формы – с возвышениями в центральной части и по краям... Нижнее перекрестье, как правило, относительно длинное и изогнуто вниз, в противоположную от навершия сторону. Навершие и перекрестье сужаются к краям, которые чаще всего срезаны» (Петерсен, 2005. С. 194–195). Отмечается, что тип известен в многочисленных вариантах, которые можно объединить в две основные группы. Мечи первой группы напоминают мечи типа P⁵⁹, отличаясь более крупными размерами и отсутствием орнаментации. Для мечей второй группы оказываются характерными низкие перекрестия и округлая средняя часть навершия (Там же, с. 195). В качестве отдельного особого типа 7 Я. Петерсен выделял меч с двусоставным навершием, по форме схожим с навершием типа Y.

⁵⁸ Фрагмент меча найден в кв. 18 при разборке пласта 4 на границе слоя предматерикового песка и «неоднородного рыхлого слоя, представляющего собой жёлто-серый супесчаный грунт с многочисленными вкраплениями угля» (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №836. С. 40).

⁵⁹По Я. Петерсену мечи типа P отличаются следующими особенностями – «перекрестья слегка изогнутые, немного расширенные на концах; головка навершия отсутствует. Верхний край по центру навершия почти на всех экземплярах заострен» (Петерсен, 2005. С. 165).

Крепление навершия типа Y (по J.P.) определяется как III конструктивный тип по А. Гайбигу, особого типа 7 – I конструктивный тип.

Появление мечей типа Y Я. Петерсен относит к первой половине X века (Там же, с. 198–199). На территории расселения балтских племен такие мечи распространены в X–XI веках (Kazakevičius, 1996. P. 159).

В типологии А. Гайбига мечи типа Y соотносятся с комбинационным типом 13 вариант 1.

На территории Европы известно не менее 60 мечей этого типа (Андрощук, 2013. С. 78; Jakobsson 1992. P. 214).

На территории Древней Руси зафиксировано не менее 5 мечей типа Y (Кирпичников, 1966а. С. 82–83; Кирпичников, 1992. P. 79–80). А.Н. Кирпичников датирует этот тип второй половиной X века.

Из шести древнерусских мечей этого типа один найден в Гнёздове в кургане Дн-88/Серг-1901, содержащем мужское погребение, совершенное по обряду трупосожжения⁶⁰ (№ 20 в Каталоге мечей) (рис. 26, 1-3). К настоящему времени от меча сохранились только фрагменты навершия и клинка.

По форме навершия этот меч можно отнести к типу Y-1 – мечи с навершием, напоминающим навершие мечей типа P. По типологии А. Гайбига данный меч соотносится с вариантом 1 комбинационного типа 13. На торце навершия сохранились отпечатки деревянной рукояти, овальной в сечении⁶¹.

Погребение в кургане Дн-88/Серг-1901 можно датировать только в рамках второй четверти – конца X века.

Тип меча неясен или неизвестен.

Для нескольких мечей, при разных обстоятельствах найденных в Гнёздове, определить тип или не удалось или он определён предположительно.

1) Из разрушенного при строительных работах погребения происходят перекрестие и два фрагмента клинка⁶² (№ 21 в Каталоге мечей) (рис. 27).

⁶⁰ В настоящее время в фондах отдела археологических памятников находятся только фрагменты навершия клинка этого меча. Размеры меча восстановлены по фотографии (Спицын, 1905. С. 64. Рис. 119)

⁶¹ Сохранившееся дерево рукояти свидетельствует о том, что меч не был в погребальном костре.

⁶² Ранее ошибочно приписывались к комплексу клада 1868 года (Пушкина, 1998. С. 372–374).

Возможно, погребение было совершено по обряду труположения (Пушкина, 1998. С. 372–374).

На клинке А.Н. Кирпичниковым расчищено клеймо: на одной стороне – ULEN; на другой – крест и примыкающие к нему с разных сторон фигуры в форме буквы В (рис. 8, 4) (Кирпичников, 1966в. С. 258. Рис. 2, 3).

Изогнутая форма и размеры перекрестия, позволяют предположительно отнести меч к типу Y, хотя нельзя исключать принадлежность к типу X (напр. Андрощук, 2013. С. 621. Табл. 145. С. 634. Табл. 158)

2) По сообщению В.И. Сизова в коллекции графини П.С. Уваровой находился меч, найденный в гнёздовских курганах (№ 22 в Каталоге мечей) (Сизов, 1902. С. 69). Из описания меча В.И. Сизовым – «Сделанные из железа крыж и верхушка рукояти в мече графини Уваровой украшены были бронзовой накладной пластинкой с точечным орнаментом; такой же орнамент встречается на рукояти, найденной г.Кусцинским» – можно предположить, что рукоять меча, относилась к типу E, и была инкрустирована проволокой жёлтого металла (Там же, с. 70).

3) Летом 1901 года при раскопках В.И. Сизовым кургана Л-147/Сиз-1901, осуществленных на средства княгини М.К. Тенишевой, был найден меч (№ 23 в Каталоге мечей). Курган, расположенный на южной «окраине лесного могильника» (Лесная группа курганов – К.С.), содержал погребение по обряду кремации. Меч был «обёрнут» вокруг урны с кальцинированными костями, в свою очередь, помещённую в деревянное ведро с железными обручами (Там же, с. 79). Меч был передан в «музей кн. Тенишевой». К настоящему времени среди депаспортизированных вещей, хранящихся в Смоленском государственном музее-заповеднике и происходящих из довоенных раскопок Гнёздова, сохранились несколько сильно коррозированных обломков клинка, которые, по всей видимости, принадлежат этому мечу.

По словам В.И. Сизова, упомянутый «меч принадлежал к типу гнёздовских мечей, имея широкое лезвие и небольшое перекрестие, только

верхушка состояла из одной нижней части, схожей по форме с перекрестием, а верхней, обыкновенно закруглённой части не было» (Там же, с. 79). Исходя из описания, можно предположительно отнести меч к типу М, распространённому в Северной Европе во второй половине IX – первой половине X века⁶³. На территории Древней Руси мечей типа М не найдено. Но следует отметить, что иногда к типу М причисляют мечи изначально других типов (тт. D, E, H, V), но с намеренно снятой или утерянной головкой навершия⁶⁴.

4) В 1914 году пастухами в одном из курганов Левобережной курганной группы были найдены «великолепной сохранности норманнский меч, железная шейная гривна, топор» (№ 24 в Каталоге мечей) (Клетнова, 1916. С. 39). С этими вещами также был обнаружен череп, что позволяет считать, что погребение совершено по обряду труположения. Все вещи были переданы в Историко-этнографический музей княгини М.К. Тенишевой в Смоленске и, по всей видимости, утрачены во время Великой Отечественной войны. Тип меча остался не известным.

5) В кургане Дн-55/Серг-1899 содержащем парное погребение, совершенное по обряду трупосожжения найден обломок клинка (№ 25 в Каталоге мечей) (рис. 26, 4). Наиболее вероятная датировка погребения – вторая половина X века.

6) В ходе раскопок вала Центрального городища, произведенных С.И. Сергеевым в 1900–01 годах, были найдены обломки клинка меча (№ 26 в Каталоге мечей). Они находились в спекшейся куче, в которой угадывались фрагменты копий (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1901. Д.7. Л. 50).

⁶³ В собрании Смоленского музея-заповедника находится фотоснимок, сделанный во время оккупации Смоленска в 1941-43 годах (СМЗ КП 36357/209; ГК 8924247). На фото запечатлён планшет с археологическими предметами, среди которых фрагмент меча, совпадающий с описанием В.И. Сизовым меча, найденного в кургане Л-147/Сиз-1901.

⁶⁴ Головка навершия отсутствует у мечей тт. D из Михайловского могильника, E из Рокота, H из Тимерёвского могильника и т.д. А.Н. Кирпичников объясняет отсутствие этой детали попытками изменить баланс меча для достижения более результативного удара (Кирпичников, Сакса, 2006. С. 43). Не отрицая возможности подобного объяснения, предложим еще одну причину отсутствия головки навершия. Частью меча, наиболее подверженной повреждениям, несомненно, является клинок. В случае его порчи, детали рукояти, особенно богато декорированные, могли перемонтироваться на другой клинок. При размонтировке у двусоставных наверший укорачивались соединяющие детали навершия штыри или специальные скобы. Таким образом, установка головки навершия без специальных трудоемких операций по замене штырей или скоб была невозможна, и меч мог быть заново собран только без головки навершия.

7) При раскопках В.И. Сизовым одного из курганов был найден предмет, который можно атрибутировать как накладку на рукоять меча⁶⁵ (№ 27 в Каталоге мечей) (рис. 28, 1) (Каинов, Зозуля, 2014б. С. 132–133).

Деталь представляет собой железную пластину (размеры 44 × 17 × 3 мм) в форме вытянутого треугольника, с закругленным верхним углом и немного проваленными длинными сторонами. На короткой стороне расположен небольшой уступ. Фронтальная поверхность накладки покрыта параллельными канавками (плотность канавок – 30 на 10 мм), в которые изначально была инкрустирована проволока. В результате воздействия погребального костра инкрустация практически не сохранилась, исключение – скрученный из двух проволочек жгут, расположенный вдоль уступа и незначительные участки в нижней части накладки. Мотив инкрустации устанавливается по разности коррозии поверхности. Инкрустация представляла собой расположенные вдоль длинных сторон накладки треугольники, обращенные вершинами друг и другу и расположенные между ними ромбы. Подобная инкрустация характерна для деталей рукояти мечей типа V.

На территории Древней Руси аналогичные предметы происходят из кургана 38 Петровского могильника (Ярославская обл., Россия) (рис. 28, 2, 3). В погребении, совершенном по обряду трупосожжения, найдены две накладки треугольной формы, инкрустированные треугольниками и ромбами. Помимо накладок в погребении обнаружена головка навершия рукояти меча типа V (Там же, с. 133–134).

Понять схему расположения накладок на рукояти помогает находка меча типа V из могильника Приекулю Гюгери, погр. 30 (Латвия), которое по найденным здесь дирхамам датируется примерно 1000 годом (рис. 28, 4) (Tomsons, 2006. P. 12. Att. 10). На деревянных обкладках рукояти меча были

⁶⁵ Курган, из которого происходит деталь, к настоящему моменту точно установить не удалось. В работе С.С. Ширинского указано, что накладка была найдена в кургане Ц-62/Сиз-1896-97 (Ширинский, 1999. С. 109, 133. Рис. 19). Но в «Дневнике раскопок курганов 1896 г...» в инвентаре этого кургана, обозначенного под номером 38, никаких железных накладок треугольной формы не упоминается (Гнёздовский могильник, 1999. С. 65-66). Не указан этот предмет и среди инвентаря кургана № 38 в «Инвентаре вещей, найденных в раскопках близ Гнёздова. 1896 г.» (Гнёздовский могильник, 1999. С. 73).

расположены 4 (по две с каждой стороны) накладки по форме и орнаментации идентичных гнёздовской накладке. Основания накладок были обращены к перекрестию или навершию, а вершины друг к другу, между ними в центре рукояти была навита проволока из цветного металла⁶⁶.

Таким образом, гнёздовская накладка (в составе изначального набора из 4 накладок) должна была располагаться на деревянной рукояти меча. Способ крепления не ясен, возможно, с учетом немного наклонных боковых стенок накладки, она вставлялась в пазы в заранее проделанное углубление, по форме точно совпадающее с накладкой. Уступ на короткой стороне накладки мог служить для расположения проволочной обмотки, дополнительно крепящей накладки на рукояти⁶⁷.

Итак, в работе собраны данные о находке в Гнёздове не менее чем 27 целых мечей, их деталей и фрагментов. Тип точно установлен у 20 предметов, ещё у трёх мечей тип установлен предположительно.

Это самая большая концентрация находок мечей на одном памятнике для территории Древней Руси. Отчасти это объясняется сравнительно хорошей сохранностью комплекса, но в то же время подчеркивает значение Гнёздова как важного пункта в системе политических и военных отношений эпохи складывания древнерусского государства.

Коллекция гнёздовских мечей не только многочисленна, она отличается и типовым многообразием. В ней представлены как типы В, D и особый тип 2/Mannheim – редкие или вообще более не встреченные на территории Древней Руси – так и относительно широко распространенные. Находка некоторых типов мечей, в остальной Европе датирующихся не позднее IX века, на территории Руси в археологическом контексте X века позволяет вернуться к

⁶⁶ По одной треугольной накладке, изготовленным из серебра и орнаментированным в технике скани, зафиксировано на мече типа V из Errindlev, Дания (Каинов, Зозуля, 2014б. С. 134. Рис. 5, 2). Треугольные фигуры, по расположению и форме совпадающими с описываемыми накладками, вырезаны на роговой обкладке рукояти меча типа V из Rosta, Швеция. Примечательно, что накладки (и их имитации) встречены именно с мечами типа V, с которыми накладки сближает и орнаментация в виде треугольников и ромбов (Там же, с. 134. Рис. 5, 3).

⁶⁷ Проволочная обмотка на латвийском мече, по нашему мнению, вторична, так как она закрывает часть инкрустации накладок, и, возможно, служила для крепления выпадающих накладок.

проблеме, обозначенной А.Н. Кирпичниковым – запаздывание датировок древнерусских мечей по сравнению с их норвежскими и в целом европейскими аналогами. Датировки гнёздовских мечей и в целом древнерусских мечей «запаздывают» не только относительно хронологии Я. Петерсена, но также и относительно хронологии Ф. Андрощука, которая сильно «омолодила» некоторые типы. Причём, можно проследить следующую тенденцию – чем позднее меч, тем меньше разрыв между датировкой конкретного древнерусского экземпляра и датировкой, предложенной для типа меча на основании скандинавских находок.

Наиболее вероятное объяснение кроется в особенностях бытования мечей на раннем этапе их появления на древнерусской территории.

Не вызывает сомнения, что основное проникновение и распространение этих мечей в Восточной Европе связано с деятельностью скандинавских воинов и купцов. Начальный этап (вторая половина VIII–IX век) инфильтрации скандинавов на территорию Восточной Европы связан с низовьями Невы и Поволховьем (Puškina, 1997. P. 86–88). Ранние следы их присутствия отмечены на Сарском городище (вторая половина VIII – первая половина IX века), Ярославском Поволжье и в верховьях Западной Двины (вторая половина IX века). Мечи в погребальных комплексах и в слоях второй половины VIII–IX века не найдены. Но неопровержимым доказательством бытования мечей на северо-западе будущего древнерусского государства в VIII–IX веках, служат находки в нижних горизонтах Старой Ладogi деревянных мечей, несомненно копирующих реальное оружие – мечи ранних типов А, В, С, Н(?) (Рябинин, 1995. С. 56). Уже в IX веке (по крайней мере, в его второй половине) скандинавы, известные арабским источникам под именем «русов», осуществляли торговлю мечами по Волжскому торговому пути. Ибн Хордадбех отмечал, что русы *«вывозят бобровый мех и мех чёрной лисицы и мечи из самых отдалённых (частей) страны Славян к Румскому морю»* (Древняя Русь..., 2009. С. 30).

В первой половине X века количество и территориальный охват памятников со «скандинавским присутствием» значительно увеличивается. Наиболее ранние достоверные комплексы с мечами относятся к первой половине X века. В них найдены мечи типов B/N?, D, E, H, время бытования которых на других европейских территориях определяется в рамках VIII – первой половины X века. По всей видимости, в VIII–IX веках мечи для территории будущего древнерусского государства были достаточно редким и дорогим предметом. Попав сюда, меч продолжал бытовать достаточно продолжительное время, хотя в большинстве регионов Европы (в первую очередь близким к местам производства мечей) данный тип меча уже выходил из употребления⁶⁸. Меч мог передаваться по наследству, что хорошо иллюстрируется данными арабского путешественника Ибн-Русте: *«Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом»* (Древняя Русь..., 2009. С. 48). Мечи чаще попадают в погребальные комплексы, по всей видимости, с увеличением их количества на территории Древней Руси. Причем это мечи типов как уже прекративших своё существование на территории остальной Европы (тип B), так и ещё остающихся «в моде» в отдельных регионах (типы E и H).

В погребениях второй половины X века количество и типовое разнообразие мечей значительно увеличивается (тт. H, X, W, Y, T, V, Z). «Хронологический разрыв» по отношению к североевропейским аналогам для большинства типов мечей или совсем незначительный, или вообще отсутствует. Очевидно, что мечей на территории Древней Руси становится существенно больше. Это предположительно можно объяснить как

Интересно было бы понять механизмы эволюции типов рукоятей «эпохи викингов». Что это – меняющиеся представления о красивом мече или результат каких-то пока еще не понятых изменений в технике владения мечом, реализация стремления сделать меч совершенным орудием убийства?

увеличением масштабов импорта мечей, так и, возможно, налаживанием собственного производства мечей.

Ножны меча.

Ножны служили для предохранения клинка меча от непогоды и повреждений, а также для безопасного ношения меча. Ножны изготавливались из дерева и, как правило, обтягивались материей или кожей.

Остатки ножен прослежены на клинках двух гнёздовских мечей – из «комплекса 14 июля 1899 года/Ц» и кургана Дн-4/1984⁶⁹.

Наилучшей сохранностью отличается фрагмент ножен, закрывавших самый конец клинка меча из «комплекса 14 июля 1899 года/Ц» (рис. 29). Взаимное расположение слоев различного материала ножен на этом участке можно реконструировать следующим образом. Непосредственно к клинку меча прилежала кусок шкуры животного, обращенная мехом вовнутрь⁷⁰. Шкура была помещена внутрь футляра из двух деревянных планок (толщиной до 2 мм). На внешней поверхности дерева прослежен очень тонкий (около 0,3 мм) слой с гладкой поверхностью. Возможно, это кожа (хотя в данном случае смущает столь малая толщина) или же это остатки клея, на который поверх дерева наклеивалась ткань полотняного переплетения (лен ?). На слой ткани на нижнем конце ножен по спирали была намотана подвернутая полоска ткани, на которую был надет наконечник ножен⁷¹.

На клинке меча из кургана Дн-4/1984 остатки ножен сохранились в виде незначительных фрагментов. Прослеживаются остатки шкуры животного, обращенной мехом к клинку и покрывающий ее слой дерева, толщиной 1,5–2 мм.

⁶⁹ Хорошо сохранились деревянные ножны, обмотанные материей, на мечи из кургана Л-207, раскопанного в 2017 году.

⁷⁰ Меховой слой, который мог смазываться жиром, предохранял клинок меча от влаги и ржавчины.

⁷¹ Внутри одного из наконечников ножен, найденных в Гнёздово, также зафиксированы остатки фрагментов дерева от ножен. Поверх ножен находилась ткань полотняного переплетения. Анализ фрагментов дерева с целью определения породы пока не проведен. Подобные анализы для некоторых европейских находок «эпохи викингов» продемонстрировали, что ножны мечей изготавливались из ясеня (Scar), дуба (Palace of Westminster), ивы или тополя (Skerne) (Dunning, Evison, 1964. P.126; Owen, Dalland, 1999. P. 110–111).

Многослойная структура ножен мечей не раз фиксировалась. Например, трехслойная структура ножен – шкура (возможно, овечья) /дерево/ткань прослежена у ножен меча из Scar (Великобритания)⁷² (Owen, Dalland, 1999. P. 109–112). Внутренний слой ножен меча с о-ва Мэн (Великобритания) состоял из ткани, затем располагались деревянные планки, внешняя сторона которых была обклеена еще одним слоем ткани и кожи (Bersu, Wilson, 1966. P. 52). Ножны, найденные в слое середины XI века Гданьска (Польша) сделаны из дерева, обтянутого тканью и конской кожей (Nadolski, 1955. P. 186–192). Ножны меча, фрагменты которого найдены в погребении в Десятинной церкви (раскопки М.К. Каргера 1939 года), были изготовлены из двух самшитовых планок, обтянутых тканью саржевого переплетения (Бредіс, 1996, С. 47). Погребение на основании радиоуглеродного анализа датируется в интервале 1011+/-14 гг. (Андрощук, Панченко, Ковалюх, 1996. С. 46)

Наконечники ножен мечей.

Нижний конец ножен мечей иногда снабжался металлическим наконечником. Функционально он предохранял нижнюю часть ножен меча от повреждений, но в то же время, учитывая зачастую сакральный характер животных, изображённых на некоторых наконечниках (птица (петух, сокол?), дракон), вложение меча в ножны (и, соответственно, погружение клинка в тело сакрального животного) может рассматриваться как определённые магические действия, призванные увеличить силу оружия.

В интересующее нас время наибольшее распространение имели бронзовые ажурные наконечники ножен меча. Очевидно, что далеко не все ножны снабжались подобными наконечниками. В ряде погребений по обряду трупоположения, где точно зафиксированы фрагменты ножен, металлический наконечник отсутствовал⁷³.

⁷² Отсутствие покрытия ножен кожей с точки зрения исследователей позволяет сделать предположение, что футляр, в котором был найден меч, не был настоящими ножнами, а служил лишь для хранения (storage) меча (Owen, Dalland, 1999. P. 112)

⁷³ Например, гнёздовский курган Дн-4/1984 и тимерёвский курган № 295. На клинках мечей, найденных в этих курганах, прослежены фрагменты ножен, но наконечников не было.

Являясь яркими и выразительными предметами материальной культуры, наконечники ножен мечей давно привлекали внимание исследователей. Отдельным вопросам распространения и хронологии наконечников ножен посвящены многочисленные работы как российских, так и зарубежных исследователей (Ениосова, 1996; Корзухина, 1950; Кулаков, Иов, 2001; Михайлов, Носов, 2002; Ambrosiani, 2001; Arne, 1913; Paulsen, 1953 и др.). На сегодняшний день, с нашей точки зрения, актуальной остается проблема классификации накопленного материала.

Наиболее объёмной остаётся монография немецкого исследователя П. Паульсена, в которой рассмотрено более 260 известных к середине XX века наконечников ножен мечей X–XIII веков, найденных на территории Европы (Paulsen, 1953). Исследователь выделил семь орнаментальных мотивов, внутри которых в зависимости от особенностей орнаментации разделил наконечники на группы. В ряде групп дальнейшее деление происходит, в том числе, и исходя из особенностей морфологии наконечников (рис. 30).

Предложенная П. Паульсеном типология до сих пор используется при анализе, как отдельных наконечников, так и их региональных серий. Например, схема П. Паульсена легла в основу типологии, предложенной В. Казакевичусом для наконечников, происходящих с территории расселения балтских племён (Kazakevičius, 1998). В принципе, различия в типологиях состоят в несколько иной группировке типов наконечников внутри групп, а также, в виду того, что типология В. Казакевичуса рассматривает наконечники только с территории расселения балтов, в другом цифровом обозначении типов. Помимо этого, в работе вводится несколько новых типов наконечников ножен, не учтенных типологией П. Паульсена.

В последнее время вышло большое количество работ польских исследователей, посвященных наконечникам ножен мечей X–XIII веков. П. Сикора на основе анализа 75 предметов предложил свою типологию наконечников ножен, происходящих с территории расселения западных и

восточных славян⁷⁴ (Sikora, 2003). Она также основана на особенностях орнаментального мотива и во многом схожа с типологией П. Паульсена. В то же время исследователь предлагает своё деление некоторых групп наконечников. А. Яновский на основе типологии В. Казакиявичуса рассмотрел 27 бронзовых и серебряных наконечников ножен, найденных на территории Польши (Janowski, 2006).

Типологию ажурных наконечников ножен «эпохи викингов», основанную на отличном от П. Паульсена подходе, предложила Н.В. Ениосова (Ениосова, 1996. С. 100–121). В этой типологии значительное место отведено учёту морфологических признаков, таких как форма нижней и верхней рамок, отсутствие или наличие прилива-ножки, соотношение высоты и ширины и т.д. Морфология наконечников сыграла важную роль уже при выделении групп и подгрупп. Непосредственно типы и варианты наконечников внутри групп и подгрупп, определяются исходя исключительно из орнаментальных особенностей (рис. 31, 1). Последнее обстоятельство привело к тому, что полученный результат (на уровне типов) по большей части схож с типологией П. Паульсена (Таблица 6).

Но с нашей точки зрения, схема, предложенная Н.В. Ениосовой, не всегда адекватно отражает особенности изучаемого материала. Например, нельзя признать удачным выделение двух подгрупп наконечников «с птицей» на основании формы нижней части рамки: В-I – с «почти плоской нижней частью рамки»; В-II – «с вытянутым нижним краем обрамления»⁷⁵. В результате в разные подгруппы попадают орнаментально идентичные наконечники, отличающиеся только наличием или отсутствием уплощения в нижней части рамки. Происхождение этого уплощения можно объяснить тем, что вследствие незначительной толщины (в некоторых случаях менее 1 мм), основание при соприкосновении наконечника ножен с поверхностью земли постепенно

⁷⁴ В список включённых в работу наконечников попали экземпляры, происходящие из Билярска и Болгара, не имеющих отношения к славянам (Sikora, 2003, 34–35). Также достаточно гипотетично наличие славян в X веке в ряде мест, откуда происходят наконечники ножен (например, Чадаево и Даниловка) (Там же, р. 34).

⁷⁵ К такому же выводу пришёл и украинский исследователь В.Н. Зоценко (Зоценко, 2005. С. 64).

прогибается или же стирается⁷⁶. Уплотнение может повторяться и усиливаться при использовании наконечника в качестве модели-оттиска для изготовления новых литейных форм (Там же, с. 108–109). Также некоторые наконечники имеют уплощённо-округлую форму нижней части, на основании которой отнести наконечник к той или иной подгруппе сложно ввиду отсутствия чётких критериев.

Форма наконечника ножен может определяться как технологическими моментами, так и особенностями эксплуатации, и при этом разные по форме наконечники могут иметь один устойчивый орнаментальный мотив. Эта устойчивость определяется и самой технологией изготовления наконечников – литьё в глиняные формы с помощью промежуточных моделей. Подобная технология приводила к «появлению серий наконечников довольно стандартного облика, различающихся в мелких деталях» (Там же, с. 109). Различия могли возникать в результате доработки «непроливов» деталей наконечника как в воске (на стадии изготовления восковой модели), так и в металле уже после отливки (Там же, с. 109). «Доработанные» наконечники, в свою очередь используемые как модели для изготовления форм, образовывали новые серийные варианты наконечников.

С нашей точки зрения типология наконечников ножен должна базироваться, в первую очередь, на учёте особенностей орнаментального мотива, как это уже было сделано в типологии П. Паульсена. Учёт морфологических особенностей возможен на уровне выделения вариантов наконечников.

Исходя из этих принципов, нами была предпринята попытка типологизации наконечников ножен мечей, найденных в Гнёздове (рис. 31, 2) (Каинов, 2009).

⁷⁶ Возможно, что для предотвращения повреждений нижней части наконечника от соприкосновения с землёй, некоторые типы наконечников снабжались приливом-ножкой.

В виду относительно малочисленной коллекции наконечников мы не ставили своей задачей создание новой универсальной типологии. Имеющийся в нашем распоряжении материал был разделён на группы в зависимости от орнаментального мотива. В ряде случаев, когда позволяет количество и сохранность материала, на основе учёта орнаментальных особенностей предложено подразделение наконечников внутри групп на типы и варианты. Дальнейшая работа по разработке новой типологии наконечников ножен будет продолжена с учётом по возможности большего количества находок, как происходящих с территории Древней Руси, так и обнаруженных за её пределами.

Всего по имеющимся данным из Гнёздова происходит 22 наконечника ножен (Таблица 7, далее – Каталог наконечников ножен). Из них 12 экземпляров найдены при археологических работах, ведущихся на памятнике с 1874 года, остальные обнаружены случайно. Один наконечник известен только по архивным материалам.

Восемнадцать экземпляров принадлежат к так называемым ажурным наконечникам, четыре относятся к «непрорезным» наконечникам. Семь наконечников найдены при раскопках курганов, четыре – городища, остальные найдены на территории селища.

В зависимости от орнаментального мотива наконечники можно подразделить на следующие группы:

Гн-I. Наконечники с мотивом птицы.

В эту группу включены наконечники с вписанной в рамку фигурой птицы с расплостёртыми крыльями и направленной вверх головой. Верхняя часть рамки также оканчивается выступом в форме птичьей головы, направленной вверх и повернутой вбок. В типологии П. Паульсена данные наконечники включены в «шведско-варяжскую» группу наконечников с мотивом птицы, разделенную на четыре подгруппы (a, b, c, d), в зависимости от особенностей как морфологии, так и орнаментики (Paulsen, 1953. P. 22–35).

Всего в Гнёздове найдено 11 (10+1?) наконечников с мотивом птицы (№№ 1–10, 19? в Приложении 7). С нашей точки зрения они чётко подразделяются на два типа, отличающихся характером орнаментации.

Отличительной чертой первого типа наконечников с мотивом птицы является наличие линейной орнаментации на рамке наконечника и чётко детализированной фигуры птицы. Также для всех наконечников этого типа характерны утолщения на шее и на хвосте птицы.

К этому типу относятся четыре наконечника, один из которых найден в погребении (Ц-18/Сок-1882), два на территории городища, один на селище (№№ 1–4 в Каталоге наконечников ножен) (рис. 32, 1-4).

Несмотря на отмеченные выше общие признаки, которые объединяют их в один тип, некоторые орнаментальные детали позволяют говорить о вариантах орнаментации внутри этого типа наконечников.

К *первому варианту* (Гн-1.1.1) относится наконечник с изображением птицы, у которой крылья и хвост проработаны линиями, имитирующими оперение (рис. 31, 1). Хвост широкий, разделённый на 3–4 пера⁷⁷. На перьях и верхней части крыльев птицы нанесены маленькие точки. На спине птицы прочерчена ромбовидная фигура. Внешний и внутренний края боковых частей рамки подчёркнуты двумя линиями, между которыми нанесёна «лестничная» плетёнка. Нижняя часть рамки орнаментально ограничена от боковых частей 1–2 параллельными линиями. Характерная черта – вытянутая и приострѐнная в профиле нижняя часть рамки⁷⁸.

Наконечник этого варианта найден в Гнёздово в единственном экземпляре. Он является случайной находкой с восточной части гнёздовского селища (№ 1 в Каталоге наконечников ножен).

Еще два экземпляра происходят из Тимерёва и Старой Ладogi. Первый найден случайно и вероятней всего происходит из разрушенного погребения. В отличие от гнёздовского, орнаментация тимерёвского наконечника затѐрта и в

⁷⁷ На гнёздовском наконечнике на одной стороне три пера, на другой – четыре.

⁷⁸ На наконечнике также выявлено покрытие белым металлом, скорее всего, оловом.

целом проработана значительно грубее (Недошивина, 1963. С. 63. Рис. 36, 4). Староладожский наконечник происходит из раскопок В.И. Равдоникаса в 1939 году на Земляном городище (Равдоникас, 1949. С. 40. Рис. 30, 4). Он найден в горизонте Д, который датируется в пределах 920–990 гг. (Кузьмин, 1997. С. 345. Табл. 1; Михайлов, Носов, 2002. С. 138). Грубым исполнением данный экземпляр схож с тимерёвским наконечником.

Четыре наконечника этого варианта обнаружены в Бирке – три в погребениях (№№ 643, 750 и 944), обломок четвёртого найден при раскопках поселения. Погребения датируются временем не ранее середины X века (Ambrosiani, 2001. P. 14). Ещё один наконечник этого варианта происходит из Финляндии (Saltvik, Аландские о-ва) (Kivikoski, 1973. Fig. 847).

Гнёздовский наконечник по тщательности проработки ближе к наконечникам, найденным в Бирке и Финляндии. Тимерёвский и староладожский экземпляры, по нашему мнению, являются вторичными по отношению к североевропейским.

П. Паульсен подобные наконечники относил к подгруппе *b* «шведско-варяжской» группы и предполагал, что центром их производства могла быть шведская Бирка (Paulsen, 1953. P. 26).

Наконечник *второго варианта* (Гн-І.1.2) отличается более грубым исполнением и упрощенной орнаментацией (рис. 32, 2). Сохраняется широкий хвост, но изображения перьев на нём уже отсутствуют. Хвост птицы окаймлён с трёх сторон двойной линией. Отсутствуют точки на хвосте и груди птицы. Исчезает «лестничная» плетёнка на рамке, но сохраняется характерное для предыдущего варианта отделение горизонтальной чертой нижней части рамки от верхней. Нижняя часть рамки наконечника срезана.

Наконечник этого варианта представлен одним экземпляром, найденным при раскопках городища в 1953 году в слое, содержащим круговую керамику, что не позволяет датировать его ранее второй четверти X века (№ 2 в Каталоге

наконечников ножен). Наконечник целый, обломана только с одной стороны голова птицы на рамке.

Аналогичный гнёздовскому наконечник происходит из раскопанного в Киеве в 2002 году погребения, совершённого по обряду ингумации в деревянной камере. Киевский наконечник отличается от гнёздовского только большей «срезанностью» нижней части рамки. Судя по найденным в погребении византийским монетам, младшая из которых отчеканена в 920 году, киевское погребение датируется не ранее второй четверти X века (Зоценко, 2005. С. 68; Movtjan, 2005. P. 54–56).

Наконечники *третьего варианта* (Гн-І.1.3) отличаются от второго незначительно и также характеризуются довольно грубой проработкой орнамента (рис. 32, 3-4). Как и у предыдущего варианта отсутствуют перья на хвосте. Сам хвост на наконечниках данного варианта несколько уже и оконтурен с трёх сторон двойной линией. На груди птицы вместо прочерченного ромба – ромбовидное отверстие. Исчезает орнаментальное разделение нижней и верхней части рамки.

Этот вариант представлен двумя наконечниками (№ 3, 4 в Каталоге наконечников ножен). Один из них найден в кургане Ц-18/Сиз-1882 (рис. 32, 3). Во время находки наконечник был целый, к настоящему времени сохранилась лишь его часть. Отличительной чертой этого наконечника является циркульный орнамент, нанесённый в углах рамки и, возможно, над головой птицы. Состав погребального инвентаря в кургане Ц-18/Сиз-1882 позволяет датировать его серединой – второй половиной X в.

Обломок второго наконечника этого варианта найден при раскопках гнёздовского городища в слое, датирующимся не ранее второй четверти X века (раскоп ЦГ-ХV/1981). Он отличается от первого наконечника отсутствием циркульного орнамента в углах рамки, а также очень небрежно исполненной орнаментацией⁷⁹ (рис. 32, 4).

⁷⁹ Орнаментация наконечника доработана уже по готовой отливке (консультация Н.В. Ениосовой).

Аналогии этому варианту наконечника среди восточно- и североевропейских древностей автору не известны. На территории Древней Руси наконечник, наиболее близкий к варианту 3, найден при раскопках Углича в слое разрушенного могильника X века (Томсинский, 1997. С. 387). Но ряд деталей (оформление хвоста, точки на крыльях и хвосте) не позволяет отнести его к варианту 3.

Наконечник из кургана Ц-18/Сок-1882 П. Паульсен отнес к подгруппе *a* «шведско-варяжской» группы, центром производства наконечников которой, по его мнению, был район Киева (Paulsen, 1953. P. 22).

По всей видимости, наиболее ранним вариантом наконечников типа I является первый (Гн-I.1.1), чье происхождение связано со Скандинавией, вероятней всего с Биркой, где найдено несколько наконечников этого типа. Из Скандинавии он распространяется на территорию Финляндии и Руси. На Руси данный тип получает дальнейшее развитие и в результате его переработки возникают новые варианты наконечников, ни разу не встреченные за пределами Древней Руси. Это ещё раз свидетельствует о наиболее вероятном древнерусском происхождении наконечников второго и третьего вариантов первого типа⁸⁰.

Второй тип наконечников с «мотивом птицы» (Гн-I.2.) отличается от предыдущего характером орнаментации – дополнительные орнаментальные детали на груди птицы и на рамке нанесены преимущественно циркульным орнаментом или отсутствуют совсем, а также в целом несколько большими размерами по сравнению с наконечниками первого типа. Сама фигура птицы в отличие от изображения у первого типа обозначена только внешним контуром почти без проработки деталей. Если у первого типа наконечников «с мотивом птицы» голова (клюв, глаз) птицы отчётливо обозначаются линейным орнаментом, то у данного типа верхний контур головы очерчивался нижним краем отверстия (округлой или треугольной формы). Глаз птицы обозначался

⁸⁰ Наконечники различных вариантов первого типа кроме указанных из Бирки и Салтвика найдены также в Швеции (Berg) и Франции (L'Isle de Groix) (Paulsen, 1953. P. 23. Abb. 14, 25; Abb. 17).

небольшим кружком. В центре груди птицы, где у наконечников первого типа находилось отверстие или прочерченный ромб, иногда нанесён циркульный орнамент. Верхний выступ, отделённый от остальной части наконечника чертой, оформлен в виде головы птицы, у которой циркульным орнаментом также обозначен глаз. В типологии П. Паульсена этому типу соответствуют наконечники подгруппы d «шведско-варяжской» группы (Там же, . р. 28–33).

Тип, судя по европейскому материалу, также имеет некоторое количество вариаций, но сохранность гнёздовских наконечников не позволяет выделить отдельные варианты.

В Гнёздове найдено, по крайней мере, шесть наконечников этого типа (№№ 5–10 в Каталоге наконечников ножен) (рис. 32, 5-8). Два происходят из погребений (Дн-85/Серг-1901, Л-73/1950), два найдены на территории селища (ЦС-II/1997; случайная находка), один – на территории городища (ЦГ-вал/Серг-1901). Ещё один наконечник этого типа был найден в разрушенном в 1899 году при строительстве железной дороги погребении, совершённом по обряду ингумации в деревянной камере («комплекс 14 июля 1899 года/Ц»). До наших дней наконечник в коллекции не сохранился, но о его наличии свидетельствует отпечаток на фрагменте нижней части ножен (№ 6 в Приложении 7) (рис. 29, 1).

Инвентарь погребений, а также археологический контекст находок на поселении, позволяет датировать гнёздовские наконечники только в рамках второй четверти – конца X века.

Описываемый тип наконечников является наиболее распространённым на территории Древней Руси. Помимо гнёздовских наконечников из археологических раскопок происходит ещё как минимум 12 (+1?) экземпляров (Шестовица – 4 экз, Юго-Восточное Приладожье – 1 экз⁸¹, Михайловское – 1 экз, Рюриково городище – 1 экз, Старая Ладога – 1 экз, Новгород – 1 экз, Седнев – 2(1+1?) экз, Сарское городище – 1 экз, Белоозеро – 1 экз.) (Андрощук,

⁸¹ В литературе указывается ещё один наконечник ножен из Приладожья, якобы найденный в кургане у д. Залющик (Paulsen, 1953. P. 31). Скорее всего, это ошибка, допущенная ещё Т. Арне, указавшим наконечник, найденный у д. Горка, как найденный у д. Залющик (Arne, 1913, P. 382. Abb. 16).

1999. С. 48, 107; Ениосова, 1996. С. 110. Рис. В; Михайлов, Носов, 2002. С. 136–137. Рис. 1, 2; Самоквасов, 1917. С. 56, № 3510;). Таким образом, с учётом гнёздовских находок, всего на древнерусской территории найдено не менее 19 (18+1?) наконечников этого типа

Для выяснения начальной хронологии наконечников типа Гн-І.2 очень важен новгородский наконечник, найденный при зачистке материка на Троицком XI раскопе (Каинов, Авдеенко, 2012. С. 146). Предматериковые отложения на этом раскопе датируются 30-ми гг. X века (Янин и др. 1999. С. 5; Гайдуков, Дубровин, Тарабардина, 2001. С. 79–81).

Два из четырёх экземпляров наконечников этого типа, найденных в Шестовицком могильнике (погребения №№ 58 и 83), по мнению Ф.А. Андрощука, датируются первым десятилетием X в. (Андрощук, 1999. С. 53–54). Доказательством столь ранней даты погребений является находка в них мечей типа Н, византийских монет Льва VI (886–912 гг.) хорошей сохранности в погребении № 83, наконечника копья типа 1 по типологии А.Н. Кирпичникова (*далее* – по А.Н.К.) или тип Е по J.P. в погребении № 58 и салтовского стремени в погребении № 83. Находка в обоих погребениях наконечников ножен, по мнению Ф.А. Андрощука не противоречат предложенной датировке. Обосновывая это, исследователь, во-первых, приводит находку наконечника такого же типа в культурном слое поселения Бирки, содержащем восточные монеты чекана до 932 года. Во-вторых, Ф.А. Андрощук указывает на наконечник из погребения в L'Isle de Groix (Франция), датированного 900–950 гг. (Там же, с. 48). По нашему мнению ни шведская, ни французская находки не могут однозначно свидетельствовать о датировке наконечников этого типа началом X в. Наконечник из L'Isle de Groix относится к другому типу наконечников, а предложенная широкая датировка погребения в пределах первой половины X века, не позволяет использовать материалы этого погребения для подтверждения ранней датировки. Наконечник из Бирки также

может иметь широкую датировку, включая и вторую четверть X века, что, учитывая датировку новгородского наконечника, наиболее вероятно.

Не позволяют однозначно датировать началом X века погребения №№ 58 и 83 Шестовицкого могильника и другие материалы из этих комплексов. Мечи типа Н, а также наконечники копий типа 1 на территории Руси бытуют на протяжении всего X века (Кирпичников, 1966а, С. 27; Кирпичников, 1966б, С. 9). Тип стремян салтовского стремени, найденного в кургане, распространён не только в VIII–IX веках, как утверждает Ф.А. Андрощук, но встречается и в X веке (Крыганов, 1987. С. 140–141, 267. Рис. 68). Другой украинский исследователь А.В. Комар датирует курганы №№ 58 и 83 Шестовиц первой половиной X века (Комар, 2012. С. 350). Погребения №№ 46 и 110 Шестовиц, также содержащих наконечники типа Гн-I.2, Ф.А. Андрощук, основываясь главным образом на североевропейском материале, датирует 900–950 гг (Андрощук, 1999. С. 54).

На территории Европы данный тип наконечников также является наиболее распространённым. Так в работе П. Паульсена приводятся данные о 13 наконечниках без учёта древнерусских и прусских находок (Paulsen, 1953. P. 28–33). В. Казакавичус учёл 17 наконечников с «мотивом птицы», происходящих с территории расселения балтских племён, но в это количество вошло, по крайней мере, 2 наконечника с линейной орнаментацией⁸² (Kazakevičius, 1998. P. 290–291).

На территории Польши найдено три наконечника типа Гн-I.2 (Janowski, 2006, 24–26). Наконечник из Warszawy – Starego Brodna датируется X–XI веками, наконечник из Волина – последней четвертью X века (Janowski, 2006. P. 26).

Находкой в слое второй половины X века обломка литейной формы подтверждается производство подобных наконечников в Бирке (Paulsen, 1953.

⁸² Указанные наконечники по ряду признаков не относятся к типу I-1 по нашей типологии. В типологии П. Паульсена им соответствуют наконечники подгруппы с «шведско-варяжской» группы наконечников (Paulsen, 1953. P. 26–28).

Р. 27. Abb. 22). П. Паульсен отмечал, что наконечник из Юго-Восточного Приладожья (д. Горка) полностью соответствует этой литейной форме и может считаться импортом из Бирки (Paulsen, 1953. Р. 33). Но широкая распространённость этого типа в Северной и Восточной Европе, позволяют предполагать наличие нескольких центров производства наконечников типа Гн-I.2. П. Паульсен предполагал в качестве центров производства подобных наконечников в первую очередь Бирку, а также Готланд и «округу Киева» (Там же, р. 33).

С нашей точки зрения, появление наконечников типа Гн-I.2 относится к первой половине X века и связано со Скандинавией, где на поселении Бирки зафиксировано их производство. Опираясь на новгородскую находку, можно утверждать, что на территории Древней Руси данный тип наконечников появился, по крайней мере, в 30-х годах X века. Возможно, второй четвертью X века датируются некоторые погребения с подобными наконечниками Шестовицкого могильника. Верхняя хронологическая граница бытования этого типа на территории Древней Руси по археологическим данным ограничена концом X века⁸³.

Гн-II. Наконечники с мотивом совмещённых фигур человека и птицы

В эту группу выделены наконечники, которые П. Паульсен относил к «скандинавской группе» наконечников с «мотивом птицы», видя в орнаментации наконечника сильно стилизованное изображение птицы (Там же, р. 17). Но, с нашей точки зрения, данные наконечники несут изображение совмещённых фигур человека и птицы. В этом нас убеждает находка, сделанная при раскопках поселения Бирки. На одной стороне наконечника чётко различимы фигуры птицы и человека, причём фигура человека наложена на изображение птицы и как бы сплетена с нею. На другой стороне – фигура птицы, усложнённая плетёным орнаментом (рис. 7:1) (Ambrosiani, 2001. Р. 11–13. Fig. 1.2, 1.3). Археологический контекст, из которого происходит

⁸³ Указанная в статье Н.В. Ениосовой датировка началом XI века гнёздовских курганов Серг-85, Л-73 и одного из шестовицких курганов является опечаткой (Ениосова, 1996. С. 105).

наконечник, датируется 900–930/940 гг (Амбросиани, Андрощук, 2006. С. 4. Рис. 2, 3).

Композиция из сплетённых фигур птицы и человека, по мнению С. Линдквиста, находит своё объяснение в одном из сюжетов североевропейской мифологии. Как следует из «Младшей Эдды», выкрыв мёд поэзии у дочери великана Суттунга, Один скрылся от погони, превратившись в орла. Реалистичное изображение этого сюжета присутствует на одном из готландских рунических камней (Ambrosiani, 2001. P. 13. Fig. 1.4).

Из Гнёздова происходят два экземпляра наконечников с мотивом совмещённых фигур человека и птицы (№№ 11, 12 Каталоге наконечников ножен) (рис. 33, 1, 2). Первый найден при раскопках западной части селища в пахотном слое, что делает невозможной его хронологическую локализацию (раскоп ГС-III/Авд-1970) (рис. 33, 1). Отличительная черта данного наконечника – нечёткий, «замытый» рельеф, что позволяет предположить его изготовление по оттиску без дальнейшей проработки орнамента, хотя не исключено, что это последствия реставрации.

Второй наконечник обнаружен случайно при прокладке местными жителями газопроводной траншеи на границе Центральной группы курганов и северо-западной части селища в 1995 году. У наконечника обломана верхняя половина одной из сторон (рис. 33, 2). Отсутствие следов оплавленности и фрагментарность наконечника, скорее всего, свидетельствует в пользу его происхождения из культурного слоя селища. Качество проработки орнамента значительно выше, нежели у предыдущего наконечника.

С территории Древней Руси происходит ещё два наконечника этого типа. Первый найден при раскопках комплекса второй половины X века на городище Крутик, второй найден в Новгороде в слое, датированном 1065–1075 гг. (Варфоломеева, 1994. С. 171; Голубева, 1982. С. 3). Наконечник с городища Крутик по своим орнаментации и пропорциям очень похож на наконечники из Гнёздова.

Наконечник из Новгорода отличается меньшей высотой⁸⁴ и возможным отсутствием ножки-прилива (Каинов, Авдеенко, 2012. С. 148. Рис. 1, 3). Аналогичные новгородскому наконечники представлены в Прибалтике, где их найдено не менее трёх экземпляров (Gintališke, Vežaičiai, Žašinas) (Kazakevičius, 1998. P. 294). В. Казакиявичус датирует такие наконечники X–XI веками и считает их импортом из Скандинавии. Но непосредственно в Скандинавии ни одного подобного «низкого» наконечника не найдено и поэтому, с нашей точки зрения, вполне допустимо считать прибалтийские и новгородский наконечники балтской разновидностью скандинавских по происхождению наконечников с «мотивом совмещённых фигур человека и птицы»⁸⁵.

По данным П. Паульсена на территории Европы без учёта древнерусских экземпляров найдено 12 «высоких» наконечников «скандинавской группы» (наконечники с мотивом «совмещённых фигур человека и птицы» по нашей типологии) – Швеция, о-ва Готланд и Эланд – 7 экз, Норвегия – 2 экз, Исландия, Дания, Германия – по 1 экз. (Paulsen, 1953. P. 18). В недавней работе Б. Амбросиани указывает ещё один наконечник с территории Швеции (Ambrosiani, 2001. P. 16).

П. Паульсен датировал наконечники «скандинавской группы» второй половиной X века (Paulsen, 1953. P. 20). Возможно, в конце X – первой половине XI века наконечники с мотивом совмещённых фигур человека и птицы вызвали местное подражание на территории расселения балтских племён.

Гн-III. Наконечники с мотивом четвероногого животного.

Это довольно большая группа, объединяющая в себе наконечники с различной трактовкой основного сюжета – четвероногого животного, перевитого змеей. В типологии П. Паульсена к наконечникам «с германским

⁸⁴ Высота гнездовых наконечников около 75–78 мм, новгородского – 62 мм. Следует отметить, что нижняя часть новгородского наконечника была повреждена и реконструируемая высота наконечника составляла около 65 мм. Отсутствие ножки-прилива предполагается на основании аналогичных «малых» наконечников с мотивом совмещённых фигур человека и птицы, происходящих с территории балтских племен.

⁸⁵ Единственный известный автору наконечник с мотивом совмещённых фигур птицы и человека, отличающийся от остальных отсутствием ножки-прилива, найден в Швеции (Thunmark-Nylen, 1998. Tabl. 231:6). Но и его высота больше новгородского и прибалтийских.

мотивом четвероногого животного», относится четыре группы наконечников (Там же, р. 35–57).

В Гнёздово найдено два наконечника, несущих на себе изображение четвероногого животного. Они относятся к разным типам (№№ 13, 14 в Каталоге наконечников ножен) (рис. 33, 3, 4).

Первый наконечник (тип Гн-III.1) найден случайно на западной части селища (рис. 33, 3). Примечательно, что внутри наконечника сохранились остатки ножен (дерево, обмотанное материей полотняного переплетения).

В основе орнаментальной композиции наконечника вписанное в рамку S-видное с рубчатым заполнением тело животного, выполненное в канонах скандинавского стиля Jelling. Голова этого животного, выполненная в стиле Borre, является окончанием верха рамки наконечника. Вокруг тела животного присутствуют петлевые переплетения, формирующие тело змеи. Нижняя часть рамки оканчивается приливом, оформленным в виде трёхчастной шайбы.

На территории Древней Руси, кроме гнёздовского наконечника, найден ещё один – в кургане у с. Леоново (Юго-Восточное Приладожье). Этот комплекс О.И. Богуславский датирует 950–980 гг (Богуславский, 1991. С. 108–109). Предполагалось, что и сильно фрагментированный наконечник из черниговского кургана Гульбище также можно отнести к этому типу (Ениосова, 1996. С. 115). Но при детальном изучении фрагментов наконечника оказалось, что наконечник принадлежит к другому типу наконечников с «мотивом четверонога» – к «шведской группе X века» по типологии П. Паульсена (Paulsen, 1953. P. 45–47, Abb. 42, 43, 47).

П. Паульсен относил наконечники типа Гн-III.1 к «скандинавской группе наконечников X века» (Там же, р. 35–44). По его данным помимо древнерусских найдено еще не менее 14 наконечников этой группы – Дания – 2 экз, Англия – 1 экз, Исландия – 2 экз, Швеция – 8 экз, Волжская Болгария – 1 экз. (Там же, р.

37–41)⁸⁶. Исследователь считал подобные наконечники наиболее ранними и датировал их появление первой половиной X века (Там же, р. 41–42). Раннюю датировку (первая половина – середина X века) поддержала в своей работе и Н.В. Ениосова (Ениосова, 1996. С. 104). При раскопках шведского поселения Бирка обломок подобного наконечника найден в слоях, относящихся к 950–975 гг (Амбросиани, Андрощук, 2006. С. 5. Рис. 5:1). Для определения хронологической локализации наконечников этого типа интересно наблюдение С. Фюглесанг. По её мнению, в орнаментике таких наконечников заметно влияние стиля Mammen (Fuglesang, 1991. P. 95). Распространение этого стиля в Скандинавии датируется большинством исследователей второй половиной X века (Jansson, 1991. P. 273).

Ещё один гнездовский наконечник с мотивом «четвероногого животного», принадлежащий к другому типу, найден в кургане Ц-107/Сиз-1896-97? (Гн-III.2) (рис. 33, 4). Присутствие в составе погребального инвентаря бляшек «черниговской школы» позволяет датировать погребение второй половиной X века (Ширинский, 1999. С. 111).

Данный наконечник сильно отличается от вышеописанного как морфологически (наконечник значительно ниже, отсутствует прилив-ножка), так и орнаментально. «Четвероное животное» с S-видным туловищем у этого экземпляра полностью вписано в рамку наконечника. Разворот головы в профиль и поперечная штриховка тела животного – характерные признаки стиля Jelling. Боковые стороны рамки наконечника орнаментированы «лестничной плетёнкой».

Следует отметить, что наконечник характеризуется грубой проработкой деталей, что в ряде моментов не позволяет различить детали тела животного. Аналогичный наконечник, отличающийся лучшим исполнением, случайно найден на Чаадаевском городище в окрестностях г. Мурома (Пушкина, 1988. С.

⁸⁶ Известно несколько цельнолитых аналогичных по орнаментации наконечников: Прибалтика – 3 экз, Венгрия – 1 экз, Англия – 1 экз, Древняя Русь – 2 экз, «Волжский путь» – 1 экз. (Ениосова, 1994. С. 115; Зоценко, 2004. С. 98, Рис. 7; Томсинский, 1997. С. 388, рис. 3, 1; Kazakevičius, 1998, 296–297; Mills, 2001. P. 100. V280).

164. Рис. 1:4). Еще один наконечник обнаружен в 2006 году в Шестовицком могильнике в погребении, совершённом в деревянной камере, которое исследователи датируют первой половиной X века (Моця, Коваленко, Осадчий, Ситий, 2007. С. 295–297).

За пределами территории Древней Руси наконечники типа Гн-Ш.2 неизвестны. Находка трёх наконечников, сходных между собой, позволяет предположить их местное древнерусское изготовление. К этому выводу пришёл П. Паульсен, который считал наконечники, найденные в Гнёздово и Чаадаево, «самостоятельной локальной формой» «шведской группы» наконечников с «мотивом четвероного животного» (Paulsen, 1953. P. 47). Н.В. Ениосова отметила сходство орнаментики гнёздовского наконечника и круглых подвесок типа 154/155 по типологии Я. Петерсена, датирующихся второй половиной X – началом XI века и на основании этого сходства отнесла гнёздовский и чаадаевский наконечники ко времени не ранее второй половины X века (Ениосова, 1996. С. 107).

Гн-IV. Наконечники с мотивом человеческой фигуры.

В отдельную группу следует выделить наконечники с «личиной» в центре ленточного плетения. Возможно, здесь мы видим развитие орнаментальной схемы наконечников с мотивом человеческой фигуры, не усложненной плетеным орнаментом. Этот мотив представлен на наконечниках из Исландии (Ljarskogen) и Англии (Mills, 2001. P. 101, V281; Paulsen, 1953. P. 50. Abb. 55). На них чётко обозначена человеческая фигура с разведенными в стороны руками, стоящая на голове животного. Тело фигуры проработано горизонтальными линиями, имитирующими ребра или складки одежды. Верхняя часть головы фигуры на наконечнике из Исландии окаймлена своего рода нимбом, а на наконечнике из Англии – лентой, сформированной в виде трёх полукружий.

Развитие этой орнаментальной схемы с нашей точки зрения и привело к появлению так называемых наконечников с «личиной» в центре ленточного

плетения. Выделяются наконечники с «антропоморфной личиной» и наконечники с «зооморфной личиной» (Ениосова, 1996. С. 106). Орнаментальные особенности наконечников с «чистым» мотивом человеческой фигуры чётко прослеживается у наконечников с «антропоморфной личиной» – здесь сохраняются три полукружья около верхней части головы, человеческое тело с чётко проработанными рёбрами или складками одежды, голова животного, на которой стоит человек. Орнаментика наконечников с «зооморфной личиной» более отдалённо напоминает изначальную орнаментальную схему наконечников с «мотивом человеческой фигуры».

П. Паульсен наконечники с «личиной» в центре ленточного плетения относил к группе наконечников «в зверином стиле района Балтики», относящуюся к наконечникам с «мотивом четвероногого животного» (Paulsen, 1953. P. 48–53).

Шведская исследовательница Ш. Хиденштерна-Йонсон также видит в основе орнаментации наконечников с «личиной» изображение антропоморфной фигуры (Hedenstierna-Jonson, 2002. P. 103). В зависимости от различий в трактовке головы группа наконечников с «антропоморфной фигурой», по мнению шведской исследовательницы, разделяется на четыре подгруппы. Подгруппа А – наконечники с «зооморфной личиной», подгруппа В – наконечники с «антропоморфной личиной», подгруппа С – наконечники с «зооморфной личиной», схожей по трактовке с изображениями на овальных фибулах типа Р48, подгруппа D – наконечники с искаженным мотивом. Наконечник из Исландии, вышеупомянутый нами, Ш. Хиденштерна-Йонсон не включает ни в одну из подгрупп, считая его стилистически невыраженным, что, по её мнению, разительно отличает этот наконечник от остальных. С нашей точки зрения, предложенное деление следует несколько изменить: тип 1 – наконечники с «человеческой фигурой», не усложненной плетёным орнаментом, тип 2 – наконечники с «антропоморфной личиной», тип 3 –

наконечники с «зооморфной личиной», тип 4 – наконечники с искаженным мотивом «антропоморфной фигуры»⁸⁷.

В литературе высказывалось несколько интерпретаций изображения на наконечниках с «личиной». В статье В.И. Кулакова и О.В. Иова сделано предположение, что наконечники с личиной несут изображение «Одина, обеими руками обнимающего двух своих мистических спутников – воронов Хугина и Мунина» (Кулаков, Иов, 2001. С. 81). Ш. Хиденштерна-Йонсон, напротив, видит в орнаментальной композиции наконечников изображение распятого Христа, в качестве аналогии приводя изображение на камне из Еллингге в Дании, который датируется 960–1050 гг (Hedenstierna-Jonson, 2002. P. 107, 111). Исследовательница предполагает, что владельцы мечей, снабженных ножами с наконечниками с «антропоморфной» фигурой, были подданными датских правителей, и распространение подобных наконечников отражает «дипломатические контакты и политические взаимоотношения, осуществляемые ранним датским двором» (Там же, р. 111).

В Гнёздове найден один наконечник с «антропоморфной личиной» в центре плетённого орнамента (№ 15 в Каталоге наконечников ножен)) (рис. 33, 5). Это случайная находка и ее датировка по археологическому контексту невозможна.

На территории Восточной Европы известны ещё шесть наконечников, аналогичные гнёздовскому – это находки из кургана у с. Васильки⁸⁸, Искоростеня, Шекшово, Малого Листвена, Репок и Херсонеса (Ениосова, 1996. С. 114; Макаров, 2017. P. 666–667). Ещё один наконечник происходит из Германии (городище Nimschütz) и два из Болгарии (городище Стана и случайная находка на северо-востоке Болгарии) (Ениосова, 1996. С. 106; Йотов,

⁸⁷ Выделение в отдельный тип наконечников с «зооморфной личиной», схожих по трактовке с изображениями на овальных фибулах типа P48, с нашей точки зрения не оправдано. Данные наконечники являются вариантом внутри предложенного нами типа 3.

⁸⁸ Раскопки 1851 года А.С. Уварова во Владимирско-Суздальском уезде. Благодарю Н.В. Ениосову за предоставленную информацию об этом наконечнике. С нашей точки зрения нельзя согласиться с мнением Н.А. Макарова о принадлежности этого наконечника варианту с зооморфной личиной (Макаров, 2017. P. 669).

2004, С. 48–49. Рис. 19). К сожалению, узкая хронологическая привязка этих наконечников затруднена.

Более многочисленны наконечники с «зооморфной личиной». От наконечников с «антропоморфной личиной» их отличает личина меньших размеров, оформление верхней оконечности в виде остроносой морды животного и отсутствие ножки в нижней части. Такие наконечники на территории Древней Руси найдены в шестовицком могильнике (курган № 42) и на селище в устье р. Медведица (Paulsen, 1953. Р. 51, abb. 56; Исланова и др., 2002. С. 72, рис. 2, 2). Наконечник из кургана № 42 Шестовицкого могильника, исходя из находки костяных накладок, украшенных в скандинавском стиле Маммен, датируется не ранее второй половины X века. На остальной европейской территории найдено ещё по крайней мере 10 наконечников с «зооморфной личиной» – Германия, Дания, Исландия, Финляндия – по 1 экз., Швеция – 4 экз., территория расселения балтских племён – 2 экз. (Paulsen, 1953. Р. 49; Kazakevičius, 1998. Р. 298). Для балтских наконечников В. Казакевичус предлагает датировку X – рубеж X–XI веков (Kazakevičius, 1998, 298). Ш. Хиденштерна-Йонсон датирует серединой – второй половиной X века наконечник с «зооморфной» личиной, найденный в «дружинном доме» Бирки (Hedenstierna-Jonson, 2002. Р. 109–110).

Концентрация находок наконечников с «антропоморфной личиной» на территории Древней Руси и на территориях, подвергавшихся военной экспансии русов (Болгария, Херсонес), позволяет согласиться с предположением Н.В. Ениосовой, что подобные наконечники «были отлиты в Среднем Поднепровье мастерами, знакомыми со скандинавскими традициями» (Ениосова 1994. С. 106)²⁰. Наконечники с «зооморфной личиной», судя по количеству находок, изготавливались в Скандинавии, где они датируются второй половиной X века (Ениосова, 1996. С. 106).

Гн-V. Непрорезные наконечники с трилистником в основании, переходящим в вертикальное ребро.

Кроме рассмотренных выше так называемых ажурных наконечников, на территории гнёздовского поселения найдены четыре непрорезных наконечника.

Три из них орнаментально схожи (№№ 16–18 в Каталоге наконечников ножен) (рис. 34, 1-3). По типологии П. Паульсена подобные наконечники относятся к «восточно-прусской» группе, датирующейся, по его мнению, концом X–XI веком (Paulsen, 1953. P. 87–96).

Наконечник, обнаруженный случайно на территории восточной части селища, сохранился почти целиком и отличается относительно чёткой проработкой орнаментации (рис. 34, 1). В нижней части наконечник декорирован трилистником, центральный выступ которого в свою очередь также разделён на три части, переходящие в вертикальное ребро. Вдоль боковых сторон нижней части наконечника пуансоном нанесены три ряда треугольников. Боковые стороны верхней части рамки наконечника оконтурены тремя рядами валиков, сходящимися вверху и переходящих в окончание в виде головы животного – ? (конец морды обломан). Ножка-прилив отсутствует.

От второго наконечника, обнаруженного при раскопках пойменного участка селища (раскоп П-8/2002), сохранился обломок одной половинки (рис. 34, 2). Оба наконечника в деталях находят близкое сходство, различия определяются степенью проработки.

От третьего наконечника, найденного в верхнем сильно нарушенном слое городища (раскоп ЦГ-XXIV/2003), сохранился только обломок верхней части рамки (рис. 34, 3). Орнаментация в виде валиков, сгруппированных по три, и вертикального ребра позволяет уверенно относить данный фрагмент к тому же типу, что и два предыдущих наконечника.

Обломок наконечника, происходящий из раскопок гнёздовской поймы (раскоп П-8/2002), найден в слое, на основании комплекса бус, а также учитывая возможные датировки наконечников «восточно-прусской» группы, относящемуся к рубежу X–XI веков (Френкель, 2007. С. 106).

Кроме Гнёздова на территории Древней Руси наконечник этой группы найден в погребении у с. Подгорцы (Львовская обл., Украина)⁸⁹, датирующемуся самым концом X – началом XI века (Liwoch, 2005. P. 52–54. Rys. 16). Ещё по одному наконечнику этой группы найдено в Финляндии и Польше (Janowski, 2006. P. 35. Rys. 6:2; Kazakevičius, 1998. P. 301). Польский наконечник найден в слоях, относящихся к XII–XIII векам (Janowski, 2006. P. 35). По данным В. Казакевичуса, на территории расселения балтских племён найдено 17 наконечников этой группы, датирующихся концом X–XI веком, (Kazakevičius, 1998, P. 300–301, 303). Центром производства, учитывая количество найденных наконечников, В. Казакевичус предложил считать территорию балтских племён (Там же, р. 301).

В.Н. Зоценко, основываясь, главным образом, на датировках прибалтийских мечей (типы V, X по J.P.), найденных вместе с наконечниками «восточно-прусской» группы, с нашей точки зрения недостаточно обосновано, относит дату появления этого типа наконечников «по крайней мере, ко второй половине X в.» (Зоценко, 1999. С. 41). В более поздней статье В.Н. Зоценко обозначил «восточно-прусскую» группу как принадлежащую «всецело XI веку» (Зоценко, 2005. С. 71).

Тип неизвестен или неопределим.

Для нескольких наконечников, найденных в разное время на территории Гнёздовского комплекса, нельзя точно определить тип.

1) В каталоге предметов, хранившихся в Историко-этнографическом музее княгини М.К. Тенишевой в Смоленске в 1909 году, упомянут «наконечник ножен бронзовый, украшенный гравировкой и прорезной птицей» (№ 19 в Каталоге наконечников ножен). Наличие птицы и «гравировки» позволяет предположить, что данный наконечник принадлежал к наконечникам типа Гн-І.1 (Историко-этнографический музей, 1909, С. 169, № 3154).

⁸⁹ В.Н. Зоценко указывает наконечник, найденный у с. Погребы Киевской области, орнаментально схожий с наконечником, происходящим из Подгорцев. К сожалению, рисунка наконечника автор не приводит (Зоценко, 2004. С. 95). В другой статье В.Н. Зоценко ошибочно отнес наконечник из Подгорцев к «варяжской» подгруппе наконечников ножен «с восточной пальметтой» (Зоценко, 2005. С. 71).

2) На территории восточной части Центрального селища случайно найден незначительный обломок наконечника, представляющего собой верхнее окончание рамки в виде остроносой головы животного (№ 20 в Каталоге наконечников ножен) (рис. 34, 5). Отнести данный обломок к какому-нибудь известному типу наконечников в настоящий момент не представляется возможным, но вероятней всего он принадлежит наконечникам II или III группы по типологии гнёздовских наконечников ножен мечей.

3) В составе погребального инвентаря кургана Оль-24/Абр-1905 году, среди оплавленных бронзовых предметов Р.С. Минасяном были выявлены фрагменты наконечника ножен, скорее всего, принадлежащего к группе Гн-II (№ 21 в Каталоге наконечников ножен).

4) На западной части селища случайно найден предмет, напоминающий верхнее окончание рамки непрорезного наконечника, оформленное в виде головы животного (рис. 34, 4). Схожее оформление окончания имеет наконечник из Филиппополя (Болгария), который П. Паульсен включил в «варяжскую группу наконечников с восточной пальметтой» (Paulsen, 1953. P. 60. Abb. 69) (№ 22 в Каталоге наконечников ножен).

Очевидно, что значительное количество наконечников ножен X века, найденных на территории Древней Руси, имеют скандинавское происхождение – они изготовлены в Скандинавии, где следы их производства зафиксированы археологически, и поступали на территорию Руси уже с ножнами и мечами. Вызывает некоторое удивление количество и разнообразие типов наконечников X века, найденных на территории Древней Руси – по предварительным подсчётам более 100 экземпляров⁹⁰. Данный факт может ещё раз подтверждает высокую степень интенсивности русско-скандинавских контактов, а также может свидетельствовать о возможности местного изготовления наконечников. В пользу этого предположения свидетельствует ряд типов и вариантов наконечников, не имеющих аналогий на территории Северной Европы. Но, тем

⁹⁰ В эти подсчёты включены и находки, происходящие из несанкционированных раскопок.

не менее, изготовлены они мастерами, работающими в скандинавской технологической традиции, возможно этническими скандинавами. В качестве места изготовления подобных наконечников вполне могло выступать и гнёздовское поселение, где производство скандинавских украшений по технологии литья в глиняные формы с помощью промежуточных моделей подтверждается находками литейных форм для отливки овальных и трилистных фибул (Ениосова, 1998. С. 79). По мнению Н.В. Ениосовой, технологии отливки наконечников ножен и большинства скандинавских украшений не различались, как не отличался и используемый для этих целей состав металла (Ениосова, 1996. С. 109)⁹¹.

Изготовление наконечников ножен в Скандинавии и в Древней Руси может свидетельствовать о местном изготовлении и самих ножен мечей. Это предположение хорошо согласуется с высказанным А.Н. Кирпичниковым мнением о существовании во второй половине X века собственного древнерусского производства мечей, подтверждённого находками как мечевых клинков с клеймами, выполненными буквами кириллического алфавита, так и изготовлением собственных типов рукоятей мечей (Кирпичников, 1998. С. 250–251).

– *Боевые ножи.*

Боевые ножи – однолезвийное коротко-клинковое оружие колюще-рубящего/режущего действия.

В специальной литературе до сих пор не выработаны критерии для определения боевого ножа. Основной вопрос состоит в том, ножи какой длины относить к боевым и, соответственно, считать оружием. Различные исследовательские школы по-разному подходят к решению этого вопроса. Литовские учёные к боевым относят ножи с клинком не короче 20 см,

⁹¹ Н.В. Ениосова провела спектральный анализ двух гнёздовских наконечников ножен мечей (№№ 3,10 в Каталоге) и определила, что по составу металл, из которого они изготовлены, относится к группе свинцовистых латуней (Ениосова, 1996. С. 109).

эстонские – ножи (клинок + рукоять) длиной более 25 см (Казакиявичус, 1998. С. 82). В Финляндии боевыми считаются ножи длиной 20–80 см, в Норвегии ножи длиной не менее 30 см и шириной 3 см (Казакиявичус, 1998. С. 82). А.Н. Кирпичников, обобщивший древнерусский материал, к боевым ножам отнёс экземпляры общей длиной от 27 до 51 см, при длине клинка от 14 до 42 см при ширине от 2 до 3,8 см (Кирпичников, 1966а. С. 72).

В своей работе боевыми мы предлагаем считать все ножи, общая длина которых составляет более 35 см при длине клинка более 25 см. Все остальные ножи, размеры которых превышают обычные для того времени, по-нашему мнению, следует считать просто большими ножами. Возможно, они имели универсальное назначение, т.е. могли быть как хозяйственными, так и боевыми.

В отечественной археологической и оружиеведческой литературе боевые ножи X века, принято называть «скрамасаксы» (напр. Кирпичников, 1966. С. 72; Артемьев, 1998). Впервые этот термин применительно к древнерусскому боевому ножу X века употребил, как кажется, В.И. Сизов – «кроме упомянутых мечей, в Гнёздове найден весьма длинный однолезвийный нож или «скрамасакс»... Наш гнёздовский экземпляр, скорее всего, представляет собою пережиток более древнего времени, сравнительно с найденным вместе мечом» (Сизов, 1902. С. 71). Надо отметить, что оружиевед Э.Э. Ленц, в той же монографии В.И. Сизова, при описании боевого ножа, найденного в погребении Дн-86/Серг-1901, указывал: «по форме клинка этот нож очень близко подходит к германскому Langsax, переходному типу от боевого ножа (sax) к увесистому тесаку (scramasax)» (Там же, с. 99).

В западноевропейской литературе термином «scramasax» обычно обозначают боевые ножи, относящиеся к эпохе переселения народов и «эпохе Меровингов» (Казанский, 2012). Для ножей «эпохи викингов» применяются термины «weapon knife» (*англ.*), «hiebmesser» (*нем.*), seax (Arwidsson, 1986; Stjerna, 2007). В своей работе мы будем использовать термин «боевой нож».

Основными составными частями боевых ножей являются клинок и рукоять. Носились боевые ножи в ножнах, иногда богато украшенных.

В Гнёздове найдено не менее четырёх боевых ножей (Таблица 8, далее – Каталог боевых ножей и их ножен)⁹². Все они происходят из погребений – Ц-41/Сиз-1885, Дн-86/Серг-1901, ПОль-11/1979 и разрушенное погребение (вместе с мечом типа Т-2). До нас дошли только три боевых ножа из раскопанных археологами погребений, последний упоминается только в труде В.И. Сизова (№№ 4, 5, 12, 13 в Каталоге боевых ножей и их ножен). Полностью сохранился нож из кургана ПОль-11/1979, найденный разломанным на три части. Нож из кургана Дн-86/Серг-1901 сохранился фрагментарно. Боевой нож из кургана Ц-41/Сиз-1885 пока не доступен для изучения, так как находится в скипевшейся груде предметов с кострища этого кургана. Наличие среди этих предметов клинка боевого ножа устанавливается по поперечным сломам. О четвертом боевом ноже известно, что он был найден вместе с мечом типа Т-2 (№ в Приложении) и представлял собой «весьма длинный однолезвийный нож или «скрамасакс», сохранившийся лишь в форме клинка без всякой отделки» (Сизов, 1902. С. 71).

Общая длина боевого ножа из кургана ПОль-11/1979 составляет 50,5 см, из которых на клинок приходится 39,2 см (рис. 35, *1a*). При значительной длине ширина клинка не превышает 22 мм, толщина обуха в районе рукояти – 8 мм (в 10 см от острия ширина клинка – 21 мм, толщина обуха – 6 мм). Длина сохранившегося фрагмента клинка из кургана Дн-86/Серг-1901 составляет 31,5 см, ширина клинка у обломанного конца – 23 мм, при толщине обуха в 11 мм, ширина в 8 см от конца клинка – 22 мм, при ширине 8 мм. У клинка боевого ножа из кургана Ц-41/Сиз-1885 устанавливается только ширина – 21 мм и толщина обуха – 8 мм.

Для всех клинков гнёздовских боевых ножей характерно клинообразное (треугольное) сечение, что, учитывая незначительную ширину при большой

⁹² Еще один боевой нож был найден в 2017 году при раскопках кургана Л-208 в Лесной курганной группе.

толщине обуха, ставит под сомнение использование его в качестве режущего предмета. По всей видимости, основное предназначение этих ножей – нанесение колющих ударов. Хотя выявленная у боевого ножа из ПОль-11/1979 трёхслойная структура клинка, характерная для обычных бытовых ножей, не позволяет полностью отрицать и режущую функцию боевых ножей (Пушкина, Розанова, 1992. С. 215).

Противоположный острию конец клинка заканчивался череном, на которую насаживалась деревянная рукоять длиной около 11 см, овальная в сечении. Тыльная сторона рукояти закрывалась латунной накладкой, которая крепилась четырьмя гвоздиками. Черен клинка проходил сквозь рукоять и тыльную накладку и его кончик загибался в кольцо. Именно такая конструкция рукояти прослежена у боевого ножа из кургана ПОль-11/1979.

Боевые ножи в «эпоху викингов» часто снабжались богато украшенными ножнами⁹³, находки которых зафиксированы в Гнёздове. Всего удалось собрать сведения не менее чем о двенадцати ножнах в погребениях⁹⁴ (№№ 1-12 в Каталоге боевых ножей и их ножен). Еще пять отдельных деталей от ножен были найдены при раскопках Центрального поселения (№№ 14-18 в Каталоге боевых ножей и их ножен). Только в трёх погребениях ножны сопровождали боевой нож (Ц-41/Сиз-1885, Дн-86/Серг-1901, ПОль-11/1979), в остальных сами ножи не найдены. Целые ножны обнаружены только один раз – в уже упомянутом погребении, совершенном по обряду труположения – ПОль-11/1979. В остальных случаях ножны представлены различным по комплектности набором металлических деталей (все из погребений по обряду трупосожжения). «Некомплектность» может объясняться воздействием погребального костра и несовершенством методики раскопок.

Наилучшую сохранность имеют ножны из кургана ПОль-11/1979 (рис. 35, 1б, 2). Основа ножен изготовлена из согнутого пополам куска кожи, с

⁹³ Найденный в 2018 году боевой нож демонстрирует, что не все клинки снабжались украшенными ножнами.

⁹⁴ В кургане Ц-25/1960 найден предмет по своим очертаниям отчасти повторяющем обоймицу верха ножен боевого ножа (Авдусин, 1970. С. 257. Рис. 3). Но в отличие от них он был изготовлен из железа и не имел прорезного орнамента. В наши подсчеты этот предмет не включен.

местами сохранившимся коротким мехом. На нижнем конце при помощи девяти заклепок крепился латунный наконечник длиной 13 см, внутренний край которого украшают четыре волнообразных выреза. По периметру наконечника проходит двойная полоса линий. Между слоями кожи в районе наконечника ножен проложена тонкая латунная полоска. Выше наконечника вдоль края ножен, где находилась режущая кромка клинка, при помощи заклепок крепились 37 согнутых U-образно латунных скобочек, скреплявших края кожи. Их внешняя поверхность профилирована тремя параллельными канавками. Каждая скобка крепилась одной заклёпкой. Здесь же находились два держателя колец для подвешивания ножен. Они изготовлены из согнутых вдвое пластинок трапециевидной формы и закреплены при помощи трёх заклёпок. В центре лицевой стороны одного из держателей расположена Т-образная прорезь, а по его периметру нанесена двойная сплошная линия. На втором держателе подвесного кольца фиксируются следы ремонта. По всей видимости, держатель, аналогичный вышеописанному, сломался и был заменен другим, но уже без Т-образной прорези. Поверх этого нового держателя были приклёпаны обрезанные передняя и задняя пластины от прежнего держателя.

Как уже было отмечено, держатели закрепляли подвесные кольца. Одно кольцо было изготовлено методом литья и по форме представляло собой сложнопрофилированный овал. На одной его стороне располагаются два расширения, соединенные круглой в сечении перекладиной, вокруг которой сгибался крепивший кольцо пластинчатый держатель. На двух противоположных сторонах кольца располагались утолщения в виде трёх валиков. Второе кольцо, находившееся на замененном держателе, было свернуто из железной проволоки. На его сильно коррозированной поверхности прослеживаются остатки кожаного ремня, при помощи которого ножны подвешивались к поясу.

Верхний край ножен в месте соприкосновения с рукоятью снабжался бронзовой согнутой пополам по одной из коротких сторон обоймицей длиной

12 см. Лицевая и тыльная стороны обоймы скреплялись между собой и крепились к основе ножен при помощи нескольких заклёпок (11–12 штук). Головки заклёпок образовывали углы зигзагообразной линии, нанесённой при помощи штампа или специального колесика-накатки. Эта линия проходила между прорезным орнаментом в виде противопоставленных трехступенчатых пирамид и Т-образных фигур на лицевой стороне, и также была нанесена на тыльную сторону обоймы. Внешний край обоймы имел волнообразную форму. Вдоль края обоймы, как на лицевой, так и тыльной сторонах, были нанесены две параллельные линии.

В центре верхней обоймицы на согнутой железной пластинке приклёпано третье подвесное кольцо.

Наконечник ножен, держатели для крепления подвесных колец, сами кольца и верхняя обоймица сохранили остатки лужения. Под Т-образные и городчатые прорезы на верхней обоймице и на держателях подвесных колец подложены тонкие медные пластинки без следов полуды.

По всей видимости, клинок вместе с рукоятью полностью утапливался в ножны, что усложняло процесс извлечения скрамасакса. Для извлечения ножа служил темляк, крепившийся за кольцо, образованное загнутым череном. Расположение орнамента на ножнах позволяет предположить, что боевые ножи носились на левом боку или же поперёк живота, параллельно или несколько под углом по отношению к поясу.

Аналогичные по конструкции и декору детали ножен боевых ножей в разной комплектации были найдены в курганах ?-1/Ув-1883, Л-27/Сиз-1882, Л-66/Сиз-1882, Ц-41/Сиз-1885, Дн-56/Серг-1899, Дн-86/Серг-1901, Л-44/1950, Ц-1/1950, Оль-3/1950 (№№ 1-9 в Каталоге боевых ножей и их ножен) (рис. 36). Верхнюю обойму ножен из кургана Л-44/1950 вместо Т-образной прорези украшают крестообразные прорезы с дополнительными перекрестиями на каждом вырезе (рис. 36, 3).

Сохранившиеся элементы ножен из кургана Л-66/Сиз-1882 (фрагмент верхней обоймы, один держатель подвесного кольца и две скобки) при общей схожести с «классической» конструктивной схемой декорированы немного иначе (рис. 36, 2). Головки всех клепок украшены циркульным орнаментом, который нанесен также на лицевые и тыльные поверхности держателя кольца и верхней обоймицы. У подвесного кольца отсутствуют валики, а само оно меньше по размерам. Крайняя вырезная фигура на верхней обоймице ножен имеет Г-образную форму.

Детали ножен из кургана Л-73/1950 представлены двумя держателями подвесных колец и целой верхней обоймицей (№ 10 в Каталоге боевых ножей и их ножен) (рис. 36, 5). Обоймица значительно короче – всего 44 мм. На ее лицевой поверхности только одна вырезная ступенчатая фигура, между клепками зигзагообразно расположены две параллельные ленты из квадратиков. Вдоль двух длинных сторон и одной короткой на обеих сторонах детали нанесены две сплошные параллельные линии. Два держателя подвесных колец отличаются друг от друга. Основание одного шире (около 43 мм), вдоль всех сторон нанесены параллельные сплошные линии. На широкой части второго держателя, на лицевой его стороне, напаяны четыре S-образные фигуры, расположенные горизонтально. Сверху и снизу фигуры ограничены горизонтальными бордюрами. Сами фигуры и горизонтальные бордюры выполнены из так называемой бусиной проволоки, изготовленной из сплава на основе меди. Вдоль вогнутых сторон на лицевой и тыльной поверхности нанесены две параллельные ленты из квадратиков.

Детали еще одних ножен, отличные от классических образцов, найдены в кургане Ц-251/1978 (№ 11 в Каталоге боевых ножей и их ножен) (рис. 36, 6). Здесь обнаружены два держателя подвесных колец с самими кольцами, отдельное подвесное кольцо (?), более десятка целых и фрагментированных скобок и сильно оплавленный фрагмент верхней обоймицы. Один держатель был изготовлен из согнутой пополам пластины, скрепленной тремя заклёпками.

Вдоль периметра на лицевой стороне держателя нанесена линия. Также на лицевой стороне прослеживается циркульный орнамент. Образованная сгибом пластины петля сильно развальцована, что свидетельствует о долгом ее использовании. Подвесное кольцо представляет собой скрученное из железной проволоки кольцо с завязанными концами. Аналогичное кольцо (большее по диаметру) сохранилось во втором держателе, представляющем собой грубо изготовленную, согнутую пополам железную пластину, скрепленную одной заклёпкой. Еще одно железное кольцо, по всей видимости, крепилось на верхней обоймице ножен, от которой сохранился лишь незначительный фрагмент. Найденные в погребении скобки отличались от «классических» немного большей длиной.

Все гнёздовские погребения с боевыми ножами и ножнами датируются серединой – второй половиной X века.

Гнёздовская коллекция ножен боевых ножей позволяет сделать вывод, что такие ножи были элементом повседневного костюма. Об этом свидетельствуют как следы износа, ремонта и замены деталей (что, с нашей точки зрения, как раз и говорит об их постоянном использовании), так и находки деталей ножен на поселении, где обнаружено три целых и одно фрагментированное подвесное кольцо, а также фрагмент держателя подвесного кольца.

Ремонт ножен также свидетельствует о том, что боевой нож в богато украшенных ножнах являлся дорогим и престижным элементом воинской субкультуры и их владельцы, ремонтируя ножны, старались «продлить» их жизнь. То обстоятельство, что сломанные детали не заменялись аналогичными новыми, с нашей точки зрения, позволяет предположить, что ремонт повреждённых ножен производился вдали от центра (центров) их изготовления, возможно, на территории гнёздовского поселения.

Находки боевых ножей X века на территории Древней Руси кроме Гнёздова зафиксированы еще в 3 трёх пунктах: Шестовицы – не менее 10

находок (5 ножей и 7 ножен), Михайловское – 2, Тимерёво – 1 (Каинов, 2018. С. 234). Общая длина ножей колебалась от 37 до 54 см, длина клинка – от 28,5 до 42 см, ширина клинка – от 1,8 до 3 см. Клинки в большинстве случаев имели клиновидное сечение, с толщиной обуха от 7 до 9 мм. Сечение клинка боевого ножа их кургана 295 Тимерёвского могильника было пятигранным.

Ножны вместе с клинком встречены не менее 6 раз (Шестовицы – 5 Тимерёво – 1) (Бліфельд, 1977. С. 63⁹⁵; Коваленко, Моця, Сытый, 2012. С. 336–337; Недошивина, 1991. С. 171). В четырёх шестовицких погребениях найдены только детали ножен (Бліфельд, 1977. С. 63, 198. Помимо погребений, наконечник ножен боевого ножа был найден при раскопках Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 120–121. Рис. 47, 1).

В целом, почти все ножны и их детали имеют те же конструктивные и орнаментальные особенности, которые были отмечены для ножен из гнёздовского кургана ПОль-11/1979. В публикации боевых ножей из Шестовиц упоминается деревянная основа ножен (Бліфельд, 1977. С. 129). Верхняя обойма ножен из кургана 93 шестовицкого могильника оказалась снабжена двумя кольцами для подвешивания, а не одним (Бліфельд, 1977. Табл. XXV, 10). У наконечника ножен Сарского городища одну из его сторон украшает прорезная фигура в виде креста с дополнительными перекладинами. Подобные крестовидные фигуры (кроме ножен из гнёздовского погребения Л-44/1950) отмечены на верхней обойме и держателях подвесных колец ножен боевого ножа из погребения, исследованного в 2006 году в шестовицком могильнике (Коваленко, Моця, Сытый, 2012. С. 336. Рис. 19). Наибольшим своеобразием обладают ножны из кургана 50 Шестовицкого могильника, украшенные сложным пуансонным орнаментом и подвешивающимися к поясу при помощи «костыльковой» цепочки (Там же, табл. XIII, 4, 5).

⁹⁵ В монографии Д.И. Бліфельда указано, что в Шестовицах найдено всего два боевых ножа в ножнах (Бліфельд, 1977. С. 63). Тем не менее, приведённые там же дневники раскопок курганов указывают, что ножны сопровождали боевые ножи еще в двух погребениях (Там же, с. 129, 165, 176, 189).

Хронология боевых ножей, найденных в курганах Ярославского Поволжья и Шестовицком могильнике, ограничивается рамками X века.

Вызывает интерес тот факт, что в большинстве погребений, содержавших боевые ножи, они были найдены вместе с мечом. Это позволяет рассматривать боевые ножи как своего рода парное вспомогательное оружие. Учитывая значительную прочность клинка боевого ножа, обеспеченную за счёт толстого обуха, можно предположить его использование не только в качестве оружия, способного проткнуть доспех, но и как средство для парирования ударов меча. Парность клинкового оружия (короткого и длинного) и его одновременное использование в бою характерно для воинской культуры многих народов.

В целом, боевые ножи – явление сравнительно редкое для территории Руси. Появившись в X веке в качестве престижного оружия, не оставив особенно заметного следа в процессе формирования древнерусского комплекса вооружения, они почти сразу же исчезли и в последующем использовались sporadически, по всей видимости, как «демократический» вид оружия.

В отличие от территории Древней Руси боевые ножи широко использовались на сопредельных территориях. Они встречены на территории Восточной Скандинавии, Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии, а также у восточно-финских племён. Боевые ножи, аналогичные древнерусским – с узким прямым лезвием и широким обухом – найдены в Средней Швеции и Финляндии.

При довольно широком распространении самих боевых ножей, украшенные ножны встречены только в Прибалтике и Скандинавии. На территории обитания балтских племён богато украшенные ножны в первую очередь характерны для латгаллов.

В Скандинавии выделяются, по крайней мере, два района распространения боевых ножей – район озера Меларен (Средняя Швеция) и остров Готланд (Arwidsson, 1986. P. 37).

Боевые ножи и их ножны из могильника Бирки, а также некоторых других могильников Средней Швеции, были рассмотрены в статьях Г. Арвидссон и Н. Штерна (Arwidsson, 1986; Stjerna 2007). Всего в могильнике Бирки было обнаружено четырнадцать боевых ножей, семь из которых найдены вместе с ножнами (Arwidsson, 1986. P. 35; Stjerna, 2007. P. 243–249). О находках отдельно ножен в статьях не упоминается. Общая длина ножей колебалась от 46 до 51 см (в одном случае – 55 см), ширина лезвий – от 2 до 3 см. Толщина обуха из-за сохранности определена приблизительно в пределах 0,5–0,8 см. Ножны изготавливались из кожи толщиной около 2 мм. Отделка ножен конструктивно и орнаментально идентична описанным ножнам из гнёздовского кургана Польш-11. Иное оформление (в виде свернувшихся змей) имели подвесные кольца на ножнах из погребения в кургане 944 (Arbman, 1940. Taf. 6, 2).

Н. Штерна считает возможным датировать шведские боевые ножи с украшенными ножнами в рамках X века (Stjerna, 2007. P. 247–248). Наиболее ранним он считает погребение 944 могильника Бирка, датируя его временем около 900 года. Несколько погребений с боевыми ножами (Vj 832, Vj 834 и Vj 735), а также отдельные детали ножен, найденные при раскопках Гарнизона (Garrison) Бирки, Н. Штерна относит ко второй половине X века.

Ножны боевых ножей, найденных на острове Готланд, повторяя общую конструкцию, отличаются от находок из Средней Швеции более простой технологией изготовления (Thunmark-Nylen, 1995. Abb. 314, 315).

Схожесть оформления большинства ножен, найденных на территории Древней Руси и в Средней Швеции, позволяет предполагать единый центр их производства. Н. Штерна считал, что такой центр мог располагаться в Бирке (Stjerna, 2007. P. 247).

– *Сабли.*

Сабля – клинковое однолезвийное оружие колюще-рубяще-режущего действия⁹⁶. Главным отличительным признаком сабли является кривизна клинка. Изогнутость черена рукояти в сторону лезвия и двухлезвийность верхней трети клинка лезвия следует считать вторичными признаками сабли.

Основной частью сабли является клинок, представляющий собой изогнутую однолезвийную полосу, как правило, с обоюдоострым концом. Длина обоюдоострой заточки сабель IX–XI веков составляла примерно до 1/3 длины клинка. Противоположный конец клинка оканчивается череном, как правило, с наклоном в сторону лезвия. Некоторые клинки оснащались узким долем, расположенным ближе к тыльной стороне (обуху). На черене клинка крепились детали рукояти – перекрестие, деревянные обкладки рукояти и иногда навершие.

Наиболее изменчивой частью сабли является перекрестие. Именно его форма легла в основу типологии, разработанной А.Н. Кирпичниковым для древнерусского материала X–XIII веков (Кирпичников, 1966а. С. 68–69). Автором были выделены три типа перекрестия с вариантами, из которых к X – первой половине XI века относится тип 1 с вариантами А и Б. Помимо перекрестий были систематизированы немногочисленные древнерусские навершия – выделены типы 1 (цилиндрические) и 2 (грушевидные).

Собственные типологии сабельных клинков, деталей рукояти и ножен были разработаны на основе материалов, происходящих с территории юга Восточной Европы – работы У.Ю. Кочкарова, В.Н. Каминского, А.В. Крыганова и др. (Каминский, 1991; Крыганов, 1987; Кочкаров, 2008).

Впервые на возможность наличия в Гнёздове сабельных деталей обратил внимание венгерский исследователь Н. Феттих, предположив, что предмет

⁹⁶ В зависимости от формы острия сабли могли обладать, как только рубяще-режущим эффектом, так и колюще-рубяще-режущим. Интересную идею высказал В.Н. Каминский, отметивший наличие накладных пластин у основания клинка со стороны лезвия (т.н. манжета). По предположению В.Н. Каминского подобные пластины были необходимы для захвата пальцами через перекрестие на клинок (Каминский, 1991. С. 83–84). Подобный захват обеспечивал возможность фехтовать клинком и наносить колющие удары.

«грушевидной» формы, найденный в кургане Ц-74/Серг-1900 является навершием рукояти сабли (Fettich, 1942. Taf. 54, 5. S. 52). С возможностью такой трактовки осторожно согласилась Т.А. Пушкина (Пушкина, 1993а. С. 62-63).

Расширил список находок этого вида клинкового оружия в Гнёздове С.С. Ширинский. По его мнению, в курганах Гнёздова найдены детали двух сабель и одного однолезвийного меча (Ширинский, 2001. С. 164–165).

Вслед за Н. Феттихом С.С. Ширинский считает навершием сабли вышеупомянутую находку из кургана Ц-74/Серг-1900 (Там же, с. 164). Предмет продолговатой формы, один конец которого расширяется и закругляется (рис. 37, 1). Другой конец имеет явные следы слома, что предполагает большую длину предмета. На поверхности предмета в его нижней части нанесен орнамент, выполненный в скандинавском орнаментальном стиле Маммен. Материал, из которого изготовлен предмет, до сих пор однозначно не определен (наиболее вероятно – камень⁹⁷). В первой публикации находки в качестве материала В.И. Сизов указал кость и предположил, что это фрагмент рукояти ножа или кинжала (Сизов, 1902. С. 82).

Единственное, что сближает этот предмет с навершием сабли – его форма, вернее, форма верхней части, так как сам предмет обломан. Против его атрибуции в качестве навершия сабли можно привести следующие аргументы:

– материал изготовления. Не известно ни одного навершия сабли IX–XI веков, изготовленного из кости, рога или камня;

– деталь не пустотелая, что также ни разу не встречено у наверший сабель IX–XI веков;

– материал и отсутствие пустотелости делают невозможным крепление предмета на черене клинка или на обкладках рукояти.

Все это заставляет нас отказаться от атрибуции предмета в качестве обломка навершия рукояти сабли.

⁹⁷ Благодарю Т.А. Пушкину за информацию.

Фрагмент навершия сабли, не вызывающий сомнения в правильности атрибуции был найден в кургане Ц-3/1950 вместе с подвесной скобой от ножен. Курган содержал парное захоронение мужчины и женщины. Кроме деталей сабли среди погребального инвентаря найдены наконечники стрел, металлические детали от колчана и ножен боевого ножа.

Первая деталь представлял собой половину полого железного навершия грушевидной формы, имеющее в расширенной части ребро, подчёркнутое орнаментальной канавкой (рис. 37, 3). Закругленная часть покрыта зигзагом из двойных линий. Нижняя часть оканчивается мысовидным сужением, обломанный конец которого по аналогии с подобными навершиями имел округлую форму с отверстием для заклёпки, крепящей навершие к обкладкам рукояти. Высота детали – 46 мм, наибольшая ширина – 35 мм, реконструируемые ширина и толщина рукояти в месте крепления навершия – 29 мм и 16 мм соответственно. Толщина металла – 1,1 мм.

В работе А.В. Крыганова схожие навершия отнесены к типу 2, имевшему распространение у населения юга Восточной Европы в середине VIII–X века (Крыганов, 1987. С. 235. Рис. 24).

Вторая деталь, относящаяся к сабле – скоба для подвеса ножен сабли к портупейному ремню (рис. 37, 4). Она представляет собой две пятиугольные железные пластины, толщиной около 1 мм, соединенные двумя железными клепками. Размеры пластин – 45 × 20 мм. Расстояние между пластинами по длинной стороне, непосредственно примыкающей к ножнам, – 6–7 мм. На противоположной стороне детали это расстояние составляет менее 1 мм. К одной из пластин крепилась П-образная железная скоба, служившая для подвешивания портупейного ремня.

Подвесная скоба из кургана Ц-3/1950 – первая подобная находка, выявленная в древнерусских материалах X века. В типологии А.В. Крыганова наибольшее соответствие её можно найти среди фигурных скоб 4 типа, которые широко датируются серединой VIII–X веком и найдены только на памятниках

салтово-маяцкой культуры лесостепного Подонья и в некоторых погребениях (VIII–IX веков) могильника Дюрсо (Крыганов, 1987. С. 75).

Погребение Ц-3/1950, учитывая найденные ременные бляшки «черниговской» школы, датируется не ранее середины X века.

Наконечник ножен клинкового оружия найден в кургане Л(Гл)-80/1952 (рис. 37, 2). Представляет собой свернутый из толстой (1,5–2,5 мм) железной пластины сильно уплощенный цилиндр с впаянным дном, имеющим килевидную форму. Края пластины, формирующей цилиндр, также спаяны. Размеры наконечника: высота – 44 мм, ширина – 30 мм (внутренняя – 26 мм), толщина – 15 мм (внутренняя – 11 мм). Внешняя сторона наконечника инкрустирована 14 горизонтальными полосками цветного металла (сплав на основе меди), причем полоса из цветного металла чередуется с полосой без инкрустации. Верхний край наконечника оформлен в виде двух параллельных рубчатых рантов. На тыльной стороне наконечника в верхней части – отверстие для крепления наконечника к деревянным ножнам.

Прототипы наконечника из кургана Л(Гл)-80/1952 С.С. Ширинский видит в наконечниках мечей или кинжалов из Перещепино и Глодосов (Ширинский, 2001. С. 165). В качестве аналогий килевидному завершению наконечника исследователь называет оформление нижней и верхних частей однолезвийных мечей конца VII–VIII веков известных по находкам в Иране. Верхняя граница распространения подобных наконечников, по мнению С.С. Ширинского, определяется находкой ножа в ножнах в Урьинском могильнике IX века в Верхнем Прикамье.

Ни один из приведённых примеров нельзя принять в качестве аналогий, не вызывающих сомнений. Тем более, если учитывать датировку гнёздовского погребения Л(Гл)-80/1952 не ранее середины X века, которая определяется находкой в составе погребального инвентаря ременных блях «черниговской школы». Вызывает также вопросы атрибуция наконечника как детали ножен именно однолезвийного меча. Выразим мнение, что необходимо продолжить

поиски более близких и более убедительных аналогий гнёздовской находке. Определенное морфологическое сходство можно увидеть в наконечнике ножен с городища Екимавцы (X век) и наконечнике ножен сабли из Синеглазовских курганов (IX–X века) (Рябцева, Рабинович, 2018. Рис. 5, 3; Боталов, 2018. С. 32. Рис. 13, 32).

Таким образом, можно согласиться с определением С.С. Ширинским в качестве деталей сабли двух предметов из погребения Ц-3/1950. Также, скорее всего, деталью ножен сабли (или однолезвийного прямого клинка) является наконечник из кургана Л(Гл)-80/1952. Атрибуцию в качестве детали сабельного навершия предмета из кургана Ц-74/Серг-1900 поддержать нельзя.

В статье В.В. Мурашевой, Н.В. Ениосовой, А.А. Фетисова был опубликован предмет, который предположительно определенный как фрагмент сабельного перекрестия (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 44. Рис. 22, 2). Более пристальное его изучение, а также тот факт, что найден он в мастерской, связанной с обработкой цветных металлов, позволяют уверенно отнести этой предмет к отходам ювелирного производства (обрезанный литник).

Выявленные в гнёздовском могильнике фрагменты сабель (сабли?) являются одними из самых ранних (вторая половина X века) и самыми северными находками деталей подобного рода оружия на территории Древней Руси.

В рассматриваемый период сабли не занимали сколько-нибудь значительного места в древнерусском комплексе вооружения. Появившись на территории Древней Руси в X веке, она ещё долго была второстепенным по сравнению с мечом средством нападения.

Непосредственно с древнерусских памятников можно указать только четыре находки, которые можно уверенно отнести к X веку – это две сабли⁹⁸ из Чёрной могилы (Чернигов), сабля из кургана 61/4 Шестовицкого могильника (Черниговская обл.), а также сабля из разрушенного «шиферного саркофага»,

⁹⁸ Вторая сабля была выявлена при разборе груды оружия с кострища кургана. Ранее считалось, что в кургане Чёрная могила находилась только одна сабля.

найденного при работах на усадьбе Трубецкого в Киеве (Кирпичников, 1966а. С. 92–93).

Долгое время в отечественной и зарубежной, главным образом венгерской, литературе дискутируется вопрос о времени и территории происхождения сабли. В качестве прародины предлагались разные регионы: Кавказ и юго-восток Европейской части России, Южная Сибирь, юго-восточная Европа. Более признана гипотеза, высказанная Н.Я. Мерпертом, о возникновении сабли в лесостепной и степной зонах Восточной Европы (Мерперт, 1955). В этом регионе, по мнению Н.Я. Мерперта, можно проследить непрерывную цепь развития этого вида вооружения – от длинных прямых двухлезвийных сарматских мечей сначала к однолезвийным прямым палашам, а затем, параллельно с их употреблением, к появлению сабли.

Оставляя вопрос о точном определении места возникновения сабли для специального исследования, присоединяемся к мнению А.Н. Кирпичникова: «Сабля могла родиться только в среде воинов-всадников, действовавших на просторе; по своему назначению сабля – оружие маневренной конной борьбы» (Кирпичников, 1966а. С. 61). По мнению, принятому в настоящее время, в создании этого оружия приняли участие многие степные народы Евразии.

Стоит отметить, что ни одно из погребений с территории Древней Руси, в которых были найдены сабли, нельзя связать ни по погребальному обряду, ни по составу заупокойного инвентаря с народами юга Восточной Европы. Это захоронения представителей элиты древнерусского общества, сожженных на погребальных кострах или помещенных в деревянные домовины, в сопровождении набора предметов, характерных для древнерусской «дружинной культуры».

Древковое оружие

Древковое оружие определяется наличием деревянного древка, к которому крепится основная функциональная поражающая часть предмета.

Древковое оружие представлено в Гнёздове наконечниками копий и сулиц, топорами и кистенями.

– *Наконечники копий и сулиц*

Копьё – древковое оружие колющего⁹⁹ действия. Этот вид вооружения применялся в основном в качестве оружия ближнего боя, но на небольших расстояниях мог использоваться и как метательное оружие. Критерии выделения сулиц (метательных копий) чётко не определены. Функциональные различия между копьем и сулицей определяются разным способом их применения. Для копья, которым воин, держа его рукой (руками), наносит мощные проникающие (реже рубящие) удары, важными морфологическими признаками наконечника были вес (увеличивающий мощь удара, способного пробить щит или доспех) и значительный диаметр втулки (обеспечивающей прочное и надёжное крепление наконечника на древке). Для сулиц, основной функцией которых было поражение противника на средней дистанции, характерными являются меньшие размеры и меньший вес по сравнению с наконечниками копий. Наличие черешка (вместо втулки) также может считаться признаком метательного копья и свидетельствует о меньшем значении, которое придавалось прочности крепления наконечника сулицы к древку. Границу между наконечниками копий и сулиц, определив какие-либо чёткие метрические параметры тех и других, провести сложно. Копья могли использовать в качестве метательных снарядов, также как и сулицами в определенных ситуациях могли наносить колющие удары.

Копье и сулица состоят из металлического наконечника и деревянного древка. Непосредственно у наконечника выделяются *перо*, *втулка* или *черешок*, *плечики*, *шейка* (рис. 38). Противоположный наконечнику конец древка иногда снабжался железным втоком.

⁹⁹ Учитывая заточку обеих лезвий пера на всю длину у некоторых наконечников, можно предположить, что копья могли использоваться и для нанесения рубящих ударов.

Типология древнерусских наконечников копий и сулиц IX–XIII веков разработана А.Н. Кирпичниковым (рис. 39) (Кирпичников, 1966б). Касаясь вопроса разделения наконечников копий и сулиц, исследователь предложил следующие размерные характеристики для наконечников сулиц – «длина ... 15–20 см (редко больше), длина лезвия 8–12 см, диаметр втулки 1,5–2 см» (Кирпичников, 1966б. С. 23). Всего в работе учтён 801 наконечник копий и сулиц, которые на основании различий в форме пера, были разделены на семь типов. В тип VI были выделены все наконечники с черешковым способом крепления к древку. Форма пера у черешковых наконечников определялась как аналогичная наконечникам типов III и IV.

Типология А.Н. Кирпичникова, с нашей точки зрения, имеет излишне обобщающий характер, что не позволяет учитывать всё многообразие форм наконечников, особенно характерное для IX–XI веков. Внутри «больших типов» по А.Н. Кирпичникову, опираясь на признаки, учтенные в типологических схемах ряда других исследователей, можно выделить несколько «малых типов» (Таблица 9).

Такой «вспомогательной» типологией для древнерусского материала IX–XI веков в первую очередь является типология североевропейских наконечников копий Я. Петерсена, в которой на основе учёта форм пера и втулки наконечника, а также некоторых орнаментальных особенностей, было выделено 17 типов, обозначенных буквами норвежского алфавита – от A до M (Петерсен, 2005. С. 56–68).

Более подробно североевропейские наконечники копий разобраны в работе Б. Солберг (рис. 40) (Solberg, 1984). Анализ комбинаций морфологических, орнаментальных и технологических признаков норвежских наконечников копий 550–1100 гг. позволил автору выделить двенадцать групп наконечников (I–XII), в свою очередь делящихся на типы (обозначены арабскими цифрами) и подтипы (обозначены латинскими буквами). К «эпохе викингов» относится семь групп наконечников (VI–XII).

Для нашего исследования не меньший интерес представляют работы, в которых рассматриваются наконечники копий, найденные на территориях, расположенных к югу и юго-востоку от Руси (Крыганов 1987. С. 97–109, Кочкаров, 2008. С. 43–62).

В Гнёздовском комплексе обнаружено не менее 28 целых и 6 фрагментированных наконечников копий и сулиц (Таблица 10, далее Каталог наконечников копий). Из них 24 найдены при раскопках курганов, 7 – городища, 3 – различных участков селища. Наконечники рассмотрены на основе типологии А.Н. Кирпичникова с привлечением типологий Б. Солберг и А.В. Крыганова.

Тип I.

Наконечники «с пером ланцетовидной формы, легко суживающимся у шейки и плавно переходящим во втулку» (Кирпичников, 1966б. С. 9). Сечение пера ромбическое. Никакого внутреннего деления этого типа А.Н. Кирпичников не предлагает, отмечая только, что «к 1000 г. развитие ланцетовидного копья приводит к уменьшению длины его пера, последнее теряет свои плавные правильные очертания и заостряется к концу; втулка расширяется и увеличивается в длину». Эти изменения связываются с более широким применением металлического доспеха (Кирпичников, 1966б. С. 12).

Наконечники типа I по А.Н. Кирпичникову в типологии Я. Петерсена соответствуют типу E, в типологии Б. Солберг – типу VI.4¹⁰⁰. Различия в форме поперечного сечения шейки наконечников позволили Б. Солберг выделить три подтипа внутри типа VI.4:

- VI.4A – наконечники с прямоугольным поперечным сечением шейки/
в этот подтип включены наконечники с орнаментированной втулкой;
- VI.4B – наконечники с «округло-многоугольным» поперечным сечением шейки;
- VI.4C – наконечники с овальным поперечным сечением шейки;

¹⁰⁰ По Б. Солберг наконечники типа IV.4 характеризуются узким пером. Втулка составляет меньшую часть общей длины наконечника (Solberg, 1984. P. 58).

Наконечники типа Е одни из самых распространенных на территории Европы в «эпоху викингов». Я. Петерсен предложил датировать норвежские наконечники этого типа концом VIII – первой половиной IX века (Петерсен, 2005. С. 60). Б. Солберг поддержала датировку Я. Петерсена, но расширила верхнюю границу до первой половины X века включительно (Solberg, 1984. P. 66). Также исследовательница отмечает, что все найденные в Бирке наконечники подтипа VI.4А (за исключением одного) датируются 850–950 годами (Solberg, 1984. P. 66–68). Норвежские наконечники подтипа VI.4В, которых учтено всего 7 экземпляров, Б. Солберг датирует 800–850 годами, при этом отмечая, что в восточной Скандинавии и Финляндии, где наконечников этого подтипа найдено значительно больше, их хронология включает и X век (Solberg, 1984. P. 68).

На территории Древней Руси наконечники копий типа 1 (по типологии А.Н.К.) встречаются на памятниках только конца IX – первой половины XI века¹⁰¹ (Кирпичников, 1966б. С. 9). Основным регионом их распространения является Юго-Восточное Приладожье, хотя встречаются они почти на всех памятниках, где в той или иной степени отмечается «скандинавское присутствие».

В Гнёздове найдено 11 целых наконечников типа I. Восемь экземпляров происходят из погребений (Ц-15/Кусц-1874, «комплекс 14 июля 1899 года/Ц», «комплекс 8 июля 1900 года/Ц», Л(Гл)-150/1987, Ц-240/1978, ПОль-61/1980, ПОль-62/1980, Дн-4/1984) (№№ 1, 3, 4, 6-8, 10, 11 в Каталоге наконечников копий, три найдены на городище (раскопы ЦГ-вал/Серг-1900, ЦГ-III/1953, ЦГ-XV/1981) (№№ 2, 5, 9 в Каталоге наконечников копий). Еще один чётко определимый фрагмент пера наконечника типа 1 найден И.И. Ляпушкиным при раскопках западной части селища (№ 12 Каталоге наконечников копий).

В отличие от типологии Б. Солберг в данной работе предлагается выделять варианты внутри типа не на основании сечении шейки, а с учетом

¹⁰¹ Деревянный игрушечный наконечник копья, имитирующий наконечник типа I, найден в Старой Ладого в слое 770–790 гг. (Рябинин, 1995. С. 56).

соотношения длины пера к длине втулки. Вариативность именно этого параметра отражает, по нашему мнению, приспособление данного типа наконечников к военно-техническим новациям, в первую очередь распространению доспеха.

Для первого варианта характерно соотношение длины втулки к длине пера как 1:3 или 1:4 и более. Для второго варианта это соотношение определяется как 1:2 и менее. Длина втулки у наконечников первого и второго вариантов варьируется незначительно, различие состоит в длине пера, т.е. наконечники второго варианта короче первых.

Первый вариант в гнёздовской коллекции представлен всего семью экземплярами. Пять происходит из погребальных комплексов – Ц-15/Кусц-1874, Ц-240/1978, ПОль-61/1980, ПОль-62/1980, Дн-4/1984, и два – из раскопок городища (раскопы ЦГ-вал/Серг-1900 и ЦГ-XV/1981) (№№ 1, 2, 6-10 в Каталоге наконечников копий) (рис. 41; 42, 1-3).

Длина пера наконечников первого варианта колеблется в пределах 23,5–42,5 см, длина втулки – 6,5–10,5 см.

Втулки двух наконечников (Ц-15/Кусц-1874, ЦГ-вал/Серг-1900) украшены гравированным, так называемым готическим орнаментом, представляющим собой вписанные друг в друга вытянутые стреловидные фигуры. Наконечники с подобной орнаментацией втулки являются довольно редкой находкой для древнерусской территории. А.Н. Кирпичников учёл только три подобных находки (без учета гнёздовской) – курган LXXXIV/1 могильника у д. Сязнига (Юго-Восточное Приладожье), окрестности Минска, Городище (б. Санкт-Петербургская губ.) (Кирпичников, 1966б. С. 9)¹⁰². Н.А. Плавинский указал еще на четыре находки таких наконечников с территории Беларуси (городище Кульбачино (2 экз.), могильники Устье и Рацкий Бор) (Плавинский, 2014б. С. 65). Белорусские находки, по мнению исследователя, датируются второй половиной/концом X – началом/первой половиной XI века.

¹⁰² Еще один наконечник с втулкой, украшенной подобной орнаментацией, и дамасскированным пером найден в Гнёздове в 2018 году при раскопках в Лесной курганной группе.

Один из двух гнёздовских наконечников помимо «готического орнамента» выделяется дамаскировкой пера (Ц-15/Кусп-1874) (рис. 41). Дамаскированный участок расположен сразу над втулкой и занимает центр нижней трети пера (длина участка около 14 см) (рис. 41, 2). Он представляет собой постепенно сужающуюся полосу шириной до 1,4 см, сваренную из двух брусков, состоящих из скрученных и сваренных между собой железных и стальных проволок, формирующих в результате многослойные полукружия.

Наконечникам, сочетающим «готический орнамент» на втулке и дамаскированное перо, была посвящена специальная работа Я. Жака (Zak, 1959. Р. 139). В ней учтено всего двенадцать подобных наконечников, отнесенных автором ко второй половине VIII–IX векам. Дальнейшие исследования скорректировали эти подсчеты и датировки. Только в Финляндии известны не менее 36 ланцетовидных наконечников с дамаскированием и врезным орнаментом на втулке и датируются они IX – первой четвертью X века. (Lehtosalo-Hilander, 1982. Р. 26). Два наконечника происходят с территории Пруссии. Они найдены в погребении 151а могильника Кауп, вместе с другим инвентарем, позволяющим датировать комплекс X веком (Mühlen, 1975. Р. 137, 217).

Абсолютное большинство наконечников копий с «готическим» орнаментом на втулке (подтип VI.4A) зафиксировано в Норвегии – 103 находки (Solberg, 1984. Р. 58). Как минимум у 78 среди 86 таких наконечников, подвергшихся рентгенографическим исследованиям, выявлена дамаскировка пера (Там же, р. 166). Очевидно, что на возможность выявления дамаскировки влияет степень сохранности наконечника и если не реставрировать предмет, то только специальные исследования (например, рентген) смогут подтвердить наличие или отсутствие дамаскировки.

Погребение гнёздовского кургана Ц-15/Кусп-1874 с подобным наконечником датируется второй четвертью X века (Кайнов, 2001. С. 60). Помимо гнёздовского на территории Древней Руси известен еще один

наконечник, сочетающий дамаскировку и орнамент на втулке, – наконечник, найденный на Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 115. Рис. 45, 7). Этот экземпляр отличается от гнёздовского характером исполнения дамаскировки пера. Дамаскированная полоса сварена из двух брусков с косым расположением железных и стальных слоев.

Неясный археологический контекст находки второго гнёздовского наконечника с «готическим» орнаментом, происходящего из раскопок вала, не позволяет его узко датировать.

Б. Солберг изучила характер дамаскировки 436 наконечников копий. Автором были выделены девять вариантов дамаскировки, для которых определена их встречаемость с разными типами и/или подтипами наконечников копий. У норвежских наконечников типа VI.4A встречается только двух- (29 случаев) или четырехполосная (49 случаев) дамаскировка с косым расположением стальных и железных слоев. Именно такая двухполосная дамаскировка зафиксирована у наконечника копья, найденного на Сарском городище. Дамаскировка на наконечнике из Гнёздова более всего соответствует (хотя не идентична) 4 варианту, который по данным Б. Солберг ни разу не встречен у наконечников типа VI.4A и зафиксирован всего один раз у наконечника типа IX, датирующегося XI веком (Solberg, 1984. P. 146–147, 169. Table 11). По всей видимости, наконечники с подобным вариантом дамаскировки пера – редкая продукция отдельной мастерской.

Наконечников копий второго варианта, для которого определяющим является соотношение длины втулки к длине пера как 1:2 и менее, найдено 4 экземпляра (№№ 3-5, 11 в Каталоге наконечников копий). Из них три происходят из погребальных комплексов – Л(Гл)-150/1987, «комплекс 14 июля 1899 года/Ц», «комплекс 8 июля 1900 года/Ц» и один найден на раскопе ЦГ-III/1953 (рис. 42, 3-6).

При длине пера 13,5–19 см длина втулки колебалась от 8,2 до 10 см. Два наконечника выделялись своими небольшими размерами – «комплекс 14 июля

1899 года/Ц» и ЦГ-III/1953 (рис. 42, 5, 6). Их длина – 23,5 см и диаметр втулки – 21–22 мм и, соответственно, небольшой вес¹⁰³, позволяют предполагать использование копий, снабженных такими наконечниками, в качестве метательных. Интересно отметить и ромбическое сечение ланцетовидного по форме пера одного из наконечников (ЦГ-III/1953). Узкое и толстое перо – размеры сечения 12 × 8 мм – сближает этот наконечник с так называемыми наконечниками-пиками (тип V по А.Н.К.) и позволяет предполагать, что функциональное применение подобных наконечников – поражение противника, защищённого доспехом.

К сожалению, датирующие возможности гнёздовского материала не позволяют хронологически разделить два варианта наконечников копий типа I. Наконечники первого варианта в Гнёздове бытуют на протяжении всего X века (ко второй четверти X века относится погребение в кургане Ц-15/Куц-1874), наконечники второго варианта характерны для второй половины X века.

На территории Древней Руси наконечники копий типа I в целом датируются X – первой половиной XI века (Кирпичников, 1966б. С. 8–12). Данные датировки отличаются от тех, которые были предложены для норвежских и шведских наконечников. Возможно, что, изначально попав на древнерусскую территорию, наконечники просуществовали значительно дольше, чем в Скандинавии. Скорее всего, именно на территории Древней Руси во второй половине X века возник вариант 2 ланцетовидных наконечников, что можно связать с более широким применением доспеха, для пробивания которого требовались наконечники с более крепким пером, надёжно закрепленные на древке копья. В середине XI века наконечники типа I исчезают. Это вызвано военно-тактическими изменениями, в первую очередь выдвиганием конницы как основного рода войск, приведшим к широкому использованию сугубо кавалерийских наконечников типа V.

¹⁰³ Вес наконечника «комплекса 14 июля 1899/Ц» – 112 гр.

Как разновидность типа I можно рассматривать наконечники из курганов Л-95/1960 и Ц-191/1976 (№№ 13, 14 в Каталоге наконечников копий) (рис. 42, 7, 8). Длина пера у них равна длине втулки. Ширина пера, также как и диаметр втулки, составляет 3 см. Перо имеет скорее не ланцетовидную, а лавролистную форму, с расширением в центральной части, что сближает их с более поздними наконечниками типа IV. Но в отличие от них, гнёздовские экземпляры имели плавный переход от втулки к перу и значительно меньшую длину пера.

Оба кургана сооружены не ранее второй половины X века, а наконечники, скорее всего, являются местным древнерусским вариантом североевропейских ланцетовидных наконечников копий.

Тип III

Основным отличительным признаком наконечников типа III является «относительно широкое перо удлиненно-треугольной формы». Для этого типа так же характерны чётко выраженные плечики, массивная, расширяющаяся книзу втулка, ромбическое поперечное сечение пера (реже – заострённо-овальным) (Кирпичников, 1966б. С. 13–14). Широко распространившись на территории Древней Руси уже в X веке, наконечники типа III в XI веке постепенно вытеснили наконечники типа I, став в XII–XIII веках одними из самых распространённых.

В типологии Я. Петерсена наконечникам типа III (его основному варианту) соответствуют наконечники типов F, G, H, K. В типологии Б. Солберг – наконечникам типов VII.1A, VII.1B, VII.2A, VII.2B, VIII.2.

В Гнёздове найдены три наконечника, которые относятся к основному варианту типа III (№№ 15-17 в Каталоге наконечников копий). Один из них найден при раскопках вала Центрального городища (раскоп ЦГ-вал/Серг-1900) (рис. 43, 2), второй происходит из разрушенного при строительных работах погребения («комплекс 31 августа 1899 года/?») (рис. 43, 3), третий найден при раскопках одного из так называемых Больших курганов Гнёздова (Дн-86/Серг-

1901) (рис. 43, 3). Отсутствие ясного контекста для двух первых наконечников позволяет датировать их только в целом X веком. Курган Дн-86/Серг-1901 относится к третьей четверти X века.

А.Н. Кирпичников предполагает связь наконечников с удлинённо-треугольным пером с общеславянскими формами, хотя отмечает для некоторых древнерусских находок их полное соответствие североевропейским наконечникам типов F и G (по J.P.) (Кирпичников, 1966б. С. 13). С нашей точки зрения уверенно можно предполагать североевропейское происхождение для гнёздовского наконечника из «комплекса 31 августа 1899 года/?». Наконечник по своим пропорциям и «проваленным» лезвиям очень похож на скандинавские наконечники типа F (по J.P.). Единственное отличие – отсутствие горизонтальных поясков на втулке, но Я. Петерсен не указывает эту деталь как обязательную (Петерсен, 2005. С. 61). В типологии Б. Солберг наконечникам типа F соответствует тип VII.1A. Горизонтальные пояски встречены у 82 из 135 наконечников, определенных Б. Солберг в этот тип (Solberg, 1984. P. 81). Я. Петерсен датирует наконечники типа F серединой IX – началом X века, Б. Солберг появление наконечников типа VII.1A относит к 800–850 гг., но основным периодом бытования считает 850–930 гг. (Петерсен, 2005. С. 61; Solberg, 1984. P. 92).

А.Н. Кирпичников указывал на три находки на территории Древней Руси, относящихся, по его мнению, к типу F – наконечники, обнаруженные в курганах Юго-Восточного Приладожья (Горка, Залющик) и бывшей Виленской губернии (Шо). Все они датированы в пределах второй половины X – первой половины XI века (Кирпичников, 1966б. С. 13).

Второй гнёздовский наконечник типа III (ЦГ-вал/Серг-1900), отличается более массивными пропорциями, не характерными для типа F. Место происхождения подобных наконечников сложно определить. Нельзя отрицать и местное, древнерусское изготовление таких наконечников.

Третий гнёздовский наконечник типа III (Дн-86/Серг-1901), сильно отличается от двух предыдущих меньшей шириной пера, невысокими скошенными плечиками и выделенным утолщением переходом от втулки на перо. Также отличительной чертой этого наконечника являются узкие доли на пере, по два на каждую сторону.

Поиски аналогий этому наконечнику пока не привели к результату. Переход от втулки к перу характерен для наконечников типа G, но при этом наконечники североевропейского типа G отличаются короткой втулкой и широким пером. Узкие доли на пере встречаются на некоторых наконечниках типа V, причисляемым к кочевническим древностям. Возможно, гнёздовский наконечник – образец смешения различных военно-технических и технологических традиций, произведенный на территории Древней Руси, где в X веке происходили эти процессы.

- вариант IIIA

Наконечники варианта IIIA отличаются от основного типа III «более коротким лезвием с сильно скошенными плечиками и особыми пропорциями тульи и пера (отношение длины лезвия и тульи 1:1)» (Там же, с. 14).

А.Н. Кирпичников отмечает, что подавляющее большинство таких наконечников X века найдено в восточных районах (Подболотьевский, Максимовский могильники, Сарское городище и т.д.). Появление находок этого варианта наконечников копий объясняется контактами с чудским населением (Там же, с. 14).

В каталоге А.Н. Кирпичникова к варианту IIIA отнесен один из гнёздовских наконечников (Там же, с. 74). Он происходит из разрушенного погребения («комплекс октября 1898 года/Ц»), вероятнее всего, совершенного по обряду трупоположения в деревянной камере (№ 18 в Каталоге наконечников копий) (Булкин, 1982. С. 140) (рис. 43, 4). Предполагаемый обряд и обнаруженные фрагменты ремня, украшенного бляшками

«черниговской школы», датируют погребение временем не ранее второй половины X века.

- вариант ШБ

А.Н. Кирпичников считает, что эволюция основного варианта наконечников типа Ш, выразившаяся в увеличении скошенности нижнего края лезвия, привела «к появлению уже в X в. узколистных, почти пиковидных наконечников – тип ШБ» (Кирпичников, 1966б. С. 14). Исследователь считал этот вариант более характерным для XII–XIII веков.

Вариант ШБ представлен в Гнёздове одним наконечником копья, происходящим из кургана ПОль-11/1979 (№ 19 в Каталоге наконечников копий) (рис. 43, 5). К сожалению, наконечник сохранился плохо и не все его параметры можно установить точно. Длина наконечника более 50 см, наибольшая ширина пера – 29 мм, длина втулки – 13,5 см. Плечики очень слабо выделены и плавно скошены. Наибольшее соответствие наконечник из кургана ПОль-11/1979 находит среди наконечников типа К (по J.P.) и наконечников подтипов VII.2В и VII.2С¹⁰⁴ по типологии Б. Солберг (Петерсен, 2005. С. 64–65; Solberg, 1984. P. 84). Отличительной чертой наконечника является железное кольцо (ширина – 3 мм, толщина – 1 мм), напаянное при помощи медносодержащего припоя на край втулки (рис. 43, 5а). Подобные кольца, служащие для усиления втулки, насколько известно автору, ни разу не были встречены на североевропейских наконечниках «эпохи викингов», а более характерны для наконечников салтово-маяцкой культуры (напр. Крыганов, 1987. Рис. 41, 2, 4, 5; Рис. 42, 1, 3, 6).

Находка гнёздовского наконечника в погребении, совершенном по обряду труположения в деревянной камере, позволяет датировать его второй половиной X века. Я. Петерсен относил подобные наконечники к «позднему периоду эпохи викингов» (Петерсен, 2005. С. 65). Б. Солберг датирует наконечники подтипа VII.2В в целом X веком (некоторые варианты – первой

¹⁰⁴ Наконечники этих двух вариантов отличаются наличием или отсутствием выраженных плечиков. Сохранность гнёздовского наконечника не позволяет точно выявить наличие этого элемента.

половиной XI века), а наконечники подтипа VII.2С X – началом XI века (Solberg, 1984. P. 95–99).

Гнёздовский наконечник из кургана ПОль-11/1979 является уникальным для древнерусской территории. Не вызывает сомнения его североевропейское происхождение. Ремонт или превентивное усиление втулки, выразившиеся в установке напаянного железного кольца, мог быть произведен уже на территории Древней Руси.

Завершая обзор гнёздовских наконечников типа III, хочется подчеркнуть их неоднородность, что во многом объясняется сложными процессами взаимодействия различных военно-технических и технологических традиций на древнерусской территории.

Тип IV

А.Н. Кирпичников к этому типу относил наконечники «с пером продолговато-яйцевидной формы, скругленными плечиками, переходящими в невысокую тулью (*втулку* – С.К.)» (Кирпичников, 1966б. С. 14–15).

Аналогий этому наконечнику в типологиях Я. Петерсена и Б. Солберг нет.

В Гнёздове найден один наконечник копья типа IV (№ 20 в Каталоге наконечников копий) (рис. 44, 1). Он обнаружен при раскопках городища (раскоп ЦГ-XXVI/2011), в слоях, предварительно датированных второй половиной X века¹⁰⁵. Его небольшие размеры – общая длина 20,8 см, длина пера – 11,5 см, ширина пера – 3,3 см – позволяют предположить его использование в качестве метательного копья.

А.Н. Кирпичников указывает Восточную Прибалтику в качестве основного региона распространения этого типа. Большинство находок таких наконечников с втулкой, украшенной инкрустацией в стиле рунических камней, происходит с о. Готланд. Это позволяет предположить, что одним из регионов производства таких наконечников копий был о-в Готланд. На территории

¹⁰⁵ Благодарю Т.А. Пушкину за информацию.

Древней Руси подобные наконечники распространены в её северных районах.

А.Н. Кирпичников датировал наиболее ранние древнерусские наконечники типа IV первой половиной XI века (Кирпичников, 1966б. С. 15). Также датируются подобные наконечники и в Восточной Прибалтике. Тем не менее, схожий наконечник сулицы найден на западнославянском городище Мечов в слоях, датирующихся VIII – началом IX века (Шнеевайс, 2011. С. 170–171. Рис. 6, 3), что позволяет предположить возможность существования наконечников копий с пером «продолговато-яйцевидной формы» в более раннее время, нежели XI век.

Тип V.

По А.Н. Кирпичникову наконечники копий этого типа снабжены «пером в виде четырехгранного стержня и воронковидной тульей». Перо в сечении «ромбовидное или квадратное, реже в виде равноконечного креста» (Кирпичников, 1966б. С. 15–16). Плечики невысокие и сильно выражены. Длина пера равна длине втулки или слегка превышает ее.

В Гнёздове найдено три наконечника типа V (№№ 21-23 в Каталоге наконечников копий). Все они происходят из погребений – ПОль-4/1978, Ц-255/1978, Лб-1/1987 (рис. 44, 2-4). Наконечники из первых двух погребений сохранились целиком, от последнего – только перо.

У двух гнёздовских наконечников на гранях пера прокованы узкие долы, что в сечении наконечника даёт равноконечный крест (рис. 44, 2, 4). Долы наконечника из кургана Лб-1/1987 покрыты тонким листом из сплава на основе меди. Также с боковой стороны плечика выявлена инкрустация латунной (?) проволокой, расположенной в виде горизонтальных линий. Насколько известно автору, инкрустации на наконечниках копий типа V ранее отмечено не было.

В специальной литературе наконечники типа V получили название пик. Они считаются специализированным кавалерийским оружием, предназначенным для пробивания доспеха (Кирпичников, 1966б. С. 16;

Крыганов, 1987. С. 99). А.Н. Кирпичников считает, что на территорию Древней Руси пики попали из областей степного юго-востока и заимствованы у кочевников.

Два гнёздовских наконечника пик происходят из погребений по обряду трупоположения (ПОль-4/1978, Ц-255/1978) и на этом основании могут датироваться второй половиной X века. Упомянутый выше орнаментированный медным сплавом наконечник (курган Лб-1/Авд-1987) происходит из исключительно богатого парного погребения по обряду трупосожжения, предположительно совершенного не позднее второй четверти X века (Каинов, 2018б. С. 228–229).

В X веке пики не были широко распространены в Древней Руси. Кроме Гнёздова они известны во владимирских курганах, Михайловском и Шестовицком могильниках и некоторых других памятниках, где они также происходят из погребений второй половины X века (Бліфельд, 1977. С. 69; Зозуля, 2008. С. 339).

Являясь специализированным кавалерийским оружием, пики широко распространены в районах, где возможен кавалерийский бой. Но, несмотря на это, ряд находок зафиксирован и в лесной зоне Древней Руси, вплоть до Юго-Восточного Приладожья (Залюцик) (Кирпичников, 1966б. С. 16). Самым северным пунктом, где был найден наконечник типа V, является шведский могильник «эпохи викингов» Бирка.

Распространение наконечников-пик на территории Древней Руси следует связывать с контактами с всадническими культурами юга Восточной Европы и постепенным проникновением традиции конного боя в практику русских дружин.

Тип VI.

По А.Н. Кирпичникову основным отличием наконечников этого типа выступает наличие черешка вместо втулки, характерной для всех остальных

типов. Форма пера чаще всего вытянутая треугольная, реже – «продолговатойцевидная» (Кирпичников, 1966).

Данный тип представлен в Гнёздово тремя целыми экземплярами и одним фрагментированным (№№ 24-27 в Каталоге наконечников копий) (рис. 44, 5-7). Последний наконечник отнесен к этому типу условно, так как сохранилось только перо. Его незначительные размеры и продолговато-треугольная форма позволяет относить этот наконечник к черешковым сулицам.

Два наконечника найдены при раскопках городища (ЦГ-ХХА/1987; ЦГ-ХХVI/2010), остальные два – при раскопках курганов (Ц-43/Серг-1899; Л-5/1949).

Три наконечника (ЦГ-ХХА/1987; ЦГ-ХХVI/2010; Л-5/1949) отличает небрежность изготовления, выразившаяся в асимметрии пера и плохой обработке поверхности. У наконечника из раскопа ЦГ-ХХVI/2010 конец черешка загнут под прямым углом. Наконечники с подобной формой черешка крепились к древку сбоку, отогнутый конец при этом вставлялся с специально сделанное отверстие. Затем место крепления плотно обматывалось кожей или веревкой. Наконечники с прямым черенком просто вставлялись в расщеп древка, после чего место крепления также обматывалось. Совершенно очевидно, что подобный способ не обеспечивал надежного и прочного крепления наконечника к древку, что, по всей видимости, вызвало исчезновение подобных наконечников в XI веке.

Курган Л-5/1949 на основании найденной там исключительно лепной керамики можно датировать первой половиной X века (нельзя исключать и более узкую датировку – первая четверть X века). Остальные наконечники наиболее вероятно датируются второй половиной X века.

Тип неизвестен или неопределим.

Остались неизвестными типы двух наконечников копий, происходящих из кургана Ц-41/Сиз-1885 и в настоящее время находящиеся в спекшейся гряде

предметов и грунта (№№ 28-30 в Каталоге наконечников копий. Фрагменты наконечников, доступные для изучения, позволяют предположить, что один наконечник относится к типу F (по J.P.), второй – к типу E (по J.P.).

Вероятно, из этого кургана происходит еще один наконечник копья, от которого сохранился обломок пера длиной 13,5 см. (рис. 44, 8). В сечении обломок представляет сильно уплощенный ромб. По центру проходит полукруглое ребро, по сторонам оконтуренное долами. Подобное оформление было отмечено на наконечнике из кургана Дн-86/Серг-1901, который отнесен нами к типу III (по А.Н.К.).

В «Прибавлении к общему каталогу» Историко-этнографического музея в Смоленске указан «наконечник железного копья», найденный во время раскопок Н.К. Рериха гнёздовских курганов в 1910 году (Историко-этнографический музей, 1911. С. 1, №№ 6958). В настоящее время в собрании Смоленского государственного музея-заповедника данный предмет отсутствует.

Помимо целых наконечников, а также фрагментированных, но типологически определимых, найдено еще три обломка наконечников копий. Первый, представляющий собой обломок конца пера длиной 7 см, найден в ровике кургана Ц-331/1984 (№ 32 в Каталоге наконечников копий) (рис. 44, 9), два других – также обломки кончика пера – найдены при раскопках пойменной части селища (№ 33, 34 в Каталоге наконечников копий) (рис. 44, 10, 11). Один из них, учитывая форму, скорее всего, относится к типу E (по J.P., тип I по А.Н.К.).

Таким образом, при раскопках Гнёздовского археологического комплекса найдено не менее 28 целых и 6 фрагментированных наконечников копий и сулиц. Наиболее чётко в составе коллекции выделяются североевропейские наконечники (тип I по А.Н.К., тип E по J.P.), тип F, K (по J.P.) и наконечники, характерные для степного юго-востока – тип V (по А.Н.К.).

Втоки.

Противоположный наконечнику конец древка копья снабжался *втоком* (по А.Ф. Медведеву) или *подтоком* (по А.Н. Кирпичникову), как правило, представляющим собой свернутый железный конус, вершина которого иногда расковывалась в стержень. Назначение втоков – обеспечение втыкания древка копья в землю (Медведев, 1959б. С. 130).

В Гнёздове найдено два предмета, которые можно определить как втоки (рис. 44, 12). Оба найдены на городище, но, к сожалению, являются подъемным материалом. Они представляют собой железные конусы, длиной 13,5 см и 15,5 см, острая часть которых раскована в квадратный стержень. Диаметр втулки соответственно 2,2 см и 2,7 см. Отсутствие контекста не позволяет датировать предметы.

А.Н. Кирпичников указывал, что на древнерусской территории копейные подтоки «в X–XI вв. уже использовались, но употреблялись редко» (Кирпичников, 1966б. С. 5).

Одно обстоятельство заставляет усомниться в правомерности отнесения всех железных конусовидных предметов ко втокам. В учтённых в каталоге А.Н. Кирпичникова более 500 погребениях X–XIII веков наконечники копий ни разу не сопровождались находками втоков. Тем не менее, в культурном слое древнерусских поселений предметы, определяемые как втоки, находят нередко. Например, в Новгороде на Неревском раскопе найдено восемь втоков, датированных XI–XV веками, на Троицком раскопе – десять втоков первой половины XI – второй половины XIII века¹⁰⁶ (Медведев, 1959б. С. 130).

В то же время, в могильнике Бирки в двух погребениях (№№ 510, 547) железные конусовидные предметы (длина 13,4 и 12,6 см) были найдены в сопровождении наконечника копья (в обоих случаях тип Е по J.P.), что подтверждает возможную атрибуцию части конусовидных предметов в качестве копейных втоков (Arbman, 1940. P. 149–150, 171–172). Конусовидный

¹⁰⁶ Благодарю Е.Е. Авдеенко за предоставленную информацию о количестве втоков, найденных при исследовании Троицкого раскопа Новгорода.

железный предмет был найден в кремационном комплексе № 25 Молдовановского могильника в сопровождении наконечника копья, что с высокой долей вероятности позволяет говорить, что перед нами именно вток (Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 276. Рис. 6, 7).

Совершенно очевидно, что предметы, определяемые как втоки/подтоки, морфологически не составляют единую группу. Исследование этой группы артефактов не входит в наши задачи. Отметим лишь, что чётко выделяются предметы в виде свернутого из железного листа конуса с притупленным концом и такие же конусы, как правило, длиннее, острый конец которых раскован в стержень. Стоит ли за различиями в форме различие в функциональной нагрузке, не ясно. А.Н. Кирпичников, придерживаясь атрибуции большей части конусовидных предметов в качестве подтоков, предполагал использование их и «в хозяйственных целях, например, для оковки шестов, которыми пробивали лёд, и т.д.». Найденные вместе с наконечниками копий в погребениях Бирки предметы представляли собой конусы с раскованным в острие стержнем. Именно их мы и предлагаем считать в дальнейшем копейными втоками. Хотя, скорее всего, это не единственная возможная их атрибуция¹⁰⁷, и использование подобных предметов в качестве хозяйственного инвентаря (особенно учитывая их количество) вполне возможно.

Обе гнёздовские находки с учетом их морфологии предположительно можно отнести к копейным втокам.

¹⁰⁷ Г.А. Федоров-Давыдов кочевнические наконечники копий «в виде конусовидной заостренной трубки» выделял в тип I, называя такие наконечники «втоковидными» (Федоров-Давыдов, 1966. С. 24. Рис. 3). Вполне возможно, что в данном случае мы сталкиваемся с простыми заменителями наконечника копья.

В трех погребениях Бирки конусовидные предметы были найдены без наконечников копий (№№ 514, 773, 886). Но находка двух из них в богатых погребениях с мечами, ставить под сомнения атрибуции конусовидных предметов как «эрзац» наконечников копий. Скорее всего, при погребении в могилу было положена сломанная нижняя часть копья с втоком.

– *Топоры*

Топоры – древковое оружие рубящего действия. Усиленный обух или наличие выступа на обухе позволяют использовать топор как оружие с выраженной ударно-дробящей функцией.

В древнерусском оружейоведении не существует чётких и устоявшихся обозначений частей топора. В нашей работе предложена следующая терминология (рис. 45). Топор состоит из деревянной рукояти-*топорища* и металлического «насада», который далее и будет обозначаться термином «топор». У насада (топора) выделяется *лезвие*, которое переходит во втулку, отверстие которой обозначается как *проушина*. Тыльная часть втулки – *обух*, который может дополняться верхним и/или нижним *обушными отростками*. Боковые части втулки могут также снабжаться верхними и/или нижними отростками, которые принято обозначать термином *щекавицы*. У топоров-чеканов с обушной стороны расположен *молоточковидный* или *пластинчатый выступы*. На ряде топоров примерно в центральной части лезвия или ближе к его краю пробито отверстие диаметром 3–4 мм. Его предназначение дискуссионно. Наиболее обосновано, с нашей точки зрения, предположение, что такие отверстия являются частью системы крепления чехла или специальной накладки на лезвие топора (Каинов, Сингх, 2016. С. 201–203. Рис. б). Данный чехол или насадка делали ношение заточенного топора на поясе безопасным.

Топоры принято разделять на боевые, рабочие и универсальные. К первым относят специализированные топоры-чеканы, украшенные топоры и топоры «характерные по конструкции и незначительные по своему размеру». А.Н. Кирпичников отмечает, что большинство боевых топоров «не имеет аналогий с формами рабочих топоров» (Кирпичников, 1966б. С. 29). Обычными параметрами боевых топоров являются следующие: длина лезвия 9–15 см, ширина до 10–12 см, диаметр проушины – 2–3 см, вес до 450 гр (Там

же, с. 28). Под эти параметры подпадают и так называемые универсальные топоры, использовавшиеся как на войне, так и в быту. Отличием их от боевых топоров, является схожесть их форм с формами рабочих топоров. Рабочие топоры выделяются по своим размерным и весовым параметрам: длина 15–22 см, ширина лезвия 9–14,5 см, диаметр проушины 3–4,5 см, вес 600–800 гр (Там же, с. 28).

Было предложено несколько типологических схем древнерусских топоров (Алешковский, 1960; Ласкавый, 1993; Кирпичников, 1966б; Колчин, 1953;). Наиболее используемая – типология, созданная А.Н. Кирпичниковым (рис. 46) (Кирпичников, 1966б. С. 33–40). Исследователь на основе изучения около 500 древнерусских топоров X–XIII веков выделил восемь типов. В основе типологии лежит учет формы лезвия и особенностей «устройства обуха». К боевым топорам в этой типологии отнесены экземпляры типов I–III, к универсальным – типов IV–VIII.

Однако, как и в случае с некоторыми типами наконечников копий, типология А.Н. Кирпичникова не учитывает всего разнообразия древнерусского оружия X века и оперирует «большими типами». Поэтому при рассмотрении некоторых экземпляров топоров, аналогии которым нет среди топоров, входящих в «большие типы» А.Н. Кирпичникова, мы будем привлекать типологии, созданные на материале из других регионов. Это типология норвежских (и шире – скандинавских) топоров Я. Петерсена, типология А.В. Крыганова топоров салтово-маяцкой культуры, типология А. Рутткай великоморавских топоров (Крыганов, 1987; Петерсен, 2005; Ruttkay, 1976).

В Гнёздове найдено не менее 62 целых и фрагментированных топоров (Таблица 11, далее – Каталог топоров). Большинство – 39 экземпляров – найдены в погребениях, остальные (как правило, обломки) найдены при раскопках различных частей поселения – из 23 экземпляров на городище обнаружены 14, на селище – 9). В соответствии с типологией А.Н.

Кирпичникова в гнёздовской коллекции представлены следующие типы топоров:

Тип I.

В этот тип включены так называемые топоры-чеканы, для которых характерны «узкое, продолговатое, треугольной формы лезвие» и молоточковидный выступ на обухе. Как вариант этого типа (IA) выделяются топоры с оттянутым вниз лезвием и грибовидной шляпкой на конце молоточковидного выступа. Эти детали, по мнению А.Н. Кирпичникова, появляются в XI веке (Кирпичников, 1966б. С. 31–35).

В Гнёздово найдено шесть топоров типа I (№№ 1-6 в Каталоге топоров) (рис. 47). Все они происходят из погребений (Л-65/1950, Л-66/1950, Ц-59/1951, Ц-94/1963, Ц-160/1978(1990)¹⁰⁸).

Общая длина топоров колеблется от 12,5 до 16,5 см, ширина лезвия – от 3,5 до 5 см. Топор из погребения Л-65/1950 отличается от остальных наличием полукруглых щекавиц, узкого круглого в сечении молоточка, конец которого оформлен в виде полусферы (рис. 47, 1). Переход от втулки к выступу оформлен в виде валика, переход от втулки к лезвию оформлен тремя валиками. Проушина топора имеет сильно сплюснутую овальную форму, размерами 25 × 11 мм.

Остальные топоры схожи между собой, отличаясь в деталях (рис. 47, 2-4). Для всех характерна круглая форма проушины. Щекавицы оформлены в виде подтреугольных выступов, в одном случае они отсутствовали. У всех экземпляров молоточкообразный выступ квадратный или прямоугольный в сечении. На лезвии одного топора выявлено круглое отверстие.

А.Н. Кирпичников считал чеканы заимствованием у кочевников. Действительно, большая часть чеканов типа I, найденных в Гнёздово, соответствуют типу 4 в типологии топоров салтово-маяцкой культуры Подонья, предложенной А.В. Крыгановым (Крыганов, 1987. С. 88–92). На

¹⁰⁸ Не ясно место находки еще одного топорика, упомянутого В.И. Сизовым (Сизов, 1902. С. 75. Рис. 25). Указано только, что происходит он из «гнёздовских курганов».

территорию Подонья они проникают с Северного Кавказа в VIII веке и существуют до X века включительно (Крыганов, 1987. С. 96).

Всего на древнерусской территории А.Н. Кирпичниковым учтено около 30 находок топоров-чеканов X – начала XI века и подавляющее их большинство морфологически схоже с вышеописанными гнёздовскими образцами.

Топорику из погребения кургана Л-65/1950 аналогий среди топоров салтово-маяцкой культуры найти не удалось. Он отличается конструкцией втульчатой части и морфологией обуха. Возможно, перед нами какая-то индивидуальная форма.

Четыре погребения, в которых были найдены топоры типа I, совершены по обряду трупоположения в деревянной камере, что позволяет датировать их не ранее второй половины X века.

Ещё четыре гнёздовских топора по наличию молоточковидного выступа на обухе также можно отнести к чеканам (№№ 7-10 в Каталоге топоров) (рис. 48). От топоров основного варианта типа I их отличает лезвие, оттянутое к низу, что формально позволяет отнести их к варианту IA, хотя только у одного топора конец выступа оформлен в виде грибовидной шляпки.

Все четыре экземпляра сильно отличаются друг от друга, что делает необходимым описание их по отдельности. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет топор, найденный на поселении (раскоп ГС-IV/1971) (рис. 48, 1). Общая длина топора 15 см, ширина лезвия 32 мм, размеры овальной проушины – 31 × 25 мм. Лезвие оформлено в виде широкой оттянутой вниз пластины с вогнутым нижним краем. Верхний край лезвия ближе к концу приподнят. Молоточковидный выступ короткий (30 мм), прямоугольный в сечении, расширяющийся к завершению, оформленному в виде грибовидной шляпки. Верхние и нижние щекавицы высокие (около 15 мм) вытянутой подтреугольной формы.

Единственный топор на древнерусской территории, в некоторых деталях сходный с гнёздовским, найден в Полоцке (Плавінскі, 2013. С. 27–28). Большинство аналогий происходят с территории Великой Моравии, где подобные топоры обозначены как «секиры блучинского типа» и датируются IX – первой половиной X в (Пушкина, 1980. С. 112–113). Несколько схожих топоров найдено на территории Польши (Kotowicz, 2009).

Гнёздовская «секира блучинского типа» найдена в слое, содержащем гончарную керамику и шиферное пряслице, что датирует ее временем не ранее второй половины X века.

Второй гнёздовский топор варианта IA найден в кургане Ц-50/Серг-1899 (рис. 48, 2). Его общая длина 15 см, ширина лезвия 5,4 см, проушина округлой формы диаметром около 28 мм. Лезвие оформлено в виде узкого оттянутого вниз выступа. Верхние и нижние щекавицы подтреугольной формы. Молоточковидный выступ короткий (17 мм), в сечении прямоугольной формы, немного расширяющийся к завершению.

Аналогий этому топору не удалось найти ни среди древнерусских, ни среди кочевнических древностей. Но схожие по своей морфологии топоры найдены на территории Великой Моравии и Польши. По типологии А. Руткаи наша находка относится к типу 1В, который датирован IX–X веками (Rutkay, 1976. P. 307).

Гнёздовский топор найден в трупосожжении с невыразительным инвентарем. К сожалению, из дневника С.И. Сергеева не ясно были ли лепными или гончарными сопровождающие погребение сосуды. Данное обстоятельство позволяет датировать курган только в рамках X века.

Третий топор варианта IA найден при раскопках С.И. Сергеевым вала Центрального городища (рис. 48, 3). Его длина 14,9 см, высота лезвия 9,2 см, размеры проушины овальной формы 27 × 15 мм. Топор отличает сильно оттянутая вниз лезвийная лопасть, что сближает этот топор с топорами типов

IV, V, VI. Верхние и нижние щекавицы невысокие (12 мм) подтреугольной формы. Выступ короткий (13 мм), квадратный в сечении.

Древнерусских аналогий этому топору найти не удалось. Несколько похожих топоров, происходящих с памятников салтово-маяцкой культуры на территории Подонья, учтены в А.В. Крыгановым, хотя, насколько можно понять, они не являются характерными для этого региона (Крыганов, 1987. С. 244. Рис. 34, 8, 9). Отличаются салтовские топоры другой формой щекавиц.

Наиболее близкие аналогии, как и в двух предыдущих случаях, обнаруживаются в материалах Великой Моравии. Подобные топоры отнесены А.Рутткай к типу VA и датированы IX веком (Ruttkaу, 1976. P. 307–309).

Исходя из не совсем ясного контекста находки, датировать гнёздовский топор можно только в рамках X века.

Последний, четвертый топор варианта IA найден в погребении воина с конем, совершенном по обряду труположения в деревянной камере (курган Ц-255/1978) (рис. 49, 1).

Общая длина топора 15,2 см, высота лезвия 5,6 см, размеры проушины овальной формы 23 × 16 мм. У топора широкое, опущенное к низу лезвие, невысокие щекавицы треугольной формы и квадратный в сечении молоточковидный выступ длиной 4,2 см.

Полных аналогий этому топору не удалось найти ни в древнерусском материале, ни в материале соседних регионов. В некоторых деталях он сближается с топорами салтово-маяцкой культуры Подонья.

Само погребение, совершённое по обряду труположения в деревянной камере, датируется второй половиной X века.

Рассмотренные гнёздовские топоры типа I подтверждают выдвинутое А.Н. Кирпичниковым предположение о распространении большинства топоров-чеканов с юго-восточных территорий, главным образом с территории салтово-маяцкой культуры. Специфика гнёздовской коллекции состоит в осязательном присутствии топоров, происходящих с западнославянских

территорий (наиболее вероятно с территории Великой Моравии). Возможно, в том числе и западнославянские топоры-чеканы с оттянутым вниз лезвием участвовали в генезисе появившегося в XI веке выделенного А.Н. Кирпичниковым варианта IA.

Тип II.

Этот тип топоров также принято относить к чеканам, но в отличие от топоров типа I, они снабжены лезвием трапециевидной формы и узким пластинчатым выступом на тыльной части обуха (Кирпичников, 1966б. С. 35).

В Гнёздово найдено 7 целых экземпляров топоров типа II (№№ 11-18 в Каталоге топоров) (Л-95/1960, Ц-88/1963, Ц-191/1978, Дн-4/1984, Польш-61/1980, Польш-62/1980, Польш-64/1980). Еще один обломок, по нашему мнению изначально относился к этому типу, но после поломки был переделан (Польш-20/1979).

Все гнёздовские топоры типа II схожи между собой, что не вызывает необходимости более дробной классификации (рис. 49, 2, 3; рис. 50). Различия состоят лишь в размерных характеристиках. Общая длина топоров колеблется от 16 до 19,5 см, высота лезвия – от 6,5 до 9,5 см. Проушина овальной формы со средними размерами 2,8 × 2,3 см. На лезвии топора из погребения Ц-191/1976 выявлено отверстие круглой формы диаметром 3 мм, возможно, служившее для крепления чехла на лезвие топора.

Топор из погребения Польш-20/1979, по нашему мнению, представляет собой переделанный обломок топора типа II¹⁰⁹ (рис. 50, 3). У топора с обломанным почти под самую втулку лезвием, пластинчатый выступ с обратной стороны перековали в узкое подтреугольное лезвие, превратив тем самым обломок во вполне функциональный предмет.

¹⁰⁹ Трудности с определением типа этого топора возникли еще при первой его публикации. Указав на отсутствие аналогий в труде А.Н. Кирпичникова, Е.В. Каменецкая предложила считать таковым топор из Волжской Булгарии (Каменецкая, 1991. С. 141). По нашему мнению, эта аналогия некорректна, так как у болгарского топорика обухной выступ квадратный в сечении и не обломан, а у гнёздовского образца он прямоугольный (пластинчатый) и сохранился фрагментарно.

Все гнёздовские топоры типа II происходят из погребений, совершенных по обряду труположения (6 – в деревянных камерах, 2 – в простых могильных ямах). Это определяет общую датировку погребений второй половиной X века.

На древнерусской территории без учета гнёздовских обнаружено еще около 20 топоров этого типа, датированных в рамках X – начала XI века (Кирпичников, 1966б. С. 35). Аналогичные по форме топоры в незначительных количествах найдены в Венгрии, Польше, Латвии и Швеции, по всей видимости, распространившись с территории Древней Руси.

А.Н. Кирпичников указывает в качестве «древнейших образцов этой формы» топоры с территории Башкирии и Кавказа. Но все они отличаются массивностью и несколько иными пропорциями. Не удалось найти аналогичных топоров и в материалах, представленных в работах А.В. Крыганова, У.Ю. Кочкарова, В.Н. Каминского (Крыганов, 1987; Каминский, 1991; Кочкаров, 2008).

Учитывая многочисленность древнерусских образцов и их, с одной стороны, морфологическое единство и, с другой стороны, отличия от кавказских и башкирских топоров, можно предположить их производство на территории Древней Руси.

Тип III.

К этому типу отнесены топоры с узким, вытянутым, подтреугольным лезвием, с верхними и нижними щекавицами и «вырезным обухом» – с верхним и нижним обушными выступами (Кирпичников, 1966б. С. 35–36).

В Гнёздово обнаружено пять топоров типа III (№№ 19-23 в Каталоге топоров) (рис. 51). Два из них найдены при раскопках поселения (1 – городище, 1 – селище), три – при раскопках курганов (Дн-17/Абр-1905, Ц-222/1977¹¹⁰).

Топоры чётко распадаются на две группы. В погребениях найдены незначительные по размерам топоры, схожие по своим параметрам: общая

¹¹⁰ Место находки ещё одного топора, хранящегося в Смоленском государственном музее-заповеднике, не известно

длина 11,5–12,5 см, ширина лезвия около 4 см, диаметр проушины около 2,6 см (рис. 51, 3). Экземпляры, найденные на поселении, отличаются значительными размерами и массивностью (рис. 51, 1, 2). Их общая длина 19,7 и 21,8 см, ширина лезвия 5,7 и 6 см, диаметр проушина около 4 см.

Размерные и весовые характеристики позволяют считать топоры первой группы боевыми, второй – рабочими.

К сожалению, только один топор, найденный в труположении Ц-222/1977, датируется относительно узко – в пределах второй половины (вероятно, последней четверти) X века. Малоинвентарность погребения в кургане (Дн-17/Абр-17) не позволяет датировать его уже, чем X век. Археологический контекст третьего топора не ясен, известно только, что он происходит из раскопок гнёздовских курганов.

Массивный топор типа III, найденный на городище (ЦГ-IV/1953), происходит из верхнего сильно перемешанного слоя (рис. 51, 1). Топор с селища по всей видимости, является случайной находкой (рис. 51, 2).

С территории Древней Руси происходит более 50 топоров, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к типу III. Датируются они X–XI веками (Кирпичников, 1966б. С. 35). При этом среди древнерусского материала также выделяются разные по размерным характеристикам боевые и рабочие топоры этого типа. Н.А. Плавинский, посвятивший статью топорикам типа III, найденным на территории Беларуси, собрал сведения о находках 18 экземпляров, которые датируются концом X–XI веком. По мнению автора, на территорию Беларуси топоры типа III проникают из более южных районов (Плавинский, 2014. С. 74). А.Н. Кирпичников считал наиболее вероятным древнерусское происхождение этого типа топоров (Кирпичников, 1966б. С. 36). Н.А. Плавинский, проанализировав современное состояние проблемы, заключил, что «абсолютное большинство топоров типа III найдено на Руси» и связал «данный тип топоров с дружинным комплексом вооружения эпохи становления древнерусского государства» (Плавинский, 2014в. С. 74). Автор предполагает,

что наиболее ранние топоры типа III известны на памятниках лука-райковецкой и роменской культур (Пастырское городище, погибшее в середине VIII в., городище Гора Ивана Рыльского¹¹¹) (Там же, с. 75). Но стоит подчеркнуть, что приведенные образцы ранних топоров сильно отличаются от «классических» топоров этого типа своей общей массивностью и короткими обушными выступами. По нашему мнению, характерная форма вырезного обуха с длинными выступами возникает именно в рамках древнерусской дружинной культуры, скорее всего, не ранее второй половины X века, развиваясь на основе топоров, существовавших в лука-райковецкой и роменской культурах.

Топоры типа III за пределами Древней Руси найдены в Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Волжской Булгарии, где датируются XI–XII веками (Там же, с. 74–75).

Тип IV.

В работе А.Н. Кирипичникова в этот тип включены топоры с оттянутым вниз лезвием, вырезным обухом и двумя парами боковых щекавиц (Кирипичников, 1966б. С. 36–37).

В Гнёздове это самый распространённый тип топоров. Всего удалось собрать информацию о 11 экземплярах, найденных за одним исключением только в погребениях (№№ 24–34 в Каталоге топоров) (рис. 52–54).

На основании размерных характеристик находки разделены на две неравные группы. В первую входят два топора (Л-56/1950, ГС-П/1960), выделяющиеся своими небольшими параметрами: длина 11,5–12,7 см, высота лезвия 7–7,3 см, диаметр проушины 2,1–2,8 см (рис. 53, 1, 3). Вторая группа (9 экземпляров) объединяет более крупные по размерам топоры длиной 14–18,5 см, с высотой лезвия 8,3–10,5 см (рис. 52; 53, 2; 54). Проушное отверстие округлой формы с продольными размерами – 2,8–4 см, поперечными – 2,6–3,2 см. Предметы из первой группы следует отнести к боевым, второй – к

¹¹¹ Указанный в качестве раннего образца топор с Большого Горнальского городища не имеет узкой даты, о чём говорит и Н.А. Плавинский.

универсальным топорам. Один экземпляр имел на лезвии отверстие (Л-56/1950) (рис. 53, 1).

Из четырех топоров типа IV, найденных при археологических работах, два происходят из погребений по обряду трупоположения (Ц-86/1963, Польша/1978), один (Л(Гл)-122/Сиз-1896-97) – из трупосожжения. Обряд еще одного погребения с топором типа IV (Л-56/Авд-1950) не совсем ясен. Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь не позволяет датировать эти погребения ранее второй половины X века.

Пять гнёздовских топоров типа IV, по всей видимости, происходят из разрушенных курганов, один – из кургана, раскопанного до 1909 года и ещё один найден при раскопках северо-западной части селища (ГС-II/1960) (Новиков, Пушкина, 2018. С. 358. Рис. 24, 1).

Кроме гнёздовских топоров ранним временем (в пределах второй половины X века) датируются топоры из черниговского кургана «Чёрная могила», кургана у с.Усть-Рыбижна в Юго-Восточном Приладожье и курганов 73, 76 Шестовицкого могильника (Кирпичников, 1966б. С. 108-109).

В XI веке топоры типа IV распространяются за пределы Древней Руси – в Прибалтику, Скандинавию, Польшу, Волжскую Булгарию (Кирпичников 1966. С. 37). Именно XI век является периодом максимального распространения этого типа на территории Древней Руси и в соседних регионах.

Топоры типа IV А.Н. Кирпичников считал древнерусским изобретением, также как и топоры типа III, с которыми их объединяет аналогичная конструкция обуха. Датировать появление топоров типа IV, по нашему мнению, следует в рамках второй половины X века (скорее в последней четверти этого столетия). Топоры типа IV соединяют в своей форме вырезной обух топоров типа III и лезвие топоров с опущенным вниз лезвием, характерных для североевропейской традиции. Наиболее вероятно, что этот

симбиоз произошел именно на территории формирующегося древнерусского государства.

Тип V

По А.Н. Кирпичникову к этому типу относятся топоры «с выемкой и опущенным лезвием». Характерной чертой является «прямая верхняя грань и боковые щекавицы только с нижней стороны обуха» (Кирпичников, 1966б. С. 37–38).

Классических образцов этого типа в Гнёздове не найдено. Тем не менее, при раскопках Центрального городища обнаружено два обломка обухной части топоров, относящихся к типу С по типологии Я. Петерсена (№№ 35, 37 в Каталоге топоров) (рис. 55, 1, 3). Возможно обломком лезвийной части топора типа С является фрагмент, также найденный на городище (№№ 36 в Каталоге топоров) (рис. 55, 2). Древнерусские топоры типа V, по всей видимости, являлись развитием североевропейских топоров типа С.

Я. Петерсен пишет, что тип С «характеризуется прямым верхним краем лезвия, отсутствием верхних щекавиц и, как правило, широким затыльником» (Петерсен, 2005. С. 71). От топоров типа V топоры типа С отличаются наличием усиленного и немного оттянутого вниз обуха.

Я. Петерсен датирует топоры типа С очень широко – с конца эпохи переселения народов и до начала X века (Петерсен, 2005. С. 71). Находки обломков гнёздовских топоров в слое с гончарной керамикой ограничивают здесь их нижнюю хронологическую границу второй четвертью X века. На территории Древней Руси топоры типа С найдены в Старой Ладого, на Сарском и Супрутском городищах. В Старой Ладого целый и фрагментированный топоры найдены в микрогоризонте Е3 (750–830 гг). В горизонте Д-нижнее (930–950 гг) найден миниатюрный топорик, схожий с топорами типа С (Рябинин, 1995. С. 52). На Сарском городище целый топор этого типа, к сожалению, найден в неясном контексте (Леонтьев, 1996. С. 122–123). А.Е. Леонтьев на основе анализа европейских находок топоров типа С предложил

линию эволюции этого типа (Там же, с. 123). Ранние образцы отличаются «длинной, сравнительно узкой лопастью и акцентированным выступом обуха», у поздних лопасть укорачивается и расширяется, нижний край лопасти оформляется в виде косого среза. Обушной выступ менее выделен, а у некоторых образцов отсутствует. Топор с Сарского городища относится к раннему варианту и на основе европейских аналогий датируется концом VIII – началом IX века.

Гнёздовские фрагменты топоров типа С, наряду с обломком топора этого типа с Супрутского городища, маркируют редкое проникновение собственно североевропейского типа топоров вглубь древнерусской территории.

Тип VI

По А.Н. Кирпичникову это «топоры с оттянутым вниз лезвием и двумя парами боковых щекавиц». От типа IV данные тип отличается отсутствием вырезных мысков на обухе (Кирпичников, 1966б. С. 38–39).

В Гнёздове тип VI представлен 3 экземплярами (№№ 38-40 в Каталоге топоров). Один из них происходит из профессионально раскопанного кургана (Л-105/1959) (рис. 55, 4), два других – вероятно из разрушенных курганов¹¹² (рис. 55, 5, 6) (№№ 39, 40 в Каталоге топоров).

Топоры отличаются массивностью и значительными размерами, что позволяет отнести гнёздовские топоры к универсальным орудиям.

Единственное раскопанное археологами погребение с топором типа VI совершено по обряду труположения в могильной яме (Л-105/1959), что дает основания датировать его второй половиной (вероятно, последней четвертью) X века.

А.Н. Кирпичников относит появление топоров этого типа к X веку, указывая кроме гнёздовских только одно погребение с таким топором –

¹¹² А.Н. Кирпичников один из гнёздовских топоров указал как найденный в составе клада (Кирпичников, 1966б. С. 38). Т.А. Пушкина, исследовав обстоятельства находки клада, обнаружила, что топор не имеет к нему отношения (Пушкина, 1998. С. 376).

Подъелье в Юго-Восточном Приладожье. Наиболее вероятна датировка X веком и двух топоров, найденных на Сарском городище (Кирпичников, 1966б. С. 110; Леонтьев, 1996. С. 122).

Топоры типа VI, скорее всего, происходят от североевропейских топоров с прямой верхней гранью и оттянутым вниз лезвием. В XI–XII веках тип становится популярным и распространяется «в средней и северной Руси» (Кирпичников, 1966б. С. 38).

Тип VIII

К этому типу относятся “узколезвийные” топоры, по форме лезвия напоминающие топоры типа III, но с упрощённым обухом.

В Гнёздове один топор типа VIII найден при раскопках вала Центрального городища¹¹³ (№ 41 в Каталоге топоров) (рис. 56, 1).

Топор довольно массивный, с симметрично расширяющимся лезвием. По своим конструктивным особенностям он напоминает топоры типов III, IV, VI (в первую очередь это относится к формовке обушной части топора). По нашему мнению, этот топор можно датировать в рамках второй половины X века, отнеся его к универсальным формам.

А.Н. Кирпичников считает топоры типа VIII архаичными для X века, относя их распространение к V–IX векам. Наиболее характерны они для территорий, заселенных финскими и балтскими племенами (Кирпичников, 1966б. С. 39–40).

Тип неясен или неизвестен.

Пять целых топоров, найденных в разное время и при разных обстоятельствах на территории Гнёздовского археологического комплекса, не сохранились, что не позволяет установить их тип (№№ 42-46 в Каталоге топоров).

1) Топор из кургана Ц-8/Серг-1898 (Спицын, 1905. С. 35).

¹¹³ Еще один топор, который можно формально отнести к типу VIII, также найден при раскопках городища (ЦГ-ХV/1981). Но морфологические особенности позволяют датировать топор XV–XVII веков (Двуреченский, 2008. С. 60. Рис. 6, 2).

2) Топор из кургана Дн-88/Серг-1901. Были найдены обломки топора, прикипевшие к лезвию меча (Там же, с. 52).

3) Топор из раскопок курганов В.А. Городцовым в 1911 году

4) Топор из кургана, раскопанного в 1914 году. Найден в погребении по обряду трупоположения вместе с мечом (Клетнова, 1916. С. 39).

5) В кургане Дн-50/1991 был найден сильно коррозированный топор, о котором можно сказать только то, что, скорее всего, он принадлежал к типам топоров с оттянутым вниз лезвием (тт. IV, V, VI).

6) В каталоге предметов, хранившихся в Историко-этнографическом музее княгини М.К. Тенишевой в Смоленске, упомянуты три топора, происходящих из раскопок гнёздовских курганов (Историко-этнографический музей, 1909, С. 169, № 3151; Историко-этнографический музей, 1911. С. 1, №№ 6950, 6951). Два из них («6950. Топорик с отломанным обухом.» и «6951. Топорик железный.») происходят из раскопок Гнёздовского могильника Н.К. Рерихом, произведённых в 1910 году. В настоящее время в собрании Смоленского государственного музея-заповедника находится два топора из дореволюционных раскопок Гнёздова (№№ 23, 34 в Каталоге топоров). Третий топор, по всей видимости, пропал во время Великой Отечественной войны.

Также из раскопок гнёздовского комплекса происходит не менее 16 типологически не определимых обломков топоров (№№ 48-61 в Каталоге топоров)) (рис. 56). Один фрагмент найден в кургане, восемь – на городище, шесть – на селище. Из них пять представляют собой обломки мысовидных выступов топоров, вероятно, типов III или IV (рис. 56, 8-11), в одном случае найден значительный фрагмент обуха, сохранивший оба мысовидных выступа и обе пары боковых щекавиц, что также позволяет отнести этот фрагмент к топорам типов III или IV. Остальные девять фрагментов – обломки лезвий топоров (рис. 56, 2-7).

– *Кистени*

Кистень – древковое оружие ближнего боя ударно-дробящего действия. Поздний изобразительный материал демонстрирует конструкцию кистеня, состоящую из деревянной рукояти и гирьки (металлической или роговой), соединенных между собой кожаным ремнем или верёвкой. Этот ремень или верёвка крепились к гирьке двумя способами. Первый, когда ремень проходил через сквозной осевой канал и второй, когда ремень привязывался к петле, которая могла составлять единое целое с корпусом гирьки или же являться частью металлического стрежня, проходящего через осевой канал в корпусе гирьки.

Кистень как вид оружия древнерусских воинов уверенно утвердился в составе комплекса вооружения Древней Руси после работы А.Н. Кирпичникова и в настоящее время рассматривается как оружие ближнего боя ударно-дробящего действия в большинстве работ отечественных и зарубежных исследователей (Артемьев, 1990; Двуреченский, 2015; Кирпичников, 1966б. С. 58–65; Плавінскі, 2013). По мнению А.Н. Кирпичникова распространение находок кистеней в основном на юге, дорогостоящая техника украшения ряда кистеней, наличие княжеских знаков свидетельствует в пользу того, что «владельцами многих боевых гирь были воины, вероятно, чаще всего конные дружинники» (Кирпичников, 1966б. С.65). А.Ф. Медведев более осторожно подходил к определению кистеня как оружия воинов, хотя и не отвергал таковое, и считал его скорее «карманным» оружием, применявшимся в рукопашной схватке (Медведев, 1959б. С. 137).

При этом исследователи по-разному реконструировали внешний вид кистеня. А.Ф. Медведев считал, что гиря кистеня привязывалась к ремню длиной около 50 см, другой конец ремня «надевался на кисть руки». Именно от такого способа «ношения» кистеня, по мнению А.Ф. Медведева, и произошло название этого оружия (Там же, с. 137). А.Н. Кирпичников считал, что существовал и другой вариант конструктивного решения кистеня, когда конец

ремня, противоположный концу с привязанной гирей, прикреплялся к короткой палке (Кирпичников, 1966б. С. 59).

Атрибуция роговых и металлических гирь как ударного элемента кистеня, принятая в большинстве работ отечественных и зарубежных авторов, была подвергнута сомнению Л.И. Смирновой (Холден) (Холден, 2009). Проведённый нами анализ аргументации не позволил согласиться с выводами исследователя и к настоящему времени, по нашему мнению, нет никаких оснований подвергать сомнению атрибуцию А.Ф. Медведева роговых и металлических гирек как гирек кистеней (Каинов, 2018а).

Типология древнерусских кистеней была предложена А.Н. Кирпичниковым, который с учётом формы и деталей устройства гирек разделил их на шесть типов с подтипами (рис. 57, 1) (Кирпичников, 1966б. С. 59).

Более чётко, с нашей точки зрения, организована типология кистеней А.В. Крыганова, созданная на основе находок на памятниках салтово-маяцкой культуры Подонья (рис. 57, 2) (Крыганов, 1987. С. 109–118). Всего в работе учтена 51 гирька кистеня, которые по материалу разделены на группы, по форме – на типы, по способу крепления – на подтипы.

В Гнёздове найдено три гирьки от кистеня – одна в погребении кургана Ц-191/1976, одна на городище (раскоп ЦГ-1/1952), еще одна – случайная находка на территории западной части селища (рис. 58). Описание кистеней дано в соответствии с типологией древнерусских кистеней А.Н. Кирпичникова, с указанием на соответствующие типы в типологии А.В. Крыганова.

Тип 1

Согласно типологии А.Н. Кирпичникова, гири кистеней этого типа изготавливались из кости или рога, обычно имели яйцевидную форму «с продольным отверстием по оси, куда вставлялся железный стержень с петлей на одном конце (для скрепления с веревкой или ремнем), заклёпкой на другом» (Кирпичников, 1966б. С. 59). В типологии А.В. Крыганова костяные и роговые

гирьки кистеней рассмотрены более подробно. Все они объединены в группу I, по форме разделенную на три типа, которые в свою очередь по способу крепления разделены на подтипы (Крыганов, 1987. С. 64).

К типу I по типологии А.Н. Кирпичникова или типу IA по типологии А.В. Крыганова относится гирька кистеня, найденная на городище (рис. 58, 1). Гирька, сохранившаяся фрагментарно, была изготовлена из рога и имела форму, близкую к яйцевидной. Высота гирьки – 45 мм, внешний диаметр – 24 мм, диаметр осевого канала – 12 мм. На внешнюю поверхность был нанесен гравированный орнамент, состоящий из нескольких параллельных канавок, между которыми расположена полоса, декорированная ромбами, образованными двойными линиями.

Датировать гнёздовскую находку точнее, чем второй четвертью – концом X века не представляется возможным.

Находки кистеней типа I, относящиеся к X веку, для древнерусской территории редки¹¹⁴. Относительно широкое распространение они получают здесь лишь в X–XIII веках (Кирпичников, 1966б. С. 59, 134–135). Наибольшее количество кистеней данного типа встречено на памятниках салтово-маяцкой культуры IX–X веков в Подонье (Крыганов, 1987. С. 64). По-видимому, отсюда они и распространились на территорию Древней Руси (Кирпичников, 1966. С. 59).

Тип II

К этому типу А.Н. Кирпичников относил гирьки шаровидной и грушевидной формы, изготовленные из железа или бронзы (Кирпичников, 1966б). По характеру поверхности тип подразделен на варианты – собственно тип II – гирьки с гладкой или граненой поверхностью и тип IIА – гирьки «с горошковидными выпуклостями». Анализируя коллекцию новгородских кистеней, А.Р. Артемьев, ссылаясь на принципы построения типологии кистеней А.В. Крыганова, предложил выделять виды внутри типа II не на

¹¹⁴ В Новгороде одна роговая гирька кистеня датируется 30–60 гг X – 20–30 гг XI века, две – концом X – первой четвертью XI века (Артемьев, 1990. С. 17. Приложение).

основании характера поверхности, а учитывая материал, из которого изготовлены гирьки – вид 1 – биметаллические гирьки, корпус которых отлит из бронзы, а в осевой канал вставлен железный стержень, вид 2 – бронзовые гирьки (Артемьев, 1990. С. 8). А.Н. Кирпичников датирует гирьки кистеней II типа второй половиной X–XIII веком (Кирпичников, 1966б. С. 62).

В типологии А.В. Крыганова гирькам типа II (по А.Н. Кирпичникову) соответствуют типы II, IV, V (Крыганов, 1987. С. 63–66).

В Гнёздове найдено две гирьки, которые можно отнести к типу II по типологии А.Н. Кирпичникова. Первая из них входила в состав инвентаря богатого погребения всадника, совершенного по обряду трупоположения в деревянной камере (Ц-191/1976).

Гирька округлой формы изготовлена из железа (рис. 53, 3). Поверхность гирьки разделена на двенадцать слабо выступающих рёбер. Высота кистеня – 53 мм, а наибольшая ширина – 45 мм. Диаметр осевого канала – 10 мм. Верхнее отверстие осевого канала подчеркнуто бортиком высотой 5 мм. Поверхность гирьки покрыта врезной инкрустацией, выполненной жёлтым металлом. К сожалению, сохранность предмета такова, что в полной мере восстановить рисунок инкрустации невозможно. Наиболее чётко видна инкрустация, подчеркивающая ребра. На самих ребрах, а также между ними и на выступающем бортике фрагментарно сохранились участки орнаментации геометрического характера.

Погребение в кургане Ц-191/1976 датируется второй половиной X века.

В древнерусском материале аналогий гнёздовскому кистеню из кургана Ц-191/1976 найти не удалось. Наибольшее сходство обнаруживает железная гирька кистеня, найденная при раскопках городища Екимауцы (Фёдоров, 1953. С. 108. Рис. 45, 4). Эта находка представляет собой гирьку шаровидной формы, с осевым каналом, верхний и нижний концы которой подчеркнуты бортиками. На поверхности заметны слабо выступающие ребра. Качество фотографии и сохранность предмета не позволяют сказать, была ли на поверхности гирьки

инкрустация. Городище Екимауцы Г.Б. Федоров датировал концом IX – первой половиной XI века (Там же, с. 112).

По типологии А.В. Крыганова гирька кистеня из кургана Ц-191/1976 относится к варианту 1 типа II – железные гирьки шаровидной формы с осевым каналом. Гирьки этого варианта были широко распространены в IX–X веках почти на всей территории салтово-маяцкой культуры Подонья (Крыганов, 1987. С. 64–65). В тоже время точных аналогий гнёздовскому кистеню среди салтовского материала найти не удалось. Ни одна из учтенных А.В. Крыгановым гирек не была инкрустирована.

Вторая гирька, относящаяся к типу II по типологии А.Н. Кирпичникова и к варианту 1 типа II по типологии А.В. Крыганова, является случайной находкой из западной части селища. Гирька изготовлена из железа, имеет шаровидную форму с двумя уплощенными противостоящими сторонами (рис. 53, 2). Поверхность гранёная на восемь граней. Высота гирьки – 30 мм, ширина – 33 мм, диаметр осевого канала – 8 мм. Среди гирек, учтенных А.Н. Кирпичниковым, аналогий гнёздовской найти не удалось. Очень похожая гирька была найдена в 2018 году при раскопках одного из курганов Шестовицкого могильника (Жигола, Скороход, 2019. С. 121. Рис. 2, 5).

Среди салтовских гирек кистеней, собранных А.В. Крыгановым, полных аналогий также найти не удалось. Наиболее близок кистень из могильника у с. Жёлтое, который отличается от гнёздовского количеством граней (6) и отсутствием широких уплощений (Крыганов, 1987. С. 64–65. Рис. 1. 11). Могильник датируется IX–X веками.

Учитывая салтовские и древнерусские аналогии наиболее вероятная датировка гирьки кистеня с территории западного селища – X век.

А.Н. Кирпичников считал кистени вспомогательным оружием конного воина. А.В. Крыганов видел в кистенях лишь «демократический» вид оружия, применявшийся «не только воинами, но и невоенным населением, даже женщинами» (Там же, с. 68). Эта точка зрения опирается на редкость находок

кистеней с набором оружия и конского снаряжения в салтовских погребениях, а также на представление о том, что «кистени не могли быть эффективным оружием в бою, особенно против защищенного броней противника» (Там же, с. 68). В статье А.Р. Артемьева последнее мнение А.В. Крыганова обозначено как «окончательно установленное» (Артемьев, 1990. С. 13). Сам автор считает кистени оружием пеших легковооруженных воинов.

Утверждение о принадлежности кистеней пешим воинам и их неэффективности кажется нам не совсем обоснованным или совсем неприменимым к древнерусским реалиям. Простое обращение к таблице из статьи А.Р. Артемьева, где указаны весовые характеристики кистеней и булав, дает представление, что вес гирь кистеней ненамного уступает весу булав, которые А.Р. Артемьев считает оружием тяжеловооруженных конных воинов (Там же, с. 17–18. Приложение). Учитывая, что значительное количество древнерусских кистеней было богато орнаментировано в техниках чернения и инкрустации, утверждение об их «демократичности» звучит сомнительно. Тем более одна из гнёздовских гирек кистеня найдена в богатом погребении, содержащем набор вооружения и снаряжение всадника и верхового коня (Ц-191/1976).

Нельзя отрицать, что кистени были привнесены на древнерусскую территорию. Все самые ранние экземпляры этого оружия, в том числе и гнёздовские, определяют вторую половину X века как время включения кистеня в набор средств нападения древнерусского воина. Учитывая распространённость кистеней у населения Хазарского каганата, именно эта территория кажется наиболее вероятным регионом, откуда кистень попал на территорию Древней Руси. Возможно, среди населения каганата кистени выступали в качестве оружия простых воинов и даже как «гражданское» оружие, но на территории Руси кистень вошёл в набор средств нападения профессиональных воинов.

1.1.2. Оружие дальней дистанции боя

К оружию дальней дистанции боя относятся предметы, чьё использование в бою обеспечивается с помощью различных приспособлений, так и сами такие приспособления. В Гнёздове оружие дальней дистанции боя представлено стрелами и луками, в качестве приспособления для придания стрелам энергии полета. Вместе с луками будет рассмотрено представленное на памятнике снаряжение лучника – налучья и колчаны.

Находка двух наконечников арбалетных болтов свидетельствует о применении на территории памятника арбалетов.

– Луки

Лук – конструкция, позволяющая увеличить дистанцию поражения метательных снарядов – стрел. По конструктивным особенностям все луки можно подразделить на *простые*, *сложные* и *сложносоставные*. Простыми считаются луки, сделанные из одного цельного куска дерева, сложными – из нескольких кусков дерева, иногда разных пород и сложносоставные – луки как из одного куска дерева, так и из нескольких, но при этом усиленные накладками из кости или рога. Сложносоставные состояли из нескольких основных деталей – *рукояти* (середина лука), *концов* или *рогов* (концы лука) и *плечей* (часть лука между рукоятью и концами) (рис. 59). Для придания жёсткости и увеличения упругости *кибить* (деревянная основа лука) снабжалась костяными накладками, по местоположению разделяющиеся на *серединные* и *концевые*, которые, в свою очередь, могут разделяться на *фронтальные*, *боковые* и *тыльные*.

К изучению сложносоставных луков обращались многие исследователи, которые публиковали как отдельные находки, так и пытались проследить эволюцию этого оружия от Центральной Азии до Восточной Европы (Измайлов, 1998; Каминский, 1982; Круглов, 2005а, 2005б, 2007; Литвинский, 1966; Савинов, 1981; Хазанов, 1966; Худяков, 1993; Флёрова, 2000 и др.).

Новый подход к изучению остатков средневековых луков был предложен А.И. Семёновым и А.М. Савиным, которые разработали типологию сложносоставных луков (рис. 60), построенной на учёте особенностей технологии изготовления лучных накладок и способе их крепления к кибити. По мнению исследователей, в Восточной Европе выделяется несколько технологических вариантов степных сложносоставных луков, которые объединены в две основные, обособленные группы: гунно-болгарскую и хазаро-салтовскую. Эти группы имеют различные периоды бытования и свои географические зоны распространения (Савин, Семёнов, 1989; 1990; 1992; 1995; 1998).

Направление исследований А.И. Семёнова и А.М. Савина получило свое продолжение в работах Е.В. Круглова, который предложил свой вариант типологии конструктивно-технологических особенностей луков (Круглов 2005б. С. 307–320; Круглов 2005а. С. 73–142). Е.В. Круглов подверг критике тезис А.И. Семёнова и А.М. Савина об обособленности «гунно-болгарской» и «хазарской» технологических групп. По его мнению, развитие сложносоставного лука в Восточной Европе второй половины VII–VIII веков имело «непрерывный эволюционный характер» (Круглов, 2005б). Смена технологий изготовления и крепления к кибити роговых накладок произошла на рубеже VII–VIII веков и была вызвана «необходимостью адаптации оружия к климатическим реалиям Восточной Европы» и столкновениями с противником, защищенным доспехом. Автор также подчёркивает, что «этнические наименования, которые получили выделенные исследователями конструкции, – «аварская», «гунно-болгарская», «хазарская», «салтовская», «венгерская», «позднеаланская», «печенежская», пока следует рассматривать лишь как указание на потенциально возможную взаимосвязь данных разновидностей оружия с теми историческими эпохами, в которые те или иные из указанных этносов доминировали или могли доминировать» (Круглов, 2005а. С. 74).

Необоснованность терминов «венгерский, тюркский, хазарский и т.д. тип лука» подчеркнута в статье А. Биро, П. Ланго и А. Тюрка, в которой рассматриваются детали сложносоставных луков X–XI веков, найденные на территории Карпатской котловины восточноевропейскими (Биро, Ланго, Тюрк, 2009. С. 413–414). Из статьи можно заключить, что в указанный период на территории Венгрии существовало несколько конструктивных типов луков, отличающихся количеством, набором пластин и накладок и их морфологическими характеристиками.

За редкими исключениями за пределами указанных обобщающих работ остались находки на древнерусских памятниках, которые были известны к этому времени. Детали сложносоставных луков на территории Древней Руси определил и собрал А.Ф. Медведев (Медведев, 1966. С. 37–38). К периоду IX–X веков относятся обломки костяных накладок из девяти древнерусских комплексов (Тимерёвский могильник, курганы №№ 47, 85 290, 355, 365; Петровский могильник, курган № 38; Шестовицкий могильник, курганы №№ 42, 110).

Древнерусским находкам деталей сложносоставных луков посвящены статьи С.Ю. Каинова и К.А. Михайлова, в которых были проанализированы хронология и обстоятельства распространения сложносоставных луков на территории Древней Руси (Каинов, Михайлов, 2010. С. 321–328; Mikhailov, Kainov, 2011. P. 229–236). Авторы пришли к заключению, что наиболее ранние находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси относятся ко второй – третьей четвертям X века. Находки сложносоставных луков и снаряжения «восточного» лучника на территории Руси связаны с погребениями профессиональных воинов с высоким социальным статусом, принадлежавших к скандинаво-русскому окружению первых князей из дома Рюрика. Появление сложносоставных луков в наборе вооружения древнерусских воинов – составная часть процесса распространения в воинской субкультуре предметов

вооружения, снаряжения коня, костюма и аксессуаров, связанных с кочевнической средой.

При раскопках гнёздовских курганов детали сложносоставных луков были найдены в трёх погребениях¹¹⁵ – в двух, совершенных по обряду трупосожжения (Ц-3/1950, Ц-251/1978) и в одном – по обряду трупоположения в деревянной камере (Ц-255/1978) (рис. 61).

В кургане Ц-3/1950 детали сложносоставного лука представлены обломком срединной боковой накладкой (рис. 61, 1), в двух остальных – обломками концевых боковых накладок¹¹⁶ (рис. 61, 2, 3).

К сожалению, фрагментарность накладок и их «некомплектность» не позволяют уверенно соотнести лук с тем или иным типом в типологии «Савина–Семёнова». Безусловно, соглашаясь с утверждением о некорректности привязки тех или иных конструкций сборки или типов луков к определенному этносу, в то же время, в силу сложившейся традиции, обычно используются термины этой типологической системы. Под «этническими типами» луков в данном случае подразумевается определенный набор пластин и характерное конструктивное решение. По нашему мнению, наиболее оправдано отнесение фрагментов луков из погребений Ц-251/1978 и Ц-255/1978 к «венгерскому» типу сложносоставного лука. Учитывая, что среди многочисленных конструктивных схем сложносоставных луков Восточной Европы именно «венгерская» схема сборки лука и форма концевых пластин наиболее близка большинству древнерусских находок луков и фрагмент накладки из погребения Ц-3/1950 также принадлежит луку «венгерского» типа.

¹¹⁵ Столь незначительное количество найденных деталей, учитывая большое количество раскопанных насыпей, во многом объясняется трудностями определения фрагментов накладок. Визуально они похожи на кальцинированные кости, отличаясь только оформленными краями и насечкой на тыльной и иногда боковых сторонах. Можно предполагать увеличение количества выявленных деталей сложносоставных луков при разборе специалистами кальцинированных костей, происходящих из гнёздовских кремаций.

¹¹⁶ Скорее всего, в кургане Ц-255/1978 были обнаружены и фрагменты срединных накладок, но крайней плохая сохранность органики и фрагментарность сохранившихся деталей, позволяют достоверно выделить только обломок одной боковой концевой накладки.

Помимо девяти отмеченных у А.Ф. Медведева и трёх гнёздовских находок древнерусских сложносоставных луков в статье С.Ю. Каинова и К.А. Михайлова собраны сведения еще о семи:

- Тимерёво, курганы №№ 5, 390, 433 (фрагменты срединных боковых);
- курган № 15 могильника на старом кладбище «в Березках» в Чернигове (обломки двух концевых боковых накладок);
- курган № 40 Шестовицкого могильника (фрагменты срединной боковой);
- Рюриково городище (фрагмент концевой боковой накладки);
- Старая Ладога (целая концевая боковая накладка) (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 231–233. Fig. 2, 3).

Среди всех известных к настоящему времени, к «венгерскому» типу лука относятся находки из культурного слоя Рюрикова городища и Старой Ладоги, а так же семи погребений: трех трупосожжений (курган Шестовицы № 40, Гнёздово – Ц-3/1950 и Ц-251/1978) и четырех трупоположений в камерах (курган № 15 кладбища в «Березках», гнёздовский курган Ц-255/1978 и шестовицкие курганы №№ 42, 100).

В остальных девяти случаях находки деталей сложносоставных луков были зафиксированы в могильниках Ярославского Поволжья – Тимерёво (курганы №№ 5, 47, 85, 290, 355, 365, 390, 433) и Петровское (курган 38). Все они происходят из погребений по обряду сожжения и, что важно – в тех случаях, когда есть возможность определить – представлены исключительно фрагментами боковых срединных обкладок рукоятей. В одном случае (курган № 355 Тимерёвского могильника) в погребении выявлена пара срединных боковых накладок. В двух случаях найдены обломки только одной срединной боковой накладки. В остальных случаях можно констатировать, что найденные незначительные фрагменты накладок на лук наиболее вероятно относятся к срединным боковым накладкам. Отсутствие концевых накладок во всех погребениях сложно объяснить только лишь разрушительным воздействием

погребального костра. По всей видимости, большая часть луков, найденных в Ярославских могильниках, относится к так называемому «печенежскому» типу сложносоставного лука, также входящего в «хазаро-салтово-венгерскую» группу луков по типологии «Савина–Семёнова»¹¹⁷.

Таким образом, все определяемые детали самых ранних сложносоставных древнерусских луков относятся к двум конструктивным типам по типологии «Савина–Семёнова» – «венгерскому» и «печенежскому». Стоит отметить, что сложносоставные луки «тюркского» или «печенежского» типа встречены только в Ярославском Поволжье. Для древнерусских памятников Поднепровья и Северо-Западной Руси характерны находки пластин от лука, исключительно, «венгерского» типа. Убедительное объяснение этому факту пока предложить сложно. В этой связи интересно отметить, что и на территории Карпатской котловины были распространены луки как с набором концевых и серединных, так и только серединных накладок (Биро, Ланго, Тюрк, 2009. С. 423. Рис. 1, 5).

Из этого ряда выпадает находка боковой серединной накладки из Старой Ладogi (15,3 × 1,3 × 0,8 см), которая, по мнению А.И. Семёнова была изготовлена местным мастером, не слишком хорошо знакомым с образцами степных луков (Давидан, 1966. С. 110. Рис. 3, 12)¹¹⁸. Находка оказалась не единичной. На известном скандинавском поселении эпохи викингов в Бирке (Средняя Швеция) была найдена аналогичная пластина, изготовленная из кости (15,1 × 1,4 см). Внутренняя сторона пластин из Бирки и Ладogi, предназначенная для приклеивания к кибити, была выровнена и отполирована. На концы пластин острым предметом были нанесены штрихи в виде перекрещивающихся линий (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 235–236. Fig. 2. 3,4). Находки серединных боковых пластин из Бирки и Старой Ладogi являются редкими свидетельствами попыток ремонта или изготовления сложносоставных

¹¹⁷ «Печенежский» тип фигурирует в статье 1992 г. (Савин, Семёнов, 1992. Рис. 1), в более поздних типологических таблицах, представленных в работах А.И. Семёнова и А.М. Савина, этот тип отсутствует.

¹¹⁸ В сравнении с другими накладками, она казалась немного уже и толще.

луков далеко за пределами их основного ареала. Судя по несколько искаженным пропорциям этих пластин, они могли быть сделаны мастером, который не специализировался на изготовлении накладок на лук.

– *Стрелы*

Стрела – метательный снаряд, предназначенный для поражения цели на расстоянии (Руденко, 2002. С. 9). Использовались для стрельбы из лука и арбалета.

Конструктивными частями стрелы являются *наконечник* – поражающий элемент, *древко* – несущая часть, обеспечивающая направление полета, *оперение* – элемент, стабилизирующий полет стрелы, *ушко* – обеспечивало упор стрелы при натяжении тетивы (как правило, вырезалось в торце древка стрелы, а иногда выступало и самостоятельным элементом) (Там же, с. 9)¹¹⁹.

Археологические материалы раскопок Гнёздовского комплекса позволяют судить только о наконечниках и древках использовавшихся в Гнёздове стрел.

Наконечники стрел для стрельбы из лука

Основным, проникающим элементом наконечника является *перо* (для «бронбойных» наконечников иногда применяется термин *боевая головка*). *Насад* (*втулка* или *черешок*) обеспечивает крепление наконечника на древке стрелы. У пера выделяются: *острие* – ударное, проникающее окончание, *сторона* – режущий край, *плечико* – сторона пера, обращенная к древку, *упор* – выступ, обеспечивающий упор торца древка стрелы, *шейка* – удлиненный упор, *черешок* – стержень, крепящий наконечник в древке стрелы¹²⁰ (рис. 62).

Разбор предложенных в разное время типологий наконечников стрел был произведён в работе К.А. Руденко (Там же). Для древнерусских наконечников стрел единственная типология была разработана А.Ф. Медведевым. Недостатком этой типологии К.А. Руденко совершенно

¹¹⁹ В отличие от К.А.Руденко мы относим оперение и ушко к конструктивным частям стрелы.

¹²⁰ О.В. Двуреченским была предложена иная терминология «конструктивно-морфологических элементов» наконечников стрел XV–XVII веков, с учётом которых исследователь разработал оригинальную типологию наконечников того периода (Двуреченский, 2007).

справедливо считает многочисленность вариантов наконечников, не вписывающихся в схему, что заставляло относить наконечники к тому или иному типу/варианту условно или обозначать его как «местный» тип. Также типология А.Ф. Медведева определяет слишком широкие хронологические рамки бытования многих типов наконечников, что не может не вызывать сомнения (Там же, с. 60).

Тем не менее, отмеченные недостатки не делают типологию А.Ф. Медведева «нерабочей» и она продолжает активно использоваться для типологической локализации наконечников стрел, найденных на территории Древней Руси.

Типология А.Ф. Медведева чётко структурирована. Отделы выделяются по форме насада – втульчатые и черешковые. Группы – по характеру поперечного сечения: лопастные, плоские, граненые (бронёбойные). Типы – по форме пера или «боевой головки». При выделении вариантов чёткой последовательности уже нет. Определяющим признаком может быть наличие или отсутствие упора, валиков на шейке и т.д.

Гнёздовские наконечники стрел будут рассмотрены в соответствии с типологией А.Ф. Медведева (рис. 63).

Всего собраны сведения о находке в Гнёздово более 500 наконечников стрел. Тип определен для 364 наконечников.

	Городище	Селище	Курганы	Всего
Найдено	215	144	146	505
Вошло в типологию	142	102	121	364

По типам наконечники распределяются следующим образом:

Отдел: втульчатые

Группа: плоские

– тип 1. Одношипные втульчатые – 5 экз. (городище – 2, селище – 3) (рис. 64, 1, 2) Шейка двух экземпляров перекручена. В своде А.Ф. Медведева есть сведения о двух подобных наконечниках, найденных в Плеснеске и Тарту.

Время бытования этого типа на древнерусской территории – X–XIII века (Медведев, 1966. С. 56).

У одного наконечника, найденного на территории селища, не заточено остриё, что косвенно может свидетельствовать об изготовлении таких наконечников в Гнёздове (рис. 64, 1)

– тип 2. Двушипные втульчатые – 20 экз. (городище – 8, селище – 9, курганы – 3) (рис. 64, 3-5). А.Ф. Медведев считал подобные наконечники характерными для территории вдоль западных границ Древней Руси. Время бытования определялась им с VIII по середину XIII века. (Там же, с. 56). К специальному изучению этого типа наконечников обращался Р.С. Минасян, который, соглашаясь с мнением А.Ф. Медведева о заимствовании рассматриваемого типа с Запада, показал, что такие наконечники стрел появились на Правобережье Днепра еще в VI–VII веках (Минасян, 1978). На рубеже VIII–IX веков втульчатые наконечники появляются и на Левобережье Днепра (памятники роменско-боршевской культуры). С IX–X веков эти наконечники фиксируются севернее рек Припять и Десна и на территории северо-западных регионов Древней Руси. Р.С. Минасян считает двушипные втульчатые наконечники стрел характерными для всех славян, а одновременность появления этого типа, по его мнению, отражает поэтапность заселения областей Восточной Европы группами славянского населения.

Интересно отметить, что наконечники типа 2 составляют 75% от всех наконечников стрел, найденных на территории Великой Моравии (Ruttkay 1982. С. 177).

Кроме Гнёздова подобные наконечники найдены на многих поселениях древнерусского времени (Изборск, Колочин, Пинск, Туров, Волковыск, Рудня, Лукомль, Гродно, Новогрудок, Полоцк, Изяславль, Ярополч Залесский (Медведев, 1966. С. 56). В Новгороде А.Ф. Медведев зафиксировал 6 экземпляров наконечников стрел типа 2, причем найдены они только в слоях X

и XI веков, исчезая на рубеже XI–XII веков (Медведев, 1959а. С. 161; Носов, 1990. С. 117).

– тип 3. Ромбовидные втульчатые – 7 экз. (городище – 4, селище – 2, курганы – 1) (рис. 64, 6). На территории Восточной Европы были распространены с VIII по XIV век. Наиболее характерны для Прикамья. Изредка встречаются на памятниках, расположенных вдоль западной границы Руси (Медведев, 1966. С. 56).

– тип 4. Остролистные втульчатые – 5 экз. (городище – 3, селище – 1, курганы – 1) (рис. 64, 7). Распространены в VII–XI веках в Прикамье. Встречаются вдоль западных границ Руси. Подобные наконечники найдены в Прибалтике и Польше (Там же, с. 57).

– тип 5. Лавролистные втульчатые – 1 экз. (городище – 1) (рис. 64, 8). Встречается довольно редко на памятниках IX–XIII веков. В это же время распространены и в Швеции (Там же, с. 57).

Группа: Граненые

– тип 8. Шиловидные втульчатые – 4 экз. (городище – 1, селище – 2) (рис. 64, 9). Один экземпляр имел тордированную (перекрученную) шейку. Территория наибольшего распространения – Юго-Запад Руси, где они встречаются на памятниках конца IX – начала XI века. Бытуют до XIII века. В X–XI веках использовались на территории Латвии (Там же, с. 57–58).

Отдел: Черешковые

Группа: Трехлопастные

– тип 14. Килевидные трёхлопастные с горизонтальным плечиком – 1 экз. (курганы – 1) (рис. 64, 10). Распространены в Прикамье в VIII–X веках (Там же, с. 59). На древнерусской территории за исключением Гнёздова наконечники этого типа не найдены.

– тип 18. Килевидные узкие трёхлопастные – 1 экз. (селище – 1) (рис. 64, 11). Распространены в VIII–IX веках повсеместно кроме Северо-Запада Руси. В начале X века наконечники этого типа исчезают (Там же, с. 60).

– тип 20. Трёхлопастные с расширением в верхней половине длины пера – 1 экз. (селище – 1) (рис. 64, 12). Имели распространение в Прикамье и Поволжье в V–IX веках (Там же, с. 60).

Группа: Плоские

– тип 29. Двухшипные без упора – 1 экз. (курганы – 1) (рис. 64, 13). Были распространены с I века до н.э. по XIV век н.э. В основном встречаются в северной половине Восточной Европы (Там же, с. 62).

– тип 31. Двухшипные с короткими шипами – 1 экз. (селище – 1) (рис. 64, 14). По данным А.Ф. Медведева на территории Древней руси подобные наконечники распространены во второй половине XII – первой половине XIII века (Там же, с. 62).

– тип 33. Килевидные вытянутые с наибольшим расширением в средней трети пера – 1 экз. (селище – 1) (рис. 64, 15). Этот тип встречается повсеместно и только в слоях, датированных XII–XIII веками. (Там же, с. 63). Нельзя исключать и позднюю датировку (в рамках XII–XIII веков) и для гнёздовского экземпляра, происходящего из перепаханного слоя селища.

– тип 34. Килевидные с расширением в нижней половине длины пера – 5 экз. (городище – 2, селище – 2, курганы – 1) (рис. 64, 16). Были распространены в Прикамье и степных районах Восточной Европы в VIII–X веках (Там же, с. 63).

– тип 37. Треугольные – 1 экз. (селище – 1) (рис. 64, 17). Были распространены повсеместно в VIII–XIV веках (Там же, с. 63–64).

– тип 39. Ромбовидные вытянутые – 1 экз. (городище – 1) (рис. 65, 1). Были распространены в степях Восточной Европы в VIII–IX веках. Единичные находки отмечены в материалах Сарского и Новотроицкого городищ (Там же, с. 64).

– тип 40. Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера, с выпуклыми сторонами (отношение ширины пера к его длине 1/4) – 9

экз. (городище – 2, селище – 2, курганы – 5) (рис. 65, 2). Были распространены повсеместно в X–XIV веках (Там же, с. 64–65).

– тип 41. Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (пропорции 1:2–1:3) – 39 экз. (городище – 7, селище – 7, курганы – 25) (рис. 65, 3). В литературе получили название наконечников «гнездовского типа». Вариант этого типа, имеющий «изящные формы и очертания» датируется VIII–XI веками. Были распространены повсеместно – на территории Древней Руси, степях Восточной Европы, Прикамье (Там же, с. 65–66).

– тип 42. Ромбовидные с расширением в середине длины пера (пропорции пера 1:2) – 24 экз. (городище – 5, селище – 3, курганы – 16) (рис. 65, 4). Распространены повсеместно в IX–X веках (Там же, с. 66).

– тип 44. Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера, с прямыми сторонами – 13 экз. (городище – 6, селище – 4, курганы – 3) (рис. 65, 5). Распространены повсеместно в IX–XIV веках (Там же, с. 67).

– тип 45. Ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками, с расширением в средней части длины пера – 8 экз. (городище – 3, селище – 3, курганы – 2) (рис. 65, 6). Распространены повсеместно в IX–XI веках, тяготеют к южным регионам (Там же, с. 67).

– тип 46. Ромбовидные с наибольшим расширением в нижней трети пера, без упора, так называемый «новгородский тип» – 15 экз. (городище – 10, селище – 4, курганы – 1) (рис. 65, 7). Широко употреблялись в северных регионах Восточной Европы с рубежа нашей эры до конца XIII века (Там же, с. 67–68).

– тип 47. Ромбические без упора – 1 экз. (селище – 1) (рис. 65, 8). Также как и наконечники предыдущего типа распространены в северных регионах, где бытовали с VIII по середину XI века (Там же, с. 68).

– тип 48. Ромбические с упором – 6 экз. (городище – 3, селище – 3) (рис. 65, 9). Распространены довольно широко, но особенно много их в Прикамье. Датируются IX–XIV веками (Там же, с. 68–69).

– тип 49. Ромбические с упором и пропорциями пера 2:3–1:2 – 1 экз. (селище – 1) (рис. 65, 10). На древнерусских памятниках встречены только в слоях XIII–XIV веков и считаются занесенными в Восточную Европу во время монгольского нашествия (Там же, с. 69).

– тип 50. Ромбовидные с вогнутыми сторонами и наибольшим расширением у острия – 1 экз. (курганы – 1) (рис. 65, 11). Распространены повсеместно и имеют твердую дату IX–X века (Там же, с. 69).

– тип 51. Ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине пера – 5 экз. (городище – 2, селище – 3, курганы – 2) (рис. 65, 12). Были распространены на юге Восточной Европы и в Прикамье в X–XIV веках (Там же, с. 69).

– тип 52. Ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и максимальным расширением в верхней половине длины пера – 1 экз. (курганы – 1) (рис. 65, 13). Распространены повсеместно в VIII–XIII веках (тяготеют к югу Восточной Европы). Являются частой находкой на территории Сибири и Венгрии (Там же, с. 69–70).

– тип 55. Секторовидные срезни – 1 экз. (селище – 1) (рис. 65, 14). На территории Древней Руси были распространены в основном на юго-западе, преимущественно в X–XI веках (Там же, с. 71).

– тип 60. Двурогие с упором – 5 экз. А.Ф. Медведев выделил шесть вариантов наконечников этого типа. В Гнёздове представлены варианты 1, 2 и 5. Вариант 1 – наконечники с вогнутыми боковыми и выпуклыми режущими сторонами 3 экз. (городище – 1, селище – 2) (рис. 66, 1). По данным А.Ф. Медведева датируется IX веком. Вариант 2 – наконечники с выпуклыми боковыми и режущими сторонами – 3 экз. (курганы – 3) (рис. 66, 2). Были широко распространены в IX–X веках. Вариант 3 – наконечники с выпуклыми

боковыми и вогнутыми режущими сторонами – 1 экз. (городище – 1) (рис. 66, 3). Этот вариант наконечников, по мнению А.Ф. Медведева, появляется в середине XI века и употребляется включительно до XIV века (Там же, с. 72–73).

– тип 62. Ланцевидные – 102 экз. (городище – 54, селище – 27, курганы – 21) (рис. 66, 4-7). Были распространены в IX – начале XI века. А.Ф. Медведев выделял два варианта – с плоским черешком без упора (вар. 1) (рис. 66, 4) и с упором и шейкой (вар. 2) (рис. 66, 5-7). В Гнёздово вариант 2 – представлен минимум 98 наконечниками.

В более позднее время ланцетовидные наконечники встречается в сильно видоизмененном виде. Для ранних образцов этого типа характерен очень короткий черешок. При общей длине наконечника в 80–160 мм длина черешка составляет 15–25 мм (Там же, с. 73–74). Данный тип широко распространен в Скандинавии и оттуда попал на территорию Руси. Наибольшее количество наконечников этого типа найдено на памятниках, где отмечено «скандинавское присутствие» (Гнёздово, Ярославские курганы, Новгород, Рюриково городище, Псков, Торопец, Новоселки, Шестовицы, Сарское городище, Приладожские курганы и др.) (Каинов, 1999. С. 59–61).

По типологии Э. Вегре тип 62 соответствует типу А, подразделяющийся на два варианта: А1 – ланцетовидные наконечники стрел с наибольшим расширением в центральной части пера, А2 – ланцетовидные наконечники с наибольшим расширением в верхней трети пера. Наконечники варианта А2, по мнению Э. Вегре, являются специализированным развитием варианта А1 и являются исключительно военным снаряжением в отличие от А1, который мог использоваться как охотничье оружие (Wegræus, 1986. Р. 23–25). В Гнёздове значительно больше наконечников варианта А1 (аналогичная ситуация наблюдается в могильнике Бирки: А1 – 292 экз, А2 – 113 экз.) (Там же, р. 25).

– тип 63. Лавролистые – 3 экз. (городище – 2, селище – 1) (рис. 66, 8, 9). Распространены повсеместно в VIII–XIV веках (Медведев, 1966. С. 74–75).

Гнёздовские наконечники этого типа по своим морфологическим характеристикам (за исключением ширины пера) схожи с ланцетовидными наконечниками типа 62 по типологии А.Ф. Медведева (*далее* – по А.Ф.М.) и наконечниками варианта А1 по типологии Э. Вегре и, по всей видимости, имеют североевропейское происхождение.

– тип 65. Листовидные с наибольшим расширением у острия – 1 экз. (городище – 1) (рис. 66, 10). Пропорции пера 1/2–1/3. Распространены в южной половине Восточной Европы в VIII–XI веках (Медведев, 1966. С. 75).

– тип 69. Срезы тупоугольные – 1 экз. (селище – 1) (рис. 66, 12). Характеризуются вытянутым пером с наибольшим расширением в верхней трети. На территорию Восточной Европы попали в результате монгольского нашествия (Там же, с. 76–77).

Группа: Граненые

– тип 75. Ланцетовидные трехгранные – 25 экз. (городище – 3, селище – 4, курганы – 18) (рис. 67, 1, 2). Различаются разновидности без валика на шейке и с валиком. А.Ф. Медведев указывал, что первая разновидность встречается в основном на памятниках со «скандинавским присутствием» и датируется X веком (Там же, с. 78–79). По нашему мнению, гнёздовские наконечники с утолщением в виде трёх валиков, которые отличаются от варианта без валика только наличием последнего, также североевропейского происхождения. Подобные наконечники известны в материалах могильника Бирки (Arbman, 1940. Taf. 12:7,8). На плоскости лезвий некоторых экземпляров были нанесены желобки.

По типологии Э. Вегре данный вариант соответствует типу D1 (Wegraeus, 1986. P. 21–23). Подобные наконечники были широко распространены на территории Швеции и Норвегии в «эпоху викингов», что позволяет утверждать, что наконечники типа 75 были занесены на Русь с территории Скандинавии.

– тип 76. Пирамидальные трехгранные – 1 экз. (селище – 1) (рис. 67, 3). Выделяется три варианта этого типа. Гнёздовский наконечник относится к варианту 3, характеризующемуся короткой боевой головкой. Данный вариант встречается со второй половины XI до XIV века (Медведев, 1966. С. 79).

– тип 77. Ланцетовидные четырехгранные – 11 экз. (городище – 7, селище – 2, курганы – 2) (рис. 67, 4). Вариант 1 этого типа характерен для X–XI веков. Отличается коротким черешком. Встречается повсеместно (Там же, с. 79). По типологии Э. Вегре соответствует типу D2 (Wegraeus, 1986. С. 21–23). Также как и тип 75 является скандинавским по происхождению (Каинов, 1999. С. 57–58).

– тип 78. Ланцетовидные ромбического сечения – 4 экз. (городище – 1, курганы – 3) (рис. 67, 5). Вариант 1 этого типа отличается коротким черешком. Встречаются повсеместно в IX–X веках (Медведев, 1966. С. 79–80). Вероятно, является скандинавским по происхождению (Каинов, 1999. С. 58).

– тип 79. Ланцетовидные сплюснутые – 7 экз. (городище – 4, селище – 1, курганы – 2) (рис. 67, 6). Вариант 1 этого типа встречаются на памятниках со «скандинавским присутствием» в X веках. Подобные наконечники встречаются в Норвегии в X веке, откуда попали на территорию Древней Руси (Каинов, 1999. С. 58; Медведев, 1966. С. 80).

– тип 81. Килевидные сплюснутые – 2 экз. (городище – 1, селище – 1) (рис. 67, 7). Распространены повсеместно в X–XIV веках (Медведев, 1966. С. 80).

– тип 82. Килевидные сплюснутые с шейкой – 4 экз. (курганы – 4) (рис. 67, 8). Распространены повсеместно в IX–XI веках (Там же, с. 81).

– тип 84. Бронебойные с короткой пирамидальной головкой ромбического или квадратного сечения с длинной шейкой – 4 экз. (городище 1, селище – 2, курганы – 1) (рис. 67, 9, 10). Вариант 1 с коротким острием и длинной шейкой характерен для X – первой половины XI века (Там же, с. 81–82).

– тип 87. Пирамидальные квадратного или ромбического сечения с круглой шейкой – 5 экз. (городище – 3, селище – 2) (рис. 67, 11, 12). Были распространены повсеместно в XII–XIV веках (Там же, с. 82).

– тип 90. Шиловидные квадратного сечения с упором – 2 экз. (селище – 1, курганы – 1) (рис. 67, 13). Появились на рубеже нашей эры и были повсеместно распространены до XIV века (Там же, с. 83).

– тип 95. Узкие шиловидные ромбического сечения с перехватом у черешка – 1 экз. (селище – 1) (рис. 67, 14). Были широко распространены на территории Восточной Европы с VIII по XIV век включительно (Там же, с. 83).

– тип 97. Бронебойные с боевой головкой кинжаловидной формы, ромбического сечения с перехватом – 3 экз. (городище – 2, селище – 1) (рис. 67, 15). Все наконечники принадлежат варианту 1, отличающемуся круглой шейкой. Датируются IX–X веками (Там же, с. 85).

– тип 103(?). Пирамидальные ромбического сечения – 2 экз. (курганы – 2) (рис. 67, 16). Приведенный А.Ф. Медведевым наконечник типа 103 не совсем соответствует гнёздовским экземплярам, которые отличаются четко обозначенной шейкой с упором (Там же, с. 86). Единственная аналогия этому наконечнику – экземпляр, найденный на Белоозере (Голубева, 1973. С. 128–132). Подобные наконечники имели широкое распространение в Финляндии в эпоху Мервингов.

Группа: Четырехлопастные – 1 экз.

Данная группа не выделена в типологии А.Ф. Медведева. Единственный экземпляр четырехлопастного наконечника стрелы найден в западной части гнёздовского селища (рис. 67, 17). Это наконечник с пирамидальным четырехлопастным пером (длина – 4,5 см), круглой шейкой (длина – 2,5 см) и черешком (обломан). Данный экземпляр представляет собой пример очень качественной кузнечной работы. Плечики пера наконечника профилированы в виде уступов, а на шейке расположены два узких пояска

(подобные пояски в Гнёздове обнаружены на наконечниках стрел типа 75 (рис. 67, 1). Аналогий данному наконечнику автору не известно.

Большинство типов наконечников стрел, найденных в Гнёздове, были широко распространены на территории Древней Руси. Происхождение некоторых типов можно связать (иногда предположительно) с определенными регионами. Например, нельзя отрицать возможности относительно массового проникновения на некоторые памятники Древней Руси втульчатых наконечников типов 1 и 2 с территории Великой Моравии. Для Гнёздова это предположение подкрепляется находками топоров и ряда украшений, характерных для Центральной Европы. В Гнёздове наконечники типов 1 и 2 составляют около 5% от общего количества определимых. А. Руткай, исследовавший оружие Великой Моравии, выделил подобные наконечники в варианты *a* и *c* I типа. По его подсчетам на территории Великой Моравии найдено 77 подобных наконечников, что составляет 18,5% от общего количества учтённых наконечников (Ruttkaу, 1976. P. 326–327).

В особую группу выделяются наконечники стрел так называемой ланцетовидной (типы 62, 75, 77, 78, 79) и лавролистной (тип 63) форм, которые составляют 39% от общего количества определённых наконечников¹²¹. Картографирование показало, что основное количество ланцетовидных наконечников найдено на памятниках, расположенных вдоль военно-торговых коммуникаций X века и там, где в той или иной степени ощущается «североевропейская вуаль» (Каинов, 1999. С. 60. Рис. 7). Наконечники ланцетовидной формы были широко распространены на территории Скандинавии и именно оттуда проникли на восточноевропейскую территорию, где они появляются во второй половине VIII века (Старая Ладога) (Рябинин, 1995. С. 55–56). Период активного бытования подобных стрел за редким

¹²¹ Необходимо отметить, что среди наконечников стрел, тип которых был не определён, практически нет образцов с ланцетовидной формой пера. Таким образом, более корректным представляется подсчет наконечников с пером подобной формы от общего количества найденных наконечников (505 экз.), что составит 30%.

исключением укладывается в рамки X – начала XI века. Впоследствии классические пропорции наконечников изменяются.

Наряду с ланцетовидными наконечниками в гнёздовской коллекции широко представлены наконечники с ромбовидной формой пера (типы 39, 40, 41, 42, 44–52). Ромбовидные наконечники составляют 34% от общего количества наконечников, вошедших в типологию. Связать происхождение ромбовидных наконечников стрел с определенным регионом/народом пока не представляется возможным. Не исключено что на территории Восточной Европы они распространились при посредстве кочевников. Учитывая сильное влияние венгров на сложение комплекса вооружения и снаряжения конного лучника, нельзя исключать, что именно венгры способствовали проникновению на древнерусскую территорию некоторых типов ромбовидных наконечников стрел. К сожалению, отсутствие сводной работы по наконечникам стрел с территории Венгрии не позволяет внести ясность в этот вопрос¹²². В Гнёздове ромбовидные наконечники стрел могли попадать как в составе вооружения дружинников, передвигающихся по «Пути из варяг в греки», а также, возможно, вместе с появлением славян-роменцев (Пушкина, 2015. С. 128). На роменских памятниках присутствуют ромбовидные наконечники стрел, в том числе тех же типов, что найдены в Гнёздове (Григорьев, 2000. С. 143. Рис. 48). Нельзя исключать, что появление подобных наконечников стрел было следствием военных или торговых отношений, а маршрутом, по которому они осуществлялись, был путь «из варяг в греки».

Также стоит отметить неоднородность уровня изготовления (скорее, финальной обработки) наконечников ромбовидной группы. Часть наконечников представляет собой крупные, хорошо откованные изделия с выведенными гранями и профилированными шейкой и упором. На черешке таких стрел иногда встречаются насечки для лучшего скрепления с древком стрелы.

¹²² Тем не менее, часть представленных в каталоге «Ancient Hungarians» наконечники стрел, в том числе и ромбовидные, находят полное соответствие в древнерусском (в том числе и гнёздовском материале). (The Ancient Hungarians, 1996. P. 311–312. Fig. 7; P. 267–268. Fig. 28; P. 248–249. Fig. 9).

Стороны пера имеют чётко выделенную заточку. Т.е. подобные стрелы представляют собой сложные и трудоемкие изделия, явно относящиеся к комплексу вооружения профессиональных воинов. Вторая группа ромбовидных наконечников отличается меньшими размерами, иногда несимметричной формой пера. Упор у таких наконечников слабо выделен (как правило, только в одной плоскости). Очевидно, что наконечники второй группы выполнены мастерами с более низкой квалификацией, нежели изготовители наконечников первой группы. Также стоит подчеркнуть, что в погребениях найдены в подавляющем большинстве качественные наконечники ромбовидной формы. На территории поселения, насколько позволяет судить степень сохранности наконечников, значительно больше менее качественных ромбовидных наконечников стрел.

Почти все типы гнёздовских наконечников стрел укладываются в хронологические рамки конца IX – начала XI века. Тем не менее, ряд наконечников имеют более раннюю или более позднюю датировку. Трёхлопастные наконечники стрел типов 18 и 20, ромбовидный наконечник типа 39, двурогий типа 60/1 должны учитываться в рассуждениях о возможности существования памятника ранее рубежа IX–X веков. (Каинов, 2015). К сожалению, контекст находок не позволяет однозначно датировать их временем ранее X века, что, скорее всего, отражает незавершенность разработки вопроса о существовании раннего Гнёздова.

О продолжении жизни на гнёздовском поселении после первой половины XI века свидетельствуют находки наконечников стрел (14 экз.), датируемых в рамках второй половины XI–XIII веком (типы 31, 33, 49, 60/3, 69, 83, 87.). Из этих наконечников два (типы 49 и 69), найденные на территории селища, характерны для монголов, что позволяют осторожно предположить, что гнёздовское поселение в середине – второй половине XIII века могло подвергнуться нападению с участием воинов, использовавших монгольские наконечники стрел.

В рамках X века подавляющее большинство наконечников стрел относится ко второй половине столетия. К первой половине столетия можно отнести наконечники стрел типов 29, 41, 42, 45, 60/2, 62/2, 77, 82.

Наконечники стрел (болтов) для стрельбы из арбалета.

При раскопках гнёздовского селища были найдены два наконечника арбалетных болтов (рис. 68, 1, 2). По типологии А.Ф. Медведева оба наконечника относятся к типу 15 – наконечники квадратного сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами (Медведев, 1966. С. 95). А.Ф. Медведев датирует этот тип XII–XIII веками и отмечает его широкое распространение в Латвии, Литве и Польше. На территории Древней Руси наконечники этого типа найдены в Полоцке, Заславле, Минске и Витебске (Там же, с. 95). Типология арбалетных болтов с территории Литвы была предложена Г. Рацкявичусом (Rackevičius, 2002). Она построена на учёте формы боевой головки наконечников и включает девятнадцать типов, относящихся к XIII–XIV векам.

К анализу находок арбалетных болтов на территории современной Беларуси обращался В.А. Плавинский, который учёл в своей работе более двухсот находок конца XIII–XV века, рассмотрев их на основе типологий А.Ф. Медведева и Г. Рацкявичуса (Плавинский, 2013). Один из основных выводов, к которым пришел автор, состоит в том, что арбалетное вооружение распространились на территории Беларуси «в итоге контактов с крестоносцами в конце XIII в.» и не получило здесь широкого распространения. Основной регион бытования – Верхнее Понеманье. (Там же, с. 341). Наконечники типа 15 (по А.Ф.М.) (тип 14 по типологии Г. Рацкявичуса), которых учтен 31 экземпляр, датируются на территории Беларуси XIV–XVI веками.

К сожалению, гнёздовские наконечники не могут быть датированы по археологическому контексту. Оба наконечника найдены на раскопе ВС-4 в 1973 году (ВС-4/1973). Один наконечник (№ 39) происходит из распаханного

слоя, второй – из заполнения ямы №1, относящейся к X веку, но, по всей видимости, затронутой поздним перекопом¹²³.

Пока для гнёздовских арбалетных болтов можно предложить широкую датировку XIV–XVI веками. Возможно, их появление в Гнёздове связано с военными действиями между Великими княжествами Московским и Литовским.

Древки стрел для лука

На черешках нескольких наконечниках стрел, найденных в разрушенном погребении по обряду труположения в деревянной камере («комплекс 14 июля 1899 года/Ц»), сохранились фрагменты древков стрел (рис. 68, 3, 4). Они изготовлены из дерева, в диаметре имеют около 10 мм. Вся поверхность сохранившихся частей древков была обклеена очень тонкой берестой (?), навитой спиралью. Подобная обклейка известна на древках стрел, обнаруженных в киевском некрополе, а также некоторых кочевнических памятниках (Каргер, 1958. Рис. 32; Плетнева, 1989. С. 72. Рис. 33).

– *Снаряжение лучника*

Помимо сложносоставных луков в Гнёздове найдены и другие характерные элементы снаряжения конного лучника.

Налучья.

Налучья – футляры для ношения лука. Они предназначались для хранения сложносоставного лука в ситуациях, не предусматривающих его непосредственное применение, и предохраняли лук от воздействия природной среды и механических повреждений. По конструкции и назначению можно выделить два типа налучий – жёсткие и мягкие. Жёсткие налучья имели кобуровидную форму, изготавливались из твёрдой кожи и иногда украшались

¹²³ Упоминание возможности существования перекопа в кв. 29 и 57 содержится в отчете. Там же отмечено, что в плане этот перекоп не читается и предположение сделано на основании разного характера заполнения (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6150. С. 50).

бляшками (рис. 69, 3). В жёстких налучьях луки хранили в натянутом положении, что определяло их форму. Мягкие налучья представляли собой длинные футляры из мягкого материала (материи или кожи). В них помещали лук со снятой тетивой. На концах мягких налучий иногда крепились костяные накладки, которые служили для более удобной фиксации отверстия чехла. Если мягкие налучья служили для хранения луков в ненатянутом положении, то жёсткие позволяли хранить лук в натянутом положении, готовым к непосредственному применению.

Различным типам налучий и находкам отдельных деталей таких футляров в степях Восточной Европы посвящены работы А.В. Крыганова и В.Е. Флеровой (Крыганов, 1996. С. 344–352; Флёрова, 2000. С. 101–104. С. 45–56). Сведения о находках деталей древнерусских налучей обобщены в упомянутых выше работах С.Ю. Каинова и К.А. Михайлова (Каинов, Михайлов, 2010. С. 328–331; Mikhailov, Kainov, 2011. P. 236–238).

В Гнёздовском комплексе найдены только детали жёсткого налучья, представленные подвесными бляхами, так называемой крыловидной формы. Одна находка происходит из погребения по обряду трупосожжения в кургане Ц-253/1978 (рис. 69, 1), вторая обнаружена при раскопках поселения (раскоп ГС-IV/1971) (рис. 69, 2).

Обе бляхи отлиты из сплава на основе меди и на лицевой поверхности украшены растительным орнаментом. Форма блях предполагает, что предмет, который на них подвешивается, располагается под углом. Бляхи сильно различаются по размерам. Экземпляр из погребения крупнее, его длина 5,7 см, высота – 2,5 см, ширина прорези под подвес – 1,5 см. Длина бляхи с территории селища – 3,1 см, высота – 2,1 см, ширина прорези под подвес – 1,2 см.

На территории Древней Руси кроме Гнёздова бляхи крыловидной формы обнаружены в трёх киевских погребальных камерах: № 109 под апсидами и № 113 в нефе Десятинной церкви, а так же в погребальной камере около церкви Александра Невского на Большой Житомирской улице (Каргер, 1958. С. 25, 29;

Movtjan, 2005. P. 54–55). Еще две бляхи происходят из погребения V могильника Табаевка и в депаспортизованном погребении, раскопанном в XIX веке на территории Суздальского Ополя (Бліфельд, 1955. С. 20. Табл. II, 7).

Точно такие же бляхи, обнаруженные в погребениях по обряду трупоположения, венгерские археологи относят к деталям подвеса жестких налучий (Révész, 1992). Подробная полевая фиксация находок позволила сделать реконструкции внешнего вида венгерских жестких налучий (рис. 69, 3). На территории Венгрии Л. Ревеч учел девятнадцать находок. Среди них четыре бляхи, бесспорно, принадлежат налучьям, семь, учитывая расположение, относятся к налучьям с большой долей вероятности, шесть находок отнесены к налучьям предположительно, еще в двух случаях крыловидные бляхи являлись элементом подвеса сумки (Там же, р. 354–356). Лицевая поверхность некоторых налучий украшена множеством бляшек, что, по мнению Л. Ревеча, является признаком высокого статуса погребенного. Наряду с богато орнаментированными, существовали и неукрашенные налучья, часть из которых могла и не иметь крыловидную подвесную бляху.

Стоит отметить, что крыловидные бляхи были широко распространены и кроме Венгрии найдены на территории Волжской Булгарии, Дунайской Болгарии, на аланских памятниках Северного Кавказа, в Саркеле-Белой Веже (Йотов, 2004. С. 31–33. Табл. XXVI. 390–396; Казаков, 1992. С. 143. Рис. 53, 14–16; С. 215, рис. 79, 32–33; Кузнецов, 1968. Табл. XI, 3; Плетнева, 1990. С. 66. Рис. 19, 1). Из ряда погребений с территории Северного Кавказа происходят полностью сохранившиеся налучья, изготовленные из кожи (Каминский, 1991. Рис. 209, 210).

Довольно неожиданная находка крыловидной бляхи происходит из погребения № 1125В шведского могильника Бирка. На её обратной стороне сохранился сложенный вдвое край налучья, а в прорези – фрагмент подвесного ремня. В том же комплексе были найдены железные накладки от колчана цилиндрической формы (Arbman, 1943. P. 464, Abb. 435, Taf. 136, 4).

К сожалению, вопрос о времени появления блях крыловидной формы в разных регионах Европы еще не стал предметом исследования и к настоящему моменту можно только констатировать, что подобные бляхи в Восточной Европе были распространены с IX в. (Танкеевский могильник) по XI–XII века (Змейский могильник) (Казаков, 1992. С.143. Рис. 53, 14–16; С. 215. Рис. 79, 32–33; Кузнецов, 1961. Табл. XI, 3).

Точных аналогий гнёздовским крыловидным бляхам в материалах Венгрии найти не удалось. Похожие бляхи происходят из могильников Карош/Karos II и Kenézlö I (The Ancient Hungarians 1996. P. 100. Fig. 32, 153, Fig. 3). Стоит отметить, что, судя по опубликованным материалам, двух одинаковых блях нет и среди венгерских находок, что может свидетельствовать об индивидуальном, а не серийном изготовлении этих вещей.

Колчаны.

Колчан – футляр, предназначенный для хранения стрел. Во время ношения колчан предохранял стрелы (главным образом – оперение) от повреждения, а при наличии у колчана специального клапана (кожаного или матерчатого) он полностью защищал стрелы от непогоды. Колчаны изготавливались из дерева, кожи, бересты или других органических материалов и снабжались металлическими или роговыми (костяными) деталями.

А.Ф. Медведев предполагал бытование в VIII–XIV веках на территории Восточной Европы двух типов колчанов – «берестяные цилиндрические с костяными петлями для подвешивания и кожаные полукруглые в сечении с железными оковками и петлями для подвешивания» (Медведев, 1966. С. 20–21).

Колчаны первого типа в материалах Гнёздова не выявлены. Все найденные детали колчанов, изготовлены из железа и относятся ко второму типу колчанов, который был в употреблении с конца IX до начала XI века на обширной территории от Среднего Поволжья и Прикамья до Венгрии (Там же, с. 20–21).

В Гнёздовском некрополе найдено не менее тринадцати деталей колчанов второго типа и еще две детали происходят с территории поселения (Таблица 12, далее – Каталог колчанов).

Из тринадцати колчанов двенадцать найдены в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, один – в погребения по обряду трупоположения в деревянной камере (Ц-255/1978). К сожалению, в последнем случае плохая сохранность железа позволила определить только обломки одной петли. Исходя из большого количества металлических фрагментов, обнаруженных в области предполагаемого колчана, очевидно, что колчан имел другие металлические части. Стрелы в этом колчане лежали наконечниками вверх, что не раз было прослежено в других погребениях этого периода (например, погребения №№ 113 и 114 Киевского некрополя) (Каргер, 1958. С. 186. Рис. 34. Табл. XXIII).

В остальных погребениях детали колчанов представлены находками целых (Л-125/Сиз-1894, Ц-253/1978) и фрагментированных (Л-12/Сиз-1881, Ц-12/Серг-1899) оковок днища колчана, а также целыми и фрагментированными петлями для подвешивания колчана (?-1/Ув-1883, ?-11/Сиз-1898, ?-2/Сиз-1886, Ц-1/1950, Л-20/1949, год и авторов раскопок трёх курганов установить нельзя) (рис. 70, 1).

Помимо погребений, две петли найдены при раскопках поселения (№№ 14, 15 в Каталоге колчанов). Фрагмент петли – при раскопках городища (городище (ЦГ-III/1953) и целая петля – при раскопках пойменной части селища (П-8/2004) (рис. 70, 2).

Одна из гнёздовских оковок днища, из погребения Ц-253/1978, сохранилась целиком и представляет собой полукруглую в плане полосу металла, в округлой части согнутую под прямым углом (№ 13 в Каталоге колчанов) (рис. 70, 4). Еще одна оковка днища представляет несколько иную конструкцию – вместо согнутой под прямым углом оковки, ее передняя часть усилена накладкой, верх которой украшен полукруглыми и треугольными

вырезами (Сизов, 1902. С. 68. Рис. 18). Фигурное оформление края зафиксировано на фрагменте еще одной гнёздовской оковки днища (№ 6 в Каталоге (рис. 70, 3)).

Колчаные петли представляют собой железные планки длиной до 22 см с выступом-петлей посередине, от которой в стороны расходятся ланцетовидные «лапки» (длиной 7–9 см), имеющие по две заклёпки. Длина этих заклёпок в некоторых случаях позволила установить толщину основы, к которой крепились петли, которая составляет 5–7 мм. Одна петля, происходящая из депаспортизованного комплекса, несколько отличается от остальных (рис. 70, 1). Один ее конец оформлен в виде обычной ланцетовидной «лапки», а другой представляет собой прямую планку длиной более 13 см (обломана). Этот экземпляр интересен еще и тем, что с одной стороны к вертикальной планке перпендикулярно была приклёпана горизонтальная (обломана), видимо, служившая частью жёсткого каркаса для мягкого материала колчана. Подобный колчан с металлическим каркасом был найден в погребении 113 Киевского некрополя (Каргер, 1958. Рис. 32).

В Гнёздове ни разу достоверно не зафиксировано нахождение сразу двух петель в одном погребении, хотя это обычно для других древнерусских могильников того же времени¹²⁴. Ни разу не были отмечены и одновременные находки оковки днища колчана и петель, в то время как подобные сочетания встречены в Тимирёво, Шестовицах, Киевском некрополе, кург. № 16 в "Берёзках" (Бліфельд, 1977. С. 74–75; Каргер, 1958. Рис. 32, Табл. XXIII; Недошивина, 1963. С. 58, 1991. С. 169–170).

Подобные детали колчанов помимо Гнёздова найдены, по меньшей мере, в 17 древнерусских погребениях X века (Тимирёво – 5, Михайловское – 1, Петровское – 1, Шестовицы – 5, Чернигов – 2, Киев – 2, Табаевка – 1) и в культурном слое еще двух памятников – Новгороде и Шестовицах (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 239).

¹²⁴ Нельзя исключать, что две петли и, возможно, оковка днища входили в состав металлического прибора колчана из кургана Ц-255/1978. Установить это невозможно, в виду плохой сохранности находок.

Вследствие плохой сохранности и в ряде случаев недостаточно точной фиксации взаиморасположения деталей, реконструировать в полной мере древнерусский колчан пока не представляется возможным. Полные аналогии металлическим деталям древнерусских колчанов можно найти в венгерском материале, откуда этот тип колчана, судя по всему, и попал на территорию Древней Руси, вместе со сложносоставным луком и налучьями (рис. 70, 5) (Révész, 1985. P. 50–53, Taf. I–VI; The Ancient Hungarian, 1996. P. 277, Fig. 1, 2, P. 308. Fig. 2).

Гнёздовские курганы с деталями сложносоставных луков, деталями колчанов и налучий датируются временем не ранее второй четверти X века, а скорее – не ранее второй половины X века, что согласуется с появлением этой категории находок в целом на территории Древней Руси (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 239–240).

Нахождение в трёх погребениях (ПОль-62/1980, Дн-4/1984, Ц-160/1978(1990), все – труположения в камерах) наконечников стрел, лежавших плотно друг к другу, позволяют предположить, что стрелы находились или в связке, или в колчанах, полностью изготовленных из органических материалов. Подобный колчан найден при раскопках Хедебю (Paulsen, 1999. P. 120–121).

II.2. Защитное вооружение.

К защитным (оборонительным) относятся виды вооружения, основной функцией которых является защита от воздействия средств нападения противника.

В материалах Гнёздовского комплекса защитное вооружение представлено шлемами, кольчугами, пластинчатыми панцирями и щитами.

Для видов защитного вооружения, обеспечивающих статичную защиту головы, корпуса и конечностей, в работе используется собирательный термин «доспех».

– *Шлемы*

Шлем – вид доспеха, предназначенный для защиты верхней части головы и лица. При наличии дополнительных приспособлений (бармица, наушы, назатыльник, наносник, полумаска, маска) шлем мог защищать шею и плечи, а также часть или всё лицо.

Терминология.

Основной формообразующей конструктивной частью любого шлема является *корпус (тулья)*. Корпус может быть сформирован как из одного куска металла, так и из нескольких частей, скрепленных между собой разными способами.

Помимо основной конструктивной части (корпуса) можно выделить:

– *дополнительные конструктивные детали*

– *дополнительные защитные детали*

– *декоративные детали.*

К *дополнительным конструктивным деталям*, основное предназначение которых – усиление конструктивной прочности шлема, относятся *венец* и *навершие*. *Венец* – часть шлема, основное предназначение которой усиление конструктивной прочности шлема, путём скрепления снизу формирующих корпус пластин. *Навершие* – часть шлема, предназначенная для усиления конструктивной прочности шлема, путём скрепления сверху формирующих корпус пластин. В ряде случаев навершие помимо скрепляющей функции служило в качестве приспособления для крепления плюмажа/султана. В нижней части венца могли крепиться детали, обеспечивающие подвес элементов защиты нижней части головы и шеи.

К *дополнительным защитным деталям*, основное предназначение которых – увеличение (улучшение) защитных качеств шлема, относятся наносники, маски/полумаски, наушы, назатыльники, бармицы, нащёчники и т.п.

К *декоративным деталям* относятся детали шлема, не влияющие на его конструктивные характеристики и основное предназначение которых – украшение шлема. К ним могут относиться различные накладные детали – налобники, боковые бляшки, декоративные венцы и наверхия. Также декоративной деталью является частичная или полная обтяжка пластин.

Первая попытка создания типологии древнерусских боевых наголовий была предпринята Э.Э. Ленцем (Lenz, 1924). Основным типобразующим признаком в его работе выступал способ защиты лица. Были выделены четыре группы боевых наголовий:

- *шлемы с наносником, представляющим одно целое с тульей;*
- *шлемы с отдельно прикреплённым наносником;*
- *шлемы без наносника;*
- *шлемы с маской.*

А.Н. Кирпичников охарактеризовал типологию Э.Э. Ленца как «весьма формальную», которая «искусственно объединила памятники, разделённые по времени несколькими столетиями, а по месту находки – тысячами километров» (Кирпичников, 1971. С. 22). С определением «формальная типология» можно согласиться, но вряд ли это стоит считать отрицательной стороной типологии. В типологии Э.Э. Ленца выделен один чёткий признак, по которому производится типология/сравнение боевых наголовий. Ошибка этой типологической схемы, по нашему мнению, состоит в выборе основного типобразующего признака.

В свою очередь А.Н. Кирпичников предложил классифицировать шлемы по форме корпуса и особенностями конструктивного устройства. Однако, и эта типология не универсальна, поскольку основана на конкретном материале, который происходит с территории Древней Руси и ряда соседних регионов. В

этой системе тип характеризуется совокупностью особенностей (признаков) конкретного шлема и вся схема не представляет чёткой структуры с иерархией признаков.

В Гнёздовском комплексе найдено два шлема, по типологии А.Н. Кирпичникова относящихся к двум разным типам.

– Тип I. Шлем конической формы (Там же, с. 24) (рис. 71). Найден в кургане Дн-86/Серг-1901, который относится к так называемым Большим курганам и датируется третьей четвертью X века.

Высота шлема около 18 см, длина окружности по нижнему краю венца около 64 см. Толщина металла на тех участках, где он сохранился, около 1 мм.

Шлем состоит из двух железных половин, соединенных при помощи большого количества маленьких заклепок вертикальной железной полосой шириной 3 см. По центру этой полосы пробито ребро высотой около 3 мм. На обеих половинах шлема по центру также пробиты невысокие рёбра, представляющее собой простой перелом поверхности.

К нижней части корпуса с помощью большого количества заклёпок крепится венец высотой 3,8 см. По нижнему краю венца заклёпками приклёпана согнутая пополам железная полоса, низ которой оформлен в виде петель для крепления бармицы. Эта полоса с петлями расположена по всей окружности венца кроме предличной зоны, где к нижней части венца при помощи четырёх (?) заклёпок прикреплена полоса с дуговидным верхним краем. Длина полосы 12 см, высота в центральной части 1,8 см. По центру пластины пробито ребро, расположенное параллельно нижнему краю пластины. В центре нижнего края фиксируется утолщение, которое несколько выступает ниже края полосы. Ширина этого утолщения 2,3 см. Очевидно, что это основание наносника, который был удалён со шлема еще до помещения наголовья в погребение.

В момент находки шлем стоял на обрывках мелкого кольчужного плетения, относящегося к бармице. Составивший первое подробное описание

этого шлема Э.Э. Ленц писал: «... кольца в бармице меньших (*относительно колец кольчуги – С.К.*) размеров: 1 мм толщины и до 4 мм в просвете (*внутренний диаметр – С.К.*)» (Сизов, 1902. С. 98). Кольца бармицы сделаны из проволоки эллипсоидной в сечении и наибольшей толщиной около 1 мм. Внешний диаметр колец колебался от 7 до 10 мм.

В специальной литературе высказано несколько мнений о происхождении гнёздовского шлема. Э.Э. Ленц относил его к боевым наголовьям так называемого норманского типа, то есть считал его западноевропейским по происхождению (Там же, с. 98). Европейское происхождение этого шлема поддерживал М.В. Горелик (Горелик, 1993а. С.). По его мнению, все аналогии – как вещественные, так и изобразительные происходят из Центральной и Западной Европы, где они датируются VII–IX веками. А.Н. Кирпичников склоняется к мысли о более вероятном восточном происхождении шлема. Исследователь считает гнёздовский шлем древнейшим коническим наголовьем в Европе, которое отмечает «путь проникновения азиатских кочевнических шлемов в Европу, где они обрели свою вторую родину» (Кирпичников, 1971. С. 25).

Археологический материал, происходящий с территории Центральной Европы, по нашему мнению, подтверждает предположение Э.Э. Ленца. Именно здесь найдены все аналогии гнёздовскому шлему. Два конструктивно сходных наголовья были обнаружены при случайных обстоятельствах в Праге (район Стромовка), Чехия (Hejnova, 1967. Р. 95. Табл. IX, a, b; рис. 7, 1, 2). Оба шлема были снабжены Т-образными наносниками. Один из них сохранился фрагментарно, второй – целиком, но найден отдельно от шлема.

Третий шлем обнаружен при несанкционированных работах предположительно на городище Бойна в Словакии¹²⁵. К сожалению, отсутствуют его подробные фотофиксация и описание. По опубликованной

¹²⁵ Т. Vlasaty «The Helmet from Bojna (?), Slovakia. One of the biggest mysteries of Slovakian Early Medieval archaeology». URL: <http://sagy.vikingove.cz/the-helmet-from-bojna> (дата обращения 18.10.2018).

фотографии можно понять, что шлем сохранился целиком (включая Г-образный наносник) и аналогичен боевым наголовьям из Праги.

К сожалению, отсутствие контекста чешских и словацкой находок лишает возможности датировать их по археологическому материалу. Д. Хейдова на основе конструктивных особенностей относил оба чешских шлема к позднегерманской традиции и на этом основании датировала их VII – началом VIII века (Hejzova, 1964. P. 95). Соглашаясь с позднегерманской традицией в реализации конструктивного решения шлемов типа Стромовка/Гнёздово, тем не менее, считаем, что датировка может быть скорректирована как с учётом западноевропейских изобразительных источников IX–X веков, так и находки шлема в Гнёздове. Этот шлем – единственный найден в закрытом археологическом комплексе, наиболее вероятная дата которого третья четверть X века.

Возможно, все три шлема относятся ко времени существования на территории современных Чехии и Словакии государства Великая Моравия (822–907 гг.). Великоморавское происхождение шлема (или проникновения этого шлема на территорию Руси из Центральной Европы) подтверждается другими находками центральноевропейского происхождения, относящимися как к предметам вооружения, так и к украшениям. Предположительно, именно на древнерусской территории у шлема был удалён наносник, что хорошо согласуется с фактом отсутствия развитых наносников¹²⁶ на восточноевропейских шлемах X века.

– Тип ПА. Шлем сферо-конической формы (рис. 72). Шлем найден в составе богатого погребального инвентаря в кургане Ц-41/Сиз-1885, который также относится к Большим курганам. Комплекс датируется третьей четвертью X века.

Уже В.И. Сизов отмечал, что «шлем отличается замечательной хрупкостью» (Сизов, 1902. С. 67). На приведенной в монографии фотографии

¹²⁶ Термин «развитый наносник» подразумевает наносник, полностью защищающий нос.

видно, что шлем имел значительные утраты и был собран из кусков (рис. 72, 1) (Там же, с. 65. Рис. 16). К настоящему времени шлем сохранился менее чем на половину (рис. 72, 4), поэтому очень важны описания, фотографии и реконструкции, сделанные первыми исследователями этого боевого наголовья.

Самое раннее описание шлема содержится в монографии В.И. Сизова – «Шлем, скованный, как кажется, из четырех частей, по наружной поверхности снизу до верху рубчатými полосками делится на восемь частей, соединенных вместе у вершины, которая заканчивается стержнем или шишом; основания пластинок стянуты снаружи железным венцом, имеющим верхний край вырезной в форме закругленных городков; этот венец или железная пластина и составляет окраину шлема. Из восьми рубчиков, обозначающих, может быть составные части шлема, четыре, расположенные крестообразно и пересекающие шлем на четыре равные части, относятся к накладным частям шлема и составляют вместе с венчиком как бы внешнюю накладку шлема, при чем нужно заметить, что все эти накладные части, представляя закругленно-городчатые края, украшались соответственно городками вырезными фигурами в форме трилистников; кроме того, эти прорезные пластинки в некоторых местах сохранили следы золотой насечки, уничтоженной, без сомнения, сильным действием огня» (Там же, с. 66).

Также в труде В.И. Сизова приведены два рисунка и одна фотография шлема. Первый рисунок представляет шлем непосредственно на момент находки (рис. 80, 1) и, к сожалению, дает слабое представление о его внешнем виде и конструктивных особенностях, хотя передает его форму. Значительно более информативна фотография (рис. 72, 1), которая сохранила информацию об отсутствующих на настоящий момент фрагментах – верхней части навершия и нижней части налобной пластины, возможно с надглазными выкружками. Второй рисунок шлема, приведённый в монографии, представляет собой реконструкцию боевого наголовья по версии В.И. Сизова, иллюстрирующую описание шлема в тексте (рис. 72, 2).

К изучению гнёздовского шлема обращался известный русский оружиевед В.В. Арендт, который работал в Историческом музее с 1926 по 1933 год и, несомненно, имел возможность непосредственно ознакомиться с находкой (Кирпичников, Ефимов, С. 94. 2017). В статье, посвященной «кочевническим» шлемам Восточной Европы, исследователь привел «альтернативную» сизовской реконструкцию, с нашей точки зрения, более адекватно отображающую особенности гнёздовского шлема (рис. 72, 3) (Arendt, 1935. P. 30. Abb. 7). Но и она не лишена неточностей – например, неправильно переданы размеры и количество выступов оформления краев накладных пластин. Очень важно отмеченное В.В. Арендтом и отображённое на реконструкции наличие у шлема надглазных выкружек и основания наносника, являющихся частью венца.

Частичная расчистка шлема и подробное изучение фрагментов позволяют предложить новую, более детализированную реконструкцию. Корпус шлема сформирован из четырех пластин подтреугольной формы, по центру которых пробиты невысокие рёбра. Первоначальная сборка корпуса осуществлялась при помощи небольших квадратных накладок, скрепляющих пластины изнутри (по три накладки на один «шов»). Снаружи пластины корпуса соединены посредством четырех крестообразно расположенных накладных полос, расширяющихся книзу. Каждая полоса прикреплена на пластину при помощи 6 заклепок (по три с каждой стороны). По центру накладных полос расположены ребра, аналогичные рёбрам на пластинах корпуса. Внешние края накладных пластин оформлены в виде чередующихся полукружий и подтреугольных выступов. Вдоль краев накладных пластин нанесены прорезные фигуры в виде трилистников (по четыре на каждом крае).

К нижней части тульи шлема был прикреплён венец высотой около 3,5 см, оформленный аналогично накладным пластинам. Вдоль нижнего края венца расчищены отверстия (диаметром 3–3,5 мм), расположенные примерно через 1 см. Возможное предназначение этих отверстий – часть системы крепления

кольчужной бармицы. В.И. Сизов оставил описание бармицы: «... возле шлема найдена бармица или кольчужная завеса, к сожалению, настолько попорченная огнём, что вполне восстановить её размеры весьма затруднительно; однако на этой бармице весьма ясно сохранилась кайма или оторочка, сделанная из медных колец, тогда как вся остальная бармица состоит из колец железных. Бармица эта, очевидно, прикреплялась к шлему посредством колец, для которых по ободу шлема сохранились отверстия» (Сизов, 1902. С. 67). В музейном хранении находится некоторое количество спекшихся кусков кольчужного полотна, состоящего из железных и бронзовых овальных в сечении колечек диаметром 10–12 мм. Бронзовые кольца формируют две вертикальные и одну горизонтальную полосы, состоящие из 6 рядов колец и составляющие П-образную фигуру. Эти полосы (и горизонтальная и вертикальные) вплетены в полотно из железных колец, т.е. не являются оторочкой. По всей видимости, бармица была сделана из железных колец, бронзовые кольца формировали орнаментальные полосы, расположенные вдоль краев бармицы.

На вершине шлема при помощи четырёх узких «лапок», оканчивающихся трилистной фигурой, крепились навершие, к настоящему времени не сохранившееся.

В.И. Сизов отмечал, что «прорезные пластинки (*т.е. накладные полосы и венец – С.К.*) в некоторых местах сохранили следы золотой насечки» (Там же, с. 66). Расчистка фрагмента «насечки» позволила определить, что перед нами фрагмент золотой нити, представляющий собой тонкую полоску металла (золота), навитую на несохранившуюся (органическую?) основу.

Восстановить высоту шлема достаточно трудно, но размерные характеристики пластин позволяют предполагать, что она составляла около 20 см. Длина окружности шлема по нижнему краю венца восстанавливается в пределах 65 см.

Наиболее дискуссионен вопрос о наличии на венце этого шлема надглазных выкружек и наносника. В.И. Сизов при описании шлема о них не

упоминал. Но, как уже отмечалось, В.В. Арендт, имевший большой опыт работы с боевыми наголовьями и вне всякого сомнения изучавший гнёздовский шлем, на графической реконструкции изобразил надглазные выкружки и наносник (Arendt, 1935. P. 30. Abb. 7). Эту реконструкцию использовал в своей работе А.Н. Кирпичников, поддержав тем самым предположение В.В. Арендта. (Кирпичников, 1971. С. 26. Рис. 9, 1). При современном обследовании фрагментов шлема было выяснено, что часть налобной пластины и венца, где должны были располагаться выкружки и наносник, не сохранилась, что делает рисунок В.В. Арендта единственным источником для реконструкции фронтальной части венца.

Прямых аналогий данному шлему, как среди отечественного, так и среди зарубежного, материала нет. Шлемы подобной конструкции были широко распространены на большей части Евразии с середины 1 тыс. н.э., а в восточной Азии доживают вплоть до XVI в. Определённо кочевническим его считали Э.Э. Ленц и В.В. Арендт (Arendt, 1935. P. 29–30; Lenz, 1924)

В.И. Сизов также видит аналогии «со шлемами Востока», но при этом, ссылаясь на оформление накладных полос и венца, считает, что «за гнёздовским шлемом ... нельзя не признать местного своеобразного характера» и отмечает, что «в настоящее время подобный орнамент встречается весьма часто на резных подзорах крестьянских изб в Смоленском уезде»¹²⁷ (Сизов, 1902. С. 66). Точку зрения о своеобразном характере гнёздовского шлема поддержал А.Н. Кирпичников, подчеркнув, что орнаментация накладных деталей не позволяет «сравнить шлем ни с восточными, ни с западными аналогиями».

М.В. Горелик считал, что по форме и характеру декора гнёздовский шлем более всего схож со среднеазиатскими образцами VIII–IX веков, но, при

¹²⁷ В качестве аналогий орнаменту на накладках и венце гнёздовского шлема В.И. Сизов называл орнаментированную оковку днища колчана (неправильно определённую им как деталь щита) (Сизов, 1902. С. 68–69. Рис.18) Помимо Гнёздова подобная оковка найдена в кургане 16 могильника Берёзки (Медведев, 1966. Табл. 7, 4). Сам тип колчана с подобными оковками днища имеет, несомненно, кочевническое происхождение.

этом, не отрицал возможности его изготовления в «местах более близких к Гнёздову» (Горелик, 1993б. С. 175)

Конструктивно сходный шлем, найденный в Читинском р-не Забайкальского края, опубликовал Л.А. Бобров (Бобров, 2013. С. 75–79). Корпус шлема состоит из четырех пластин, соединенных накладками с фигурным оформлением края. По центру каждой накладки пробито усилительное ребро. Верх пластин скреплён наверху с воронковидным основанием с четырьмя листовидными выступами и стержневидной втулкой. В нижней части корпуса (за исключением предличной зоны) закреплён венеч с фигурно оформленным краем и пробитым по центру ребром. В налобной части закреплён налобник с коротким наносником и сложным оформлением верхнего края. Л.А. Бобров, соотнеся боевое наголовье с материалами из Центральной и Восточной Азии, датирует его X–XI веками и относит к комплексу вооружения киданьских воинов.

Выяснение региона возникновения шлемов, аналогичных гнёздовскому, задача будущего, но, учитывая упомянутую находку, а также шлемы из могильника Кызыл-Янебек (Казахстан), из кургана 9 Муракаевского могильника (Южный Урал, Россия), по нашему мнению, как приоритетную стоит рассматривать гипотезу о «восточном» происхождении шлема, высказанную ещё Э.Э. Ленцем и В.В. Арндтом (Мажитов, 1981. С. 145. Рис. 71, 10).

Находки боевых наголовий X – начала XI века для территории Древней Руси крайне редки и в основном связаны с раннегородскими центрами, известных древнерусскому летописанию – Киев (как минимум один шлем и одна полумаска) и Чернигов (три шлема). В этой связи находка в Больших курганах Гнёздова двух боевых наголовий еще раз подчеркивает особое место и статус гнёздовского поселения.

– *Кольчуги*

Кольчуга – доспех, обеспечивающий защиту корпуса, верхней части рук и ног (в зависимости от длины рукавов и подола).

История использования кольчуги в Восточной Европе освещена в небольшой работе А.Ф. Медведева (Медведев, 1953). Автор, опираясь на письменные и археологические источники, утверждал, что кольчужная броня господствовала «на Руси с IX в. до конца средневековья – до XVII в. включительно» (Там же, с. 29). Также А.Ф. Медведев солидаризировался с мнением Б.А. Рыбакова и А.В. Арциховского о возникновении кольчуги «у наших предков ... на два-три века раньше, чем в странах Западной Европы, где он появляется как заимствование у восточных народов после грабительских крестовых походов и получает распространение лишь в XII в.» (Там же, с. 31).

Более обстоятельно, в первую очередь с точки зрения археологии, кольчуги рассмотрены у работе А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1971. С. 7–15). Важен вывод автора о том, что «предыстория раннекиевской кольчужной брони... уходит в этнически и географически разные районы, но к VIII в. эта предыстория была гораздо более европейской, чем азиатской» (Там же, с. 11).

Конструктивно кольчуга состоит из большого количества колец, соединенных между собой. Для X века было характерно соединение целых колец с клёпанными, таким образом что каждое целое кольцо соединяется с четырьмя клёпанными. Натурное изучение артефактов позволяет утверждать, что кольчужные кольца в зависимости от сечения были трёх видов – круглые, овальные (линзовидные) и подпрямоугольные. Различное сечение – результат разных способов изготовления колец¹²⁸. Круглые в сечении кольца изготавливались из проволоки, полученной с помощью волочила. Овальное (иногда эллипсовидное) сечение кольца получали при помощи штампа.

¹²⁸ Широко распространенное мнение об изготовлении неклёпанных колец путем сварки была поставлено под сомнение в результате металлографических анализов (Vike, V. Ring weave. A metallographical analysis of ring mail material at the Oldsaksamlingen in Oslo. URL: http://folk.uio.no/vegardav/brynje/Brynjevev_Vegard_Vike_2000.pdf (дата обращения: 18.10.2018); Jouttijärvi, 1996).

Подпрямоугольные кольца изготавливали посредством вырубki из листа. Округлые в сечении кольца, как правило, были клёпаными, овальные и подпрямоугольные – цельными.

В Гнёздове кольчуги были найдены в двух насыпях, которые входят в группу Больших курганов (Дн-86/Серг-1901, Оль-24/Абр-1905). Погребения совершены по обряду трупосожжения, которое превратило кольчуги в комки спёкшегося кольчужного плетения, что не позволяет определить особенности их покроя (рис. 73, 1). Оба доспеха были изготовлены из цельных и клёпанных колец округлой формы. Внешний диаметр колец колебался от 9 до 13 мм. Наибольшая толщина проволоки составляет 1,5 мм.

Предположить, как мог выглядеть покроем гнёздовских кольчуг, позволяют две редкие находки. Реконструкция покроя кольчуги, найденной в Херсонесе и датирующейся «не позднее пожара конца X в.», приведена в статье В.В. Дорошко (Дорошко, 2016. С. 62–63) (рис. 73, 2). Это рубаха с коротким подолом, разрезанным на фестоны, и короткими рукавами. Состояние находки не позволило выяснить оформление ворота. Кольчуга, найденная погребении № 106 могильника Казазово (вторая половина VIII века), была длиной примерно до колен и была снабжена глубокими разрезами спереди и сзади, косым воротом с глубоким запахом и рукавами примерно до локтя (Каминский, 1991. С. 148–149. Рис. 208). (рис. 73. 3). Обе вышеупомянутые кольчуги изготовлены из клёпанных и цельных колец. Западно- и североевропейские изобразительные источники дают примеры кольчуг, длиной до середины бедра, с передним и задним разрезами и рукавами до локтя (рис. 73, 4, 5) (Marxen, Moltke, 1981. Fig. 1-6).

Кроме целых кольчуг в девяти гнёздовских курганах найдены небольшие обрывки кольчужного плетения, насчитывающие до 30 колец (Ц-17/Сиз-1882, ?-15/Сиз-1898, Ц-53/Серг-1899, Ц-3/Рад-1942, Л-29/1949, Л-

63/1950, Ц-4/1950, Л(Гл)-112/1968¹²⁹) (№№ 1-8 в Таблице 13, далее – Каталог кольчужных колец) (рис. 74, 1-4, б). Большинство из них найдено в женских погребениях¹³⁰ и, по нашему мнению, представляли собой амулеты¹³¹, в сознании людей прошлого наделенных защитной магией. Возможно, с магическими представлениями связаны и два кольчужных клёпаных кольца, надетые на браслет из кургана Ц-15/Куц-1874. Использование миниатюрных копий предметов вооружения (мечей, копий, щитов) в качестве именно женских амулетов не раз отмечено в древнерусском материале и связывается с североевропейской традицией (Новикова, 1991. С. 187–193, 197). Все фрагменты кольчужного полотна состоят из цельных и клёпаных колец, кроме фрагмента из кургана Ц-4/1950, в котором все кольца клёпаные (рис. 74, 1). По мнению А.Н. Кирпичникова, кольчуги, полностью изготовленные из клёпаных колец, появляются в XI веке (Кирпичников, 1971. С. 13–14). Таким образом, кольчужный фрагмент из Гнёздова демонстрирует наиболее ранний пример использования технологии изготовления кольчужного полотна полностью из клёпаных колец¹³².

Из культурного слоя разных участков поселения происходит не менее 43 находок как отдельных колец, так и небольших фрагментов кольчужного плетения¹³³ (№№ 10-52 в Каталоге кольчужных колец) (рис. 74, 5, 7-20). Фрагменты состоят из клёпаных и цельных колец. Внешний диаметр колец находится в диапазоне от 8 до 16 мм. Относительно частая находка кольчужных колец в культурном слое может свидетельствовать о том, что на

¹²⁹ В этом кургане небольшой обрывок кольчужного плетения найден в яме перекопа, нарушившей кострище. Номер еще одного кургана, в составе инвентаря которого находился обрывок кольчужного плетения (Оп. В 1798 № 4), не известен (№ 9 в Каталоге кольчужных колец).

¹³⁰ В кургане Ц-17/Сиз-1882 кольчужные кольца спеклись с сильно оплавленными фрагментами бус, что дает основание предположить, что фрагменты кольчужного плетения могли носиться в составе ожерелий.

¹³¹ Амулеты в виде цепочек из кольчужных колец или кусочков кольчужного полотна могли быть фрагментами кольчатых доспехов или же изготавливались изначально в качестве амулетов. Во втором случае кольчужные кольца отличаются плохим качеством изготовления и небольшими размерами (внешний диаметр 6–7 мм).

¹³² Но нельзя исключать и изначальное изготовление амулета по упрощенной технологии, а не переделка его из обрывка кольчуги.

¹³³ Количество находок отдельных кольчужных колец значительно выросло с начала 2000-х гг, что связано с применением методики промывки культурного слоя на специальных ситах.

территории гнёздовского поселения находилось значительное количество людей, носивших кольчуги.

Гнёздовский археологический комплекс является одним из немногих древнерусских памятников, где представлены кольчуги. Всего по подсчетам А.Н. Кирпичникова к началу 70-х гг. XX века с территории Древней Руси, без учета двух гнёздовских, происходит не менее пяти целых кольчуг (Чернигов, Киев, Подгорцы) и еще более 20 фрагментов кольчужного плетения, относящихся к IX–X векам (Кирпичников, 1971).

Так как кольчуга в конце I тыс.н.э. была распространена практически во всей Евразии, то вполне вероятна возможность независимого проникновения кольчуги на будущую территорию Древней Руси из разных регионов (Там же, с. 9). О раннем проникновении с севера свидетельствует находка обрывка кольчужного плетения из культурного слоя Старой Ладogi, датированного 790–811 годами. Последняя находка позволила утверждать, что «в общем историко-культурном контексте ранней Ладogi европейское (франкское или скандинавское) происхождение кольчуги представляется наиболее реальным» (Рябинин, 1995. С. 54) Но находки обрывков кольчуг в лесостепной зоне Восточной Европы (например, Волынцевский могильник) не позволяют отказаться от гипотезы проникновения кольчуги и из юго-восточных регионов (Кирпичников, 1971. С. 9; Григорьев, 2000. С. 140).

– Пластинчатый доспех

Кроме кольчуг в качестве корпусного доспеха использовали панцири, основным защитным элементом которых являлись пластины различной формы и из различных материалов.

Принято разделять пластинчатые панцири, у которых защитные пластины крепятся на основу из мягкого материала (ткань, кожа) и панцири, пластины которых соединяются непосредственно между собой (Кирпичников, 1971. С. 17–19). Более дробные типологии предложены непосредственно для

пластин, разделение которых на таксономические единицы осуществляется с учётом их формы, а также количества и расположения отверстий для скрепления (Горбунов, 2003; Lupinenko, Maqushnikov, 2010 и др.).

Заслуга определения доспешных пластин в древнерусском материале принадлежит А.Ф. Медведеву (Медведев, 1959а). Исследователь проследил историю пластинчатых доспехов и собрал большинство известных к концу 50-х годов XX века доспешных пластин, происходящих с европейской части СССР и относящихся к VII–XVI векам. Одним из выводов, к которому пришел А.Ф. Медведев, состоял в том, что пластинчатый доспех (как и кольчуга) «на территории восточных славян появились не откуда-то извне, а были заимствованы от других местных народов сарматского периода» и являлись «результатом развития военного дела и ремесленного производства» (Там же, с. 123).

Серия статей, посвященных пластинчатым доспехам древнерусского и более раннего времени, принадлежит белорусским исследователям О.А. Макушникову и Ю.М. Lupinenko (Макушников, Lupinenko, 2003; Lupinenko, 2006; Lupinenko, Maqushnikov, 2010). Наибольший интерес для нашей темы представляет статья Ю.М. Lupinenko, посвящённая «пластинчатым доспехам восточных славян» VII–X веков (Lupinenko, 2006). Из восьми пластин, приведённых в статье (Хотомель (3), Мощенка (1), Плиснеск (1), Шестовицы (1), Сарское (1), Алчедар (1)). По нашему мнению, не все пластины, упомянутые в статье, относятся к доспешным, являются восточнославянскими и относятся к обозначенному в статье хронологическому периоду¹³⁴.

К настоящему времени назрела задача сбора на новом уровне информации о доспешных пластинах, выявленных при раскопках на территории Древней Руси, их всесторонний анализ, разработка типологии с

¹³⁴ По нашему мнению, не относятся к доспешным пластины из Алчедара и Плиснеска. Сомнение в атрибуции вызывает и находка из Мощенки. Пластина из Шестовиц, по любезной информации, предоставленной В. Скороходом, происходит из заполнения ямы конца XI–XII века.

использованием более широкого охвата материала, а также выяснение путей появления пластинчатых доспехов на территории Древней Руси.

В Гнёздове обнаружены две панцирные пластины, чья атрибуция в качестве таковых не вызывает сомнений (ЦГ-III/1953, ГС-IV/72), а также обломок предположительно ещё одной пластины (ВС-10Д/1997). Все пластины найдены при раскопках поселения.

Пластина, найденная на городище, представляет собой обломанный с одной стороны предмет прямоугольной формы, размерами $4,7 \times 5,1$ см и толщиной 0,9 мм (рис. 74, 21). Полностью или фрагментарно сохранилось девять отверстий диаметром 2,5–3 мм. На двух противоположных сторонах отверстия расположены попарно, на двух других предположительно по три отверстия вдоль края (в одном углу фиксируется пара отверстий).

К сожалению, археологический контекст находки не ясен. Обнаружение пластины на раскопе, прорезавшем вал и ров городища, позволяет предположить, что находка происходит из перемешанных слоёв.

Вторая пластина обнаружена при работах на западном участке Центрального селища (ГС-IV/1972) в заполнении ямы 1/71 вместе с другими предметами, среди которых стоит отметить шиферное пряслице, что позволяет датировать формирование заполнения не ранее второй половины X века. Пластина прямоугольной формы с одной закругленной короткой стороной. Размеры пластины $2,9 \times 1,5$ см (рис. 74, 22). По центру длинных сторон расположены полукруглые вырезы. На пластине расчищено восемь отверстий диаметром около 1,5 мм. Две пары отверстий расположены ниже вырезов ближе к полукруглому окончанию пластины. Остальные четыре отверстия группируются на противоположном конце пластины. Вызывает удивление небольшие размеры найденной пластины. Подобные пластины, насколько известно автору, ни разу не фиксировались, ни в археологическом ни в изобразительном материале IX–X веков.

Фрагмент третьей пластины (?) происходит с восточной части селища и найден в пахотном слое. Размеры фрагмента $2,9 \times 2,1$ см. (рис. 74, 23). Полностью сохранилось одно отверстие диаметром 2,5 мм, и фрагментарно – второе.

Панцирные пластины, относящиеся к рубежу I и II тысячелетий, крайне редко обнаруживаются при раскопках памятников Восточной Европы. Мы располагаем информацией только о трёх находках, чья датировка IX–X веками не вызывает сомнений. В погребении у с. Манвеловка найдено более десятка целых и несколько фрагментированных пластин (Чурилова, 1986. С. 264. Рис. 3, 1-4). А.В. Комар датирует это погребение 830–890 гг. и связывает с древними венграми (Комар, 2011. С. 69). На поселении Сарское II, расположенном рядом с Сарским городищем, найдено несколько фрагментов, которые, по нашему мнению, принадлежат одной (максимум двум) доспешным пластинам (Леонтьев, 1996. С. 100. Рис. 40, 8–12). А.Е. Леонтьев датирует поселение началом X века (Там же, с. 101). В Херсонесе при раскопках 1911 года в слое середины X – начала XI века, был найден фрагмент пластинчатого доспеха, состоящий из более десятка прямоугольных пластин с одним полукруглым концом и размерами $5,8 \times 2,6–2,7$ см. Сохранность пластин не позволяет определить количеству и систему расположения отверстий (Дорошко, 2016. С. 65. Рис. 5, 1).

Значительное количество пластин (более 700 экз.), возможно принадлежавших одному доспешному гарнитуру, было найдено при раскопках «Гарнизона» Бирки в слое, датирующимся серединой X века (Stjerna, 2004). Собранные Н. Штерной аналогии позволили предположить тюркское происхождение доспеха из Бирки.

Крайняя редкость пластинчатых доспехов на восточноевропейской территории определялась, по всей видимости, значительной дороговизной этого типа доспеха. На современном этапе изучения затруднительно определить регион, откуда в Гнёздово могли попадать пластинчатые доспехи. В

качестве наиболее вероятного претендента на эту роль, с нашей точки зрения, стоит рассматривать Византийскую империю, где традиция использования пластинчатых панцирей имеет давнюю историю. Учитывая довольно значительное присутствие византийских импортов в Гнёздове, возможность появления здесь византийского доспеха не должна удивлять (Мурашева, Довгалюк, Фетисов, 2010; Ениосова, Пушкина, 2012).

– *Щиты*

Щит являлся одним из самых простых и популярных средств защиты, представлявшим собой манёвренное средство защиты, позволяющее отражать удары противника, наносимые в разные части тела.

Вследствие того, что основа щита изготавливалась из органических материалов, информация для воссоздания внешнего вида и конструктивных особенностей щитов очень ограничена. В основном при археологических исследованиях обнаруживаются лишь металлические детали щита. Таким образом, наши знания о щитах этого периода очень ограничены и с большой долей вероятности мы можем реконструировать и говорить только о тех щитах, которые имели металлические детали. Как правило, в древнерусском материале, щиты представлены находками умбонов (металлической выпуклой бляхи, расположенной в центре щита), и металлическими оковками его края.

Древнерусские умбоны, в соответствии с типологией, предложенной А.Н. Кирпичниковым, подразделяются на два типа: полушаровидные и сфероконические (Кирпичников, 1971. С. 35).¹³⁵ Для первых характерен свод полушаровидной формы на низкой шейке, с внешним диаметром поля 13,2–15,5 см и высота 5,5–7 см. Умбоны второго типа отличаются сфероконической формой. Они несколько крупнее умбонов первого типа – диаметр 15,6 см и 17,5 см, высота 7,8 см и 8,5 см. Шейка отсутствует.

¹³⁵ А.Н. Кирпичников опирался на типологию умбонов У. Рюга, использованной и в работе Я. Петерсена (Rygh, 1885. P. 157; Петерсен, 2005. С. 81–82).

В Гнёздово находки щитов зафиксированы в 15 курганах¹³⁶ (Таблица 14, далее – Каталог щитов). В 7 курганах найдены 8 умбонов (тип I по А.Н.К.) (в двух(?) случаях, сопровождавшихся оковками) (№№ 1-3, 5-7, 10, 11 в Каталоге щитов) (рис. 75, 1-8), в 11 курганах найдены отдельные оковки края щита (от 1 до 3) (№№ 4, 8, 9, 12-16 в Каталоге щитов) (рис. 76, 2-4). Ещё две отдельные оковки найдены на поселении (рис. 76, 1).

Диаметр гнёздовских умбонов колебался в пределах 13,5–15,5 см, высота от 5,5 см до 7 см. Все умбоны изготовлены из железа толщиной от 1 до 1,5(?) мм. На деревянное поле щита умбон крепился при помощи нескольких (4–6) гвоздей.

В одном случае вместе с умбоном были найдены около 20 оковок края щита. Они представляют собой железные полосы длиной около 6 см и шириной около 2 см, согнутые пополам. Оковки двумя маленькими заклёпками крепились на краю щита, при этом, фиксируя кожанную полосу, усиливающую край щита. От этой кожанной полосы сохраняются небольшие выступы на обеих половинах оковок. Расстояние между краями оковки составляло 5–6 мм, что равнялось толщине деревянного поля щита.

Как уже отмечалось, в 11 курганах щит был представлен только находками оковок края щита, причем удивительно количество оковок – от одной до трёх. Это может объясняться как особенностями погребального обряда (помещением в курган только части сожженного инвентаря), так и конструктивными особенностями щитов – он мог иметь деревянный умбон (как щит из Тирского торфяника) и незначительное количество оковок края (как у щитов из могильника Бирки).

Уникальной находкой является зафиксированные при раскопках кургана Ц-41/Сиз-1885 остатки щита *in situ*. В.И. Сизов так описывает находку: «Благодаря оставшимся от щита следам дерева, можно представить себе приблизительно размеры щита, измеряя расстояние этих кусочков дерева от

¹³⁶ Ещё один щит с умбоном и несколькими десятками металлических оковок края был найден при раскопках в 2017 году в кургане Л-206 в Лесной курганной группе.

центральной бляхи или умбона; при таком измерении ширина или длина щита доходить до 1 метра. В области лежавшего когда-то щита найдено много железных скрепок или обоймиц в виде железных согнутых вдвое пластинок с пробойнами или гвоздиками на концах, служивших для скрепления краёв щита и прекрасно сохранивших внутри кусочки дерева; эти-то кусочки дерева представляют часто косые слои, которые объясняются явно тем, что доски, из которых щит состоял, имели на краях закругления, соответствующие окружности круга. Принимая во внимание сохранившиеся следы дерева на ближних камнях, можно также смело утверждать, что щит имел круговое очертание. По железным обоймицам также можно легко определить толщину щитовых досок; можно считать также до некоторой степени вероятным, что щит был окрашен в красную краску, так как дерево в одной из обоймиц сохранило следы красной окраски» (Сизов, 1902. С. 67).

Кроме Гнёздова на древнерусской территории найдены металлические части еще 10 щитов (Шестовицы – 1, Михайловское – 1, Киев – 1, Щуковщина – 1, Сязнига – 1, Кирилина – 1, Заозерье – 1, Залахтовые – 1, Старая Ладога – 1, Цимлянское городище – 1) (Кирпичников, 1971. С. 86–87).

В трёх случаях совместно найдены умбоны и оковки края щита (Щуковщина, Сязнега, Шестовицы). Один раз были найдены только оковки края щита (Михайловское). Курганы, с состав инвентаря которых входят щиты, датируются в рамках X века. Наиболее ранняя датировка – первая половина X века – предложена для кургана 1/Гор-1902 из Михайловского могильника (Каинов, Зозуля, 2014а. С. 37–38; Мурашева, 1999. С. 32). Ко второй четверти относится курган № 83 Шестовицкого могильника (Комар, 2012. С. 350). Оснований датировать гнёздовские курганы с деталями щитов ранее второй половины X века у нас нет.

Металлические детали щитов являются довольно частой находкой в Скандинавии. Наиболее полная информация собрана о щитах, обнаруженных в шведском могильнике Бирка (Arwidsson, 1986б. Р. 38–44). Относительно

хорошая сохранность органического материала, а также фиксация положения вещей на момент обнаружения позволили выявить некоторые детали, не прослеженные в отечественных находках. Всего в Бирке найдено 68 щитов. Планы погребений позволяют утверждать, что щиты имели круглую форму и изготавливались из дерева. В трёх случаях была определена порода дерева, из которого изготавливался щит: тис, клён, пихта. Диаметр щитов варьировался от 80 до 95 см.

Как и в Древней Руси, основную находку в Бирке составляли умбоны. Их диаметр варьировался от 13,5 до 17 мм, высота – от 4,6 до 10 см. В нескольких случаях края умбонов украшались оловянными или бронзовыми накладками различной формы. По длине сохранившихся гвоздей для крепления умбона можно установить толщину щитовых досок. Она составляла 5–6 мм. Два крепёжных гвоздя, расположенных друг против друга, имели большую, нежели остальные гвозди, длину (до 3,5 см). Объясняется это тем, что гвозди скрепляли одновременно деревянное поле щита, умбон и рукоятку. Края щитов снабжались металлическими сложенными вдвое оковками, крепившимися двумя заклёпками. Количество подобных оковок колебалось от 2 до 45. В одном случае большая часть оковок плотно располагалась на одном секторе. Расположенные таким образом оковки предохраняли наиболее уязвимый участок щита – участок, куда приходится наибольшее количество наносимых ударов – для воина это правый верхний сектор щита. В нескольких случаях под оковками зафиксированы остатки кожаной полосы, вдвое сложенной по ребру щита. Металлические оковки, которые имели специальную профилировку с уступом, фиксировали эту кожаную полосу на ребре щита.

В некоторых погребениях удалось проследить рукоятки, служившие не только для удержания щита, но и служившие основным скрепляющим элементом для деревянного поля. Металлические рукояти встречены в 12 погребениях, в остальных случаях рукояти были изготовлены из дерева. Для некоторых рукоятей была установлена порода дерева, из которого они были

изготовлены – можжевельник, тополь, ольха. В нескольких случаях на концах рукояти закреплялись бронзовые литые накладки. Металлические рукояти были изготовлены из железа, в некоторых случаях покрыты бронзовыми чеканными накладками.

В четырёх погребениях рядом с рукоятью, а в одном случае приклёпанными к железной рукояти, были найдены скобки с подвижным кольцом для крепления ремня для ношения щита.

Следует отметить уникальную находку в Тирском торфянике на юго-западе Латвии (Уртан, 1961. С. 222). Здесь был обнаружен клад IX века, в состав которого входили два деревянных щита. Первый щит сохранился целиком. Он имел круглую форму (диаметр 85,5 см) и был изготовлен из еловых досок толщиной 6 мм. Внутренняя и внешняя стороны деревянного поля щита были покрыты кожей. Между кожей и деревом проложена спрессованная трава. Кожа пришита к деревянному полю щита в центре и по краям. В центре щита пропилено отверстие диаметром 11,5 см, которое с внешней стороны закрывалось деревянным(!) умбоном в форме полушария с краями, на которых имеется 14 отверстий для заклёпок. Возможность использования деревянных умбонов объясняет находку в нескольких курганах Гнёздовского и Михайловского могильников только скобок от края щита.

Несомненная идентичность скандинавских щитов щитам, найденным на древнерусской территории, позволяет утверждать, что данный тип защитного вооружения проник на территории Древней Руси из Скандинавии. Исходя из вышеизложенного, сочетая скандинавские и древнерусские материалы, можно представить примерную реконструкцию одного из типов щитов, имевшего распространение на территории Древней Руси во второй половине X века¹³⁷ (рис. 76, 5).

¹³⁷ Надо подчеркнуть, что мы реконструируем только один из вариантов щитов, распространённых в Европе в «эпоху викингов». Не вызывает сомнения, что применялись и более простые щиты, не имевшие металлических деталей.

В большинстве случаев щиты, изготавливаемые из деревянных дощечек, имели круглую форму. Диаметр щита варьировался от 80 до 100 см, а толщина, по-видимому, не превышала 6 мм. В некоторых случаях щит мог покрываться кожей и(или) краской¹³⁸. В центре деревянного поля щита пропиливалось отверстие круглой или полукруглой формы. С внешней стороны это отверстие закрывалось умбоном, который крепился на гвоздях, загигавшихся с внутренней стороны. С внутренней стороны щита от одного края до другого поперёк досок крепилась деревянная рукоять, иногда с кольцами для подвешивания. На краю щита при помощи металлических оковок закреплялась полоска кожи, иногда дополнительно пришивавшаяся.

Оценивая боевые качества щита, вытекающие из его конструкции и веса, можно утверждать, что это было достаточно манёвренное средство обороны, в некоторых ситуациях способное выполнять и роль наступательного оружия (удары умбоном и краем щита). Но так как малый вес и манёвренность достигалась за счёт уменьшения толщины деревянной основы щита, то вполне естественно предполагать недолговечность подобных щитов. В то же самое время, благодаря простоте конструкции, ремонт или изготовление нового щита, используя при этом старые металлические детали, не представляли трудности даже в «полевых» условиях. Небольшая толщина щита не позволяла парировать им мощные удары, наносимые, например, топором.

Круглая форма и конструктивная непрочность щита предполагает, что эффективно им можно было действовать только в свободном строю, а не в плотно сомкнутом. Переход от тактики рассыпного боя к строевому бою (боевые построения типа фаланги), по всей видимости, вызвал широкое распространение вытянутых щитов, закрывающих воина от подбородка до ступней. Так в описании битвы под Преславой, произошедшей между войсками византийцев и росов в 971 году, византийский историк Лев Диакон упомянул щиты росов, которые были *«прочны и для большей безопасности достигают*

¹³⁸ По данным исландских саг большое значение имела раскраска щитов. Так белый щит обозначал мирные намерения, красный – готовность к бою.

ног» (Древняя Русь в свете..., 2010. С. 201). Возможно, здесь идёт речь о миндалевидных (каплевидных) щитах. Не совсем ясно, когда и где появились подобные щиты. Получившие широкое европейское распространение в XI веке появились они, согласно византийским изобразительным источникам ещё в X веке.

Глава III. Археологический контекст находок предметов вооружения в Гнёздове

Гнёздовский археологический комплекс – один из немногих памятников эпохи образования древнерусского государства, который относительно хорошо сохранил свою структуру и который изучен в ходе многолетних раскопок. Эти обстоятельства позволяют считать Гнёздово эталонным памятником раннегосударственного периода. Из этого следует важность изучения предметов вооружения не только с точки зрения изучения непосредственно, но и необходимость понимания их археологического контекста.

III.1. Вопросы хронологии Гнёздовского комплекса археологических памятников

Заселение территории Гнёздовского комплекса относится к эпохе камня, о чём свидетельствуют находки каменных орудий, сделанные при раскопках курганов и поселений (напр. Авдусин, 1952. С. 317; Авдусина, Зозуля, 2018. С. 18). Е.А. Шмидтом на обоих берегах речки Свинец в непосредственной близости от городища были найдены фрагменты керамики днепро-двинской культуры, свидетельствующие о заселенности этой территории в период VII в. до н.э. – IV в. н.э., им же на гнёздовском селище собрана керамика, характерная для тушемлинской культуры V–VIII веков (Шмидт, 1999. С. 109–111).

Но если вопрос о существовании ранних поселений до сих пор не привлекал пристального внимания и ещё не стал предметом детального анализа, то время возникновения Гнёздовского раннегородского поселения, а, следовательно, и соответствующих ему курганов – это один из самых спорных вопросов, обсуждаемых в гнёздовской историографии. Несмотря на уже более чем столетнюю историю дискуссии, исследователи не пришли к общей точке зрения.

Можно выделить две основные проблемы, связанные с гнёздовской хронологией – временные рамки существования раннегородского поселения и внутренняя хронология памятника.

Наиболее дискуссионен вопрос о начале существования «дружинного» Гнёздова. Сторонники «раннего» возникновения утверждают, что Гнёздово функционирует как минимум с IX века. Впервые эту точку зрения, основываясь на материалах раскопок могильника, сформулировал В.И. Сизов – «существование Гнёздовского могильника или его историю по сделанным монетным находкам и вещам в курганах можно определить приблизительно более чем двумя столетиями, а именно начиная, по крайней мере, с IX века до конца X столетия, или начала следующего» (Сизов, 1902. С. 35). Развернутой аргументации, обосновывающей это положение, автор не предлагал.

Идею о «позднем» (с конца IX или рубежа IX–X веков) возникновении Гнёздова впервые высказал А.А. Спицын, который, также рассмотрев материалы могильника, предложил, что Гнёздово существовало на протяжении около 150 лет – «от конца IX до начала XI вв.» (Спицын, 1905. С. 18).

Оживление дискуссии связано с накоплением новых материалов с началом в 1949 году широкомасштабных работ на памятнике Смоленской археологической экспедиции МГУ, а также раскопок на гнёздовском селище в 1967–68 годах, проведенных экспедицией ЛОИА ИА РАН. Немаловажную роль сыграло и возрастание интереса к «варяжской» проблеме.

Д.А. Авдусин, публикуя материалы первого года раскопок, датировал могильник концом IX – началом XI века. В качестве ранних комплексов исследователь указывал курганы Л-13 и Л-38 из своих раскопок и Ц-15 из раскопок М.Ф. Кусцинского. В первой публикации курган Л-13 был датирован первой четвертью X века, а курган Л-38 – концом IX века. В пользу этого, по мнению Д.А. Авдусина, свидетельствовали найденные в погребениях бусы и их сочетание, два аббасидских дирхема (конца IX века и 842–43 гг.) (Авдусин, 1951. С. 79). В более поздних работах Д.А. Авдусин откорректировал нижнюю

хронологическую границу в сторону ее омоложения – и отнёс могильник к X – началу XI века, датировав подавляющее большинство погребений второй половиной X века. Т.А. Пушкина датировала курган Л-13 вторым десятилетием X века (Пушкина, 1991. С. 232). Поздняя (вторая четверть – середина X века) датировка кургана Л-13 была обоснована В.С. Нефедовым (Нефедов, 2001).

Курган Ц-15 из раскопок М.Ф. Кусцинского Д.А. Авдусин в специально посвященной этому комплексу статье датировал первой половиной («ближе к середине») X века. (Авдусин, 1967. С. 25). Основным аргументом в пользу такой датировки послужила железная гривна с молоточками Тора и выдвинутое М.В. Фехнер предположение о распространенности таких гривен в конце X – начале XI века. (Авдусин, 1967. С. 25; Фехнер, 1966. С. 101–104). В более поздней статье в качестве дополнительного аргумента Д.А. Авдусин привёл факты встречаемости наконечников копий, аналогичных гнёздовскому, и в погребениях первой четверти X века. (Авдусин, Пушкина, 1982. С. 74).

И.И. Ляпушкин, который в 1967–1968 гг. исследовал участок гнёздовского селища на правом берегу р. Свинец около ее впадения в Днепр, поддержал точку зрения В.И. Сизова о «ранней» датировке возникновения Гнёздова. В вышедшей в 1968 году монографии он высказал точку зрения о появлении здесь малоинвентарных, безинвентарных и пустых курганов в начале IX века. Такая датировка была основана на представлениях о динамике и характерных чертах славянского погребального обряда, что подобные курганы должны предшествовать курганам с инвентарем, а также на основании сходства лепных сосудов Гнёздова с лепной керамикой роменской культуры VIII–X веков. Пустые курганы И.И. Ляпушкин считал поврежденными комплексами, когда-то содержавшими остатки трупосожжения на стороне (Ляпушкин, 1968. С. 115–116).

Материалы раскопок И.И. Ляпушкина на поселении, а также собственные сборы подъемного материала на гнёздовском селище, позволили Е.А. Шмидту отнести возникновение поселения в устье Свинца «ко времени

никак не позднее начала IX века, а может быть, даже к рубежу VIII и IX вв.». Население, живущее в это время в Гнёздово, по мнению Е.А. Шмидта, относилось к носителям культуры смоленских длинных курганов (КСДК)¹³⁹, что подтверждалось находками керамики, идентичной найденной в курганах КСДК, и других вещей, характерных для этой культуры (Шмидт, 1999. С. 112–114). Однако, это мнение опирается на общую датировку КСДК в рамках VIII – начала X века, что до разработки дробной хронологии КСДК не позволяет использовать инвентарь этой культуры для обоснования ранней даты Гнёздова.

Точка зрения И.И. Ляпушкина о датировке малоинвентарных, безинвентарных и пустых курганов началом IX века не нашла поддержки даже среди сторонников раннего возникновения Гнёздова. В.А. Булкин, касаясь высказанной гипотезы, подчеркивал, что малоинвентарные и безинвентарные погребения с лепной керамикой «в большинстве случаев не могут быть датированы точнее, чем IX(?)–X вв.» (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978. С. 47). Сам В.А. Булкин в рамках разработанной им периодизации гнёздовских курганов предложил датировать ранний этап формирования могильника второй половиной IX – первыми десятилетиями X века. Основаниями для этого, по его мнению, служили «мечи IX – первой половины X в, фибулы IX в, монеты IX – начала X в».

Одним из ранних комплексов В.А. Булкин считал курган 15 из раскопок М.Ф. Кусцинского. В совместной с В.А. Назаренко статье В.А. Булкин подверг критике точку зрения Д.А. Авдусина о поздней дате этого комплекса, в свою очередь предложил датировать курган «самое позднее второй половиной IX в.» (Булкин, Назаренко, 1971. С. 15). В пользу подобной датировки, по мнению авторов, выступают ранняя разновидность меча типа Е, параллельные края его клинка, «что характерно для ... первой половины IX в.», наконечник копья с дамаскировкой на пере и врезным «готическим» орнаментом на втулке, аналоги которому в Европе датируются второй половиной VIII–IX веком; гривна с

¹³⁹ Скандинавы в Гнёздове по мнению Е.А. Шмидта появляются с последней четверти IX века (Шмидт, 1999. С. 115).

молоточками Тора, которые появляются в VIII веке и наиболее распространены в середине IX века. Эти аргументы рассмотрены нами в специальной статье, посвященной датировке кургана Ц-15/Кусц-1874 и были признаны ошибочными. К настоящему времени, с нашей точки зрения, наиболее обоснованной является хронологическая локализация комплекса в рамках второй четверти X века (Каинов, 2001).

Датировка Гнёздова IX веком довольно часто встречается как в общих работах по раннегосударственной истории Руси, так и в отдельных статьях. Но, как правило, она сопровождается ссылками на работы В.А. Булкина и И.И. Ляпушкина и никаких новых аргументов в пользу ранней датировки эти работы не содержат (Франклин, Шепард, 2000. С. 151–152).

Активным сторонником раннего возникновения дружинного Гнёздова является С.С. Ширинский¹⁴⁰. Стоит, правда, отметить, что этот исследователь не замечает оппонировавшие его мнению работы и, используя «опыт выборочной датировки отдельных курганных комплексов», находит среди гнёздовских курганов относящиеся, как он считает, не только в целом к IX веку, но и даже сооруженные «осенью 839 или весной 840 г»¹⁴¹ (Ширинский, 1997. С. 199). При этом хронологическая локализация комплекса основывается на выборочных вещах, как правило, самых ранних. На ошибочность, например, ранней датировки кургана Л-47/Авд-1950, в составе инвентаря которого были найдены гребень поздней группы и широкосерединый перстень с завязанными концами, было указано в нашей статье (Каинов, 2001. С. 60–61).

В обобщающих работах хронология Гнёздовского археологического комплекса определена в рамках рубежа IX–X – начала XI века (Ениосова,

¹⁴⁰ А.Е. Мусин, анализируя находки херсоно-византийских монет IX века на территории Древней Руси (в том числе и одну монету из Гнёздова), высказывает мнение о небольшом временном разрыве между датой чеканки таких монет и их депозицией. Касаясь вопроса ранней гнёздовской хронологии, исследователь указывает, что «сам факт появления Гнёздова в первой половине X века свидетельствует о существовании здесь торгового пути в предшествующее время» (Мусин, 2010. С. 42). Мнение А.Е. Мусина было подвергнуто обоснованной критике в статье Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 45).

¹⁴¹ К IX веку С.С. Ширинский относит курганы Л-47/1950 (839–840 гг или вторая четверть IX в), 57/Серг-1899 («не позднее середины IX века»), 83/Сиз-1896 («нижняя хронологическая граница сооружения 60–70 годы IX века»), 85/Серг-1901 (рубеж третьей и четвертой четвертей IX века), Ц-91/1963 (последняя четверть IX века) (Ширинский, 2008. С. 83–86).

Пушкина, 2016. С. 264; Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 270–273). Относительно возникновения комплекса Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной был сделан вывод, что «пока нет данных, противоречащих утверждению, что Гнёздово возникло на свободном, никем не заселенном пространстве на рубеже IX–X вв» (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 268). Тем не менее, исследователи Гнёздова высказывали и иную точку зрения на время возникновения памятника (Каинов, 2012. С. 31; Каинов, 2014а. С. 43–44; Каинов, 2015. С. 121–125; Мурашева, 2012. С. 396–398)¹⁴².

В настоящее время дискуссия о времени начала функционирования гнёздовского поселения получила новый импульс в связи с обнаружением на пойменном участке центрального поселения культурных слоев, датирующихся ранее X века (Мурашева, Малышева, Френкель, 2018. С. 336–339). Наличие ранних слоёв на гнёздовском поселении естественным образом ставит вопрос о поиске синхронных им погребальных комплексов. Пока современные представления о ранней древнерусской хронологии и возможности датирования не позволяют выделить в Гнёздовском некрополе бесспорные комплексы IX века.

Время и причины прекращения существования «дружинного» Гнёздова до сих пор не стали предметом отдельного исследования. Как правило, «закат» Гнёздова относят к концу X – началу XI века. В материалах могильника, действительно, к настоящему моменту не выявлены погребения, которые уверенно можно отнести к XI–XII векам. Но жизнь на поселении не прекращается, хотя его площадь сильно уменьшается. Ряд находок, в том числе и предметов вооружения, позволяют утверждать продолжение функционирования Гнёздова и в XII–XIII веках.

Второй вопрос, затрагиваемый в рамках обсуждения гнёздовской хронологии, касался возможности разделения истории памятника на этапы. Наиболее дробная хронологическая шкала была предложена В.А. Булкиным на

¹⁴² Критический взгляд на предложение вернуться к обсуждению более ранней даты возникновения Гнёздова представлен в статье Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 267–268).

основе анализа взаимовстречаемости мечей, фибул скандинавских типов, монет и керамики, найденных при раскопках Гнёздовского могильника (Булкин, Дубов, Лебедев, 1978. С. 38).

Хронология Гнёздова по В.А.Булкину:

Датировка	Обоснование датировки
вторая половина IX – первые десятилетия X века	«мечи IX – первой половины X века, фибулы IX века, монеты IX – начала X века, преимущественно лепная керамика»
X век до его последних десятилетий	«монеты X века, начиная с 920-х мечи X – начала XI века, фибулы X в. и второй половины X – начала XI века, преимущественно гончарная керамика»
последние десятилетия X века	«гончарная керамика с клеймами, монеты X века, мечи»
рубеж X–XI веков – первая половина XI века.	«труположения»

Критика построений В.А. Булкина («фактические ошибки», «недостаточно тщательный анализ вещевого материала», «неоправданно большое значение монет в построениях», «необоснованность как абсолютной, так и относительной датировки керамического материала») была высказана Ю.Э. Жарновым (Жарнов, 1992. С. 129). Сам Ю.Э. Жарнов, также на основе анализе материалов раскопок могильника, предложил разделить период его функционирования на два этапа – *раннее Гнёздово* (конец IX – первая половина X века) и *позднее Гнёздово* (середина X – начало XI века) (Жарнов, 1992. С. 129). Это разделение хронологии памятника на два этапа принято со ссылкой на работу Ю.Э. Жарнова в обобщающей статье, посвященной Гнёздовскому археологическому комплексу (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 270). Ю.Э. Жарнов указывал, что «границей двух этапов послужило время появления

гончарного круга в Гнёздово» (Жарнов, 1992. С. 129). Тем не менее к настоящему времени не вызывает сомнения (или обоснованной критики) точка зрения о появлении круговой керамики на рубеже первой и второй четвертей X века.

В историографии представлены две точки зрения на датировку появления гончарного круга в Гнёздове. Е.В. Каменецкая на основании предположения о разнице между датой чеканки и временем попадания монеты в комплекс не более чем в 20 лет, предложила считать, что гончарный круг в Гнёздове появился в 920–930 годах (Каменецкая, 1977. С. 115).

Ю.Э. Жарнов, считая двадцатилетнюю разницу между датой чеканки монеты и временем попадания в комплекс спорной и необоснованной, курганы с ранними формами круговых сосудов (Ц-2/1950, Ц-117/1974; Л-4/1949, Л-49/1950) относит ко времени не ранее середины X века. Такая датировка основана на находках в этих комплексах скандинавских фибул середины – второй половины X века (типы 52, 237 по J.P.) (Жарнов, 1992. С. 130). Таким образом, появление гончарного круга по Ю.Э. Жарнову относится к концу второй четверти – середине X века (Там же, с. 131–132). Стоит отметить, что приведённые Ю.Э. Жарновым случаи встречаемости раннегончарной посуды и скандинавских украшений, датирующихся не ранее середины X века, указывают *на существование раннекруговой посуды в середине X века, а не на время ее появления здесь.*

Важные результаты в плане уточнения времени появления гончарного круга получены в ходе работ на пойменном участке гнёздовского поселения (раскоп П-8). Ненарушенные поздними перекопами слои дают чёткую стратиграфическую картину, а обработка материала, главным образом бус, позволили предложить относительно узкие датировки как для отдельных комплексов, так и для отдельных слоев. Первые фрагменты гончарной посуды появляются на II этапе существования исследованного участка, который можно датировать в пределах 930–950 годов, а с середины X века гончарная керамика

уже преобладает (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 71). Таким образом, материалы раскопа П-8 позволяют датировать появление гончарного круга концом 20-х – началом 30-х годов X века, возвращая нас к датировке, предложенной Е.В. Каменецкой.

В то же время нельзя автоматически датировать все погребальные комплексы с исключительно лепной керамикой временем ранее второй четверти X в. Например, курган Л-13/1949, в составе инвентаря которого присутствовали только лепные сосуды (за исключением импортной круговой керамики), датируется не ранее второй четверти – середины X в. (Нефёдов, 2001а. С. 65). Т.е. наличие в погребальном комплексе только лепной керамики указывает лишь на наиболее вероятную датировку этого комплекса первой половиной X в.

Е.В. Каменецкая для некоторых групп гнёздовской круговой керамики предложила относительно узкие датировки: раннегончарные бочонковидные сосуды – 30–50-е годы X в., сосуды с валиками – середина 50-х–70-е годы X в., «охристые» сосуды – «наиболее поздняя группа сосудов, но пока её можно датировать лишь второй половиной X в.» (Каменецкая, 2014. С. 141–144).

Говоря о датирующих возможностях керамики, стоит привести мнение В.М. Горюновой о появлении клейм на сосудах раннегородских центров Северной Руси только в последней четверти X в. (Горюнова, Малышева, 2014. С. 103). Е.В. Каменецкая датировала сосуды с клеймами Заольшанской курганной группы серединой – второй половиной X века, что подвергла сомнению В.М. Горюнова, указав на некоторые морфологические особенности этих сосудов, и предложив датировать их временем не ранее последней четверти X – рубежа X–XI веков (Каменецкая, 1991. С. 157, 159; Горюнова, Малышева, 2014. С. 104).

Еще одной своеобразной реперной точкой гнёздовской хронологии можно считать появление вещей, своим происхождением связанных с территорией Среднего Поднепровья – пиррофилитовых пряслиц, ременных

украшений «черниговской» производственной школы, среднеднепровской керамики. По материалам раскопа П-8 эти вещи появляются в комплексах, отложившихся после горизонта «нивелировки», датирующегося 950-ми годами. Также с «киевским влиянием» связывают и распространение в Гнёздово обряда погребения в деревянных камерах (Нефедов, 2012. С. 289). В.В. Мурашева предполагает, что все эти явления позволяют говорить «об установлении прямой зависимости Гнёздова от центральной киевской власти в эпоху начала княжения Святослава, возможно, это связано с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой» (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 70).

Таким образом, при датировании гнёздовских комплексов (поселенческих и погребальных) хронологическими индикаторами могут выступать лепная и гончарная керамика (включая среднеднепровскую)¹⁴³, «черниговские» ременные украшения и пиррофилитовые пряслица. Также нет никаких оснований датировать камерные погребальные сооружения временем ранее середины X века. Тем более дендрохронологические анализы спилов, сделанных со столбов, являвшихся частью конструкции погребальной камеры в курганах Ц-306/1982 и Дн-4/1984, показывают, что деревья для них были срублены в 60-х – начале 70-х годов X века (Карпухин, 2001. С. 206).

Важным для понимания гнёздовской хронологии кажется обращение к материалам восточноевропейских памятников, имеющим чётко стратифицированные и хронологически локализуемые горизонты. Наиболее перспективной является Старая Ладога, хорошо сохранившийся культурный слой которой датируется серединой VIII – концом X века. Для памятника на основе данных дендроанализа разработана дробная стратиграфическая шкала, позволяющая в том числе проследить динамику бытования различных категорий вещей. К сожалению, работы, в которых в полной мере разбирались

¹⁴³ Наличие в комплексе только лепной керамики может свидетельствовать в пользу его датировке временем не позже первой четверти X века. Присутствие гончарной керамики дает возможность датировать комплекс не ранее X века, если гончарная керамика относится к среднеднепровской группе – не ранее середины X века.

те или иные категории старолadoжских вещей, почти отсутствуют. Исключение составляют лишь односторонние гребни (О.И. Давидан), каменные бусы (Е.А. Рябинин), стеклянные бусы (З.А. Львова). Перенос старолadoжских датировок этих категорий предметов на материалы Гнёздова кажется нам вполне оправданным, учитывая то обстоятельство, что памятники относятся к одному «культурно историческому пласту»¹⁴⁴.

Для определения хронологии некоторых комплексов нами учтены находки односторонних гребней группы II, появление которых на основании стратифицированных материалов Старой Лadoги связывают с горизонтом Д (920–950 гг.) (Давидан, 1962. С. 100–101). Также приняты во внимание датировки скандинавских (или поступавших при посредстве скандинавов) вещей – предметов вооружения и украшений.

Датирующий потенциал монет кажется недостаточным, так как отсутствует какая-либо четкая закономерность в продолжительности периода между чеканкой монеты и ее депозицией. Монеты могут быть использованы только для определения *terminus post quem* комплекса.

Для погребения Дн-4/1984, в инвентаре которого присутствовали предметы вооружения, были получены дендродаты, которые позволили заключить, что рубка деревьев, использованных при сооружении камеры, производилась в 60-х – начале 70-х годов X века (Карпухин, 2001. С. 206).

Ограниченные возможности внутренней хронологии Гнёздова позволяют высказать только общие предварительные наблюдения, сделанные при изучении некоторых погребений с мечами, которые, благодаря значительному количеству инвентаря, дают больше возможностей для датирования и в наибольшей степени отражают основные тенденции изменений в материальной культуре.

¹⁴⁴ Тем более поступление большинства односторонних гребней из Северной Европы (в широком смысле) вряд ли может вызывать сомнение. Находки полуфабрикатов и отходов производства свидетельствуют также о местном производстве гребней, копирующих североевропейские аналоги. По мнению Ю.Л. Щаповой и Ю.А. Лихтера также с Севера в Гнёздово поступали стеклянные бусы (Лихтер, Щапова 1991. С. 254).

Наиболее чётко разделяются погребальные комплексы, относящиеся ко второй четверти и второй половине X в.

Второй четвертью – серединой X века датируются пять погребений – Ц-15/Кусц-1874, Л-13/1949, Л-35/1949, Ц-2/1950, Лб-1/1987. Все они совершены по обряду трупосожжения и перекрыты насыпями средних и больших размеров. Курган Ц-2/1950 является самым крупным и, возможно, самым ранним среди Больших курганов Гнёздова. Мечи во всех погребениях подверглись «особым» обрядовым действиям – втыкание в грунт, сгиб/слом клинка, помещение в яму. Представлены мечи типов D (Ц-2/1950), E (Л-13/1949, Ц-15/Кусц-1874) или H (Л-35/1949, Лб-1/1987), которые на территории Древней Руси были распространены и в первой половине X в. Меч в указанных погребениях – единственное оружие (Л-13/1949, Л-35/1949, Ц-2/1950), иногда сопровождается наконечником копья (Ц-15/Кусц-1874, Лб-1/1987) и наконечником стрелы (Лб-1/1987). Во всех погребениях отсутствует ременная гарнитура «восточного» облика. В курганах Ц-2/1950 и Л-35/1949 обнаружены элементы конской узды, украшенные в скандинавской орнаментике.

Хронологическая локализация большинства упомянутых погребальных комплексов была рассмотрена в ряде статей (Пушкина, 1993б; Кирпичников, Каинов, 2001; Нефёдов, 2001).

К датировке двух комплексов – Лб-1/1987 и Ц-2/1950, ранее отнесённых к середине X века, необходимо обратиться еще раз. Указанную датировку определяла нижняя граница бытования скандинавских овальных фибул типа 52 (по типологии Я. Петерсена), хотя для кургана Лб-1 отмечалось «явное тяготение к относительно ранней дате остальной части инвентаря» (Пушкина, 1993. С. 114). Радиоуглеродный анализ образцов из женского погребения в Ketilsstaðir (Исландия), где была найдена пара овальных фибул J.P. 52, позволяет поставить вопрос о появлении этого типа фибул, по крайней мере, на рубеже первой и второй четвертей X века (Smith, 2015), что, в свою очередь, ведёт к возможности пересмотра датировки двух гнёздовских комплексов.

Для погребения в кургане Лб-1/1987 более ранняя хронология фибул J.P. 52 означает возможность, учитывая находку гребня группы II (по типологии О.И. Давидан), отнести сооружение кургана ко второй четверти X века.

Керамический набор в кургане Ц-2/1950 включает лепной горшок и раннекруговой сосуд бочонковидной формы. По мнению Е.В. Каменецкой, бочонковидные сосуды являются одними из первых круговых сосудов на памятнике и датируются 930–950-ми годами (Каменецкая, 2014. С. 143). Ранее, с учетом точки зрения Ю.Э. Жарнова о появлении круговой керамики в Гнёздове только в середине X века, а также на основании находки в этом погребении овальной фибулы типа J.P. 52 этот курган был нами датирован серединой X в. (Кирпичников, Каинов, 2001. С. 68–70). Возврат к точке зрения Е.В. Каменецкой о появлении круговой керамики в 20–30-х годах X века и более ранняя датировка овальных фибул типа J.P. 52 позволяют предложить датировку кургана Ц-2/1950 в рамках второй четверти X века.

Для указанной группы погребений характерны предметы вооружения скандинавского происхождения или поступившие при посредстве скандинавов¹⁴⁵ – мечи типов D, E, H, наконечник копья типа E (по J.P.). Обряд вонзания клинкового оружия или его порчи посредством слома или сгибания также имеет скандинавские параллели (Каинов, 2017. С. 136–137).

Датирующие возможности гнёздовского материала позволяют отнести к раннему блоку (кроме указанных выше пяти погребений с мечами) только комплексы Л-5/1949¹⁴⁶, Л-33/1949 и Ц-28/Серг-1899. Причем последнее погребение, скорее всего, датируется серединой X века, так как найденный там лепной сосуд принадлежит к типу AVI – наиболее позднему типу лепной керамики по типологии Е.В. Каменецкой, относящемуся к периоду сосуществования лепной и круговой керамики (Каменецкая, 1977. С. 103; Жарнов, 1992. С. 199). Во всех погребениях предметы вооружения

¹⁴⁵ Исключение составляет наконечник копья-пики из кургана Лб-1/1987, который можно отнести к типу V (по А.Н.К.) (Кирпичников, 1966б. С. 15–16).

¹⁴⁶ В кургане Л-5/1949 найдена только лепная керамика, в кургане Л-33/1949 – раннегончарный бочонковидный сосуд, датирующийся Е.В. Каменецкой 930–950 гг.

представлены наконечниками стрел, в погребении кургана Л-5/1949 – в сочетании с наконечником черешкового метательного копья. Керамика из раскопок В.И. Сизова, за редким исключением, не сохранилась, имеющиеся в фондах Исторического музея сосуды депаспортизованы. Если опираться на дневниковые записи, то можно выделить еще два погребения, содержавшие предметы вооружения, где, вероятно, была найдена лепная посуда – Ц-18/Сиз-1882 (два горшка «грубой работы»), Ц-21/Сиз-1882 («горшок грубой работы») (Ширинский, 1999. С. 103–104). Но состав погребального инвентаря в кургане Ц-18/Сиз-1882 не позволяет датировать его ранее середины X века, а на кострище кургана Ц-21/Сиз-1882 были найдены только фрагменты горшка и обломок наконечника стрелы, что недостаточно для узкой хронологической локализации.

Почти все наконечники стрел и наконечник сулицы из указанных четырёх погребений не связаны с североевропейским влиянием и попали в комплекс вооружения Гнёздова вследствие какого-то «южного импульса», возможно, вместе с появлением славян-роменцев (Пушкина, 2015. С. 128). На роменских памятниках присутствуют ромбовидные наконечники стрел, в том числе типов, найденных в упомянутых выше курганах (Григорьев, 2000. С. 143. Рис. 48). Нельзя исключать, что появление подобных наконечников стрел было следствием военных или торговых отношений, а маршрутом, по которому они осуществлялись, был «Путь из варяг в греки», функционирование которого в первой половине X века подтверждается археологическим материалом (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 76).

Второй хронологический блок погребений с мечами датируется в целом второй половиной X века. Внутри этого блока можно выделить две группы погребений, различающиеся главным образом обрядом погребения.

В первую группу входят два погребальных комплекса – Дн-86/Серг-1901 и Ц-41/Сиз-1885. Оба погребения совершены по обряду трупосожжения и относятся к группе Больших курганов. Меч, боевой нож и наконечник копья из

погребения Дн-86/Серг-1901 воткнуты в кострище. Оружие в кургане Ц-41/Сиз-1885 после прогорания погребального костра сгруппировано на отдельной площадке, над которой сооружена первичная насыпь.

Мечи представлены типом V (по J.P.) и не являются единственным оружием в погребении. В обоих комплексах оно представлено в комбинации: меч, боевой нож, наконечник(и) копья и стрелы, щит, шлем, в погребении кургана – Дн-86/Серг-1901 с добавлением кольчуги.

Среди предметов вооружения из этих погребений присутствует оружие, появление которого на древнерусской территории связывается как со скандинавами – мечи, щиты, наконечники копий типов E и F (по J.P.), ланцетовидный наконечник стрелы, так и с этнически пока анонимным «восточным» влиянием – шлем из кургана Ц-41/Сиз-1885, возможно, наконечник копья из Дн-86/Серг-1901. В кургане Дн-86/Серг-1901 найден шлем, аналогии которому происходят с территории Великой Моравии (Hejđová, 1964. P. 49–51).

В обоих погребениях присутствуют детали конской узды, орнаментированные в стиле Борре¹⁴⁷. Кроме них, в составе уздечных наборов, а возможно, в качестве украшений пояса, были ременные накладки «восточного» происхождения, а также так называемой черниговской школы. Ременная гарнитура, украшенная в стиле Борре¹⁴⁸, с нашей точки зрения, позволяет осторожно ограничить датировку погребений в курганах Ц-41/Сиз-1885 и Дн-86/Серг-1901 рамками третьей четверти X века.¹⁴⁹ При этом большинство остальных трупосожжений, в которых присутствовали предметы вооружения, нельзя датировать более узко, чем вторая половина X века (возможно, без

¹⁴⁷ Учитывая, что элементы подобной узды найдены в курганах Ц-2/1950, Ц-74/Серг-1900 и Оль-24/Абр-1905, относящихся к Большим курганам и возведенных над погребениями представителей древнерусской элиты, можно предположить, что конская узда, украшенная в скандинавском стиле, была одним из маркеров высокого социального положения.

¹⁴⁸ Несомненно, предметы, орнаментированные в стиле Борре, продолжают существовать и позже, но в погребениях социальной элиты в последней четверти X века присутствуют изделия, выполненные в иных орнаментальных стилях.

¹⁴⁹ В.С. Нефёдов считает, что Большие курганы Гнёздова перестают насыпаться после разгрома Гнёздова в первой половине 960-х годов. (Нефёдов, 2012. С. 289).

последнего десятилетия). Стоит отметить два погребения с целым и фрагментированным мечами (Дн-88/Серг-1901 и Дн-55/Серг-1899), примечательные как самой находкой меча в сравнительно малоинвентарных погребениях, так и малым диаметром курганных насыпей – 8,5–9,5 м.

Вторая группа второго хронологического блока представлена одним профессионально раскопанным погребением – Дн-4/1984, а также двумя разрушенными погребальными комплексами – «14 июля 1899 года/Ц» и «октября 1898 года/Ц». Все погребения совершены по обряду трупоположения в деревянной камере. Мечи, представленные типами V и H (по J.P.), ни в одном из случаев не подвергнуты «особым» обрядовым действиям. Мечи в трёх захоронениях, даже разрушенных, – не единственные предметы вооружения, а представлены в сочетаниях:

- меч, топор, наконечник копья, наконечники стрел (Дн-4/1984);
- меч, наконечник копья, наконечники стрел, щит («комплекс 14 июля 1899 года/Ц»);
- меч, наконечник копья, щит («комплекс октября 1898 года/Ц»).

В отличие от погребений первой группы, в указанных найдены предметы снаряжения всадника и верхового коня (помимо украшенной узды) – удила и стремяна. Их происхождение можно связать с кочевническими культурами. В двух комплексах погребённого сопровождал конь (Дн-4/1984, «комплекс 14 июля 1899 года/Ц»). Среди погребального инвентаря есть вещи, орнаментированные в скандинавских стилях¹⁵⁰. В «комплексе октября 1898 года/Ц» выявлен обрывок уздечного ремня, украшенного бляхами «черниговской школы». В двух погребениях найдены кресты – Дн-4/1984 и «комплекс 14 июля 1899 года/Ц».

Конь сопровождал погребённого в пяти гнёздовских камерных погребениях с предметами вооружения, причем в двух (Ц-191/1976, Ц-

¹⁵⁰ Кроме подвески, сделанной из обломка гривны (?) более раннего времени в «комплексе 14 июля 1899 г.» (Спицын, 1905. С. 55. Рис. 14). В целом в гнёздовских мужских камерных погребениях орнаментированные в скандинавских стилях вещи встречаются редко.

255/1978) конь лежал сбоку от хозяина, ещё в двух (Дн-4/1984 и ПОль-11/1979) – в ногах погребённого¹⁵¹. Положение коня в «комплексе 14 июля 1899 г./Ц» неизвестно. Во всех погребениях, кроме ПОль-11/1979, вместе с конем находилось снаряжение верхового коня – удила и стремяна¹⁵². По мнению К.А. Михайлова, особенности расположения коня в древнерусских камерных погребениях «имеют близкие скандинавские параллели», в том числе и размещение лошади сбоку от погребённого (Михайлов, 2016б. С. 63–64). В.Я. Петрухин видел в последнем кочевническое влияние (Петрухин, 1995. С. 100).

Погребения по обряду труположения в камере можно датировать в целом второй половиной X века, а если принимать реконструкцию истории Гнёздова, предложенную В.С. Нефёдовым, – второй половиной 960-х – 990-ми годами (Нефёдов, 2012. С. 289). Более узко на основании дендрохронологического анализа датирован курган Дн-4/1984 – середина 60-х–70-е годы X в. (Карпучин, 2001. С. 206). В камерном погребении под курганом Дн-50/1991 находилось 13 мелких обрезков дирхамов. Младший из трёх определимых дирхамов чеканен в 964 году (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16006. С. 3, 31).

Для погребений с предметами вооружения, совершенных по обряду труположения в обычной яме, учитывая находение в некоторых из них топоров типов III, IV и VI (по А.Н.К.), можно предполагать в целом более позднюю датировку – в рамках последних десятилетий X – начала XI (?) века.

¹⁵¹ Кроме упомянутых пяти ингумационных погребений еще только в одном (Оль-30/Авд-1975(1988)) были найдены останки лошади (причём сразу двух). В это погребение оружие положено не было.

В кремациях лошадиные кости обнаружены в 24 трупосожжениях (из выборки в 54) (Жарнов, 1991б. С. 82–87; Жарнов, 1992. С. 228–229. Табл. 14). Только в 8 из них были обнаружены предметы вооружения (Л-113/1970, Ц-99/1970, Ц-106/1973, Ц-250/1978, Ц-251/1978, Ц-253/1978, Ц-265/1978, Ц-266/1978). Причем, как правило, это было метательное оружие или одиночные оковки щита. Только в одном погребении (Ц-251/1978) вместе с луком и колчаном были найдены ножны боевого ножа. Выскажем предположение, что в ингумационных погребениях конь служил для демонстрации высокого социального положения и определенных боевых навыков, а в кремационных погребениях рассматривался как средство транспортировки в «мир мёртвых».

¹⁵² В погребении ПОль-11/1979 наличие коня было предположено на основании пятна коричневого тлена. Ни костей, ни зубов найдено не было (Архив ИА РАН. Р-1. № 8708. С. 4).

III.2. Предметы вооружения в погребениях Гнёздова

III.2.1 Количественная оценка погребений с предметами вооружения.

Оценка количества насыпей, изученных в ходе археологических работ в Гнёздовском могильнике, в последних исследованиях колеблется от 1 200 до 1 300 курганов (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 35; Пушкина и др., 2012. С. 245). Эти цифры представляют собой приблизительную суммарную оценку числа курганов, раскопанных археологами, начиная с 1874 года. Реальное количество исследованных комплексов менее указанных цифр. Некоторые курганы раскопаны дважды – сначала «колодцем» или траншеей, затем, в более позднее время, другими исследователями, «на снос». При вычислении общего количества исследованных насыпей такие курганы могут быть учтены дважды (Пушкина и др., 2012. С. 245). Еще при работах С.И. Сергеева в 1898–1901 гг. среди изученных насыпей были отмечены курганы, «раскопанные ранее», – №№ 3, 20, 25, 29–31, 35, 37–41, 57, 66, 71, 72 (Спицын, 1905. С. 35, 37, 38, 42, 45, 46). Некоторое количество курганов со следами прежних раскопок было доисследовано экспедицией Московского Государственного университета в 1950-х и 1960-х гг. (например, Ц-11, 13, 15, 16, 19, 23, 29/Авд-1960) (Авдусин, 1970. С. 245–251, 254–259).

Ряд насыпей, раскопанных Д.А. Авдусиным и получивших порядковую нумерацию, не являются погребальными – Ц-33, Ц-44, Ц-81, Ц-115, Ц-179, Ц-188, Ц-200, Оль-2 (Жарнов, 1991а. С. 224–225).

Учитывая высокую степень археологической исследованности памятника и невозможность определения точного количества раскопанных в Гнёздове насыпей, важно сформировать достоверную выборку погребальных комплексов, позволяющую избежать учета насыпей, изученных дважды. Впервые вопрос о формировании такой выборки был поставлен Ю.Э. Жарновым. В качестве критерия ее формирования выступает следующее условие: «исследование курганной насыпи на снос или возможность

локализации каждого раскопанного кургана на топографическом плане гнёздовского некрополя» (Там же, с. 201–202). Всего по подсчетам Ю.Э. Жарнова этому критерию соответствуют 769 насыпей (788 комплексов¹⁵³), раскопанных в некрополе к 1989 году (Там же, с. 201–202). В эту выборку вошли неповрежденные погребения, поврежденные погребения¹⁵⁴, курганы с возможными труположениями, поврежденные курганы без остатков погребения и «пустые» неповрежденные курганы.

Ю.Э. Жарнов также использовал понятие «наиболее достоверная выборка погребений», в которую включены только 345 неповрежденных погребальных комплексов (Жарнов, 1991а. С. 201; Жарнов, 1992. С. 167)¹⁵⁵. Именно такая выборка, позволяющая быть уверенным в целостности набора погребального инвентаря, должна использоваться при определении доли погребений с оружием от общего количества исследованных погребений¹⁵⁶.

В наиболее достоверную выборку, по Ю.Э. Жарнову, входят 138 погребений в Центральной курганной группе, 92 – в Лесной¹⁵⁷, 38 – в Ольшанской и Днепровской, 76 – Правобережной Ольшанской, 1 – в «1-й Днепровской»¹⁵⁸. Из 345 комплексов этой выборки предметы вооружения найдены в 65, что составляет около 18,8% от общего количества исследованных

¹⁵³ При наличии двух кострищ или двух труположений, расположенных под одной курганной насыпью, Ю.Э. Жарновым выделялись два погребальных комплекса (например, в кургане Ц-2/1950 обнаружено два кострища, у Ю.Э. Жарнова обозначенных как Ц-2/І и Ц-2/ІІ).

Стоит также отметить, что для курганов с остатками трупосожжений количество «погребальных комплексов» не тождественно количеству погребённых людей, так как в таких комплексах присутствуют и парные погребения. Например, из двадцати пяти курганов Правобережной Ольшанской группы, кальцинированные кости из которых были изучены Е.Г. Андреевой, четыре насыпи содержали парные погребения взрослого и ребенка или подростка (Каменецкая, 1991. С. 130).

¹⁵⁴ В том числе и комплексы вещей, найденные при случайных обстоятельствах и атрибутируемые как инвентарь разрушенных погребений по обряду труположения.

¹⁵⁵ Ю.Э. Жарнов учитывает 346 неповрежденных комплексов, включая в них погребение Ц-2/ІІ. Но в опубликованном дневнике раскопок указано, что яма, в которой находился меч, наполовину уничтожена осыпью (Авдусин, 1957. С. 163), поэтому это погребение не включено в используемую выборку.

¹⁵⁶ Ю.Э. Жарнов использовал наиболее достоверную выборку при количественной оценке женских скандинавских погребений в Гнёздове (Жарнов, 1992).

¹⁵⁷ Ю.Э. Жарнов, следуя устоявшейся традиции, не разделял Лесную и Глущенковскую курганные группы. В «наиболее достоверную выборку» входят 83 кургана Лесной и 9 курганов Глущенковской групп. В настоящей статье эти две группы также рассматриваются вместе.

¹⁵⁸ Курган при раскопках получил в отчёте порядковый номер Ц-102, но, в виду того, что этот курган относится не к Центральной группе, а к Днепровской, он будет обозначен как к. 102(Дн)/1970 и будет учитываться вместе с курганами Днепровской курганной группы.

насыпей, вошедших в выборку¹⁵⁹. Распределение этих комплексов по курганным группам неравномерно: в Центральной группе – 28 комплексов (20,3%), Лесная группа – 17 погребений (18,5%), Ольшанская и Днепровская группы – 10 погребений (26,3%), Правобережная Ольшанская – 10 погребений (13,2%).

Всего же за период с 1874 по 2012 год в Гнёздовском некрополе при археологических раскопках на разном методическом уровне было исследовано не менее *116 погребений*, в составе погребального инвентаря которых присутствуют предметы наступательного и защитного вооружения (Приложение). В это число не входят курганы, где предметы вооружения:

– не связаны непосредственно с погребением, а найдены или в заполнении ровика (Ц-114/1975, Ц-331/1984), или в насыпи (Дн-54/2012)¹⁶⁰;

– представлены небольшими фрагментами кольчужного плетения (Ц-17/Сиз-1882, ?-15/Сиз-1898, Ц-53/Серг-1899, Ц-3/Рад-1942, Л-29/1949, Л-63/1950, Ц-4/1950, Л(Гл)-112/1968¹⁶¹). Большинство из них найдено в женских погребениях¹⁶² и, по нашему мнению, представляли собой амулеты¹⁶³, в сознании людей прошлого наделенных защитной магией. Возможно, с магическими представлениями связаны и два кольчужных кольца, надетые на браслет (Ц-15/Кусц-1874).

– найдены в кургане, где при наличии кострищного слоя, отсутствуют остатки погребения – Л-56/1950 (топор)¹⁶⁴, Дн-«102»/1970 и Л-140/1983

¹⁵⁹ Если учитывать мнение Ю.Э. Жарнова, считавшего большинство так называемых пустых курганов несохранившимися или не раскопанными/не прослеженными труположениями в могильной яме или на горизонте, то процент погребений с оружием при исследовании части этих комплексов (не вошедших в «наиболее достоверную выборку») может увеличиться (Там же, с. 125).

¹⁶⁰ При раскопках курганов Ц-114/1975 и Дн-54/2012 найдены наконечники стрел, в кургане Ц-331/1984 – обломок верхней части пера наконечника копья.

¹⁶¹ В этом кургане небольшой обрывок кольчужного плетения найден в яме перекопа, нарушившей кострище.

¹⁶² В кургане Ц-17/Сиз-1882 кольчужные кольца спеклись с сильно оплавленными фрагментами бус, что дает основание предположить, что фрагменты кольчужного плетения могли носиться в составе ожерелий.

¹⁶³ Амулеты в виде цепочек из кольчужных колец или кусочков кольчужного полотна могли быть фрагментами кольчатых доспехов или же изготавливались изначально в качестве амулетов. Во втором случае кольчужные кольца отличаются плохим качеством изготовления и небольшими размерами.

¹⁶⁴ На топоре из этого кургана сохранились минерализованные фрагменты ткани, позволяющие считать, что топор был положен на кострище уже после его остывания. В то же время Ю.Э. Жарнов на основании сохранившейся на топоре ткани предполагал, что курган содержал погребение по обряду труположения (Жарнов, 1991а. С. 224).

(наконечники стрел). По подсчетам Ю.Э. Жарнова, среди 788 исследованных к 1989 году комплексов в 111 не выявлены остатки погребений, причем насыпи к моменту раскопок не были повреждены. По мнению исследователя, наиболее вероятно интерпретация данных комплексов как не выявленных трупоположений (как в погребальных ямах, так и на горизонте) или меморативных насыпей (кенотафов) (Жарнов, 1992 С. 124)¹⁶⁵.

Кроме комплексов, изученных в ходе археологических работ, предметы вооружения происходят из погребений, разрушенных при строительных работах – «комплекс октября 1898 года/Ц» (меч, копьё, щит), «комплекс 14 июля 1899 года/Ц» (меч, копьё, наконечники стрел, щит), «комплекс 12 июня 1900 года/Ц» (топор) и др. (Булкин, 1982. С. 140; Пушкина, 1998. С. 373). В ряде случаев нет уверенности как в полноте комплекса, так и в самом факте происхождения вещей из одного комплекса, и в общую сводку погребений с предметами вооружения они не включены, хотя некоторая информация об этих комплексах учтена при написании работы.

III.2.2 Топография, погребальный обряд, половозрастная дифференциация погребённых. Размеры курганных насыпей

В своей работе Ю.Э. Жарнов, оценивая расположение комплексов с оружием в Гнёздовском могильнике, отмечал, что они «рассеяны по всей территории огромного могильника, не образуя скоплений» (Жарнов, 1992. С. 154). Это положение хорошо иллюстрирует размещение курганов с предметами вооружения в наиболее полно исследованной Правобережной Ольшанской группе¹⁶⁶. Здесь из 87 раскопанных курганов оружие найдено в 10, равномерно распределённых внутри группы (рис. 77).

¹⁶⁵ Также показательна выявленная Ю.Э. Жарновым зависимость количества «пустых» курганов от времени раскопки курганов и, соответственно, методического уровня исследований – чем раньше исследовались курганы, тем больше в них процент «пустых» (Жарнов, 1992. С. 124–125).

¹⁶⁶ В статье Е.В. Каменецкой указано, что группа исследована полностью – из 88 курганов раскопано 87, один курган остался неисследованным из-за растущего на нем дерева (Каменецкая, 1991. С. 125). Однако стоит отметить, что обследовавший эту группу в 1923 г. А.Н. Лявданский отметил 100 насыпей в группе, Е.А. Шмидт в 1951 г. – 113 насыпей (Лявданский, 2002. С. 204; Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №569. С. 14).

Среди погребений с предметами вооружения подавляющее большинство совершено по обряду трупосожжения – 94 (65)¹⁶⁷ комплекса. Еще 21 (19) комплекс содержал трупоположения, причем в 13 (11) погребённые находились в деревянных камерах, 8 (8) – в простых могильных ямах. Обряд погребения в еще одном кургане, исследованном в 1911 г. В.А. Городцовым, неизвестен, но наиболее вероятно, что это было трупосожжение.

Стоит отметить неравномерное распределение погребений с предметами вооружения, совершенных по разным обрядам в разных курганных группах:

Курганная группа	Погребальный обряд		
	ТС	ТПк	ТПя
Лесная	29 (13)	2 (2)	2 (2)
Центральная	44 (22)	6 (5)	2 (2)
Днепровская	11 (7)	2 (1)	-
Правобережная	3 (3)	3 (3)	4 (4)
Ольшанская			
Ольшанская	2 (2)	-	-
Левобережная	1	-	-
?	4	-	-
Всего	94 (46)	13 (11)	8 (8)

ТС – погребение по обряду трупосожжения, ТПя – погребение по обряду трупоположения в простой могильной яме, ТПк – погребение по обряду трупоположения в деревянной камере

В трёх группах (Лесной, Центральной и Днепровской) погребения с предметами вооружения в основном совершены по обряду трупосожжения, а в Правобережной Ольшанской группе, наоборот, трупоположений с оружием вдвое больше. В трупосожжениях здесь представлены только наконечники

¹⁶⁷ В скобках (здесь и далее. – С.К.) указано количество предметов вооружения в погребениях, раскопанных до 1989 г. и вошедших в «наиболее достоверную выборку».

стрел по одному экземпляру. Одно из возможных объяснений данному факту – более поздняя датировка этой курганной группы¹⁶⁸.

Все одиночные погребения с предметами вооружения, насколько можно судить по погребальному инвентарю, принадлежали мужчинам. Ю.Э. Жарнов на основании набора погребального инвентаря определил в качестве парных 24 комплекса с погребениями по обряду трупосожжения. К мужскому инвентарю были отнесены ременные украшения, оружие, кресала, кольцевидные и дугообразные фибулы, набор из не менее чем 4–5 пуговиц, предметы для игры, к женскому – различные украшения, женские фибулы, игольники, пружинные ножницы. Среди 24 комплексов 17 содержали предметы вооружения. Один парный комплекс с предметами вооружения (Ц-335/1992) не вошел в выборку Ю.Э. Жарнова, так как был раскопан после публикации его работы. Еще 12 комплексов, содержащих трупосожжения взрослого и ребенка, были выделены на основании анализа кальцинированных костей, выполненного Е.Г. Андреевой. Из 12 только в 3 находились предметы вооружения. В двух трупосожжениях, среди погребального инвентаря которых были найдены наконечники стрел, по определению Е.Г. Андреевой, предположительно погребены дети¹⁶⁹ (Каменецкая, 1991. С. 165–166).

Разрушенный комплекс «14 июля 1899 года/Ц», в составе инвентаря которого найдены предметы вооружения, по мнению Ю.Э. Жарнова, содержал погребения мужчины и женщины, совершенные по обряду трупоположения в деревянной камере (Жарнов, 1991а. С. 208). В кургане ПОль-62/1980 в

¹⁶⁸ Значительная диспропорция погребений по обряду трупосожжения и трупоположения в Центральной и Лесной группах отчасти объясняется и тем, что именно в этих группах много так называемых курганов с возможными трупоположениями (Центральная – 39, Лесная – 25). Часть из них действительно является трупоположениями, что было продемонстрировано при исследовании в 1990 г. нескольких раскопанных ранее курганов (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16006. С. 2). Одно из этих погребений (курган Ц-160) содержало предметы вооружения. Тем не менее, возможная корректировка может изменить соотношение, но не преобладание в этих группах погребений по обряду трупосожжения над трупоположениями.

¹⁶⁹ Кальцинированные кости, происходящие из раскопок Гнёздовского могильника, исследовались Е.Г. Андреевой. Был проанализирован костный материал из 42 погребений Центральной группы и 4 погребений Ольшанской группы (Андреева, 1980. С. 57–58). Краткая информация о половозрастной принадлежности 25 погребений Правобережной Ольшанской группы (раскопки 1978–1979 гг.) опубликована в статье Е.В. Каменецкой (Каменецкая, 1991. С. 130).

деревянной камере, возможно, находились погребения двух мужчин (Жарнов, 1998. С. 98).

Определение и сравнение размерных характеристик курганных насыпей Гнёздовского некрополя вызывает трудности, связанные как с разными методиками измерения высоты и диаметра курганный насыпи, так и вообще с наличием метрических данных о курганах. Сохранились информация о высоте 96 курганов, хотя использовать её для сравнительных характеристик сложно в виду того, что высота курганов иногда измерялась из ровика, а в ряде случаев указана для разрушенных насыпей. Для сравнения более объективна информация о диаметре курганов, которая известна применительно к 89 насыпям (из 116). В зависимости от диаметра, курганы были распределены по четырем группам. В нижеследующей таблице представлено соотношение диаметра курганный насыпи с обрядом погребения.

Группа	Диаметр кургана, м	Количество курганов	Обряд погребения		
			ТС	ТПк	ТПя
I	≤ 10	51	35	9	7
II	≤ 15	20	15	4	1
III	≤ 20	3	3	–	–
IV	более 20	7	7	–	–

Трупосождения с предметами вооружения находились под насыпями всех четырёх групп. Все труположения с предметами вооружения – под насыпями с диаметром до 11 м, в том числе и погребения в деревянных камерах. Труположения в ямах (за одним исключением) совершены под насыпями диаметром не более 10 м.

III.2.3 Количественные оценки предметов вооружения в погребениях

Всего в 116 (65) погребениях Гнёздовского могильника найдено не менее 263 (159) целых и фрагментированных предметов, относящихся к наступательному и защитному вооружению и снаряжению:

Предметы вооружения	Количество ¹⁷⁰
Мечи	12 (6)
Ножны мечей	5 (3)
Боевые ножи	3 (2)
Ножны боевых ножей	9 (7)
Сабли	1 (1)
Ножны сабель	2 (2)
Копья	18 (13)
Топоры	26 (20)
Кистени	1 (1)
Луки	3 (2)
Стрелы	155 (84)
Колчаны	9 (5)
Налучья	1 (1)
Шлемы	2 (2)
Кольчуги	2 (2)
Щиты	14 (8)

Из разрушенных погребений происходят еще, по крайней мере, 7 мечей, 1 боевой нож, 5 наконечников копий, 10 топоров, 3 (?)¹⁷¹ колчана, не менее 6 наконечников стрел, 2 щита.

Учтённые предметы вооружения, найденные в некрополе, представлены следующими типами:

Предметы вооружения	Тип
Мечи	D, E, H, V, T, Y (по J.P.)
Наконечники копий	I, III, IV, V, VI (по А.Н.К.)
Топоры	I, II, III, IV, VI (по А.Н.К.)
Кистени	II (по А.Н.К.)

¹⁷⁰ Находка детали (фрагмента) учитывается как находка целого предмета

¹⁷¹ Не исключено, что детали могли относиться к одному колчану.

Луки	«венгерский» тип (по типологии Савина-Семёнова)
Наконечники стрел	2, 4, 14, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 60/2, 75, 77, 79, 82 (по А.Ф.М.)
Шлемы	I, II (по А.Н.К.)
Умбоны щитов	I (по А.Н.К.)

Сравнение количества погребений, содержащих разные виды вооружения и совершенных по разным обрядам, представлено в следующей таблице:

Предмет вооружения	Обряд погребения/количество погребений		
	ТС 94 (65)	ТПк 13 (11)	ТПя 8 (8)
Меч	11	1	-
Ножны меча	5	-	-
Сабля	1	-	-
Ножны сабли	2	-	-
Боевой нож	2	1	-
Ножны боевого ножа ¹⁷²	11		
Копье	7	6	3
Топор	7	12	6
Кистень	-	1	-
Метательное вооружение и снаряжение	67	5	2
Шлем	2	-	-
Кольчуга	2	-	-
Щит	13	-	-

¹⁷² Учитываются только отдельные находки ножен.

Значительное количественное преобладание кремаций над ингумациями не дает возможности корректного сравнения и позволяет отметить только очевидные различия. Древковое оружие более характерно для ингумаций, защитное вооружение (шлемы и кольчуги) найдены только в кремациях¹⁷³. В трупоположениях в простых могильных ямах, в отличие от камерных трупоположений, полностью отсутствует клинковое оружие и редко встречаются стрелы.

Подсчет количества видов вооружения в погребениях выявил следующую картину¹⁷⁴:

Количество видов	1	2	3	4	6	7
Количество погребений	85 (45)	21 (12)	7 (6) ¹⁷⁵	1 (1)	1 (0)	1 (1)

В качестве единственного вида вооружения в погребениях встречаются: метательное оружие и снаряжение – 52 (21) погребения, топоры – 16 (12), щиты – 8 (6), мечи – 6 (3), наконечники копий – 3 (3), боевой нож – 1 (0). Стоит отметить, что в погребениях по обряду трупоположения (6 – ТПя, 6 – ТПк) единственным оружием чаще всего выступает топор (10 погребений), в одном погребении – копьё, ещё в одном – стрела.

Для погребений, содержавших два вида вооружения, отмечены следующие комбинации:

Сочетание	Количество погребений
Меч + щит	1 (0)

¹⁷³ Щиты происходят из двух разрушенных трупоположений в деревянных камерах, еще один щит был найден в 2017 году также в ингумационном камерном погребении (в подсчёты не включён).

¹⁷⁴ При подсчете учитывались следующие условия: находка части предмета берётся в расчёт как целый предмет, находка детали ножен – как нахождение самого предмета, вкладываемого в ножны. Детали снаряжения лучника (фрагменты колчанов, подвесная скоба от налуча) не являются самостоятельным видом вооружения; одновременное нахождение в погребении наконечников стрел, деталей лука и/или снаряжения лучника учитывается как находка одного вида вооружения.

¹⁷⁵ Как уже отмечалось, в кургане Польш-62/1980 в деревянной камере предположительно находились погребения двух мужчин. Рядом с одним были найдены топор и наконечник копья, рядом с другим – более 8 лежащих вместе (в колчане?) наконечников стрел. Мы не можем исключить, что погребения двух мужчин были в курганах с трупосожжениями, содержавших два и более видов вооружения, поэтому комплекс кургана Польш-62/1980 учтён как одно погребение.

Меч + копьё	1 (0)
Меч + топор	1 (1)
Меч + метательное оружие	2 (1)
Меч + кольчуга	1 (1)
Сабля + метательное оружие	2 (2)
Боевой нож + копьё	1 (1)
Боевой нож + щит	1 (1)
Боевой нож + метательное оружие	5 (3)
Копьё + метательное оружие	1 (1)
Копьё + топор	1 (1)
топор + метательное оружие	2 (0)
Метательное оружие + щит	1 (0)

Как видно из таблицы, устойчивых сочетаний предметов вооружения нет, за исключением довольно странной комбинации боевого ножа (представленного деталями ножен) и метательного вооружения.

Для погребений, содержавших три вида вооружения, отмечены следующие сочетания:

Сочетание	Количество погребений
Меч + боевой нож + метательное оружие	1 (1)
Меч + копьё + метательное оружие	1 (0)
Копьё + топор + метательное оружие	4 (3)
Копьё + топор + кистень	1 (1)

Наиболее устойчивая комбинация – копьё, топор, метательное оружие – зафиксирована в четырёх погребениях по обряду труположения, причем три из них совершены в деревянных камерах.

В оставшихся трёх погребениях с большим набором предметов вооружения встречены следующие сочетания: меч, копьё, топор, метательное оружие (Дн-4/1984), шлем, щит, меч, боевой нож, наконечники копий,

метательное оружие (Ц-41/Сиз-1885), шлем, кольчуга, щит, меч, боевой нож, копьё, метательное оружие (Дн-86/Серг-1901).

В нижеследующей таблице приведено соотношение количества видов оружия с обрядом погребения и диаметром курганной насыпи:

Количество видов вооружения	Всего погребений ¹⁷⁶	ТС	Диаметр насыпи – количество погребений	ТПк	Диаметр насыпи – количество насыпей	ТПя	Диаметр насыпи – количество насыпей
1	45		I – 24; II – 7; IV – 2; ? – 1		I – 2; II – 2		I – 6; II – 1
2	12		II – 1		I – 1		I – 1
3	6		-		I – 3; II – 1		I – 1
5	1		-		II – 1		-
7	1		IV – 1				-

Из таблицы следует, что один и два вида вооружения встречаются в трупосождениях под насыпями всех размеров, в том числе и диаметром более 20 м. Полный набор защитного и наступательного вооружения найден только в одном погребении по обряду трупосождения в Большом кургане Дн-88/Серг-1901. Трупоположения в камерах сопровождаются наборами из одного–четырёх видов вооружения и перекрыты насыпями диаметром до 11 м. Трупоположения в простых ямах сопровождаются набором из 1–3 видов вооружения и, за одним исключением, перекрыты насыпями диаметром до 10 м.

Исключая наконечники стрел, виды вооружения представлены, как правило, одним экземпляром. В кургане Ц-41/Сиз-1885 найдены два щита и три наконечника копий.

Наконечники стрел найдены в 73 погребениях в разных количествах – от 1 до 8 экземпляров.

¹⁷⁶ Учтена информация только о погребениях, входящих в «наиболее достоверную выборку».

Количество стрел в погребении	Количество погребений
1	38 (17)
2	14 (5)
3	12 (8)
4	2 (0)
5	3 (2)
7	2 (1)
8	2 (2)

В 28 (11) погребениях единственный вид вооружения представлен только наконечником стрелы, еще в 5 (3) курганах наконечник стрелы найден в сопровождении снаряжения лучника. Большинство погребений с одиночными наконечниками стрел были перекрыты насыпями диаметром до 10 м, четыре – до 12,5 м.

III.2.4 Положение предметов вооружения в погребениях

При определении положения предметов вооружения в погребении можно говорить об «обычном» их расположении и об «особых» обрядовых действиях, совершённых с оружием в ходе погребального ритуала.

Под «обычным» положением понимается нахождение в погребении целого, не повреждённого преднамеренно предмета. Расположение предмета относительно погребённого можно зафиксировать только в погребениях, совершённых по обряду трупоположения (рис. 78, 79). «Особое» обращение предлагается видеть в порче (повреждении) предметов вооружения – сгиб, слом, пробоина (для умбона щита), а также в расположении предметов «необычным» способом – вонзание в землю, помещение в специально вырытую яму или в сосуд и т.п.

Наиболее полно проследить «особое» обращение можно только для предметов вооружения, целиком изготовленных из металла. Для древкового

вооружения – копья, топоры – и метательного вооружения зафиксировать слом древка или топорища крайне сложно из-за плохой сохранности органики в Гнёздовском некрополе. Об особенном обращении с вышеозначенными видами вооружения можно говорить только в случаях, когда отмечено нестандартное расположение металлической части оружия в погребении. Как правило, это втыкание наконечника копья или стрелы в какую-либо поверхность.

– Погребения с клинковым оружием

Клинковое оружие представлено в Гнёздовском некрополе мечами, боевыми ножами и саблями. Целые мечи найдены в 10 погребениях (из выборки в 116 погребений), в одном – фрагмент клинка, еще в одном – деталь навершия.

В пяти погребениях найдены только ножны меча, представленные наконечником ножен. Боевые ножи обнаружены в трёх погребениях, в двух случаях – вместе с мечом, в одном – отдельно. Ножны боевых ножей, без клинков, найдены в девяти погребениях. Еще в двух погребениях обнаружены детали сабель: в одном – фрагмент навершия и деталь подвеса ножен, в другом – наконечник ножен.

Почти все учтённые в выборке погребения с клинковым оружием и его деталями совершены по обряду трупосожжения. Исключение составляют два погребения по обряду трупоположения, раскопанные археологами, – Дн-4/1984 и ПОль-11/1979, и еще четыре, представляющие собой разрушенные ингумации.

«Обычным» положением клинкового оружия предлагается считать его горизонтальное помещение в погребение в целом виде. Такое положение оружия зафиксировано в двух трупосожжениях и одном трупоположении, раскопанных археологами, и предположительно в еще четырёх разрушенных трупоположениях. В погребении Дн-88/Серг-1901 меч был положен горизонтально в центре кострища рукоятью на северо-восток (Архив ИИМК.

АК. Ф-1. 1901. Л. 28). В погребении Ц-41/Сиз-1885 целый меч, боевой нож, три наконечника копья и шлем были сгруппированы и лежали горизонтально на специально подготовленной площадке, прикрытой сверху двумя щитами (Ширинский, 1999. С. 106). Одно погребение с «обычным» положением клинкового оружия относится к труположениям в деревянной камере – в кургане Дн-4/Авд-1984 меч лежал справа от погребённого, вдоль руки (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 9515, 9515а. С. 65). Данные о местоположении мечей в еще четырёх погребениях отсутствуют – это разрушенные при строительстве железной дороги два труположения в деревянных камерах – «комплекс 14 июля 1899 года/Ц» и «комплекс октября 1898 года/Ц», труположение, раскопанное пастухами в 1914 году (Клетнова, 1916. С. 39) и возможное труположение, разрушенное в 1867 году (Пушкина, 1998. С. 373–374).

«Особое» обращение с клинковым оружием зафиксировано в десяти погребениях (восемь из них совершены по обряду трупосожжения, одно – труположение в погребальной камере, обряд еще одного остался неизвестен).

Ю.Э. Жарнов выделял два основных варианта ритуала «порчи оружия», при которых:

- «мечи сгибались или ломались и бросались на кострище или рядом с кострищем...»;
- «сломанные или целые мечи (в одном случае – вместе с копьем и скрамасаксом) помещались в вертикальном положении в предварительно вырытые ямы и закапывались» (Жарнов, 1992. С. 44).

Анализ документации позволяет представить более детальную картину «особого» обращения с клинковым оружием по материалам Гнёздовского могильника:

Варианты «особого» обращения с клинковым оружием	Курганы
сломанный меч (фрагмент клинка), горизонтально помещённый на кострище	Дн-55/Серг-1899

сломанный меч, воткнутый в кострище(?)	«дар Филимонова» ¹⁷⁷
сломанный надвое меч, обломки вертикально воткнуты в кострище рядом с подкострищной ямой	Л-13/1949 ¹⁷⁸
сломанный надвое меч, обломки вертикально помещены в яму, выкопанную до совершения сожжения	Л-35/1949 ¹⁷⁹
погнутый и сломанный (?) меч, вертикально помещенный в яму, выкопанную до совершения сожжения	ЛБ-1/1987 ¹⁸⁰
согнутый (сломанный?) ¹⁸¹ меч, горизонтально помещенный в подкострищную яму	Ц-2/1950
целый меч, воткнутый в землю	Ц-15/Кусц-1874 ¹⁸²
целый меч, воткнутый в кострище ¹⁸³	Дн-86/Серг-1901

¹⁷⁷ Верхняя часть меча была найдена в XIX веке воткнутой в землю «в поле» разрушенного при строительных работах кургана – «по словам г. Филимонова (владелец Гнёздова), меч этот был найден рабочими при срытии кургана в поле последнего вонзенным в землю» (Сизов, 1902. С. 28, 70). Никаких других данных об особенностях расположения этого меча не сохранилось. Меч был передан Филимоновым в дар Историческому музею (Там же, с. 28).

¹⁷⁸ Под кострищем выявлена яма, в дно которой, как считал Ю.Э. Жарнов, и были воткнуты обломки меча. Однако на плане погребения только верхняя часть меча находится в пределах ямы на самом её краю (Архив ИА РАН. Р-1. № 341 С. 27), а на фотографии в отчёте отчётливо видно, что верхняя часть меча пронзает слой кострища, лежащий на однородном светлом грунте, очевидно, являющимся материковым слоем. С нашей точки зрения, обломки меча были воткнуты в кострище и материк рядом с подкострищной ямой, вырытой, как можно заключить из текста отчёта и фотографий, до совершения сожжения.

¹⁷⁹ Ю.Э. Жарнов предполагает наличие ямы, в которую были поставлены обломки меча. Действительно, в дневнике раскопок указывается, что в южной половине под кострищем «отмечены шесть ямок глубиной от 0,2 до 0,4 м, поперечником от 0,3 до 2,0 м, заполненные золой кострища» (Авдусин, 1952а. С. 361). А на приведенном в отчёте плане самая большая из упомянутых ям находилась под местом обнаружения обломков меча и была заполнена грунтом «зольно-коричневого цвета» (Архив ИА РАН. Р-1. № 341. Лист 42, 43). Судя по стратиграфическому разрезу кургана, это заполнение пререзает основной слой кострища или составляет наиболее насыщенный слой. Так что помещение обломков меча в яму в данном случае вполне вероятно. Учитывая небольшую глубину ямы (0,2 м.), большая часть даже обломанного меча возвышалась над заполнением ямы.

¹⁸⁰ Стратиграфический разрез ямы, в которую был помещен меч, демонстрирует, что яма была выкопана до совершения сожжения (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №12251. С. 129. Рис. 113). Меч был воткнут наверху вниз в заполняющий яму и еще не остывший слой золы с угольками. Возможно, у него было отломано навершие.

¹⁸¹ В статье 1952 г. Д.А. Авдусин указывал, что сильно проржавевшее лезвие меча было согнуто, в статье 1957 г. – сломано (Авдусин, 1952б. С. 95; Он же, 1957. С. 179). Сгибание или слом клинка меча зависели от его качества (изначального или изменившегося под воздействием погребального костра). Менее качественные клинки сгибались, не ломаясь.

¹⁸² В «Журнале раскопок» М.Ф. Кусцинского нет упоминания кострищного слоя, напротив, указывается, что горшки с кальцинированными костями «стояли на камнях, на твердой земле», а меч был «вонзен в землю» (Кусцинский, 1881. С. 5). По всей видимости, в данном случае мы сталкиваемся с обрядом сожжения на стороне, когда под курганной насыпью помещаются только остатки сожжения, сама кремация производится в стороне от места захоронения.

¹⁸³ Ю.Э. Жарнов предполагает, что для мечей (и боевого ножа), помещенных в эти погребения, были вырыты ямы. Для кургана Дн-86/Серг-1901 это обосновывается невозможностью, по мнению исследователя, воткнуть меч «по рукоять в глинистый плотный материковый грунт» (Жарнов, 1992. С. 45). Но необходимости погружать меч «по рукоять» в материковый грунт не было. Клинок примерно только на половину втыкался в материк, остальная длина приходилась на слой кострища, в центральной части достигавшем толщины 35 см. Да и вряд ли при разборке погребения не была бы замечена яма, заполнение которой составлял кострищный слой. Оснований, почему меч и наконечник копья и в кургане Ц-15/Кусц-1874 были помещены в подкострищную

согнутый вокруг горшка меч, вместе помещённые в деревянное ведро ¹⁸⁴	Л-147/Сиз-1901
целый боевой нож, воткнутый в кострище	Дн-86/Серг-1901
сломанный боевой нож, конец лезвия воткнут в стенку деревянной погребальной камеры	ПОль-11/1979

Все «особые» обрядовые действия совершены с предметами вооружения в погребениях по обряду трупосожжения, за исключением погребения по обряду трупоположения в камере в кургане ПОль-11/1979, где обломок боевого ножа воткнули в стенку деревянной камеры (ещё два обломка и ножны были положены на пол камеры).

Стоит отметить, что меч из кургана Л-35/1949 был помещен в погребение уже после остывания погребального костра, о чем свидетельствует хорошо сохранившаяся инкрустация на деталях и деревянная обкладка рукояти (Kainov, 2012 P. 34. Fig. 20). Сохранность деталей рукояти позволяет уверенно предполагать, что мечи из трёх курганов (Ц-15/Кусц-1874, Ц-2/1950, Л-13/1949) и меч, подаренный Филимоновым, также не были в погребальном костре (Kainov, 2012. P. 18, 19, 22, 23, 26, 27, 44, 45. Fig. 7, 8, 10, 11, 13, 14, 30, 31). В то же время, судя по смещенным перекрестиям, что возможно только при отсутствии деревянных обкладок рукояти, и полностью «выгоревшей» или сильно оплавленной инкрустации на деталях рукояти, мечи из двух курганов (Ц-41/Сиз-1885 и Дн-86/Серг-1901) находились на погребальном костре (Kainov, 2012. P. 46–47. Fig. 32, 33).

Еще в четырнадцати курганах Гнёздовского некрополя были найдены отдельные детали рукоятей клинкового оружия или детали ножен.

В кургане Л-6/Сиз-1881 обнаружена верхняя часть навершия меча, а в кургане Ц-3/1950 – половина навершия сабли. В двенадцати погребениях были найдены только детали ножен клинкового оружия: в пяти погребениях (Ц-

яму, исследователь не приводит, полагая, по всей видимости, что все стоящие вертикально предметы вооружения должны быть воткнуты в дно или заполнение ям, расположенных в основании курганов.

¹⁸⁴ На южном краю кострища были найдены «железные обручи от стоявшего здесь деревянного ведра. Внутри них – свернутый в спираль меч, огибающий горшок с костями» (Ширинский, 1999. С. 122).

18/Сиз-1882, Ц-107/Сиз-1896-97, Дн-85/Серг-1901, Оль-24/1905, Л-73/1950) – наконечники ножен мечей, в шести (Л-66/Сиз1882, ?-1/Ув-1883, Дн-56/Серг-1899, Л-73/1950, Оль-3/1950, Ц-251/1978) – детали ножен боевого ножа, еще в двух погребениях (Ц-3/1950, Л(Гл)-80/1952) – детали ножен сабли. Все находки отдельных деталей рукоятей и ножен клинкового оружия связаны исключительно с погребениями по обряду трупосожжения.

Многочисленные случаи находок деталей ножен при отсутствующих клинках вряд ли являются случайностью и, скорее всего, являются следствием каких-то особых действий в рамках погребального обряда¹⁸⁵. Например, клинковое оружие могло помещаться (втыкаться) на поверхности или в верхней части курганной насыпи. Практика подобного размещения предметов вооружения несколько раз зафиксирована на примере умбонов от щитов, найденных в верхней части нескольких курганных насыпей Гнёздовского могильника (Жарнов, 1992. С. 45). Нельзя исключать, что в погребения преднамеренно клали только ножны клинкового оружия или отдельные части рукоятей, в чем некоторые исследователи видят символический характер замещения целого предмета его частью (напр. Блифельд, 1977. С. 30). Менее вероятно, что в курганах, раскопанных в XIX – начале XX века «колодцем» или «траншеей», клинки и недостающие детали остались в неисследованных частях насыпи.

– Погребения с древковым оружием

Древковое оружие представлено в Гнёздовском могильнике копьями, топорами и кистенями и найдено в 35 погребениях в следующих сочетаниях¹⁸⁶:

Предметы вооружения	ТС	ТПк	ТПя	Итого
Копье	7	1	1	9

¹⁸⁵ Важно отметить, что полностью раскопанные курганы с комплексами, где сохранились только отдельные детали рукояти или детали ножен клинкового оружия, содержали кремации, совершенные на месте возведения курганной насыпи.

¹⁸⁶ Еще четыре наконечника копий найдены в разрушенных погребениях, два из них – ингумации в деревянных камерах (Булкин, 1982. С. 140–141). Обстоятельства находки еще одного наконечника неизвестны. Также из разрушенных погребений происходит минимум десять топоров.

Топор	7	7	4	18 (+ 1?)
Копье + топор	-	4	2	6
Копье + топор + кистень	-	1	-	1
Итого	14	13	7	34

Таким образом, древковое оружие чаще встречается в труположениях, где оно найдено, в том числе и в сочетании друг с другом, что ни разу не отмечено для погребений по обряду трупосожжения.

Как уже было отмечено, уверенно говорить об «особом» обращении с древковым оружием в большинстве случаев возможно лишь при фиксации каких-то действий, совершенных в отношении металлической части древкового оружия. К таковым можно отнести вонзенные в погребальный костер наконечники копий в курганах Ц-15/Кусц-1874 и сломанный топор из погребения Ц-25/Сиз-1882.

Перо наконечника копья из кургана Дн-86/Серг-1901 было согнуто и, возможно, сломано. Не исключено, что фрагментация наконечника – результат неосторожного извлечения предмета при раскопках. У наконечника метательного копья из кургана Ц-43/Серг-1899 сломан черешок или, менее вероятно, втулка. В яме перекопа, разрушившей часть кострища и подкострищной ямы в кургане Лб-1/1987, было найдено только перо наконечника копья (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №12251. С. 127). Втулка наконечника, по всей видимости, утрачена из-за разрушения части кургана.

Во всех остальных случаях целые металлические части копий и топоров в целом виде находятся или на кострище, или в могильной яме.

Кроме четырёх упомянутых выше случаев, еще в трёх погребениях по обряду трупосожжения наконечники находились на кострище (Л-5/1949, Л(Гл)-150/1987) или сгруппированы с другими предметами вооружения на специальной площадке (Ц-41/Сиз-1885).

Ю.Э. Жарнов обратил внимание на возможность того, что в четырёх труположениях копье (наконечник копья) было воткнуто или в стенку

погребальной камеры (Ц-191/1976, ПОль-11/1979) или в стенку обычной могильной ямы (Л-95/1960, Ц-240/1978) (Жарнов, 1992. С. 197). Об этом, по его мнению, свидетельствует положение наконечника острием вверх. Также отмечается, что в погребениях Ц-191/1976 и ПОль-11/1979 втулка копья находилась на уровне дна камеры, а в погребениях Ц-240/1978 и Л-95/1960 – на 8–10 и 30 см выше дна ямы (Там же, с. 197). Стоит подчеркнуть, что в дневниковых записях втыкание наконечника копья в стенку могильной ямы отмечено только для погребения в кургане Ц-240/1978, а в погребении кургана Ц-191/1976 «перо наконечника было погружено в древесный тлен», что позволяет предполагать, что оно действительно было воткнуто в рухнувшие деревянные стенку камеры или ее потолок. Нахождение наконечника копья в наклонённом положении может объясняться расположением сломанного копья, прислоненным к стенке камеры или на её перекрытии. В погребении кургана Л-95/1950, судя по фиксации наконечника в 30 см над уровнем дна, копьё могло быть положено на деревянный гроб (Авдусин, 1970. С. 279). Не исключено, что подобным образом копьё было помещено и в кургане ПОль-4/1978, где наконечник копья найден примерно на 25 см выше дна погребальной ямы. А судя по его расположению, копьё в погребение было положено в сломанном виде.

В погребальной камере кургана Дн-4/1984 наконечник копья стоял вертикально, что, по мнению Ю.Э. Жарнова, свидетельствует о том, что копьё было сломано, верхняя часть древка с наконечником поставлена вертикально или же копьё было воткнуто в стенку (Жарнов, 1992. С. 115). С нашей точки зрения, вертикальное расположение наконечника свидетельствует в пользу первого предположения.

В трёх погребениях (Ц-255/1978, ПОль-61/1980 и ПОль-62/1980) расположение наконечников позволяет предполагать, что копья были помещены в захоронения в горизонтальном положении. В погребении Ц-255/1978 копьё поместили слева от погребённого, между ним и конем,

наконечником к ногам; в погребении ПОль-61/1980 копьё также лежало слева, наконечником к ногам; в погребении ПОль-62/1980 копьё располагалось диагонально относительно погребальной камеры, наконечник находился около северного угла.

Не совсем ясно, можно ли рассматривать втыкание наконечника копьё в стенку погребального сооружения в качестве «особого» обрядового действия или же мы сталкиваемся с попытками «втиснуть» копьё в деревянную камеру, расположив его диагонально. Описанные случаи расположения копьё в погребениях удачно охарактеризовал Ю.Э. Жарнов: «Отсутствие жесткого стандарта в размещении копьё в погребении... может свидетельствовать в пользу того, что положение копьё заранее не обуславливалось и ... конкретные размеры копьё и ямы (или погребальной конструкции) определяли и конкретный вариант расположения оружия» (Там же, с. 115).

Напротив, положение топора в погребениях по обряду трупоположения более устойчиво. В большинстве случаев (11) топор находился в области ног или таза справа от погребённого – Л-105/1959, Ц-86/1963, Ц-88/1963, Ц-94/1963, Ц-160/1978(1990), Ц-191/1976, Ц-222/1977, Ц-255/1978, Дн-4/1984, Дн-50/1991, ПОль-64/1980. В погребении кургана Л-95/1960 топор положили на правую ногу погребённого, рукоятью вверх. Расположение топора слева от погребённого было зафиксировано в курганах ПОль-4/1978, ПОль-20/1979 (на уровне плеча погребённого), ПОль-61/1980, ПОль-62/1980. Рукоятью вверх топоры находились в погребениях Л-95/1960, Ц-86/1963, Ц-88/1963, Ц-160/1978(1990), Ц-191/1976, Ц-222/1977, Ц-255/1978, ПОль-61/1980, ПОль-62/1980, ПОль-64/1980, рукоятью вниз – ПОль-4/1978, ПОль-20/1979, Дн-4/1984.

В трупосождениях топор располагался в слое кострища. Закономерности в их местонахождении не прослеживается. В кургане Ц-59/1961 топор и другие вещи, по всей видимости, были положены на уже

остывающее кострище, о чём свидетельствуют обугленные, но не сгоревшие деревянный сосуд и фрагмент ткани (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №2512. С. 22).

В кургане Ц-191/1976 (ингумация в деревянной камере) был найден кистень, от которого сохранилась железная инкрустированная гиря. Никаких органических деталей, относящихся к кистеню, прослежено не было. Гиря кистеня обнаружена к западу от седла, стоящего около сгиба передних ног лошади, под железными удилами (Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6150. С. 121).

– Погребения с метательным оружием и снаряжением лучника

Метательное оружие в Гнёздовском могильнике представлено стрелами, сложносоставными луками, а также снаряжением конного лучника – колчанами с металлическими деталями и налучем. Метательное оружие найдено в 74 погребальных комплексах, в 67 трупосождениях и 7 трупоположениях (5 – в камерах, 2 – в простых могильных ямах). Еще минимум шесть стрел находились в разрушенном «комплексе 14 июля 1899 года/Ц» (Булкин, 1982. С. 140).

В шести трупоположениях (Л-95/1960, Ц-255/1978, Ц-160/1978(1990), Дн-4/1984, ПОль-61/1980, ПОль-62/1980) зафиксировано компактное расположение наконечников стрел. В погребении Ц-255/1978 стрелы положены наконечниками вверх в колчане с железными накладками и петлями для подвешивания. Рядом с колчаном лежал сложносоставной лук с роговыми накладками. Стрелы в остальных пяти погребениях могли находиться в колчане, целиком изготовленном из органических материалов¹⁸⁷.

В двух курганах наконечники стрел, скорее всего, помещенные в колчан, располагались в изголовье погребённого (Дн-4/1984, Ц-160/1978(1990)), в четырёх – справа от погребённого (ПОль-61/1980, ПОль-62/1980, Л-95/1960, Ц-255/1978). В кургане ПОль-83/1981 единственный наконечник стрелы находился справа от погребённого на 10–15 см ниже уровня пояса.

¹⁸⁷ Колчан, полностью изготовленный из кожи, найден при раскопках гавани датского поселения «эпохи викингов» Хедебю (Paulsen, 1999. Р. 120–121).

В трупосожжениях метательное оружие располагалось в разных частях кострища. Какой-либо закономерности в их местонахождении не прослеживается. В одном случае (Дн-12/Абр-1905) наконечник стрелы находился внутри погребальной урны (Спицын, 1906. С. 187–188).

– Погребения с защитным вооружением

Защитное вооружение в Гнёздовском могильнике представлено шлемами, кольчугами и щитами и найдено в 14 погребениях по обряду трупосожжения и еще в двух разрушенных комплексах, по всей видимости, содержащих погребения по обряду трупоположения в деревянных камерах («комплекс октября 1898 года/Ц», «комплекс 14 июля 1899 года/Ц»).

Оба найденных в Гнёздове шлема были помещены рядом со сгруппированными в одном месте предметами наступательного вооружения. В кургане Ц-41/Сиз-1885 шлем был поставлен на клинок меча и один из наконечников копья, уложенных горизонтально. В кургане Дн-86/Серг-1901 шлем, как указано в дневнике С.И. Сергеева, накрывал воткнутые в кострище меч, боевой нож и наконечник копья. Вероятно, под шлемом находилось ведро, от которого сохранились металлические детали (Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. С. 27об.).

Целые кольчуги найдены в Гнёздове дважды. В погребении кургана Дн-86/Серг-1901 она лежала на кострище рядом со шлемом, мечом, боевым ножом и наконечником копья. Еще в одном погребении (Оль-24/Абр-1905) фрагмент кольчужного полотна найден внутри медного котла, рядом с которым находилась «сложенная в узел кольчуга» (Спицын, 1906. С. 191).

В 13 погребениях найдены фрагменты 14 щитов, представленные умбонами (6 экземпляров в 5 погребениях) и оковками края щита (в 9 погребениях, из них в погребении Ц-41/Сиз-1885 неопределённое количество оковок края найдено вместе с двумя умбонами). В курган Ц-41/Сиз-1885 было помещено два щита. Все учтённые щиты происходят из кремационных

погребений Приложении 1. Еще два умбона были найдены в разрушенных труположениях в деревянных камерах («комплекс 14 июля 1899 года/Ц» и «комплекс октября 1898 года/Ц») (Булкин, 1982. С. 140).

В трёх погребениях щит находился на вершине насыпи (Л-6/Сиз-1881, Ц-78/Сиз-1896-97, Дн-56/Серг-1899)¹⁸⁸. На вершине первичной насыпи находился и один из двух щитов в Большом кургане Ц-41/Сиз-1885. Второй щит накрывал вещи (шлем, меч, боевой нож, три наконечника копий и т.д.), сгруппированные на окруженной камнями площадке. Еще в одном погребении (Дн-58/Серг-1899) умбон, лежащий отверстием вверх, находился внутри урны вместе с кальцинированными костями. В дневниковых записях есть упоминания, что умбон из кургана Л-6/Сиз-1881 был «погнут сбоку и проткнут посреди», умбон из Дн-56/1899 был помят, а умбон из кургана Ц-78/Сиз-1896-97 был «с отверстием посреди». Были ли эти повреждения получены в результате непосредственного использования щита в бою или же являются следствием каких-либо обрядовых действий, неизвестно.

Судя по описанию и сохранности, умбоны из курганов Ц-41/Сиз-1885 и Дн-56/Серг-1899 не находились в погребальном костре.

В восьми погребениях найдены только оковки края щита (от 1 до 3 штук). Не совсем ясно, можно ли считать находку одной оковки свидетельством нахождения в погребении щита¹⁸⁹. Возможно, в данных случаях проявилось несовершенство методики раскопок, в первую очередь в курганах, исследованных «колодцами» и «траншеями». Не исключено, что сломанные деревянные поля от щитов с недемонтированными оковками использовались в качестве дров.

¹⁸⁸ В курганах Л-6/Сиз-1881 и Ц-78/Сиз-1896-97 умбоны находились прямо под дёрном, в кургане Дн-56/Серг-1899 умбон лежал на глубине «¼ аршина» от поверхности (около 17,5 см) и не имел следов пребывания в огне (Спицын, 1905. С. 42).

¹⁸⁹ В шести погребениях одиночные оковки края щита были единственным предметом, который можно было отнести к вооружению.

III.2.5 Предметы вооружения в Больших курганах

Среди курганов Гнёздовского некрополя своими размерами выделяются так называемые Большие курганы¹⁹⁰. К сожалению, эти монументальные насыпи еще не стали объектами специального исследования и рассматривались излишне обобщенно (Булкин, 1975).

В данном разделе мы только кратко охарактеризуем особенности обращения с предметами вооружения, найденными в пяти Больших курганах – Ц-41/Сиз-1885, Ц-74/Серг-1900, Ц-2/1950, Дн-86/Серг-1901, Оль-24/Абр-1905.

В кургане Ц-74/Серг-1900 на кострище обнаружены только три (?) оковки края щита. В кургане Оль-24/Абр-1905 предметы вооружения представлены сильно фрагментированным наконечником ножен меча и двумя фрагментами кольчужного плетения. Один из них лежал внутри котла, второй лежал рядом с котлом и, скорее всего, являлся свернутой кольчужой¹⁹¹. В кургане Ц-2/1950 в подкострищной яме был найден меч с согнутым клинком¹⁹². Как уже отмечалось, сохранность деталей рукояти позволяет утверждать, что меч не находился на погребальном костре, а был положен в подкострищную яму уже после остывания костра.

¹⁹⁰ В.А. Булкин выделяет среди насыпей Гнёздовского некрополя восемь Больших курганов. В Центральной группе это курганы Ц-41/Сиз-1885, Ц-65/Серг-1900, Ц-74/Серг-1900, «Безымянный» курган, в Днепроградской – Дн-86/Серг-1901, в Ольшанской – Оль-23/Абр-1905, Оль-24/Абр-1905, Оль-30/1975(1988). В этот список по непонятным причинам не попал курган Ц-2/1950, высота насыпи которого даже в поврежденном виде была более 4,6 м, а диаметр – 36 м. Все курганы, за исключением так называемого Безымянного, были изучены в ходе археологических исследований, проведенных на разном методическом уровне.

Чёткие критерии выделения древнерусских Больших курганов не определены. Если исходить из размерных характеристик (диаметр более 20 м), предложенных в работе П. Братта, то список Больших курганов Гнёздова может быть расширен за счет нескольких насыпей Лесной и Днепроградской курганных групп (Bratt, 2008. P. 185). Например, диаметр насыпей курганов Л-33/1949 и Дн-17/Абр-1905 составлял около 25 м, но при этом высота достигала только 2 м, что, по всей видимости, послужило основанием не считать их Большими курганами. Стоит отметить, что в составе Лесной курганной группы есть две насыпи, диаметром более 20 м и высотой около 3 м. Данные об их раскопках отсутствуют.

¹⁹¹ Нахождение двух кусков кольчужного полотна само по себе странно. Вряд ли кольчугу разделили на два куска. Если считать кольчужное полотно, лежащее рядом с котлом, свернутой кольчужой, то кусок в котле может быть бармицей от несохранившегося по каким-то причинам шлема.

¹⁹² Надо учитывать, что подкострищная яма, где обнаружен меч, была «наполовину срезана осыпью ЮВ полы кургана, поврежденной при выемке гравия», так что предметов вооружения в этом погребении могло быть и больше (Авдусин, 1957. С. 163).

Наиболее полные наборы оружия находились в курганах Ц-41/Сиз-1885 и Дн-86/Серг-1901. Состояние поверхности предметов вооружения в этих погребениях свидетельствует, что все они пребывали в погребальном огне.

В кургане Ц-41/Сиз-1885 предметы вооружения были сняты с погребального костра и уложены на расположенную рядом с кострищем отдельную площадку округлой формы, окруженной большими камнями (рис. 80, 1). Здесь в горизонтальном положении были уложены меч, боевой нож и три наконечника копий. На эту грудю оружия поставили шлем с кольчужной бармицей. Также на площадку были помещены туша барана и поливная византийская тарелка. Все предметы накрыли щитом, диаметром около 1 м, края которого опирались на камни, окружавшие площадку. Сверху сооружение было перекрыто небольшой насыпью из песка, поверх которой был положен еще один щит. Из предметов вооружения только наконечник стрелы находился среди остального погребального инвентаря, рассредоточенного на кострище.

В кургане Дн-86/Серг-1901 все предметы вооружения найдены непосредственно на кострище. Они были сгруппированы в его западной части уже после прогорания погребального костра (рис. 80, 2). Сначала в кострище были вертикально воткнуты меч, боевой нож и наконечник копья (перо наконечника согнуто). Сверху их накрыли шлемом с кольчужной бармицей¹⁹³, а рядом была положена кольчуга и поставлена погребальная урна с кальцинированными костями. Судя по дневниковым записям и железному фрагменту круглого в сечении дрота, прикипевшему к внутренней поверхности, шлем был поставлен на ведро с железными обручами и ручкой¹⁹⁴. На кострище среди остального погребального инвентаря находился одиночный наконечник стрелы.

¹⁹³ Из дневниковых записей и зарисовок следует, что шлем прикрывал рукоять меча и наконечник копья – «внутри шлема несколько мелких косточек от темени головы и рукоятка меча, вертикально воткнутого в землю» (Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. Л. 27об.). Вызывает удивление, что на фотографии в публикации материалов раскопок рукоять меча прилегает с внешней стороны шлема (Спицын, 1905. С. 61. Рис. 91).

¹⁹⁴ С.И. Сергеев отмечает, что рукоять меча разрушила находящуюся внутри шлема «сетку из железных палочек, служивших для установки на голове шлема» (Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. Л. 27об.).

Как видно из этого краткого обзора, не существовало каких-либо устоявшихся ритуалов, связанных с помещением предметов вооружения в Больших курганах, – в каждом случае это был свой набор действий. Часть из них находит аналогии в «обычных» погребениях (как правило, это тоже значительные по размерам насыпи) – втыкание оружия в кострище, помещение оружия в подкострищные ямы, другая для Гнёздовского могильника уникальна – помещение оружия, снятого с погребального костра на отдельную площадку, группировка оружия в одном месте.

III.2.6 Погребения с предметами вооружения Гнёздовского могильника в сравнении с аналогичными памятниками

Гнёздовский археологический комплекс, благодаря хорошей сохранности, предоставляет уникальную возможность для изучения реалий крупного поселения эпохи образования древнерусского государства. О значительной роли Гнёздова в иерархии древнерусских поселений позволяют уверенно говорить значительная концентрация погребений с оружием и насыщенность предметами вооружения культурного слоя поселения, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени милитаризованности гнёздовского общества и его вовлеченности в военную активность.

Большое количество оружия, связанного с комплексом вооружения профессионального воина, подтверждает существование в Гнёздове дружины – отряда профессиональных воинов¹⁹⁵. Возможность выявления погребений дружинников, в том числе в Гнёздовском могильнике, – вопрос дискуссионный. Ю.Э. Жарнов считал, что материалы погребений не дают бесспорных доказательств существования в Гнёздове дружины. В пользу этого, по его мнению, говорит редкость комплексов с оружием и отсутствие прямой взаимозависимости между находкой в погребении оружия и принадлежностью его дружиннику. Тем не менее, исследователь не отрицал существования в

¹⁹⁵ Что, несомненно, не делает его военным лагерем, в чём полностью можно согласиться с Н.В. Ениосовой и Т.А. Пушкиной (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 262–263).

Гнёздове «группы хорошо вооружённых людей, как правило, скандинавского происхождения» (Жарнов, 1992. С. 153–154). Наши подсчёты опровергают тезис о редкости комплексов с оружием, а невозможность выделить объективные критерии отличия погребений дружинников от погребений «хорошо вооружённых людей» не продвигают нас в решении вопроса о наличии дружины в Гнёздове.

Обосновано выглядит высказанная А.А. Фетисовым точка зрения, что любой предмет вооружения, найденный в погребении, выступает «социальным маркером дружинного погребения», при этом единичные наконечники стрел только в сочетании с другими элементами «дружинной культуры» позволяют атрибутировать погребение как «дружинное» (Фетисов, 2004. С. 93; Фетисов, 2012. С. 408)¹⁹⁶. Дети, «по своему происхождению» принадлежащие к дружинной среде, также, по мнению исследователя, хоронились вместе с предметами вооружения, маркирующими их принадлежность к определённой социальной группе (Фетисов, 2012. С. 408).

Н.В. Ениосова и Т.А. Пушкина считают, что археологическим признаком дружинных погребений «могут быть находки комплекса боевых средств, ... — меча или наборов из нескольких видов вооружения, особенно защитного», не рассматривая лук и стрелы в качестве обязательного атрибута «воина-профессионала» (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 263).

Оставляя за рамками работы обсуждение вопросов о возможности и критериях выделения погребений дружинников, обратим внимание на количественные показатели.

Всего, как было указано выше, в ходе археологических раскопок было изучено *не менее 116 погребений*, содержавших предметы наступательного и защитного вооружения. Подобное количество не имеет аналогов ни на одном из древнерусских памятников X – начала XI века.

¹⁹⁶ Из 10 (среди выборки в 345 погребений) гнёздовских трупосожжений с единичными наконечниками стрел 6 можно отнести к малоинвентарным погребениям, остальные 4 содержали довольно представительный набор инвентаря.

Для вычисления процентного соотношения курганов с оружием использована выборка, учитывающая только насыпи с неповрежденными погребениями, что позволяет быть уверенным в целостности набора погребального инвентаря. Из 345 комплексов, входящих в эту выборку, предметы вооружения найдены в 65, что составляет около 18,8%¹⁹⁷.

Любые количественные сопоставления материалов Гнёздова корректны только с относительно хорошо сохранившимися и исследованными могильниками Ярославского Поволжья (Тимерёво, Михайловское, Петровское), а также Шестовицким могильником¹⁹⁸. Сравнение с этими памятниками

¹⁹⁷ Подсчеты соотношений количества курганов с предметами вооружения к общему количеству раскопанных насыпей иногда становятся основой для различного рода реконструкций. В ряде работ А.А. Фетисова предприняты попытки определения численности дружин различных памятников, в том числе и Гнёздова (Фетисов, 2008; Фетисов, 2012).

В достоверной выборке (по Ю.Э. Жарнову) из 788 комплексов А.А. Фетисов насчитывает 69 комплексов с предметами вооружения, что составляет около 9%. При вычислении этого процента от приведенной в работе Т.А. Пушкиной численности постоянного населения Гнёздова в 400–600 человек, А.А. Фетисов получает численность военного отряда Гнёздова в 50–80 человек (Фетисов, 2012. С. 416). Стоит обратить внимание на некоторые методические неточности, что, с нашей точки зрения, привело автора к некорректным результатам.

Во-первых, А.А. Фетисов производит свои расчеты, исходя из выборки в 788 погребальных комплексов, в которой учтены поврежденные комплексы, предположительные труположения и так называемые пустые курганы. Но нельзя исключать, что среди поврежденных были и комплексы с предметами вооружения, извлеченными из погребения в процессе разрушения. Также исследование некоторых курганов, ранее определенных как поврежденные и отнесенных Ю.Э. Жарновым в группу курганов с «возможными труположениями», выявило в них ингумационные погребения (Ц-160 и Ц-177). Именно во избежание подобных случаев Ю.Э. Жарнов при подсчете женских скандинавских погребений, выделяет «наиболее достоверную выборку», в которую включены только неповрежденные комплексы (Жарнов, 1991а. С. 201–203).

Во-вторых, вызывает сомнение полученное при расчетах количество жителей. Т.А. Пушкина, на работу которой ссылается А.А. Фетисов, указала, что «в зависимости от методики подсчета и взятых исходных данных численность постоянно проживающих в Гнёздове в X веке людей будет колебаться от 400 до 600 человек». К сожалению, ссылка на конкретные работы отсутствует (Пушкина, 2001. С. 9). Тем не менее, в работе Ю.Э. Жарнова приведена формула, по которой рассчитывается количество населения Гнёздова – «количество курганов» × «средняя продолжительность жизни человека средневековья» / «время существования могильника», в числовом выражении – $4000 \times 30(40) / 150$, что дает от 800 до 1100 человек. Если откорректировать общее количество курганов гнёздовского некрополя, исходя из цифр А.Н. Лявданского (около 4 600 курганов), то вычисленное по формуле количество жителей Гнёздова составит 900–1200 человек, т.е. в два раза больше, чем данные, использованные А.А. Фетисовым (Лявданский, 2002. С. 187). В недавней статье Т.А. Пушкиной и Н.В. Енисовой количество жителей Гнёздова определяется в рамках 800–1100 человек (Енисова, Пушкина, 2016. С. 273).

В-третьих, определяя численность дружины Гнёздова, А.А. Фетисов, по всей видимости, предполагает стабильное количество населения поселения на протяжении всего X столетия, что входит в противоречие с материалами могильника, где подавляющее количество курганов относится ко второй половине X века (Пушкина и др., 2012. С. 272).

¹⁹⁸ К сожалению, черниговский и киевский могильники, наиболее интересные для сравнения с гнёздовским, сохранились значительно хуже и не могут быть использованы в полной мере. Погребения псковского некрополя, оружие из которого опубликовано С.А. Салминым, в виду своей немногочисленности, ограбления самых больших и, вероятно, самых богатых камерных захоронений, также не могут рассматриваться в качестве сравнительного материала (Салмин, 2016. С. 466–475).

демонстрирует, что процент погребений с предметами вооружения в Гнёздове самый высокий на территории Древней Руси¹⁹⁹:

Погребения	Гнёздово	Тимерёво ²⁰⁰	Петровское	Михайловское	Шестовицы ²⁰¹
Количество учтённых погребений	345	480	125	179	164
Количество погребений с предметами вооружения	65	52	14	23	28
соотношение	18,8%	10,8%	11,2%	12,8%	17,1%

Стоит подчеркнуть, что выборка, учитывающая только неповрежденные погребальные комплексы, была сформирована исключительно для Гнёздовского могильника. Очевидно, что при аналогичном подходе в отношении других могильников, процентное соотношение погребений с предметами вооружения к общему количеству изученных погребений может измениться. Тем не менее, разница в 1,5 раза в количестве погребений с оружием между, с одной стороны, Гнёздово и Шестовицами, с другой – могильниками Ярославского Поволжья, вряд ли сильно сократится. Различия между этими двумя группами памятников проявляются и в обряде погребений с оружием:

Обряд погребения	Гнёздово	Тимерёво	Петровское	Михайловское	Шестовицы
ТС	46	36	8	19	14
ТПк	11	1	-	-	10
ТПя	8	2	-	-	4
ТПг	- ²⁰²	11	6	1	-

¹⁹⁹ В статьях А.А. Фетисова акцентировалось внимание на относительно схожее процентное соотношение погребений с предметами вооружения к общему количеству раскопанных комплексов (9–13%) в могильниках Гнёздова, Ярославского Поволжья, Шестовицы и шведской Бирки, что говорит «об однотипном характере присутствия здесь воинских контингентов» (Фетисов, 2008. С. 209; 2012. С. 415). На некорректность подсчетов по Гнёздову было обращено внимание выше. Относительно Петровского комплекса аналогичное мнение было высказано С.С. Зозулей, подвергнувшего сомнению как подсчеты погребений с оружием, так и саму возможность выделения многочисленных «дружинных» погребений в могильнике Петровского (Зозуля, 2015). Особо обращено внимание на неоправданное объединение данных по трем могильникам Ярославского Поволжья.

²⁰⁰ Благодарю С.С. Зозулю за возможность познакомиться с последними данными о количестве погребений, исследованных в могильниках Ярославского Поволжья.

²⁰¹ Учтены данные, приведенные в работах Бліфельд, 1977; Ситий, 2006; Коваленко и др., 2012.

²⁰² Труположения на горизонте документально не зафиксированы при раскопках гнёздовских курганов. Предположительно подобные захоронения были в курганах Л-93/1959 и Л-94/1959 (Жарнов, 1992. С. 125).

ТПв	-	-	-	3	-
-----	---	---	---	---	---

ТПг – труположения на горизонте, ТПв – впускные труположения.

Ярким отличием является почти полное отсутствие в могильниках Ярославского Поволжья ингумаций с оружием, совершённых в деревянных камерах. В то же время в этих могильниках много простых труположений, как в могильных ямах, так и в основании курганной насыпи²⁰³.

По всей видимости, мы сталкиваемся с разным характером и разным значением памятников. Если Гнёздово и Шестовицы²⁰⁴ – укрепленные пункты, интегрированные в инфраструктуру «пути из варяг в греки» – главной военно-административной и торговой артерии утверждающегося Древнерусского государства, то указанные памятники Ярославского Поволжья находились на периферии государствообразующих процессов и были удалены от магистральных путей. Относительно спокойная обстановка, в которой функционировали поселения этих памятников, отразилась в отсутствии фортификационных сооружений. Тем не менее, найденные как в погребениях, так и в культурном слое тимерёвского селища престижные вещи (в том числе предметы вооружения), очевидный полиэтничный состав населения выделяют эти памятники из окружающих поселений. Н.А. Макаров не исключал возможности включения Тимерёва и Петровского в число так называемых больших поселений – особого типа памятников Северо-Восточной Руси IX–XI веков, отличающихся значительной площадью, отсутствием укреплений, наличием импортов и «многокомпонентностью культуры» (Макаров, Федорина, 2015). В то же время «по своему экономическому потенциалу, благосостоянию и уровню социальных претензий «большие поселения» заметно уступали раннегородским центрам» (Там же, с. 125).

²⁰³ Вероятно, труположения на горизонте относятся к XI веку.

²⁰⁴ Шестовицы отличает относительно большое количество погребений с оружием, совершённых в деревянных камерах, часть из которых также выделяется богатством погребального инвентаря. В шести случаях погребённых сопровождали кони с набором всаднического снаряжения. Богатство камерных захоронений и большое число в них верховых коней сближает шестовицкий и киевский могильники.

Достаточно полные публикации материалов могильников Ярославского Поволжья и Шестовиц позволяют представить состав комплекса вооружения и сравнить его с гнёздовским:

Виды вооружения	Гнёздово	Тимерёво	Петровское	Михайловское	Шестовицы
Мечи	10 (7 мечей + 3 нак. ножен)	5 (4 меча + 1 нак. ножен)	1	7 (6 мечей + 1 нак. ножен)	7 (6 мечей + 6 нак. ножен)
Сабли	2	-	-	-	1
Боевые ножи	7 (2 ножа + 7 ножен)	1 (в ножнах)	-	2	11 (5 ножей + 7 ножен)
Наконечники копий	14	1	-	3	11
Топоры	20	12	7	2	7
Луки	2	4	1		3
Наконечники стрел	84	34	9	17	53
Колчаны	5	5	1	1	4
Щиты	8	-	-	1	1
Шлемы	2	-	-	-	-
Кольчуги	2	-	-	-	-

Комплекс вооружения рассмотренных памятников в общих чертах аналогичен гнёздовскому. Однако почти полностью отсутствует защитное вооружение, за исключением единичных находок щитов в Михайловском и Шестовицком могильниках. Шлемы и кольчуги обнаружены только в Гнёздове и только в Больших курганах – монументальных сооружениях, насыпанных над погребениями людей, «обладавшими огромной сакральной и военно-административной властью», возможно, князьями или представителями княжеского рода (Нефёдов, 2012. С. 285; Петрухин, 1998. С. 368). Большие курганы, а также их концентрация, – ещё одна особенность, отличающая Гнёздово от большинства памятников, с которыми его обычно сравнивают.

Наиболее близкую аналогию Большим курганам Гнёздова, как по размерам, так и по составу погребального инвентаря, представляют черниговские курганы Чёрная могила и Гульбище²⁰⁵. Общее сравнение черниговского некрополя с гнёздовским невозможно ввиду уничтожения большей части черниговских курганов и отсутствия обобщающей работы о погребениях X в. Опубликованные материалы демонстрируют наличие в черниговском некрополе кремаций и ингумаций с предметами вооружения (Бліфельд, 1965; Михайлов, 2016. С. 212–214).

В Киеве к XIX веку сохранился единственный Большой курган (№ 118 по М.К. Каргеру) высотой около 6 м и диаметром около 40 м (Каргер, 1958. С. 191–195; Комар, 2012. С. 345). Под насыпью выявлено ограбленное в древности погребение в деревянной камере, помещенной в земляную яму размерами 4,5 × 3,15 м²⁰⁶. О первоначальном богатстве захоронения свидетельствует сохранившийся инвентарь – всаднические шпоры и серебряная оковка чаши. Информация о киевских погребениях раннегосударственного периода была суммирована в статье В.Г. Ивакина, собравшего данные о 168 погребальных комплексах X века – 155 ингумациях и 13 кремациях (Ивакин, 2011). Исследователь считает, что для киевского некрополя изначально была характерна диспропорция между ингумациями и кремациями в пользу первых (Ивакин, 2011. С. 29). Из 168 погребений предметы вооружения были найдены только в 24 труположениях (5 – ТПя, 19 (6 ?) – ТПк), часть из которых была ограблена в древности или разрушена. Встречаемость видов вооружения в киевских погребениях с разным обрядом представлена в следующей таблице:

²⁰⁵ Всего в Чернигове к XIX веку сохранились шесть Больших курганов (Комар, 2012в. С. 339. Рис. 2). В Чёрной могиле предметы вооружения были сконцентрированы в двух местах. Шлемы и кольчуга (кольчуги) в сопровождении двух турьих рогов, бронзовой статуэтки, двух золотых монет, железного сосуда с кальцинированными костями и ряда других вещей находились на вершине первичной курганной насыпи. Два меча, две сабли, два наконечника копий лежали в «груде» на восточном краю кострища. Еще несколько наконечников копий, топор, наконечники стрел и колчан лежали в разных частях кострища. В кургане Гульбище так же, как и в Чёрной могиле, часть предметов вооружения – шлем, меч, кольчуга, наконечник копья – была уложена на вершине первичной насыпи вместе со стременами, удилами, бронзовым и железным сосудами. Непосредственно на кострище, перекрытом первичной насыпью, был найден только топор (Самоквасов, 1917. С. 7–50).

²⁰⁶ В Гнёздове в кургане Оль-30/1975(1988) под насыпью диаметром более 20 м находилась деревянная камера еще больших размеров – 470 × 660 см (Архив ИА РАН. Р-1. № 5913. С. 105; Архив ИА РАН. Р-1. № 14423. С. 146–147).

Виды вооружения	Количество погребений	
	ТПк	ТПя
Меч	6	-
боевой нож	2	2
Копьё	5	3
Топор	6	1
Лук	2	-
Колчан	5	1
Стрела	7	4
Шлем	2	-
Кольчуга	1	-
Щит	2	-

В 9 труположениях в камерах умерших сопровождали лошади, в семи случаях – вместе с всадническим снаряжением. Выделяются киевские погребения и количеством стрел – в четырёх захоронениях найдено более 15 наконечников стрел, в одном из них – около 50 штук. По всей видимости, здесь нашёл отражение не только высокий статус погребённых, но и сказалась близость кочевников, оказывавших несомненное воздействие на древнерусский комплекс вооружения.

В составе предметов вооружения киевских труположений в деревянных камерах присутствуют шлемы и кольчуга, в Гнёздове найденных только в кремациях под насыпями Больших курганов.

В целом, среди древнерусских некрополей киевский выделяется концентрацией оружия исключительно в погребениях с камерами, значительным числом таких погребений, их богатством, представительным набором оружия и большим количеством верховых коней, что, несомненно, является отражением важной роли Киева как резиденции правителя Руси и как города, контролировавшего торговые взаимоотношения с Византийской державой.

Итак, коллекция предметов вооружения, найденных в погребениях, её количественный и качественный состав позволяют сравнивать Гнёздово с Киевом и отчасти с Черниговом (Большие курганы) – несомненными древнерусскими центрами, чей раннегородской характер не оспаривается.

III.3. Предметы вооружения на поселении Гнёздова

В состав Гнёздовского археологического комплекса входят Центральное и Ольшанское поселения, включающее в себя городища и селища (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 248–249). Основные исследования проводились и проводятся на территории Центрального поселения, площадью свыше 30 га, где в общей сложности на разных участках изучено более 7 000 кв.м.²⁰⁷ При небольших по объёму раскопках Ольшанского городища (изучено более 125 кв.м) и селища предметов вооружения не найдено²⁰⁸ (Авдусина, Зозуля, 2018).

При раскопках Центрального поселения обнаружено не менее 460 целых и фрагментированных предметов наступательного и защитного вооружения. Представлены следующие виды вооружения и снаряжения:

Предметы вооружения	Количество			
	городище	селище	всего на Центральном поселении	курганы
Мечи	4 детали	2 детали	6 деталей	12
Наконечники ножен	4	11	15	5
Сабли	-	-	-	1
Ножны сабель	-	-	-	2
Боевые ножи	-	-	-	3
Ножны боевых ножей	3 деталей ножен	2 детали ножен	5 деталей ножен	9
Наконечники копий и сулиц	6 целых	3 фрагмента	6 целых 3 фрагмента	18

²⁰⁷ Площадь Центрального городища – 1 га, из них раскопками к 2012 году изучено около 2 500 кв.м.

²⁰⁸ За исключением, предположительно, кольчужного кольца из шурфа ОГ-5 (Авдусина, Зозуля, 2018. С. Рис. 12, 7).

Втоки	2	-	2	-
Топоры	4 целых + 10 фрагментов	3 целых + 6 фрагментов	7 целых 16 фрагментов	26
Кистени	1	1	2	1
Луки	-	-	-	3
Наконечники стрел	215	144	359	146
Наконечники арбалетных стрел	-	2	2	-
Колчаны	1 петля	1 петля	2 петли	9
Шлемы	-	-	-	2
Кольчуги	-	-	-	2
Кольчужные кольца и фрагменты кольчужного плетения	не менее 25	не менее 10	не менее 35	8
Доспешные пластины	1	2	3	-
Щиты	1 оковка края	1 оковка края	2 оковки края	16

Предметы вооружения, найденные на поселении и в курганах, в первую очередь, отличаются степенью сохранности – в погребениях в большинстве случаев найдены конструктивно целые вещи, на поселении, как правило – отдельные детали или фрагменты предметов.

Различие в составе набора видов вооружения незначительны – на поселении отсутствуют находки шлемов, луков, целых кольчуг. В составе погребального инвентаря нет копейных втоков, доспешных пластин и наконечников арбалетных стрел.

Наступательное вооружение на поселении представлено следующими типами:

Категория		
	городище	селище
Мечи	2 особый/Mannheim, Н, X (по J.P.)	В, X (по J.P.)
Наконечники ножен	Гн-I.1.2, Гн-I.1.3, Гн-I.2, Гн-V	Гн-I.1.1, Гн-I.1.2, Гн-I.1.3, Гн-I.2, Гн-II, Гн-III, Гн-IV, Гн-V
Наконечники копий	I, III, IV, VI (по А.Н.К.)	I (по А.Н.К.)
Топоры	III (по А.Н.К.)	III, IV (по А.Н.К.)
Кистени	I	II
Наконечники стрел	2, 3, 4, 5, 8, 29, 34, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 48, 60, 62, 63, 75, 77, 78, 79, 82, 87, 95 (по А.Ф.М.)	1, 2, 4, 8, 18, 20, 34, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 51, 60, 62, 63, 75, 77, 76/3, 81, 83, 87, 98 (по А.Ф.М.)
Наконечники арбалетных болтов	-	15 (по А.Ф.М.)

Время бытования некоторых предметов вооружения, происходящих из раскопок поселения, выходит за рамки наиболее принятой точки зрения о времени существования Гнёздова – рубеж IX–X – начало XI века. С одной стороны, детали мечей типов 2 особый/Mannheim и В, обломки топоров типа С, великоморавский топор «блужинского» типа, трёхлопастные наконечники стрел (типы 18, 20) с нашей точки зрения, позволяют говорить о существовании поселения в IX веке.

С другой стороны, некоторые типы наконечников стрел и наконечники арбалетных болтов – являются свидетельством функционирования гнёздовского поселения и в «постдружинный» период – середина XI–XIV век. Обнаружены поздние вещи только на городище и террасной части селища. Но культурный слой и закрытые комплексы этого периода здесь выявлены не были, что, скорее всего, является результатом уничтожения верхней части культурного слоя распашкой и поздней строительной деятельностью. Тем не менее, общее количество поздних предметов (в том числе оружия) и керамики не позволяют предполагать в Гнёздове интенсивную жизнь в «постдружинный период».

Относительная и абсолютная хронология гнёздовского поселения в настоящее время находится в стадии разработки, так что наши наблюдения над

хронологией предметов вооружения на поселении ограничены лишь небольшим участком раскопа П-8 (96 кв.м.), расположенном в пойменной части поселения (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007). К сожалению, коллекция предметов вооружения с этого участка мала и не позволяет делать какие-либо обобщения. В наиболее раннем объекте (920–930 гг.) – яме 4в – найден ланцетовидный наконечник стрелы типа 77. Все остальные предметы вооружения – девять наконечников стрел (типы 42, 48, 55), кольчужное кольцо найдены в ямах и слое, относящихся к 960-м – началу XI века. Концом X – началом XI века датируется найденный в слое фрагмент наконечника ножен меча «восточно-прусской» группы (Там же, с. 62).

Количественно коллекция предметов вооружения, происходящая из раскопок Центрального городища, преобладает над коллекцией из раскопок всего селища. На городище найдены все целые наконечники копий и сулиц и большинство деталей мечей (две головки наверхий, перекрестие, наверхие с фрагментом черена клинка). Концентрация предметов вооружения, в том числе и профессионального – яркое свидетельство концентрации вооруженных людей на городище. А находки на городище деталей мечей, по мнению Ф.А. Андрощука, могут свидетельствовать о «ремонте и ремесленной деятельности мастеров-оружейников» (Андрощук, 2001. С. 129–130). Но в тоже время, городище как место концентрации богатства, несомненно, являлось основной целью нападений, свидетельствами которых могут быть многочисленные наконечники стрел, а также другие предметы вооружения.

Кроме городища, большое количество предметов вооружения зафиксировано для раскопа ВС-4 (768 кв. м.), расположенного в непосредственной близости к востоку от городища²⁰⁹. В ходе работ на этом участке была изучена, по всей видимости, территория усадьбы, обнесённой стеной (частоколом?). Здесь найдены деталь меча и 56 наконечников стрел, что составляет треть от общего количества наконечников, обнаруженных при

²⁰⁹ Это единственный участок селища, где отмечается концентрация оружия. На остальных раскопах на территории селища количество предметов вооружения примерно одинаковое.

раскопках разных частей селища. Именно здесь найдены деталь меча типа В и два ранних трёхлопастных наконечники стрел, чья верхняя хронологическая граница ограничена IX веком. Полный анализ материалов этого раскопа еще впереди, но нельзя исключать, что возникновение усадьбы на месте раскопа ВС-4 относится ещё к IX веку. Как и в случае с городищем, большое количество оружия (в данном случае наконечников стрел) – это свидетельство, с одной стороны, размещения на её территории вооруженных людей, с другой – возможно, отражение непростой истории этой усадьбы, бывшей объектом нападений.

В пойменной части селища на раскопе П-8 найдены обломки копий и топоров (4 экз.), а также несколько отдельных кольчужных колец и обрывков кольчужного плетения. Возможно, они связаны с ремонтными операциями, производившимися в рамках существующей на этом участке поселения кузнечно-ювелирной мастерской (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 252–255).

Выше уже отмечалось разное качество исполнения наконечников стрел, найденных на территории поселения и в погребениях. Почти все наконечники стрел²¹⁰ из погребений отличает очень высокий уровень изготовления, визуально прослеживаемый по уровню отделки и финальной обработке поверхности. Форма наконечников обычно чётко симметричная, все грани выведены, упор чётко обозначен, поверхности пера и шейки имеют гладкую поверхность. То есть изготовление таких наконечников требовало высокого уровня кузнечного мастерства. Из этого также следует вывод о высокой стоимости таких наконечников и их наиболее вероятной принадлежности профессиональным воинам. Коллекция стрел, происходящая с поселения, помимо подобных «дружинных» наконечников стрел содержит большое

²¹⁰ Из погребений происходят четыре двушипных наконечника стрел (т. 2, 29), часть из которых не очень аккуратно сделана. Их наличие в составе наборов стрел в погребении, с нашей точки зрения, свидетельствует об особой функциональной нагрузке этого типа наконечников.

количество²¹¹ наконечников, главным образом «ромбовидной» формы, отличающихся небольшими размерами, несимметричной формой пера, отсутствием упора или плоскостным упором²¹², отсутствием качественной обработки поверхности. Эти наконечники стрел – продукция менее квалифицированных мастеров, предназначенная не только, и может быть не столько для боевого применения, а для охоты.

Сравнение поселенческой коллекции предметов вооружения из Гнёздова, с материалами синхронных памятников затруднено в виду отсутствия обобщающих работ и малой информативности имеющихся публикаций по отдельным памятникам. В первую очередь это касается южнорусских памятников. Полностью введена в научный оборот коллекция предметов вооружения с Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 110–126). Сарское городище, функционировавшее с VII по начало XI века, принято рассматривать как племенной центр финского племени меря, с начала IX века вовлечённый в международную торговлю и материальная культура которого с середины X века испытывала влияние древнерусской культуры. А.Е. Леонтьев не считает возможным говорить о полиэтническом характере населения Сарского на всем протяжении существования памятника. Большое количество «не местных» вещей объясняется, по его мнению, «широкими торговыми связями, и развернувшимся в X в. процессом аккультурации» меря (усвоением новых культурных элементов в условиях процесса сложения древнерусской народности) (Там же, с. 187, 192). По нашему мнению, моноэтничности населения Сарского противоречат как находки скандинавских предметов языческого культа – кресаловидных и щитовидных подвесок, так и общее количество иноэтнических элементов материальной культуры, что может говорить не только об аккультурации, но и о непосредственном присутствии здесь (наиболее вероятно со второй половины X века) группы нефинского

²¹¹ Точный подсчёт затруднен в виде того, что значительное количество наконечников стрел не отреставрировано.

²¹² Имеется в виду упор, обозначенный не по всему периметру черешка, а только с двух сторон.

населения. Учитывая состав комплекса вооружения, этими «находниками» могли быть носители «дружинной культуры», выполняющие военно-административные функции в интересах великокняжеской власти.

На территории Сарского городища были найдены как предметы наступательного вооружения – мечи, наконечник ножен меча, наконечник ножен боевого ножа, топоры (в том числе топоры-чеканы), наконечники копий и стрел, так и защитного – крупный фрагмент кольчужного плетения, навершие шлема. На расположенном рядом с городищем небольшом поселении («лагерь гостей») найдена пластина от доспеха, 12 наконечников стрел, однолезвийный наконечник копья (Там же, с. 100–102). Сарское оружие демонстрирует аналогичный гнёздовскому набор – североевропейские меч, наконечники ножен меча и боевого ножа, наконечники копий и стрел, топор и «степные» навершие шлема, наконечники копий и стрел, топоры, древнерусские топор и наконечник копья. Своеобразием сарской коллекции является присутствие в ней предметов вооружения, которые можно связать с местным финским населением – наконечники стрел типы 15, 46, 61, 71, наконечник копья типа II (по А.Н.К), наконечники метательных копий типа VII, фрагмент ножен от однолезвийного меча (Там же, с. 110–122). Но нельзя исключить, что «финская вуаль» сарского комплекса вооружения отражает состав набора оружия жителей укрепленного поселения в VII–IX веках.

Также опубликована значительная часть материалов раскопок Рюрикова городища – торгово-ремесленного и военно-административного «центра с полиэтничным населением, благосостояние которого базировалось на участии в дальней торговле и контроле за водными путями» (Носов, Плохов, Хвоцинская, 2017. С. 27). На Рюриковом городище, возникающем во второй половине IX века, находилась резиденция первых русских князей. На рубеже X–XI веков часть административных и экономических функций Рюрикова городища перешла к Новгороду, расположенному в 2 км вниз по течению Волхова. В начале XI века княжеская резиденция переносится на территорию

Славенского холма Новгорода, но с последней трети этого столетия основная резиденция князя возвращается на Рюриково городище (Там же, с. 28).

На Рюриковом городище найдены в основном наконечники стрел – не менее 197 экземпляров. К IX–X векам относятся наконечники стрел тт. 2, 3, 29, 37, 40, 41, 42, 43, 46, 57, 60, 62/2, 63, 76, 77/1, 82, 83, 86, 90, 97, 99). Но, так как активная жизнедеятельность на Городище продолжалось и в XII–XIV веках, значительная часть коллекции наконечников стрел относится именно к этому времени, в том числе происходящие из закрытых комплексов (тт. 24, 28, 33, 54, 60/3, 67, 76/2, 78/2, 84/2, 85/2, 87, 91, 93, 98, 99 по А.Ф.М.). К поздним этапам существования Городища (в первую очередь по стратиграфическим наблюдениям) следует отнести и четыре топора (тт. VI и VIII по А.Н.К.), возможно, один из наконечников копий (тип V по А.Н.К.) и доспешную пластину. К предметам вооружения, датирующимся ранним периодом существования поселения, помимо наконечников стрел относятся концевая накладка на рукоять щита и три наконечника ножен меча (Там же, с. 138–139. Рис. 56, 24; Михайлов, Носов, 2002).

А.Е. Леонтьевым был поставлен вопрос о насыщенности слоя предметами вооружения. Соотношение числа находок и раскопанной площади (с учётом новых опубликованных данных по Рюрикову городищу²¹³) приведено для разных памятников, где основной период существования приходится на X век (Леонтьев, 1996. С. 189; Носов, Горюнова, Плохов, 2005; Носов, Плохов, Хвоцинская, 2017).

Памятник	Исследованная площадь, кв.м.	Количество предметов вооружения	Состав
Тимерёвское селище	6 000	33	32 наконечника стрелы, 1 наконечник копья
Рюриково городище	2 225	215	197 наконечников стрел, 2 наконечника арбалетных

²¹³ В подсчёты включены данные по Центральному раскопу (1980–83, 1985–88, 2005–10 гг), раскопам в южной части городища 1993–96 гг), раскопам на северном берегу Сиверсова канала, раскопу на месте установки «Княжего камня» (2011–2012 гг) (Носов, 1990; Носов, Горюнова, Плохов, 2005; Носов, Плохов, Хвоцинская, 2017).

			стрел, 2 наконечника копья, 2 копейных втока, 4 целых топора, 4 обломка топора, наконечник ножен меча, фрагмент кольчужного полотна, кольчужного кольца, фрагмент доспешной пластины
Сарское городище	3 000	89	66 наконечников стрел, 10 наконечников копий, 3 наконечника сулиц, меч, обломок однолезвийного меча, 3 топора, фр. кольчуги, навершие шлема,
Гнёздовское городище	2 500	не менее 270	см. стр. 262–263
Гнёздовское селище	4 570	не менее 185	см. стр. 262–263

Хотя данные сравнения не учитывают мощность культурного слоя, различного, например, на гнёздовском городище и тимерёвском селище, очевидно, что насыщенность слоя оружием гнёздовского поселения значительно выше по сравнению с другими памятниками. И, если данное обстоятельство вполне объяснимо для таких памятников как Тимерёво и Сарское, то сравнительно небольшое количество оружия, а также его «качественный» состав, на Рюриковом городище, вызывает удивление. И если верно предположение, что на Рюриковом городище «был сосредоточен значительный воинский контингент, очевидно, включавший немало варягов, группировавшихся вокруг князей и предводителей разного ранга, и входивших в их дружины», то мы вправе предполагать и высокий статус Гнёздовского городища, как места нахождения местного правителя (князя) и его дружины (Михайлов, Носов, 2002. С. 139).

Глава IV. Вооружение Гнёздова как отражение процесса сложения комплекса боевых средств Древней Руси X – начала XI века

Проведённый вещеведческий и контекстный анализ коллекции предметов вооружения и снаряжения позволяет попытаться представить динамику формирования комплекса вооружения Гнёздова.

Данные о существовании гнёздовского поселения ранее рубежа IX–X веков только начинают вводиться в научный оборот (Мурашева, Малышева, Френкель, 2018). Ранние слои выявлены пока только на одном из раскопов в пойменной части центрального селища. Но ряд предметов, время бытования которых по аналогиям ограничено рубежом IX–X веков, найдены при раскопках как городища, так и селища, в археологическом контексте X века. Среди них присутствуют как украшения и детали костюма (височные кольца, пряжка, фибула, полихромные бусы), так и оружие, и снаряжение всадника – детали мечей типов 2 особый/Mannheim и В (по J.P.), обломки топоров типа С (по J.P.), шпоры с короткой дугой и загнутыми во внутрь крючками²¹⁴ (Вешнякова, 1995; Доброва, 2012; Ениосова, Пушкина, 2012. С. 71; Каинов, 2014f; 2015; Пушкина, 1987; Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 258;). Данные предметы и контекст их обнаружения еще должны стать предметом тщательного исследования, но одно из вероятных объяснений наличия подобных артефактов, с нашей точки зрения, состоит в существовании поселения в IX веке не только на небольшом участке пойменной, но и на террасной части Центрального поселения (Центральном городище и селище).

²¹⁴ Стоит подчеркнуть, что не все выявленные ранние предметы могут датироваться IX веком. Часть из них относится к ещё более раннему времени. Например, дугообразная фибула, найденная на городище, датируется VI–VIII веков, сасанидская гемма с западной части селища – VI – началом VII века, щиток византийской пряжки – VII – первой половиной IX века (Вешнякова, 1995. С. 68; Пушкина, 2003. С. 113; Ениосова, Пушкина, 2012. С. 71). В отношении дугообразной фибулы Т.А. Пушкина указывала, что ее находка позволяет «предполагать некое «эхо» неизвестного нам пока периода в истории памятника и его окружи» (Пушкина, 2003. С. 114). Нельзя исключать, что часть «ранних» вещи попала в Гнёздово уже в X веке, в качестве ювелирного или кузнечного лома или, что именно в Гнёздово произошла депозиция вещей, долгое время находившихся «в обращении» и значительно переживших свои аналогии на других территориях. Но, учитывая достаточно ошутимое количество «ранних» находок, признать такое «запаздывание» за всеми из них довольно сложно.

Здесь культурные слои этого времени могли быть разрушены в ходе активной жизнедеятельности населения в X веке.

В слоях «раннего Гнёздова», выявленных на пойменном участке селища, предметов вооружения не найдено, но набор находок, по мнению авторов раскопок, «однозначно указывает на связь населения, уже на этом этапе, с трансевропейскими торговыми путями и на полиэтничный состав населения (Мурашева, Малышева, Френкель, 2018. С. 339). Ранние предметы вооружения, найденные на территории городища и террасного участка селища, североевропейские по происхождению (топоры типа С (по J.P.)) или их проникновение на восточноевропейскую территорию обычно связывают со скандинавами (детали рукоятей мечей). Но в тоже время стоит отметить находки на поселении ранних шпор, которые характерны для Центральной Европы (Каинов, 2014а. С. 43).

Самые ранние, достоверно датированные комплексы с предметами вооружения в Гнёздове относятся к первой половине X века. На пойменной части поселения (раскопе П-8) 30-ми гг. X века датируется яма 4в, в заполнении которой найден ланцетовидный наконечник стрелы (тип 77 по А.Ф.М.) (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 32–33).

Ранние погребальные комплексы обнаружены только в Лесной и Центральной курганных группах, наиболее близко расположенных к Центральному поселению. Еще одно раннее погребение изучено на левом берегу Днепра (Лб-1/1987). Возможно, там находилось синхронное этому кургану селище²¹⁵, возможно, маркирующее место переправы через Днепр.

В раннюю группу курганов входят кремационные погребения мужчин, вооруженных мечами (иногда вместе с копьями), в сопровождении одной или двух женщин. Специфический обряд обращения с оружием (повреждение и вонзание в грунт мечей и наконечников копий), связанный с североевропейской погребальной традицией, заметное количество украшений, орнаментированных

²¹⁵ Наиболее вероятно, что поселение могло располагаться на территории левобережной части поймы и было разрушено в ходе изменения береговой линии Днепра.

в скандинавской стилистике или характерных для Северной Европы (например, железные гривны), также позволяют предполагать скандинавскую этническую принадлежность погребённых и/или людей, совершавших погребальную церемонию²¹⁶. А значительные размеры насыпей, маркирующие высокий прижизненный статус, и богатство заупокойного инвентаря свидетельствуют, что перед нами захоронения представителей элиты гнёздовского общества²¹⁷. Во второй четверти X века насыпается самый ранний Большой курган Гнёздова – Ц-2/1950, возможно, усыпальница первого «архонта Милиниски».

В четырёх курганах, относящихся к ранней группе (два из них датируются серединой X века), найдены более скромные захоронения мужчин (в одном случае в сопровождении женщины), вооруженных стрелами и сулицей. Типы наконечников стрел и сулицы совсем не характерны как для Северной Европы, так и для носителей культуры смоленских длинных курганов.

Находки в курганах первой половины – середины X века ромбовидных наконечников стрел, наконечника сулицы, наконечника копья типа V свидетельствуют о торговых и военных (?) контактах гнёздовского населения с более южными территориями. Часть этого «нескандинавского» набора вооружения могла попасть в Гнёздово с роменским населением. О присутствии роменцев среди жителей Гнёздова свидетельствует характерная лепная керамика, а также пяти- и семилучевые височные кольца, найденные на поселении и в погребении кургана Л-111/Сиз-1882 (Пушкина, 1987. С. 56; Пушкина, 2015; Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 258). В комплексе вооружения роменцев присутствуют ромбовидные наконечники стрел, в том

²¹⁶ Вопросы о количестве скандинавов и их месте в социальной иерархии гнёздовского общества – одни из наиболее дискуссионных. Наиболее обстоятельно к их решению подошёл Ю.Э. Жарнов, который, проанализировав информацию, полученную при изучении женских погребений Гнёздова, пришёл к выводу, что скандинавам принадлежит «не менее четверти гнёздовских погребений». По мнению исследователя, они были органической частью гнёздовского общества, «не занимая какой-либо одной социальной ячейки и не доминируя в ней (исключая «верхушку» общества)» (Жарнов, 1991а. С. 213–217).

²¹⁷ Причём большие и средние размеры погребальных насыпей характерны не только для захоронений с мечами. В курганах Л-5/1949 и Л-33/1949, диаметр насыпей и высота которых составляли 15 × 1,9 м и 25,5 × 2 м соответственно, были найдены наконечники стрел, в кургане Л-5 – в сопровождении наконечника сулицы.

числе типов, найденных в кургане Л-5/1949 (Григорьев, 2000. С. 143. Рис. 48). Славянским (роменским?), возможно, стоит считать и наконечник сулицы²¹⁸, происходящий из этого же кургана. Наконечник копья-пики из кургана Лб-1/1987, который датируется второй четвертью X столетия, отражает начало проникновения в североευропейский комплекс вооружения предметов, характерных для кочевнических культур. Оно могло быть результатом военных или торговых отношений. Непосредственным путем, по которому они осуществлялись, очевидно, выступал путь «из варяг в греки», функционирование которого в первой половине X века подтверждается разнообразным археологическим материалом (Ениосова, Пушкина, 2012. С. 76).

Говоря о начальных этапах формирования гнёздовского комплекса вооружения, необходимо отметить, что никаких свидетельств о влиянии на этот процесс местного населения, представленного носителями культуры смоленских длинных курганов (*далее КСДК*), нет. На основании археологических данных можно утверждать низкий уровень милитаризации общества смоленских кривичей и отсутствие у них профессиональных воинов (дружинников). Предметов вооружения в погребениях *носителей* этой археологической культуры крайне мало, они разбросаны на обширной территории и по большей части представлены образцами оружия, которые можно использовать как на войне, так и в быту. В одной из обобщающих работ, посвященных кривичам, Е.А. Шмидт перечисляет немногочисленные предметы вооружения, найденные в захоронениях носителей КСДК. Это наконечник копья (тип III по А.Н.К.) в кургане № 7 у д. Шугайлово, наконечник стрелы (т. 62 по А.Ф.М.) в кургане № 50 у д. Заозерье и топоры (2 экз. типа VIII по А.Н.К. и один обломок узколезвийной части) – курган № 6 у пос. Колодня, курган у д. Еловцы, курган у пос. Катынь (Шмидт, 2012. С. 56). Помимо указанных предметов в работе В.В. Енукова упомянуты три наконечника стрел типа 2 (по А.Ф.М.) – курган №2 у д. Поречье, курган № 7 у пос. Рудня, погребение 2 у пос.

²¹⁸ Скорее всего, славянам (роменцам ?) принадлежали и два черешковых *наконечника* сулиц, происходящих из раскопок городища.

Свила I, ромбовидный наконечник стрелы типа 42? (по А.Ф.М.) – погребение 2, курган № 6 у д. Глинищи, наконечник копья типа III (по А.Н.К.) – курган № 5 у пос. Ярцево (Енуков, 1990. С. 68). Учитывая малочисленность коллекции оружия, трудно говорить о каком бы то ни было влиянии местного, «длиннокурганного», населения на формирующийся верхнеднепровский комплекс дружинного вооружения. Как единичный случай присутствия оружия, возможно, относящегося к КСДК стоит отметить находку на Центральном гнёздовском городище топора типа VIII (по А.Н.К.), схожего с топором, найденным в кургане у пос. Колодня (Шмидт, 2005в. С. 131. Рис. 12, 1). В.С. Нефедов указал на факт отсутствия погребений КСДК в гнёздовском могильнике, в то время как на поселении вещи этой культуры присутствуют в заметном количестве. Это обстоятельство, по его мнению, позволяет говорить, что «носители КСДК присутствовали в Гнёздове, но не жили там постоянно и не входили в состав раннегородской общины» (Нефедов, 2011. С. 77).

К первой половине (скорее, второй четверти) X века относится появление в Гнёздове западнославянского населения, связанного с Великой Моравией. Об этом свидетельствуют некоторые формы раннегончарной керамики, лунничные и гроздевидные височные кольца, форма для отливки колец нитранского типа, а также некоторые предметы вооружения и снаряжения всадника (Пушкина, 1987. С. 56). На высокий социальный статус части переселенцев указывают центральноевропейские шлем (курган Дн-86/Серг-1901), серебряная шпора, украшенная позолотой и черневыми вставками (курган Л-47/1949), а также боевые топоры-чеканы. Возможно, что и довольно ощутимое количество втульчатых наконечников стрел типов 1 и 2 (по А.Ф.М.), характерных для территории Великой Моравии – также результат проникновения в Гнёздово западных славян. Но центральноевропейское оружие и всадническое снаряжение никак не повлияли на дальнейшее развитие гнёздовского комплекса вооружения. Шлем (Дн-86/Серг-1901) и топор (Ц-50/Серг-1899) попали в погребения в третьей четверти X века. Наконечники

стрел тт. 1 и 2 продолжали существовать в комплексе Гнёздова на протяжении всей второй половины X века.

По материалам хорошо стратифицированного раскопа П-8 для середины X века предполагаются «существенные события в жизни обитателей Гнёздова» (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 70). После слоя мощного пожара, уничтожившего все постройки на этом участке, прослежен слой нивелировки, поверх которого возводятся сооружения следующего этапа. Материальная культура этого этапа несколько отличается от предшествующих. В керамическом материале фиксируется значительная доля «среднеднепровской» керамики, появляются детали ременной гарнитуры так называемой черниговской школы, а также волжско-болгарской традиции, появляются пиррофилитовые пряслица (Там же, с. 64, 70). К середине X века относится и выпадение пяти (шести?) из одиннадцати гнёздовских кладов (Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012. С. 264. Табл. 3). Авторы публикации материалов раскопа, объясняют эти изменения установлением «прямой зависимости Гнёздова от центральной киевской власти в эпоху начала княжения Святослава, возможно, что связано с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой» (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007. С. 70). В.С. Нефёдов также предполагает утверждение в Гнёздове киевской великокняжеской администрации, которое сопровождалось уничтожением старой гнёздовской элиты, относя это событие к первой половине 960-х годов.

К нововведениям в погребальной практике относится появление во второй половине X века ингумаций в деревянных камерах, в которых, по мнению В.С. Нефёдова, хоронит своих членов новая элита (Нефёдов, 2012. С. 289). Спор об этносоциальной принадлежности погребённых в древнерусских деревянных камерах имеет давнюю историю (Михайлов, 2016. С. 15–25). Не вдаваясь в дискуссию, разделим мнение К.А. Михайлова, считающего, что в камерах захоронены представители социокультурной общности, складывающейся «в первую очередь вокруг городов и первых древнерусских

князей, к которым примыкали выходцы из самых различных племенных и родовых групп», при наиболее заметном влиянии носителей североевропейских «культурных, религиозных и погребальных традиций» (Там же, с. 181). Появление захоронений в камерах не означает полной смены погребальной традиции, большая часть населения Гнёздова продолжает кремировать умерших. И, судя по тому, что погребения в камерах не формируют самостоятельных могильников или отдельных участков внутри курганных групп, группа населения, практикующего «камерный обряд захоронения», не обособляется от остальных.

Возвращаясь к судьбе Гнёздова в середине X века, обратим внимание, что Т.А. Пушкина и Н.В. Ениосова, считают, что раннегородской центр на Верхнем Днепре существовал независимо от Киева «вплоть до последних десятилетий X в.» и никакого подчинения Гнёздова киевской администрации в 940-х или 960-х годах не было (Ениосова, Пушкина, 2016. С. 295). Новые явления в культуре жителей Гнёздова, по мнению исследователей, связаны с «торговыми контактами, развитием моды и естественным процессом появления новых типов вещей на обширных пространствах Древней Руси» (Там же, с. 295).

Вне зависимости от конкретных причин, очевидны изменения, произошедшие в материальной культуре населения Гнёздова. В том числе это касается и комплекса вооружения. Ко второй половине X в. относится подавляющее число погребений с оружием Гнёздовского некрополя (как трупосожжений, так и трупоположений), а также большинство предметов вооружения, найденных при раскопках поселения. Увеличивается количество и разнообразие североевропейского оружия. Помимо мечей и ланцетовидных наконечников копий, появляются боевые ножи и круглые щиты с металлическими деталями, некоторые новые типы ланцетовидных наконечников стрел (т.г. 75, 79 по А.Ф.М.). Но наиболее примечательным для этого времени является массовое распространение предметов вооружения,

аналогии которым можно найти в материалах кочевнических культур — шлем из кургана Ц-41/Сиз-1885, детали сабель из курганов Ц-3/1950, Л(Гл)-80/1952, топоры типа I (по А.Н.К.), наконечники копий типа V (по А.Н.К.), кистени, значительное количество типов ромбовидных и трехлопастных наконечников стрел, сложносоставные луки и весь комплекс снаряжения конного лучника (колчаны с металлическими деталями, налущья). Определение конкретных этносов, элементы комплекса вооружения которых появились в Гнёздове во второй половине X века, может быть пока приблизительным. По нашему мнению, к кругу салтовских (хазарских) древностей можно отнести шлем, сабли, большинство топоров типа I, кистени, трёхлопастные наконечники стрел, к венгерским – сложносоставные луки и комплекс снаряжения конного лучника. В погребениях и культурных напластованиях второй половины X века появляются элементы снаряжения всадника и коня (узда, удила и псалии, стремяна). В четырёх погребениях в деревянных камерах вместе с представительным набором вооружения погребённого сопровождал верховой конь.

Кочевнические оружие и всадническое снаряжение отражают «ориентализацию» формирующегося древнерусского комплекса вооружения, продиктованную необходимостью вести боевые действия против мобильных отрядов степняков и тяжеловооруженной византийской конницы (Каинов, 2014б. С. 99–100).

Еще одно явление в комплексе вооружения Гнёздова точно датировать сложно, но наиболее вероятно, что речь может идти о последней четверти X века. В погребениях, которые предположительно относятся к этому периоду, найдены предметы вооружения, появление и широкое распространение которых связано с территорией Древней Руси. Это, в первую очередь, топоры типов III и IV (по А.Н.К.), возможно, типа II. Наиболее вероятно, что древнерусским изобретением являются и ланцетовидные наконечники копий с соотношением длины втулки к длине пера как 1:1 или 1:2 и топоры типа II.

Наиболее вероятным регионом возникновения топоров тт. II, III и IV (по А.Н.К.) является Среднее Поднепровье. Ланцетовидные наконечники копий с укороченным пером, очевидно, возникли где-то на северо-западных территориях Древней Руси, максимально распространённых здесь во второй половине X века (Кирпичников, 1966б. С. 12).

К концу X – началу XI века относится появление в Гнёздове наконечников ножен мечей «восточно-прусской» группы по П. Паульсену. Вопрос о месте изготовления подобных наконечников дискуссионен²¹⁹. На территории Древней Руси эти цельнолитые наконечники (и подобные им) приходят на смену скандинавским, выполненным в «ажурной» технике литья. Чем вызвана эта смена, не совсем понятно. Возможно, Скандинавия перестает быть основным регионом, откуда (или через который) на Русь поступали мечи, и где вероятно, часть из них снабжалась ножнами с наконечниками. Теперь мечи производятся, собственно, на территории Древней Руси и возможно начинают импортироваться с территории Западной и Центральной Европы. Появление и начало производства цельнолитых наконечников на территории Восточной Европы можно связать и с византийским влиянием. Но осветить этот вопрос только на материалах Гнёздова невозможно, ввиду отсутствия достаточного количества материалов.

Прекращение существования Гнёздова как городского центра вызвано неизвестными нам событиями первой четверти XI в., в ходе которых, возможно, поселение было сожжено (Мурашева, 2012. С. 400–401; Нефёдов, 2012. С. 292–293). Новый политический и экономический центр Смоленской земли развивается в 12 км выше по Днепру. В дальнейшем жизнь на гнёздовском поселении продолжилась в значительно более скромных масштабах. Находки наконечников стрел XII–XIII веков и арбалетных болтов

²¹⁹ По нашему мнению, точка зрения П. Паульсена о появлении наконечников этой группы на территории Пруссии, ошибочно и основано только, на значительном количестве наконечников, найденных в этом регионе. Но находки оружия самых разных категорий и типов вообще характерно для этого региона. И в последнее десятилетие появилось значительное количество наконечников этой группы, которые, с нашей точки зрения позволяют ставить под сомнение мнение П. Паульсена.

XIV–XV веков свидетельствуют, что Гнёздово участвует в событиях более поздней истории Смоленской земли.

Выделенные этапы формирования гнёздовского комплекса вооружения, по нашему мнению, находят соответствие в процессе сложения общерусского комплекса боевых средств, который был обозначен в работах А.Н. Кирпичникова, и который мы можем представить на основе анализа синхронных памятников, материалы которых отражают процесс формирования древнерусской культуры.

В сложении древнерусского комплекса вооружения можно выделить несколько этапов. Учитывая отсутствие в большинстве случаев возможности узкой датировки предметов и комплексов, приходится оперировать временными промежутками не менее четверти столетия. Следует отметить, что археологические находки отражают явления с некоторым запаздыванием, то есть между появлением предметов в культуре и их широким распространением (достаточным, чтобы стать заметными в археологических находках) проходит время.

«Предгосударственный этап» (до конца IX века). До сих пор нет обобщающей работы, где были бы собраны предметы вооружения VIII–IX веков. Тем не менее, совершенно очевидно, что археологические источники не позволяют предполагать ни высокую степень милитаризованности местного населения, ни существование восточноевропейских дружин профессиональных воинов в VIII – первой половине IX века. Тем не менее, уже в этот период отмечается проникновение предметов, в том числе, связанных с вооружением профессиональных воинов.

Так в Старой Ладогe в ранних горизонтах найдены фрагмент кольчужного плетения (конец VIII – начало IX века), целый и обломок топора типа С (по J.P.) (вторая половина VIII – первая четверть IX века). В комплексе 750–760 годов, связанном с металлообработкой, автором раскопок Е.А. Рябининым предполагалось производство ланцетовидных наконечников стрел

(Рябинин, 1995. С. 52–56). Доказательством раннего проникновения мечей – уже со VIII века – на северо-запад будущего древнерусского государства служат находки в культурном слое Старой Ладogi деревянных мечей, несомненно копирующих реальное оружие – мечи ранних типов А, В, С (по J.P.) (Там же, с. 56). Реальность их появления в столь раннее время могут подтверждать и находки в Гнёздове деталей мечей второй половины VIII–IX века. По всей видимости, в VIII–IX веках мечи для будущей территории Древней Руси были редкими и дорогостоящими предметами. Попав сюда, меч продолжал бытовать достаточно продолжительное время, хотя в большинстве регионов Европы (в первую очередь близким к местам производства мечей) данный тип меча уже выходил из употребления.

Все перечисленные предметы вооружения можно уверенно связать с североевропейской традицией, что хорошо согласуется с присутствием скандинавского населения в Старой Ладoge уже с самого возникновения этого поселения (Носов, 2012. С. 105). Кроме Старой Ладogi североевропейские предметы вооружения найдены при раскопках Сарского городища – меч типа E (по J.P.), топор типа С (по J.P.), ланцетовидный наконечник копья типа E (по J.P.) с «готической» орнаментацией втулки и дамаскировкой пера и др. (Леонтьев, 1996. С. 115, 121–123). К сожалению, неясность археологического контекста не позволяют точно датировать время археологизации этих предметов, но особенности деталей рукояти меча, а также североевропейские датировки не исключают возможность их попадания на Сарское городище в IX веке (Каинов, 2011. С. 149–150).

В лесостепной и степной зоне на территории южной части будущего государства предметы вооружения VIII–IX веков найдены в основном в ареале роменской культуры Левобережья Днепра. По мнению А.В. Григорьева, большинство из них находят прямые аналогии в древностях салтово-маяцкой культуры (Григорьев, 2000. С. 142). Наибольшая концентрация предметов вооружения (в том числе и входящих в профессиональный комплекс

вооружения), а также снаряжения всадника и верхового коня связана с Битицким городищем, которое А.В. Григорьев считает крупным ремесленным и «административным центром или одним из центров Северской земли». Население этого центра было полиэтнично и кроме славян в него входило «одно из племен степной зоны» (Там же, с. 140–141, 175). Отдельные находки клинкового оружия кроме Битицкого отмечены также на городищах Донецком, Новотроицком, Титчиха (Там же, с. 140). Фрагменты кольчужного плетения, найденные в Волынцевском могильнике и на городище Титчиха могли быть как частями доспеха, так и фрагментами кольчужных сумочек, распространенных в кочевнических древностях. В целом характеризуя военное дело северян, А.В. Григорьев предполагал, что, хотя большинство носителей роменской культуры было вооружено, они в тоже время не были профессионалами и не составляли постоянного войска (Там же, с. 145). Также автором отмечено, что сложные в изготовлении предметы вооружения поступали с территории Хазарского каганата.

Таким образом, для «догосударственного» этапа характерно незначительное количество «профессиональных» предметов вооружения. Тем не менее, их проникновение фиксируется уже с VIII–IX веков. Это мечи, сабли, кольчуги, наконечники копий, топоры. В регионах, применительно к которым письменные источники говорят о данническом положении населения относительно Хазарского каганата – предметы вооружения имеют аналогии преимущественно в салтовском круге древностей, в регионах, где отмечено пребывание скандинавов, найдены предметы вооружения североевропейского происхождения. То есть найденные предметы «профессионального» комплекса вооружения связаны с проникновением иноэтничного населения. Никаких данных, свидетельствующих о наличии профессиональных дружин в это время у славянского населения, по нашему мнению, нет.

«Скандинавский» этап (конец IX – середина X века). Не вызывает сомнений, что на процесс образования древнерусского государства оказали

влияние выходцы из Северной Европы, известные письменным источникам под именем *русы*. Согласно летописи, в 882 году князь Олег, выйдя из Новгорода, захватил Смоленск и Киев. Археологические материалы отчетливо фиксируют «скандинавское присутствие» в Верхнем и Среднем Поднепровье только с начала X века.

Часть ранних предметов, в том числе и оружие, которые на территории Северной и Западной Европы датируются второй половиной VIII–IX веком, попадают в культурный слой или погребения этих регионов в первой половине X века – например, меч с перекрестием меча типа В (по J.P.) (Новоселки, курган 5) (Каинов, 2014. С. 39)²²⁰. Начало «археологизации» мечей, по всей видимости, связано с увеличением их количества на территории Древней Руси. В погребальные комплексы попадают не только мечи с рукоятями «устаревших» типов, но также и еще находящиеся «в моде» на территории остальной Европы (мечи типов D, E, H (по J.P.)). В первой половине X века количество и территориальный охват памятников со «скандинавским присутствием» значительно увеличивается. К наиболее достоверным погребальным комплексам с мечами, датирующимися первой половиной X века, относятся погребения в Гнёздовском могильнике – Ц-15/Кусц-1874, Л-13/1949, Л-35/1949, Ц-2/1950, Шестовицком могильнике – №№ 58 и 83, Михайловском могильнике – № 1/1902 и др. Из погребений второй четверти – середины X века помимо мечей происходят и другие предметы вооружения «профессионального» комплекса, Аналогии им широко представлены в Скандинавии, а само их проникновение на древнерусскую территорию связано с пришельцами из Северной Европы – круглые щиты с металлическими деталями, боевые ножи, ланцетовидные наконечники копий и стрел. В целом весь комплекс «профессионального» вооружения, распространившийся на ряде древнерусских памятников в конце IX – середине X века, можно уверенно связывать с проникновением скандинавов. Именно они, приняв самое непосредственное

²²⁰ Возможно, к более раннему времени (конец IX – первая четверть X века) относится находка клинка меча в погребении 3 могильника Плакун (Назаренко, 1985. С. 165).

участие в образовании государства, составили наиболее профессиональную часть войска Руси в этот период. Не вызывает сомнения и участие в формировании дружин русов местного славянского и финского населения, выступавших в качестве людского резерва для их пополнения. Тем более, что североевропейские воины сражались пешими, в том числе и знакомыми славянам и финнам топорами и копьями. Как исключительно пеших воинов характеризуют русов арабские и византийские письменные источники. *Ибн-Русте*: «Они (русы) храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Они высокого роста, статные и смелые в нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях» (Древняя Русь..., 2009. С. 49). *Лев Диакон*: «Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле» (Там же, с. 201).

Отмеченные в составе гнёздовской коллекции великоморавские предметы вооружения и всаднического снаряжения (шлем из кургана Дн-86/Серг 1901, топор из погребения Ц-50/Серг-1899, топор из раскопа ГС-IV/1971, обломок серебряной шпоры из кургана Л-47/1949 наряду с керамикой и рядом ювелирных украшений позволяют предположить проникновение в Гнёздово в рамках первой половины X века населения с территории Центральной Европы (Великой Моравии). Но этот центральноевропейский «импульс» не оказал сколько-нибудь значительного влияния на процесс сложения древнерусского комплекса боевых средств, и в рамках Древней Руси он только в Гнёздове представлен несколькими находками.

В незначительном количестве в комплекс вооружения попадает оружие, связанное с кочевническими культурами – наконечники-пики (тип V по А.Н.К.), ромбовидные наконечники стрел, стремена. Но особенно ощутимым этот процесс становится во второй половине X века.

«Древнерусский» этап (с середины X века). Возрастающие амбиции древнерусского государства, проявившиеся, в том числе, и в южном

направлении, приводили к конфликтам с Хазарским каганатом и Византийской империей. Ведение военных действий против мобильных конных отрядов степняков, а также против тяжеловооруженной византийской конницы значительно осложнялось отсутствием собственных всадников. Эта проблема решалась путём заключения союзных отношений с отдельными кочевническими ордами. Так в походе князя Игоря на Византию в 944 году его союзниками выступали печенеги, в военной кампании князя Святослава против Болгарии и Византии – венгры (Древняя Русь..., 2010. С. 196).

Предположительно в середине X века предпринимаются усилия по созданию собственных конных отрядов. По сообщению византийского императора Константина Багрянородного русы покупали у печенегов лошадей (Древняя Русь..., 2010. С. 152–153). Есть также сведения о покупке сёдел и узды у чехов в Праге (Кирпичников, 1971. С. 56). Первая, зафиксированная письменным источником, попытка русов попробовать свои силы в сражении верхом была предпринята в битве под Доростолом в 971 году: *«... скифы к концу дня выехали из города верхом – они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромеи тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копьё (они пользуются в битвах очень длинными копьёми) и стремительно, грозной лавиной понеслись на врагов. Ромейские копьё поражали [скифов], не умевших управлять лошадьми при помощи поводьев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами»* (Древняя Русь..., 2010. С. 206). Несомненно, боевое сотрудничество со степняками и попытки создания собственной конницы нашли отражение и в комплексе боевых средств. Перенимая навыки боя верхом на лошади, русские дружинники заимствуют и многие предметы материальной культуры, характерные именно для всаднических культур. В середине – второй половине X века на территории Древней Руси распространяются сфероконические шлемы, пластинчатый доспех (?), сабли, кистени, сложносоставные луки и снаряжение конного

лучника, наконечники копий-пик, а также некоторые категории предметов, связанных со снаряжением и убранством коня. Помимо вооружения и снаряжения заимствуется и мода на ношение всаднических элементов одежды – кафтаны, наборные пояса, сумки-ташки (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 241–242). Всаднические предметы вооружения и снаряжения коня появляются в таких отдалённых от юга раннегородских центрах как Старая Ладога, Новгород, Псков. Наиболее вероятно, что большинство вышеуказанных заимствований попало в состав древнерусского комплекса с территории Хазарского каганата и, вероятно, из Венгрии.

С изменениями в комплексе боевых средств изменяется и боевая тактика русских дружин. Если походы второй половины IX – первой половины X века осуществлялись дружинами русов на кораблях, что существенно ограничивало театр военных действий, то князь Игорь в 944 году, заключив союз с печенегами, идёт воевать с византийцами «на лодьях и на конях» (Ипатьевская летопись, 1998. С. 34). Войско князя Святослава в союзе с венграми во время войны с Византией (970–971 гг.) осаждают и обороняют города, участвует в многотысячных полевых сражениях, в том числе и в качестве конных отрядов.

Процесс «номадизации» древнерусского комплекса боевых средств не был простой сменой «северного» (пешего) комплекса на «южный» (всаднический). Количество североевропейских предметов вооружения во второй половине X века значительно увеличивается, при этом новые типы оружия (мечей, наконечников копий и стрел) появляются на территории Древней Руси почти одновременно с их появлением на территории Скандинавии.

Важно отметить, что одни и те же типы предметов вооружения встречаются как на севере, так и на юге древнерусского государства. Например, детали сложносоставных луков «венгерского» типа найдены как в южной Шестовице, так и в северной Старой Ладоге. Это обстоятельство позволяет нам утверждать, что во второй половине X века складывается общерусский

дружинный комплекс боевых средств, вне зависимости от ландшафтной приуроченности того или иного региона.

Очень мало можно сказать о влиянии Византии на формирование древнерусского комплекса. Предположительно византийскими следует считать некоторые мечи типа А-местный (по А.Н.К.), в первую очередь меч, найденный у с. Карабчиево (Кирпичников, 1966а. С. 36. Рис. 31). Помимо растительной орнаментации, украсившей рукоять, от остальных находок этого типа карабчиевский меч отличает высокое качество проработки деталей и плоскостная технология укладки черни, в отличие от черни, грубо уложенной в узкие канавки у большинства остальных мечей этого типа. Совершенно аналогичны по орнаментации, степени проработки деталей и технологии укладки черни некоторые наконечники ножен «варяжско-ливской» группы (по типологии П. Паульсена) (Paulsen, 1953. P. 103–107. Abb. 135). Меч из Карабчиева А.Н. Кирпичников относит к первой половине XI века, аналогично датирует наконечники «варяжско-ливской» группы и П. Паульсен. Концом X – началом XI века датируется погребение в Десятинной церкви, содержащее фрагмент клинка меча и серебряный наконечник ножен, украшенный чернью, также как и ременные детали портупей (Андросчук, Панченко, Ковалюх, 1996. С. 43–46). В.Н. Зоценко предлагал искать истоки подобных высоких серебряных наконечников «в традиции художественного оформления парадных ножен холодного колюще-режущего оружия Византийской империи» (Зоценко, 1999. С. 38). Возможно, именно высокие наконечники послужили прототипом для некоторых групп цельнолитых наконечников, в том числе и «восточно-прусской».

Можно предположить византийское происхождение булав типа I (по А.Н.К.), оппонируя предположению А.Н. Кирпичникова о юго-восточном (степном) происхождении булав этого типа (Кирпичников, 1966б. С. 48). Булава, найденная в Саркеле/Белой Вежи, послужившая основой для отличного от нашего предположения, происходит не из хазарского, а из древнерусского

слоя памятника, датирующегося второй половиной XI – началом XII века (Плетнёва, 2006. С. 207, 346. Рис. 82, 1). В степных памятниках не известно ни одной достоверной находки булавы. В тоже время булавы в качестве вооружения пехотинцев и всадников упоминаются в византийских источниках (Никифор II Фока, 2005. С. 6, 23–24). Самые ранние древнерусские булавы типа I найдены в могильнике Заславля, Минская обл. Беларусь (конец X – начало XI века) и на селище Петруши, Черниговская обл. Украина (конец X–XI век) (Плавинский, 2009. С. 364).

Древнерусский комплекс боевых средств формировался не только за счет иноэтничных заимствований. Во второй половине X века (наиболее вероятно с последней четверти X века) вырабатываются собственные древнерусские типы вооружения – ланцетовидные наконечники копий типа I с коротким пером, топоры типа III и IV (по А.Н.К.). Налаживается собственное производство мечей с клеймами на клинках, выполненными буквами кириллического алфавита (Кирпичников, 1998. С. 246–251). Собственное клинковое производство согласуется с изготовлением древнерусских вариантов рукоятей мечей типа А-местный (по А.Н.К.) (Каинов, Стефутин, 2012. С. 156). Ряд находок позволяет предполагать местное производство сабельных перекрестий и деталей ножен (Кирпичников, 1966а. С. 69). Морфологические особенности некоторых изначально заимствованных типов топоров и наконечников стрел также свидетельствуют об их местном производстве.

Совершенно очевидно, что древнерусская воинская материальная культура второй половины X века складывалась при отчётливом взаимодействии двух военно-технических «традиций». Первая «традиция» связана с пешим боем. Её носителями являлись как пришельцы – скандинавы, которые составляли наиболее профессиональную часть древнерусских дружин, так и народы, жившие на территории формирующегося Древнерусского государства – славяне и финны, выступавшие в походы в качестве ополчения, а также постепенно вливавшимися в состав дружин. Вторая «традиция» отразила

влияние степного мира – мира всадников, сражающихся верхом на конях. Хазары, печенеги, венгры и другие степные народы, оставаясь одними из главных врагов древнерусского государства, в то же время, зачастую выступали как его союзники и федераты, способствуя тем самым обучению русских дружинников навыкам конного боя и созданию собственной конницы Древней Руси. Изначально для каждой из вышеуказанных «традиций» были свойственны присущие только ей как предметы вооружения и снаряжения коня, так и одежда и украшения. Постепенно в результате взаимодействия на их основе сложился собственный древнерусский комплекс боевых средств.

Заключение

Изучение военного дела и его материальной составляющей – предметов вооружения – являются неотъемлемой частью изучения истории и культуры любого общества. Сложение древнерусской воинской культуры проходило одновременно с процессом образования государства, и было также растянуто во времени. Наиболее интенсивно процесс формирования древнерусской воинской культуры проходил в рамках социумов поселений, расположенных на международных торговых путях и являвшихся военно-административными и торговыми центрами. Именно здесь располагались отряды профессиональных воинов (дружинников) и аккумулировались наиболее передовые достижения военно-технической мысли. Есть основания наиболее крупные памятники, связанные с «дружинной культурой» рассматривать как раннегородские центры, одним из которых было Гнёздовское поселение.

Изучение археологических коллекций, полевой и архивной документации, позволило заключить, что за период с 1867 по 2012 год на территории Гнёздовского археологического комплекса найдено не менее 750 целых и фрагментированных предметов, относящихся к наступательному и защитному вооружению и снаряжению. Эти предметы в подавляющем большинстве происходят из археологических раскопок, а также являются случайными находками, в основном из разрушенных курганов. Наступательное оружие представлено *кинжальным оружием* – мечи, сабли, боевые ножи, *древковым оружием* – копья, топоры, кистени и *метательным оружием* – лук и стрелы, а также снаряжением конного лучника – колчаны, налуч. К защитному вооружению относятся шлемы, кольчуги, пластинчатые доспехи и щиты.

В составе гнёздовской коллекции вооружения представлены предметы, происхождение которых можно связать с разными регионами и этносами. Наиболее заметны и чётко определяемы скандинавские предметы или предметы, поступавшие при посредстве скандинавов. В первую очередь это

мечи – основное оружие профессиональных воинов. К североевропейским также следует отнести боевые ножи с характерно украшенными ножнами, ланцетовидные наконечники копий (тип I по А.Н.К.), наконечники копий типа F (по типологии В. Solberg), топоры типа С (по J.P.), ланцетовидные наконечники стрел (тт. 62, 63, 75, 77, 78, 79 по А.Ф.М.), круглые щиты с металлическими деталями. Второй относительно многочисленной группой предметов вооружения является оружие, чье происхождение связано с различными всадническими культурами. Предположительно с хазарами можно связать сфероконический шлем (тип II по А.Н.К.), сабли, наконечники копий типа V (по А.Н.К.), топоры типа I, кистени, трёхлопастные наконечники стрел. С венгерским влиянием можно связать сложносоставные луки и снаряжение конного лучника – колчан и налучье, а также, возможно, некоторые типы ромбовидных наконечников стрел. Менее значителен вклад в комплекс вооружения Гнёздова предметов, чье происхождение связано с территорией Великой Моравии – двухчастный конический шлем (тип I по А.Н.К.), три топора и, возможно, втульчатые наконечники стрел тт. 1 и 2 (по А.Ф.М.). Именно сравнительно заметное присутствие центральноевропейского вооружения представляется отличительной чертой гнёздовского комплекса вооружения. Местное население – носители культуры смоленских длинных курганов – никакого влияния на формирование комплекса вооружения Гнёздова не оказало.

В ходе археологических исследований памятника различными исследователями раскопано по разным оценкам от 1 000 до 1 300 курганов. Предметы наступательного и защитного вооружения (268 экз.) зафиксированы в 116 погребальных комплексах. В подавляющем большинстве погребений оружие представлено одним предметом (92 случая), реже двумя (18), тремя (7) или четырьмя (1). Наиболее представительные по набору оружия погребения (6 и 7 видов вооружения) найдены в так называемых Больших курганах, возведенных над погребениями представителей гнёздовской элиты. При

подсчете соотношения курганов с предметами вооружения к раскопанным курганам, из 345 курганов, вошедших в выборку, предметы вооружения выявлены в 65 комплексах, что составляет около 18,8 %, что является одним из самых высоких показателей для древнерусской территории.

Сравнение коллекции предметов вооружения, происходящей из Гнёздова с материалами Ярославского Поволжья и Среднего Поднепровья (Шестовиц, Киева и Чернигова), с нашей точки зрения, свидетельствует о разном характере и разном значении рассматриваемых памятников. Если Гнёздово и Шестовицы – укрепленные пункты, интегрированные в инфраструктуру «пути из варяг в греки», то памятники Ярославского Поволжья находились на периферии государствообразующих процессов и были удалены от магистральных путей. При этом Гнёздово, несомненно, отличается от Шестовиц и своими масштабами, концентрацией серебра и монументальными погребальными памятниками, воздвигнутыми над представителями высшего элитарного слоя. Коллекция предметов вооружения, найденных в погребениях, её количественный и качественный состав позволяют сравнивать Гнёздово с Киевом и Черниговом – признанными ранними древнерусскими городами. Именно трактовка Гнёздова как одного из ранних городов Древней Руси утверждается в последнее время в работах ряда исследователей.

В ходе археологических раскопок на Центральном гнёздовском поселении изучено более 7 000 квадратных метров. При этом найдено 445 предметов вооружения. Основными зонами концентрации предметов вооружения являются Центральное городище и огороженный комплекс построек (усадебный?), расположенный с восточной стороны в непосредственной близости от городища (раскоп ВС-4). Количество оружия, а также его состав, позволяет предполагать размещение на городище отряда профессиональных воинов. Сравнение насыщенности культурного слоя предметами вооружения демонстрирует значительное опережение Гнёздовского городища по количеству и качеству оружия не только Тимерёвского селища и Сарского

городища, но и Рюрикова городища – резиденции князя и его дружины в X в. Это служит дополнительным аргументом в пользу высокого статуса Гнёздова в иерархии древнерусских поселений.

Наиболее ранние предметы вооружения в Гнёздове датируются VIII–IX веками. Они представлены вещами, которые можно связать с проникновением на восточноевропейскую территорию скандинавов – детали мечей (тт. В и 2 особый/Mannheim) и топоры типа С (по J.P.). Тот факт, что эти предметы найдены в археологическом контексте X века, оставляет открытым вопрос о времени их появления в Гнёздове. Но обнаружение слоев IX века на пойменном участке селища позволяет более обосновано предполагать существование раннего поселения и на территории городища и террасных участках селища. Трёхлопастные наконечники стрел, возможно, маркируют какие-то связи Гнёздова с более южными территориями уже в IX веке.

Для первой половины X века были характерны североевропейское и незначительное количество всаднического оружия. Наиболее заметное количественное и качественное изменение гнёздовского комплекса вооружения происходит в середине X века, в первую очередь за счёт значительного увеличения числа оружия, связанного с всадническими культурами. В историографии было высказано предположение, что причина изменений в материальной культуре (которые сопровождались пожаром и выпадением серии кладов) – подчинение Гнёздова великокняжеской власти, в ходе которого была уничтожена местная элита и появилась новая знать из Среднего Поднепровья.

Вероятно, в последней четверти X века в Гнёздово проникают и уже собственно древнерусские предметы вооружения – с территории Среднего Поднепровья топоры типов III и IV (по А.Н.К.), с Северо-Запада – ланцетовидные наконечники копий с коротким пером.

Анализ хронологического распределения предметов вооружения подтверждает вывод о сокращении интенсивности жизни на гнёздовском

поселении начиная с XI века, что было связано с утратой Гнёздовым раннегородских функций. Тем не менее, жизнь на поселении не прекращается, о чем свидетельствуют наконечников стрел поздних типов и наконечники арбалетных болтов.

Намеченные этапы сложения гнёздовского комплекса боевых средств находят соответствие в процессе формирования общерусского комплекса вооружения, в котором выделяется *догосударственный* (до конца IX века), *скандинавский* (конец IX – середина X века) и *древнерусский* (с середины X века) этапы.

Древнерусская воинская материальная культура складывалась при отчётливом взаимодействии двух военно-технических «традиций». Носителями первой, связанной с пешим боем, выступали скандинавы (составлявшие наиболее профессиональную часть дружин), а также славяне и финны, постепенно вливавшиеся в состав дружин. Вторая «традиция» связана с миром воинов, сражающихся верхом на конях. Хазары, печенеги, венгры и другие степные народы, не только воевали с русскими дружинами, но и, выступая в качестве союзников, способствовали обучению русских дружинников навыкам конного боя. Именно на территории Древней Руси обе «традиции» вошли во взаимодействие, на основе которого сложился собственный древнерусский комплекс боевых средств.

Список сокращений

- АН УССР – Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГЭ – Государственный Эрмитаж
- ДонНУ – Донецкий национальный университет
- ЗОРСА РАО – Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества
- ИАК – Императорская археологическая комиссия
- ИА НАН – Інститут археології Національної академії наук України
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИСО – Материалы по изучению Смоленской области
- РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
- САИ – Свод археологических источников
- СГМЗ – Смоленский государственный музей-заповедник
- СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
- ФГА МГУ – Фонды кафедры археологии Московского государственного университета
- SMYA – Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja
- ZWK – Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

1. Авдусин, Д.А. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 341.
2. Авдусин, Д.А. Отчет Смоленской экспедиции за 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №836.
3. Авдусин, Д.А. Отчет о раскопках гнёздовских курганов в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №2512.
4. Авдусин, Д.А. Работы Смоленской экспедиции [в 1970 г.]. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №4337.
5. Авдусин, Д.А., Асташова, Н.И., Пушкина Т.А. Отчет о работе Смоленской экспедиции [в 1974 г.]. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №5132.
6. Авдусин Д.А., Асташова Н.И., Каменецкая Е.В. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнёздове Смоленской археологической экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5913.
7. Авдусин, Д.А., Асташова, Н.И., Пушкина, Т.А. Отчет о работе Смоленской экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в 1976 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №6150.
8. Авдусин, Д.А., Каменецкая, Е.В., Пушкина, Т.А. Отчет о работах Смоленской археологической экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8708.
9. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции за 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №№ 9515, 9515а.
10. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ за 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №12251.
11. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ за 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14423.

12. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова в 1991 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №16006.

13. Сергеев, С.И. Дневник раскопок, произведённых С.И. Сергеевым в 1900 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1901. Д.7.

14. Шмидт, Е.А. Отчет об археологической разведке в Смоленской области летом 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №569.

Диссертации

15. Авдусин, Д.А. Дружинные курганы кривичей: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Авдусин Даниил Антонович. – М., 1948. – 230 с.

16. Жарнов, Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам гнёздовского некрополя: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Жарнов Юрий Эдуардович. – М., 1992. – 311 с.

17. Каменецкая, Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Каменецкая Елена Викторовна. – М., 1977. – 213 с.

18. Каминский, В.Н. Вооружение племён аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Каминский Владимир Николаевич. – Владикавказ, 1991. – 447 с.

19. Крыганов, А.В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VII–X вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Крыганов Андрей Васильевич. – Харьков, 1987. – 371 с.

Литература

20. Авдусин, Д.А. Раскопки в Гнёздове / Д.А. Авдусин // КСИИМК / отв. ред. А.Д. Удальцов. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. – Вып. XXXVIII. – С. 72-81.

21. Авдусин, Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. / Д.А. Авдусин // МИСО / отв. ред. Д.И. Будаев. – Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1952а. – Вып. 1. – С. 311-367.
22. Авдусин, Д.А. Гнездовская экспедиция / Д.А. Авдусин / отв. ред. А.Д. Удальцов. – М.: АН СССР, 1952б. – Вып. XLIV. – С. 93-103.
23. Авдусин, Д.А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) / Д.А. Авдусин // МИСО / отв. ред. Д.И. Будаев. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1957. – Вып. 2. – С. 113-183.
24. Авдусин, Д.А. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского / Д.А. Авдусин // Культура и искусство Древней Руси / отв. ред. М.И. Артамонов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. – С. 21-25.
25. Авдусин, Д.А. Отчет о раскопках в Гнездове в 1957–1960 гг. / Д.А. Авдусин // МИСО / отв. ред. Д.И. Будаев. – Смоленск: Изд-во «Московский рабочий», 1970. – Вып. 7. – С. 236-286.
26. Авдусин, Д.А. Главы из монографии «Гнездово» (1992–1993). Обзор местоположения / Д.А. Авдусин // Гнездовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Труды ГИМ / отв. ред. В.Л. Егоров. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – Вып. XXXVI. – С. 7-12.
27. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. Серия 8. История. – 1982. – № 1. – М.: МГУ, 1982. – С. 68-80.
28. Авдусин, Д.А., Пушкина, Т.А. Три погребальных камеры из Гнездова Д.А. Авдусин, Т.А. Пушкина // История и культура древнерусского города / отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 190-205.
29. Авдусина, С.А., Зозуля, С.С. Исследования на территории Ольшанского городища под Смоленском в 2008–2009 / С.А. Авдусина, С.С. Зозуля // Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования.

Вып. 1. Труды ГИМ / отв. ред. С.Ю. Каинов. – М.: Изд-во ГИМ, 2018. – Вып. 210. – С. 12-27.

30. Алешковский, М.Х. Курганы русских дружинников XI–XII вв. / М.Х. Алешковский // Советская археология / отв. редактор А.В. Арциховский. – М.: Изд-во «Наука», 1960. – № 1. – С. 70-90.

31. Амброзиани, Б., Андрощук, Ф. Вооружение и восточные контакты Бирки / Б. Амброзиани, Ф. Андрощук // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст.: матеріали міжнар. польового археологіч. семінару (Чернігів - Шестовиця, 20-23 липня 2006 р.). – Чернігів: «Сіверянська думка», 2006. – С. 3-16.

32. Андреева, Е.Г. Остеологические материалы из Гнёздова / Е.Г. Андреева // Советская археология / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – № 1. – С. 56-63.

33. Андрощук, Ф.А. Нормани і слов'яни у Подесенні (Моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя) / Ф.А. Андрощук. – Київ, 1999. – 140 с.

34. Андрощук, Ф.А. Гнёздово, днепровский путь и финал Бирки / Ф.А. Андрощук // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 126-135.

35. Андрощук, Ф.А. О первой археологической находке из Шестовицы / Ф.А. Андрощук // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. / отв. ред. О.Р. Моця. – Київ: «Корвін Пресс», 2004. – С. 3-7.

36. Андрощук, Ф. Мечи викингов / Ф. Андрощук. – Киев: «Простір», 2013. – 712 с.

37. Андрощук, Ф.А., Панченко, М., Ковалюх, М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (Хронологічний аналіз поховальних комплексів) / Ф.А. Андрощук, М. Панченко, М. Ковалюх // Церква Богородиці Десятинна в Києві / ред. П.П. Толочко. – Київ: АртЕк, 1996. – С. 43-46.

38. Артемьев, А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого / А.Р. Артемьев // Материалы по археологии Новгорода. 1988 г. / ред. В.Л. Янин, П. Г. Гайдуков. – М., 1990. – С. 5-28.
39. Артемьев, А.Р. Скрамасакс из псковского некрополя X - начала XI вв. / А.Р. Артемьев. // Археологические вести / глав. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. – №5. – С. 228-232.
40. Биро, А., Ланго, П., Тюрк, А. Роговые накладки лука Карпатской котловины X–XI вв. / А. Биро, П. Ланго, А. Тюрк // Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных работ. Том 7. Хазарское время. / глав. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: ДонНУ, 2009. – С. 407-440.
41. Бліфельд, Д.І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. / Д.І. Бліфельд // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V / отв. ред. С.М. Бибииков. – Київ: АН УРСР, 1955. – С. 12-21.
42. Бліфельд, Д.І. Древноруський могильник в Чернігові / Д.І. Бліфельд // Археологія / отв. ред. С.М. Бибииков. – Київ: Изд-во «Наукова Думка», 1965. – Вип. XVIII. – С. 105-138.
43. Бліфельд, Д.І. Давноруські пам'ятки Шестовиці / Д.І. Бліфельд. – Київ: Наукова думка, 1977. – 234 с.
44. Бобров, Л.А. Киданьский шлем из Забайкальского краеведческого музея / Л.А. Бобров // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. – Новосибирск: «Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН», 2013. – С. 75-79.
45. Бобров, Л.А., Худяков, Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Л.А. Бобров, Ю.С. Худяков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 784 с.
46. Богуславский, О.И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII веков / О.И. Богуславский // Проблемы хронологии и периодизации в археологии / отв. ред. А.Н. Кирпичников. – Л., 1991. – С. 99-114.

47. Богуславский, О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX–XII вв. / О.И. Богуславский // Древности Северо-Запада России Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. – СПб., 1993 – С. 132-157.

48. Боталов, С.Г. Урало-алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги / С.Г. Боталов // Археологий евразийских степей. Материалы IV Международного Мадыарского симпозиума / гл. ред. А.Г. Ситдигов. – Казань, 2018. – С. 13-34.

49. Бохан, Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю.М. Бохан. – Мінск: УП Экаперспектыва, 2002. – 336 с.

50. Бредіс, Н. Технологічні дослідження стародавнього меча з княжого поховального комплексу / Н. Бредіс // Церква Богородиці Десятинна в Києві / ред. П.П. Толочко. – Київ: АртЕк, 1996. – С. 47.

51. Бугославский, Г.К. О результатах изысканий Гнёздовского могильника, Смоленскаго уезда, произведенных 23 июня – 12 сентября 1899 г., и несколько слов о самом могильнике / Г.К. Бугославский // Смоленская старина – Смоленск: Смоленская учёная архивная комиссия, 1909. – Вып. 1. – С. 3-14.

52. Булкин, В.А. Большие курганы Гнёздовского могильника / В.А. Булкин // Скандинавский сборник / отв. ред. А. Нугис. – Таллин: Изд-во «Ээсти Раамат», 1975. – Вып. XX. – С. 134-145.

53. Булкин, В.А., Дубов, И.В., Лебедев, Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков / В.А. Булкин, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л.: ЛГУ, 1978. – 148 с.

54. Булкин, В.А. «Курган 97» из раскопок С.И. Сергеева в Гнёздове / В.А. Булкин // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья / отв. ред. А.Д. Столяр. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982 – С. 138-142.

55. Булкин, В.А., Назаренко, В.А. О нижней дате гнездовского могильника / В.А. Булкин, В.А. Назаренко // КСИА / отв. ред. И.Т. Кругликова. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – Вып. 125. – С.13-16.

56. Варфоломеева, Т.С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде / Т.С. Варфоломеева // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Новгород, 26-28 января 1994 г.) / ред. В.Л. Янин. – Новгород, 1994. – Вып. 8. – С. 166-182.

57. Вешнякова, К.В. Сасанидская печать из Гнёздова / К.В. Вешнякова // Древние культуры и технологии: Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. Археологические изыскания – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – Вып. 34. – С. 64-70.

58. Вешнякова, К.В., Булкин, В.А. Ремесленный комплекс гнёздовского поселения / К.В. Вешнякова, В.А. Булкин // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124 – С. 40-53.

59. Вешнякова, К.В. История изучения мечей эпохи викингов / К.В. Вешнякова // Ян Петерсен. Норвежские мечи эпохи викингов / пер. с норв. К. Вешнякова. – СПб.: «Альфарет», 2005. – С. 307-331.

60. Волков, И.В. Бронзовая булава из раскопок 1998 г. в Новгороде / И.В. Волков // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Новгород, 26-28 января 1999 г.) / отв. ред. В.Л. Янин. – Новгород, 1999. – Вып. 13. – С. 107-155.

61. Гайдуков, П.Г., Дубровин, Г.Е., Тарабардина, О.А. Хронология Троицкого XI раскопа / П.Г. Гайдуков, Г.Е. Дубровин, О.А. Тарабардина // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы научной конференции (Великий Новгород, 23-25 января 2001 г.) / ред. В.Л. Янин. – Великий Новгород, 2001. – Вып. 15 – С. 79-81.

62. Голубева, Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. / Л.А.

Голубева. – М.: Наука, 1973. – 216 с.

63. Голубева, Л.А. Новые скандинавские находки в Белозерье / Л.А. Голубева // Советская археология / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – № 3. – С. 227-229.

64. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. / В.В. Горбунов // Часть I: Оборонительное вооружение (доспех) / науч. ред. А. А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 174 с.

65. Горелик, М.В. Воины Киевской Руси IX–XI вв. / М.В. Горелик // «Цейхгауз» / гл. ред. В. Передерий. – М.: «Militaria Rossica», 1993а. – № 1(2). – С. 20-25.

66. Горелик, М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. / М.В. Горелик // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.Е. Медведев. – Новосибирск: «Наука», 1993б. – С. 149-179.

67. Горелик, М.В. Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV век до н.э. / М.В. Горелик. – СПб.: «Атлант», 2003. – 336 с.

68. Горюнова, В.М., Малышева, Н.Н. Керамический комплекс древнерусского некрополя Пскова / В.М. Горюнова, Н.Н. Малышева // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. СПб., 2012. Т. I: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) / отв. ред. И.К. Лабутина. – М.-СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 91-110.

69. Григорьев, А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным / А.В. Григорьев. – Тула: «Гриф и К°», 2000. – 263 с.: ил.

70. Давидан, О.И. Гребни Старой Ладogi / О.И. Давидан // Археологический сборник Государственного Эрмитажа – Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. – Вып. 4. – С. 95-108.

71. Давидан, О.И. Староладожские изделия из кости и рога / О.И. Давидан // Археологический сборник Государственного Эрмитажа – Л.-М.: «Советский художник», 1966. – Вып. 8. – С. 103-115.

72. Двуреченский, О.В. Наконечники стрел Московского государства конца XIV–XVII века / О.В. Двуреченский // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / отв. ред. А.В. Энговатова. – М.: ИА РАН, 2007. – Вып. 3. – С. 277-331.

73. Двуреченский, О.В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря / О.В. Двуреченский // Военная археология / отв. ред. О.В. Двуреченский. – М.: «Квадрига», 2008. – Вып. 1. – С. 55-93.

74. Доброва, О.П. Полихромные бусы центрального городища Гнёздова из раскопок 2004-2012 гг. / О.П. Доброва // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина (1902-1968) / ред. О.А. Щеглова. – СПб.: СОЛО, 2012. – С. 215-218.

75. Дорошко, В.В. Защитное вооружение из раскопок Византийского Херсона / В.В. Дорошко // Владимирский сборник / отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. – Калининград: ИД «РОС-ДОАФК», 2016. – С. 61-72.

76. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Том. III: Восточные источники. Сост. Ч. I – Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. II – В. Я. Петрухин. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2009. – 264 с.

77. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том II: Византийские источники. Сост. М. В. Бибиков. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 384 с.

78. Ениосова, Н.В. Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы / Н.В. Ениосова // История и эволюция древних вещей / глав. ред. Ю.Л. Щапова. – М.: МГУ, 1996. – С. 100-121.

79. Ениосова, Н.В. Литейные формы Гнёздова / Н.В. Ениосова // Историческая археология: Традиции и перспективы / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – С. 67-81.

80. Ениосова, Н.В., Пушкина, Т.А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. / Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина // Сугдейский сборник / отв. ред. А.М. Фарбей. – Киев-Судак: «ТОВ «Горобец», 2012. – Вып. V. – С. 34-85.

81. Ениосова, Н.В., Пушкина, Т.А. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации / Н.В. Ениосова, Т.А. Пушкина // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. – М., 2016. – С. 258-303.

82. Енуков, В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей: по археологическим материалам / В.В. Енуков. – М., 1990. – 262 с.

83. Жарнов, Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове / Ю.Э. Жарнов // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / ред. Д.А. Авдусин. – М.: Издательство Московского университета, 1991а. – С. 200-225.

84. Жарнов, Ю.Э. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства / Ю.Э. Жарнов // Советская археология / гл. ред. С.А. Плетнёва. – М.: Изд-во «Наука», 1991б. – №2. – С. 76-89.

85. Жарнов, Ю.Э. Гнёздовские курганы с остатками труположения / Ю.Э. // Историческая археология: Традиции и перспективы / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – С. 92-105.

86. Жигола, В.С., Скороход, В.М. Новітні методи фіксації в археології / В.С. Жигола, В.М. Скороход // Археологія / гл. ред. В.П. Чабай. – Київ: ИА НАН України, 2019. – №1. – С. 118-130.

87. Зозуля, С.С. Комплекс вооружения могильников Ярославского Поволжья X–XI вв. / С.С. Зозуля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 337-340.

88. Зозуля, С.С. О «дружинных» захоронениях в Петровском / С.С. Зозуля // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых / отв. ред. В.Е. Родинкова. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 130-132.

89. Зоценко, В.М. Высокие наконечники ножен мечей конца X – начала XI в. / В.М. Зоценко // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 35-48.

90. Зоценко, В.М. Скандинавські артефакти південно-західної Русі / В.М. Зоценко // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. / отв. ред. О.Р. Моця. – Київ: «Корвін Пресс», 2004. – С. 87-105.

91. Зоценко, В.Н. Наконечники ножен мечей типа I:2-P Paulsen в Южной Руси / В.Н. Зоценко // Наукові записки з української історії / отв. ред. В.П. Коцур. – Переяславль-Хмельницький, 2005. – Вып. 16. – С. 63-72.

92. Ивакин, В.Г. Киевские погребения X века / В.Г. Ивакин // *Stratum plus* / отв. ред. Р. Рабинович – СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест: Изд-во «Stratum», 2011. – № 5. – С. 243-286.

93. Измайлов, И.Л. К истории сложносоставного лука населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья конца VIII–X вв. / И.Л. Измайлов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / отв. ред. Д.А. Сташенков. – Самара, 1998. – С. 242-259.

94. Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том 2 / с предисл. Б. М. Клосса. – М.: ЯРК, 1998. – 648 с.

95. Исланова, И.В., Крымов, Е.Ю., Романов, В.В. Варяги на Верхней Волге (новые находки) / И.В. Исланова, Е.Ю. Крымов, В.В. Романов // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М.: «Наука», 2005. – С. 72-77.
96. Историко-этнографический музей княгини М.К. Тенишевой в Смоленске: Общий каталог. – Смоленск: Электро-типо-лит. Я.Н. Подземского, 1909.
97. Йотов, В. Въръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI) / В. Йотов. – Варна: Абагар-Велико Търново, 2004. – 356 с.
98. Казаков, Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории / Е.П. Казаков. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
99. Казакиявичюс, В. Оружие балтских племён II–VIII веков на территории Литвы / В. Казакиявичюс. – Вильнюс: «Мокслас», 1988. – 160 с.: ил.
100. Казанский, М.М. О происхождении скрамасакса / М.М. Казанский // *Stratum plus* / отв. ред. Р. Рабинович. – СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест: Изд-во «Stratum», – 2012. – № 5. – С. 11-124.
101. Каинов, С.Ю. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова / С.Ю. Каинов // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей / отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: ИИМК РАН, 1999. – С. 49-62.
102. Каинов, С.Ю. Еще раз о датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М.Ф. Кусцинского / С.Ю. Каинов // Гнездово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 54-63.
103. Каинов, С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнездова / С.Ю. Каинов // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. V / red. P.N. Kotowicz. – Kraków-Sanok, 2009. – P. 79-110.

104. Каинов, С.Ю. Новые данные о мече с Сарского городища / С.Ю. Каинов // Военная археология / отв. ред. О.В. Двуреченский. – М.: «Русская панорама», 2011. – Вып. 2. – С. 147-152.

105. Каинов, С.Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова / С.Ю. Каинов // Русь в IX–XII веках: Общество, государство, культура / отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2014а. – С. 34-46.

106. Каинов, С.Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств / С.Ю. Каинов // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. – Тула: «Куликово поле», 2014б. – С. 97-101.

107. Каинов, С.Ю. К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово / С.Ю. Каинов // Восточная Европа в древности и средневековье: государственная территория как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015 – С. 121-125.

108. Каинов, С.Ю. Обряд "особого" обращения с клинковым оружием по материалам Гнёздовского некрополя / С.Ю. Каинов // Вестник МГУ. Серия 8. История / гл. ред. И.И. Тучков. – М.: МГУ, 2017. – №6 – С. 126-139.

109. Каинов, С.Ю. Кистени или весовые гири? К попытке одной переатрибуции / С.Ю. Каинов // Военная археология. Сборник материалов научного семинара / отв. ред. О.В. Двуреченский. – М.: ИА РАН, 2018а. – Вып. 4. – С. 51-57.

110. Каинов, С.Ю. Погребения с предметами вооружения Гнёздовского некрополя / С.Ю. Каинов // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. Труды ГИМ / отв. ред. С.Ю. Каинов. – М.: Изд-во ГИМ, 2018б. – Вып. 210. – С. 211-240.

111. Каинов, С.Ю., Авдеев, Е.Е. Литые наконечники ножен мечей (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого) / С.Ю. Каинов, Е.Е. Авдеев // Археологические вести / глав. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. – №18. – С. 145-151.

112. Каинов, С.Ю., Зозуля, С.С. Меч из раскопок кургана 1/1902 Михайловского некрополя / С.Ю. Каинов, С.С. Зозуля // Военная археология / отв. ред. О.В. Двуреченский. – М.: «МедиаМир», Тула: «Куликово Поле», 2014а. – Вып. 3. – С. 29-46.

113. Каинов, С.Ю., Зозуля, С.С. Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок Гнёздовского и Петровского некрополей) / С.Ю. Каинов, С.С. Зозуля // "Славяне и иные языци...". Труды ГИМ / ред. С.А. Авдусина, Т.Д. Авдусина, И.В. Белоцерковская, А.М. Красникова, С.С. Зозуля. – М.: Изд-во ГИМ, 2014б. – Вып. 198. – С. 132-140.

114. Каинов, С.Ю., Михайлов, К.А., Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси и их культурная атрибуция / С.Ю. Каинов, К.А. Михайлов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. – М.: «Ломоносов», 2010. – С. 321-341.

115. Каинов, С.Ю., Стефутин, С.А. Навершие меча из собрания Государственного исторического музея / С.Ю. Каинов, С.А. Стефутин // Образы времени. Из истории древнего искусства. Труды ГИМ / отв. ред. И.В. Белоцерковская. – М.: Изд-во ГИМ, 2012. – Вып. 189. – С. 154-161.

116. Каинов, С.Ю., Сингх, В.К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа / С.Ю. Каинов, В.К. Сингх // Новгород и Новгородская земля. История и археология / отв. ред. Е.Н. Носов. – Великий Новгород, 2016. – Вып. 30. – С. 196-203.

117. Каинов, С.Ю., Щедрина А.Ю. Новые исследования мечей из Гнёздова / С.Ю. Каинов, А.Ю. Щедрина // Военная археология / отв. ред. О.В. Двуреченский. – М. – Вып. 5. – С. 65-99.

118. Каменецкая, Е.В. Заольшанская курганная группа Гнёздова / Е.А. Каменецкая // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / ред. Д.А. Авдусин. – М.: Издательство Московского университета, 1991. – С. 125-174.
119. Каменецкая, Е.В. К вопросу о хронологии и топографии Гнёздова по керамическому материалу / Е.А. Каменецкая // «Славяне и иные языци...». Труды ГИМ / отв. ред. Н.И. Асташова. – М.: Издательство ГИМ, 2014. – Вып. 198. – С. 141-151.
120. Каминский, В.Н. О конструкции лука и стрел северокавказских аланов / В.Н. Каминский // КСИА / отв. ред. И.Т. Кругликова – М.: Изд-во «Наука», 1982. – № 170. – С. 48-51.
121. Каргер, М.К. Древний Киев / М.К. Каргер. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 686 с.
122. Карпухин А.А. Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок Гнёздова / А.А. Карпухин // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 204-207.
123. Кирпичников, А.Н. Мечи и сабли IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. E1-36. Древнерусское оружие. Вып. 1 / под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М.-Л.: «Наука», 1966а. – 179 с.
124. Кирпичников, А.Н. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. E1-36. Древнерусское оружие. Вып. 2 / под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. – М.-Л.: «Наука», 1966б. – 146 с.
125. Кирпичников, А.Н. Надписи и знаки на клинках восточноевропейских мечей IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Скандинавский сборник. – Таллин: «Ээсти раамат», 1966в. – Вып. XI. – С. 249-297.

126. Кирпичников, А.Н. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. E1-36. Древнерусское оружие. Вып. 3 / под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. – Л.: «Наука», 1971. – Вып. 3. – 148 с.

127. Кирпичников, А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А.Н. Кирпичников // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. E1-36 / под. общ. ред. Б.А. Рыбакова. – Л.: «Наука», 1973. – 140 с.

128. Кирпичников, А.Н. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей / А.Н. Кирпичников // *Fasciculi archaeologiae historicae*. Fasc. 5. – Łódź: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1992. – P. 61-81. ill.

129. Кирпичников, А.Н. О начале производства мечей на Руси / А.Н. Кирпичников // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4 / отв. ред. В.В. Седов. – М.: Изд-во «Эдиториал УРСС», 1998. – С. 246-251.

130. Кирпичников, А.Н., Ефимов, С.В. Дело Всеволода Арендта. Возвращенная память / А.Н. Кирпичников, С.В. Ефимов // *Ex Ungue Leonem* / отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. – СПб.: «Нестор-История», 2017. – С. 93-104.

131. Кирпичников, А.Н., Каинов, С.Ю. Меч с рельефными украшениями рукояти из раскопок гнёздовского могильника / А.Н. Кирпичников, С.Ю. Каинов // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 68-72.

132. Кирпичников, А.Н., Медведев, А.Ф. Вооружение / А.Н. Кирпичников, А.Ф. Медведев // Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б.А. Колчин. – М.: «Наука», 1985. – С. 298-363.

133. Кирпичников, А.Н., Сакса, А.И. Мечи средневековой Карелии / А.Н. Кирпичников, А.И. Сакса // Славяне и финно-угры / ред. А.Н. Кирпичников, Е.Н. Носов, А.И. Сакса. – СПб.: «Нестор-История», 2006. – С. 41-72. илл.

134. Клетнова, Е.Н. Раскопки Гнездова Левобережного / Е.Н. Клетнова // Смоленская старина. Вып. 3. Часть 2. – Смоленск: Изд-во Смоленской Учёной Архивной комиссии, 1916. – С. 33- 41.
135. Клетнова, Е.Н. Раскопки в Гнездове / Е.Н. Клетнова // Смоленская новь. – Смоленск, 1923. – N 3-4. – С. 52-60.
136. Коваленко, В., Моця, А., Сытый, Ю. Новейшие скандинавские находки в погребениях Шестовицы / В. Коваленко, А. Моця, Ю. Сытый // Ф. Андрощук, В. Зоценко. Скандинавские древности Южной Руси / ред. К. Цукерман. – Париж, 2012. – С. 321-350.
137. Колчин, Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) / Б.А. Колчин // МИА №32. М.: АН СССР, 1953. – 261 с.
138. Комар, А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований / А.В. Комар // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія І давня історія України / гл. ред. П.П. Толочко. – Київ: ІА НАН України, 2011. – Вип. 7 – С. 21-78.
139. Комар, А.В. Чернигов и Нижнее Подесенье / А.В. Комар // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2012. – С. 335-365.
140. Комар, А.В. Мечи Днепростроя (к истории находки 1928 г.) / А.В. Комар // Русь в IX–XII веках: Общество, государство, культура / ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2014. – С. 47–61.
141. Корзухина, Г.Ф. Из истории древнерусского оружия XI века / Г.Ф. Корзухина // Советская археология / отв. ред. М.И. Артамонов. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – XIII. – С. 63-94.
142. Кочкаров, У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя) / У.Ю. Кочкаров. – М.: «Таус», 2008. – 176 с.

143. Круглов, Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья / Е.В. Круглов // Степи Восточной Европы в эпоху раннего средневековья. Том 4. Хазарское время / глав. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Дон НУ, 2005а. – С. 73-142.

144. Круглов, Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени / Е.В. Круглов // Труды ГИМ: II-е Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. (Москва, апрель 2003 г.). / отв. ред. И.В. Белоцерковская. – М.: ГИМ, 2005б. – Вып. 145. – С. 307-320.

145. Круглов, Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы хазарского времени / Е.В. Круглов // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 4-1 / глав. ред. Р. Рашев. – София: Национален археологически институт с музей на БАН, филиал Шумен, 2007. – С. 91-124.

146. Крыганов, А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья / А.В. Крыганов // Советская археология / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: «Наука», 1987. – № 2. – С. 63-69.

147. Крыганов, А.В. Налучья и их ношение раннесредневековыми кочевниками Евразии / А.В. Крыганов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. / отв. ред. Д.А. Сташенков. – Самара, 1996. – С. 344-353.

148. Кузнецов, В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) / В.А. Кузнецов // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Т. 1 / ред. Е.И. Крупнов. – Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1961. – С. 62-135.

149. Кузьмин, С.Л. Ярусная стратиграфия нижних слоёв Староладожского городища / С.Л. Кузьмин // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Т. 1 / ред. А.Н. Кирпичников. – СПб.-Псков: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – С. 343-358.

150. Кулаков, В.Н. Знамена дружин Балтийского региона / В.Н. Кулаков

// Советская археология / гл. ред. С.А. Плентева. – М.: «Наука» – 1989. – № 4. – С. 61-70.

151. Кулаков, В.Н., Иов, О.В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь / В.Н. Кулаков, О.В. Иов // КСИА / гл. ред. В.В. Седов. – М.: Изд-во ИА РАН, 2001. – Вып. 211. – С. 77-84.

152. Кусцинский, М.Ф. Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году / М.Ф. Кусцинский // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. IX. Вып. 1. / ред. В.Е. Румянцев. – М., 1881. – С. 4-5.

153. Ласкавый, Г.В. К истории оружия Белорусского Подвинья в VI–XIII вв. Статья первая / Г.В. Ласкавый // Полоцкий летописец. № 1 (2) / ред. Л.Ф. Данько. – Полоцк: «Диана», 1993. – С. 19-38.

154. Леонтьев, А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси / А.Е. Леонтьев. – М.: Геоэко, 1996. – 340 с. ил.

155. Литвинский, Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. (К проблеме эволюции лука на Востоке) / Б.А. Литвинский // Советская археология / гл. ред. А.В. Арциховский. – М.: Изд-во «Наука», 1966. – № 4. – С. 51-69.

156. Лихтер, Ю.А., Щапова, Ю.Л. Гнёздовские бусы: По материалам раскопок курганов и поселения / Ю.А. Лихтер, Ю.Л. Щапова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / отв. ред. Д.А. Авдусин. – М.: Изд-во Московского университета, 1991 – С. 244-259.

157. Lupinenco, Ю.М. Пластинчатый доспех восточных славян в VII–X вв. / Ю.М. Lupinenco // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. : матеріали міжнар. польового археологіч. семінару (Чернігів - Шестовиця, 20-23 липня 2006 р.). – Чернігів : Сіверянська думка, 2006. – С. 115-122.

158. Lupinenco, Ю.М., Макушников, О.А. О чешуйчатом доспехе восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) /

Ю.М. Lupиненко, О.А. Макушников // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. – М.: «Ломоносов», 2010. – С. 454-466.

159. Лявданский, А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии / А.Н. Лявданский // Смоленские древности. Городища Смоленской земли / гл. ред. Ф.Э. Модестов. – Смоленск, 2002. – Вып. 2. – С. 185-256.

160. Ляпушкин, И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. / И.И. Ляпушкин // МИА № 152 / отв. ред. М.И. Артамонов. – Л.: «Наука», 1968. – 192 с.

161. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. / Н.А. Мажитов. – М.: «Наука», 1981. – 164 с.

162. Макаров, Н.А., Федорина, А.Н. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. / Н.А. Макаров, А.Н. Федорина // КСИА / глав. ред. Н.А. Макаров. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – Вып. 238. – С. 115-131.

163. Макушников, О.Л., Lupиненко, Ю.М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) / О.Л. Макушников, Ю.М. Lupиненко // Гістарычна-археалагічны зборнік / гл. ред. М.П. Касцюк. – Мінск: Изд-во «Ковчег», 2003. – Вып. 18. – С. 213-225.

164. Медведев, А.Ф. К истории кольчуги в Древней Руси / А.Ф. Медведев // КСИИМК / отв. ред. А.Д. Удадьцов. – М.: АН СССР, 1953. – Вып. XLIX. – С. 26-31.

165. Медведев, А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси / А.Ф. Медведев // Советская археология / отв. ред. А.В. Арциховский. – М.: АН СССР, 1959а. – № 2. – С. 119-134.

166. Медведев, А.Ф. Оружие Новгорода Великого / А.Ф. Медведев // МИА №65. Труды Новгородской археологической экспедиции. Том 2 / ред.

А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. – М.: Академия наук СССР, 1959б. – С. 121-191.

167. Медведев, А.Ф. Ручное и метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / А.Ф. Медведев // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. – М.-Л.: «Наука», 1966. – 184 с.

168. Мерперт, Н.Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье / Н.Я. Мерперт // Советская археология / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: АН СССР, 1955. – № XXIII. – С. 131-168.

169. Мигай, А.Г. Гнёздовский археологический комплекс (1941–1945 гг.) / А.Г. Мигай // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 216-217.

170. Минасян, Р.С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы / Р.С. Минасян // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: «Аврора», 1978. – Вып. XLIII. – С. 35-37.

171. Михайлов, К.А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси / К.А. Михайлов. – СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. – 272 с.

172. Михайлов, К.А., Носов, Е.Н. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище / К.А. Михайлов, Е.Н. Носов // Археологические Вести / отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002. – № 9. – С. 136-140.

173. Моця, О., Коваленко, В., Осадчий, Е., Ситий Ю. Нова камерна гробниц з Шестовиці / О. Моця, В. Коваленко, Е. Осадчий, Ю. Ситий // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. – Київ: Изд-во «Дике поле», 2007. – С. 295-297.

174. Мурашева, В.В. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) / В.В. Мурашева // Археологический сборник. Труды ГИМ / отв. ред. Н.Г. Недошивина. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – Вып. 111. – С. 25-34.

175. Мурашева, В.В. Актуальные проблемы исследования Гнездова / В.В. Мурашева // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010:

Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Изд-во «Университет Дмитрия Пожарского», 2012. – С. 389-405.

176. Мурашева, В.В., Ениосова, Н.В., Фетисов, А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения / В.В. Мурашева, Н.В. Ениосова, А.А. Фетисов // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятника / отв. ред. В.В. Мурашева. – СПб.: «Альфарет», 2007. – С. 31-77.

177. Мурашева, В.В., Малышева, Н.Н., Френкель, Я.В. Исследования прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса / В.В. Мурашева, Н.Н. Малышева, Я.В. Френкель // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. Труды ГИМ / отв. ред. С.Ю. Каинов. – М.: Изд-во ГИМ. 2018. – Вып. 210. – С. 286-339.

178. Мусин, А.Е. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из варяг в греки» / А.Е. Мусин // Диалог культур и народов средневековой Европы / отв. ред. А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2010. – С. 35-46.

179. Мусин, А.Е. «Столетняя война» российской археологии / А.Е. Мусин // *Ex Ungue Leonem*: Сборник статей к 90-летию Л. С. Клейна / отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. – СПб.: «Нестор-История», 2017. – С. 223-244.

180. Назаренко, В.А. Могильник в урочище Плакун / В.А. Назаренко // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования / отв. ред. В.В. Седов. – Л.: «Наука», 1985. – С. 156-169.

181. Недошивина, Н.Г. Предметы вооружения из ярославских могильников / Н.Г. Недошивина // Ярославское Поволжье X–XI вв. / ред. А.П. Смирнов. – М., 1963. – С. 55-63.

182. Недошивина, Н.Г. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимерёвского могильника / Н.Г. Недошивина // Материалы по

средневековой археологии Северо-Восточной Руси / отв. ред. М.В. Седова. – М.: ИА РАН, 1991. – С. 165-181.

183. Нефёдов, В.С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи» из Гнёздова / В.С. Нефёдов // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001а. – Вып. 124. – С. 64–67.

184. Нефёдов, В.С. Новосёлки и Гнёздово / В.С. Нефёдов // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – М.-Архангельск, 2001б. – С. 156-158.

185. Нефёдов, В.С. Смоленские кривичи и Русь: североевропейские и древнерусские изделия в смоленских длинных курганах / В.С. Нефёдов // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического съезда / отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. – СПб.-М.-Великий Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. – С. 75-77.

186. Нефёдов, В.С. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусского государства по археологическим данным / В.С. Нефёдов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Изд-во «Университет Дмитрия Пожарского», 2012. – С. 270-299.

187. Никифор II Фока. Стратегика / пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефёдкина / Серия «Византийская библиотека. Источники». – СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.

188. Новиков, В.В., Пушкина, Т.А. Археологическое изучение северо-западной части Центрального поселения Гнёздовского комплекса археологических памятников / В.В. Новиков, Т.А. Пушкина // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. Труды ГИМ / отв. ред. С.Ю. Каинов. – М.: Изд-во ГИМ, 2018. – Вып. 210. – С. 349-394.

189. Новикова, Г.Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова / Г.Л. Новикова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города) / ред. Д.А. Авдусин. – М.: Издательство Московского университета, 1991. – С. 175-199.
190. Носов, Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище / Е.Н. Носов. – Л.: Наука, 1990. – 216 с.
191. Носов, Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье / Е.Н. Носов // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2012. – С. 92-121.
192. Носов, Е.Н., Горюнова, В.М., Плохов, А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения: Новые материалы и исследования / Е.Н. Носов, В.М. Горюнова, А.В. Плохов // Труды ИИМК РАН. Том XVIII. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. – 404 с.
193. Носов, Е.Н., Плохов, А.В., Хвоцинская, Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований / Е.Н. Носов, А.В. Плохов, Н.В. Хвоцинская // Труды ИИМК РАН. Том XLIX. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2017. – 288 с.
194. Петерсен, Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов / Я. Петерсен. – СПб.: «Альфарет», 2005. – 352 с.
195. Петрухин, В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. – Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. – 317 с.
196. Петрухин, В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы. К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период / В.Я. Петрухин // Историческая археология: Традиции и перспективы / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – С. 361-369.
197. Плавинский, В.А. Арбалет в комплексе вооружения XIII–XV вв. на территории Беларуси / В.А. Плавинский // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В.Седова. Материалы 59-го заседания, 9-11 апреля 2013 г. / отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.-Псков-СПб.: «Нестор-история», 2014а. – Вып. 29 (59). – С. 329-342.

198. Плавинский, Н.А. Булавы конца X–XIII вв. на территории Беларуси / Н.А. Плавинский // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 54 заседания (15–17 апреля 2008 года) / отв. ред. И.К. Лабутина. – Псков: ИА РАН, 2009. – Вып. 24 (54). – С. 363-381.
199. Плавінскі, М.А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў / Н.А. Плавинский. – Мінск: «Галіяфы», 2013. – 106 с. іл.
200. Плавинский, Н.А. Вооружение западных земель Руси X – первой половины XI в.: становление древнерусской традиции и формирование региональных особенностей (по материалам с территории Беларуси) / Н.А. Плавинский // Русь в IX–XII веках: Общество, государство, культура / ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2014б. – С. 62-73.
201. Плавинский, Н.А. Узколезвийные топоры с профилированным обухом с территории Беларуси: вопросы происхождения и хронологии типа / Н.А. Плавинский // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. – Тула: «Куликово поле», 2014в. – С. 72-76.
202. Плетнёва, С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс / С.А. Плетнёва. – М.: «Наука», 1989. – 288 с.
203. Плетнёва, С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону: (По материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи) / С.А. Плетнева. – М.: Ин-т археологии, 1990. – 102 с.
204. Плетнёва, С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование / С.А. Плетнёва. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 392 с.
205. Пушкина, Т.А. Топорик-чекан из Гнёздова / Т.А. Пушкина // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ / отв. ред. Т.В. Попова. – М.: Изд-во ГИМ, 1980. – Вып. 51. – С. 112-114.

206. Пушкина, Т.А. Височные кольца Гнёздовского комплекса / Т.А. Пушкина // Труды V международного конгресса славянской археологии. Том III. Вып. 16. – М., 1987. – С. 51-57.

207. Пушкина, Т.А. Скандинавские находки из окрестностей Мурома / Т.А. Пушкина // Проблемы изучения древнерусской культуры. Расселение и этнокультурные процессы на Северо-востоке Руси / ред. М.В. Седова. – М.: ИА РАН, 1988. – С. 162-169.

208. Пушкина, Т.А. Изделия косторезного ремесла из Гнёздова / Т.А. Пушкина // Средневековые древности Восточной Европы Труды ГИМ / отв. ред. Н.Г. Недошивина. – М.: Изд-во ГИМ, 1993а. – Вып. 82 . – С. 57-68.

209. Пушкина, Т.А. Раскопки Гнёздова Левобережного / Т.А. Пушкина // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1. – М., 1993б. – С. 113-115.

210. Пушкина, Т.А. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав / Т.А. Пушкина // Историческая археология: Традиции и перспективы / отв. ред. В.Л. Янин. – М.: «Памятники исторической мысли», 1998. – С. 370-377.

211. Пушкина, Т.А. Гнёздово: итоги и задачи исследования / Т.А. Пушкина // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 4-11.

212. Пушкина, Т.А. Находка редкой фибулы из Гнёздова / Т.А. Пушкина // Ладога и истоки российской государственности и культуры / отв. ред. А.Н. Кирпичников. – СПб.: Вести, 2003. – С. 112-114.

213. Пушкина, Т.А. Раннегородские могильники Древней Руси IX–XI вв. (Несколько общих наблюдений) / Т.А. Пушкина // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. I. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) / отв. ред. И.К. Лабутина. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2012. – С. 5-25.

214. Пушкина, Т.А. Лучевые височные кольца Гнёздова / Т.А. Пушкина // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / отв. ред. П. Г. Гайдуков. – Москва-Вологда: «Древности Севера», 2015. – С. 123-129.
215. Пушкина, Т.А., Мурашева, В.В., Нефёдов, В.С. Новое в изучении центрального селища в Гнёздове / Т.А. Пушкина, В.В. Мурашева, В.С. Нефёдов // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 12-33.
216. Пушкина, Т.А., Мурашева, В.В., Ениосова, Н.В. Гнёздовский археологический комплекс / Т.А. Пушкина, В.В. Мурашева, Н.В. Ениосова // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. – М.-Вологда: «Древности Севера», 2012. – С. 243-273.
217. Пушкина, Т.А., Розанова, Л.С. Кузнечные изделия из Гнёздова / Т.А. Пушкина, Л.С. Розанова // Российская археология / гл. ред. С.А. Плетнёва. – М.: Изд-во «Наука», 1992. – № 2. – С. 200-220.
218. Пьянков, А.В., Тарабанов, В.А. Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника (раскопки 1989 г.) / А.В. Пьянков, В.А. Тарабанов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / отв. ред. Е.И. Нарожный. – Армавир, 2004. – Вып. 3. – С. 275-292.
219. Равдоникас, В.И. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) / В.И. Равдоникас // Советская археология / отв. ред. В.И. Равдоникас – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – XI. – С. 5-54.
220. Розанова, Л.С., Пушкина, Т.А. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнёздова / Л.С. Розанова, Т.А. Пушкина // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 77-82.
221. Руденко, К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии / К.А. Руденко. – Казань: Заман, 2002. – 512 с. ил.
222. Рыбаков, Б.А. Ремесло древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 720 с.

223. Рябинин, Е.А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладogi: (Материалы новых исследований) / Е.А. Рябинин // Древности Северо-Западной России. – СПб., 1995. – С. 51-56. ил.

224. Рябцева, С.С., Рабинович, Р.А. Древности венгерского круга IX–X вв. Пруто-Днестровского региона (предметы торевтики и ювелирные украшения) / С.С. Рябцева, Р.А. Рабинович // III-й Международный мадьярский симпозиум / отв. ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. – Budapest: Martin Opitz Kiadó – PPKЕ ВТК Régészettudományi Intézet – МТА ВТК Magyar Őstörténeti Témacsoport, 2018. – С. 429-464.

225. Савин, А.М., Семенов, А.И. К типологии раннесредневековых луков Прикубанья / А.М. Савин, А.И. Семенов // 1-я Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 1989. – С. 104-107.

226. Савин, А.М., Семенов, А.И. К реконструкции лука хазарского времени / А.М. Савин, А.И. Семенов // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов. – Луганск, 1990. – С. 112-115.

227. Савин, А.М., Семенов, А.И. Реконструкция шестовицкого лука / А.М. Савин, А.И. Семенов // Архітектурни та археологічні старожитності Чернігівщини. – Чернігів: Изд-во «Сіверянська думка», 1992. – С. 62-67.

228. Савин, А.М., Семенов, А.И. К методике изучения и публикации средневековых кочевнических луков / А.М. Савин, А.И. Семенов // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докладов / отв. ред. Д.А. Сташенков. – Самара, 1995. – С. 74-77.

229. Савин, А.М., Семенов, А.И. О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа / А.М. Савин, А.И. Семенов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе / отв. ред. Г.В. Вилинбахов, В.М. Массон. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1998. – С. 290-295.

230. Савинов, Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири / Д.Г. Савинов // Военное

дело древних племен Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Ю.С. Худяков. – Новосибирск: «Наука», 1981. – С. 146-162.

231. Салмин, С.А. Оружие псковского некрополя X – начала XI в. / С.А. Салмин // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. II: Камерные погребения древнего Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря) / отв. ред. И.К. Лабутина. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 466-475.

232. Самоквасов, Д.Я. Могильные древности северянской Черниговщины / Д.Я. Самоквасов. – М.: Синодальная типография, 1917. – 101с.

233. Сизов, В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска / В.И. Сизов // Материалы по археологии России. – СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. – № 28. – 136 с.

234. Ситий, Ю.М. До питання про місцезнаходження курганів та курганних груп в ур. Коровель в с. Шестовиця / Ю.М. Ситий // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX–XI ст. – Чернігів: Сіверянська думка, 2006. – С. 173-186.

235. Спицын, А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева / А.А. Спицын // Известия ИАК. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. – Вып. 15. – С. 6-70.

236. Спицын, А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губернии / А.А. Спицын // ЗОРСА РАО. Т. VIII. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1906. – Вып. 1. – С. 185-211.

237. Стальсберг, А. Кто такой Ульфберт? / А. Стальсберг // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том II / отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. – М.: «Ломоносов», 2010. – С. 379-396.

238. Томсинский, С.В. Угличский кремль – археологический памятник X–XVII вв. / С.В. Томсинский // Славянский средневековый город. Труды VI

Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2 / ред. В.В. Седов. – М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997. – С. 383-394.

239. Тунмарк-Нюлен, Л. Гнёздовский меч – изделие готландского мастера? / Л. Тунмарк-Нюлен // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ / отв. ред. В.В. Мурашева. – М.: Изд-во ГИМ, 2001. – Вып. 124. – С. 72-76.

240. Уртан, В.А. Древние щиты на территории Латвийской ССР / В.А. Уртан // Советская археология / отв. ред. А.В. Арциховский. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – №1. – С. 216-224.

241. Фетисов, А.А. Функции стрел в погребальном инвентаре «дружинных курганов» / А.А. Фетисов // Российская археология / гл. ред. Л.А. Беляев. – М.: Изд-во «Наука», 2004. – №3. – С. 89-98.

242. Фетисов, А.А. Численность «дружинных гарнизонов» на торговых путях Восточной Европы / А.А. Фетисов // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради / отв. ред. Г.Ю. Ивакин. – Коростень: Тріада С, 2008. – С. 207-212.

243. Фетисов, А.А. Дружинная культура Древней Руси / А.А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / отв. ред. Е.А. Мельникова. – М.: Изд-во «Университет Дмитрия Пожарского», 2012. – С. 406-436.

244. Фехнер, М.В. О происхождении и датировке железных гривен / М.В. Фехнер // Археологический сборник. Труды ГИМ / отв. ред. А.П. Смирнов. – М.: «Советская Россия», 1966. – Вып. 40. – С. 101-104.

245. Фёдоров, Г.Б. Городище Екимауцы / Г.Б. Фёдоров // КСИИМК / отв. ред. А.Д. Удальцов. – М.: АН СССР, 1953. – Вып. L. – С. 104-126.

246. Фёдоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского университета, 1966. – 276 с.

247. Флёрва, В.Е. Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи / В.Е. Флёрва // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I / глав. ред. А.В. Евглевский. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2000. – С. 101-116.

248. Франклин, С., Шепард, Д. Начало Руси: 750-1200 / С. Франклин, Д. Шепард / Авторизованный перевод с английского Д.М. Буланин, Н.Л. Лужецкая. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. – 625 с.

249. Френкель, Я.В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) / Я.В. Френкель // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятника / отв. ред. В.В. Мурашева. – СПб.: «Альфарет», 2007. – С. 78-117.

250. Хазанов, А.М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху / А.М. Хазанов // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана / отв. ред. Н.А. Кисляков, М.Г. Воробьёва. – М.: Наука, 1966. – С. 29-44.

251. Холден, Л.И. Кистени или весовые гири. Переоценка функционального назначения известной категории находок / Л.И. Холден // Хорошие дни / ред. сост. А.Е. Мусин. – Великий Новгород-СПб.-М.: ООО «ЛеопАрт», 2009. – С. 576-588.

252. Худяков, Ю.С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии / Ю.С. Худяков // Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: «Наука», 1993. – С. 107-148.

253. Чурилова, Л. Н. Погребение с серебряной маской у села Манвеловки на Днепропетровщине / Л.Н. Чурилова // Советская археология / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – № 4. – С. 261-266.

254. Ширинский, С.С. О времени сооружения кургана 47, исследованного у д. Гнёздово в 1950 г. / С.С. Ширинский // XIII конференция

по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – Москва-Петрозаводск, 1997. – С. 198-199.

255. Ширинский, С.С. Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. / С.С. Ширинский // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Труды ГИМ / отв. ред. В.Л. Егоров. – М.: Изд-во ГИМ, 1999. – Вып. XXXVI. – С. 87-150.

256. Ширинский, С.С. Мастер-косторез из Скандинавии и традиция использования режуще-рубящего оружия в Поднепровье / С.С. Ширинский // XIV Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. – М.-Архангельск, 2001. – С. 164-166.

257. Ширинский, С.С. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда / С.С. Ширинский // Дьнеслово: Збірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П.П. Толочка з нагоди його 70-річчя / отв. ред. Г. Івакін. – Київ: Корвінпрес, 2008. – С. 76-89.

258. Шмидт, Е.А. Древнейшие поселения в Гнёздове / Е.А. Шмидт // Смоленск и Гнёздово в истории России. Материалы научной конференции. – Смоленск, 1999. – С. 108-115.

259. Шмидт, Е.А. Курганный могильник у поселка Новоселки / Е.А. Шмидт // Смоленские древности / глав. ред. Ф.Э. Модестов. – Смоленск, 2005а. – Вып. 4. – С. 146-211.

260. Шмидт, Е.А. Курганы у пос. Колодня / Е.А. Шмидт // Смоленские древности / глав. ред. Ф.Э. Модестов. – Смоленск, 2005б. – Вып. 4. – С. 101-145.

261. Шмидт, Е.А. Раскопки курганов «Лесной группы» у дер. Гнёздово / Е.А. Шмидт // Смоленские древности / глав. ред. Ф.Э. Модестов. – Смоленск, 2005в. – Вып. 4. – С. 212-226.

262. Шмидт, Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья / Е.А. Шмидт. – Смоленск, 2012. – 168 с.

263. Шнеевайсс, Й. Саксы, франки, славяне – пятилетний научно-исследовательский проект в нижнем Приэльбье (Германия) / Й. Шнеевайсс // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.) / отв. ред. И.К. Лабутина. – М.-Псков: ИА РАН, 2011. – Вып. 27 (57) – С. 165-174.

264. Янин, В.Л., Рыбина, Е.А., Хорошев, А.С., Гайдуков, П.Г., Дубровин, Г.Е., Сорокин, А.Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 году / В.Л. Янин, Е.А. Рыбина, А.С. Хорошев, П.Г. Гайдуков, Г.Е. Дубровин, А.Н. Сорокин // Новгород и Новгородская земля. История и археология / ред. В.Л. Янин. – Новгород, 1999. – Вып. 13. – С. 5-10.

265. Янсон, И., Потупчик, М.В., Андрощук, Ф. Скандинавская фибула из Винницкой области / И. Янсон, М.В. Потупчик, Ф. Андрощук // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / ред. А.А. Пескова, О.А. Щеглова А.Е. Мусин. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2010. – С. 575-579.

266. Ambrosiani, B. The Birka Falcon / B. Ambrosiani // Excavations in the Black Earth 1990-1995. Eastern Connections Part One: The Falcon Motif / red. B. Ambrosiani. – Stockholm, 2001. – P. 11-27.

267. Androshchuk, F. Rural Vikings and Viking Helgö / F. Androshchuk // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. Stockholm studies in Archaeology 44 / eds. U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. – Stockholm, 2007. – P. 153-163.

268. The Ancient Hungarians: exhibition catalogue / eds. J. Napák; I. Fodor. – Budapest: Hungarian National Museum, 1996. – 477 p.

269. Arbman, H. Birka I. Die Graber: Tafeln / H. Arbman. – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1940. – 282 taf.

270. Arbman, H. Birka I. Die Graber: Text / H. Arbman. – Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1943. – 529 p.

271. Arendt, W. Der Nomadenhelm des frühen Mittelalters in Osteuropa / W. Arendt // ZWK. Bd. 5. Heft 3. – Berlin, 1935. – P. 26-34.

272. Arne, T. J. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit / T. J. Arne // *Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata*. – Stockholm, 1913. – P. 375-390.
273. Arne, T. J. La Suède et l'orient, études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'orient pendant l'âge des Vikings / T.J. Arne. – Uppsala, 1914. – 242 p.
274. Arwidsson, G. Hiebmesser, G. // *Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde* / ed. by G. Arwidsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. – P. 35-37.
275. Arwidsson, G. Schilde / G. Arwidsson // *Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde* / ed. by G. Arwidsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell. – P. 38-44.
276. Benda, K. Karolinská složka blatnického nálezu / K. Benda // *Slovenská archeológia* 11, č. 1. / eds. A. Tocik – Nitra: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1963 – P. 199-220.
277. Bersu, G., Wilson, D. M. Three Viking Graves in the Isle of Man / G. Bersu, D. M. Wilson // *Monograph series (Society for Medieval Archaeology)*. – London, 1966. – № 1. – 100 p.: ill.
278. Dunning, G.C., Evison, V.I. The Palace of Westminster Swords / G.C. Dunning, V.I. Evison // *Archaeologia* 98. – Oxford, 1964. – P. 123-158. ill.
279. Fettich, N. Die Altungarische Kunst / N. Fettich. – Berlin: Kupferberg, 1942. – 54 p.
280. Fuglesang, S.H. The axehead from Mammen and the Mammen style / S.H. Fuglesang // *Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid* / eds. M. Iversen, U. Näsman & J. Vellelev. – Århus: I kommission hos Aarhus universitetsforlag, distributor., 1991. – P. 83-107.
281. Geibig, A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter: Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8. bis zum 12. Jahrhundert aus Sammlungen der Bundesrepublik Deutschland. *Offa-Bücher*, New

Series, 71 / A. Geibig. – Neumünster: “Wachholtz”, 1991. – 375 p., ill.

282. Hall, R.A. A Viking-age Grave at Donnybrook, Co. Dublin / R.A. Hall // *Medieval Archaeology*, 22. – Leeds: W.S. Maney & Sons, 1978. – P. 64-83.

283. Hedenstierna-Jonson, Ch. A group of Viking Age sword chapes reflecting the political geography of the time / Ch. Hedenstierna-Jonson // *Journal of Nordic Archaeological Science* 13 / eds. G. Eriksson, K. Lidén. – Stockholm, 2002. – P. 103-112.

284. Hejdová, D. Přilba zvaná "svatováclavská" / D. Hejdová, // *Sborník Národního muzea v Praze. Řada A - Historie. Acta Musei Nationalis Pragae. Series A. – Historia*. 18. – Praha: Národní museum, 1964 – P. 1-106.

285. Jakobsson, M. Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi. / M. Jakobsson // *Stockholm Studies in Archaeology* 11. – Stockholm: University of Stockholm, 1992. – 227 p.

286. Jankuhn, H. Eine Schwertform aus karolingischer Zeit / H. Jankuhn // *Schwantes, G. (Hrsg.) Offa* 4. – Neumünster, 1939. – P. 155-168.

287. Janowski, A. Brązowe i srebrne trzewiki pochew mieczy z X-XIII w. z terenu Polski. Uwagi o proveniencji i datowaniu / A. Janowski // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. II / red. P.N. Kotowicz. – Kraków-Sanok, 2006. – P. 23-50.

288. Janowski, A., Kotowicz, P., Michalak, A. Jeszcze o mieczu z Radymna / A. Janowski, P. Kotowicz, A. Michalak // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. IV / red. P.N. Kotowicz. – Kraków-Sanok, 2008. – P. 167-188.

289. Jansson, I. År 970/971 och vikingatidens kronologi / I. Jansson // *Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid* / red. M. Iversen. – Aarhus, 1991. – P. 267-284.

290. Jouttijärvi, A. The manufacture of chain-mail / A. Jouttijärvi // *Early Iron. Netværk for tidlig jern teknologi 1* / ed. H. Lyngstrøm. – København: Tutein & Koch, 1996. – P. 53-60.

291. Kainov S.Yu. Swords from Gnëzdovo / S.Yu. Kainov // *Acta Militaria Mediaevalia*. T. VIII / red. P.N. Kotowicz. – Kraków-Rzeszów-Sanok, 2012. – P. 7-

68.

292. Kazakevičius, V. IX–XIII a. Baltų Kalavijai / V. Kazakevičius. – Vilnius: Alma Littera, 1996. – 173 p.

293. Kazakevičius, V. Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) / V. Kazakevičius // Lietuvos Archeologija. T. XV. – Vilnius, 1998. – P. 287-332.

294. Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text / E. Kivikoski. – Helsinki: Weilin & Göös, 1973. – 150 p.

295. Košta, J., Hošek, J. Raně středověké meče s jednodílnou polokruhovitou hlavici (typ Petersen X/Geibig 12, var. 1.). Pohled archeology a metalografie / J. Košta, J. Hošek // Archeologie doby hradistini v České a Slovenské republice. Suppl. 2 / red. P. Drelser, Z. Měřinsky. – Brno, 2009. – P. 109-126.

296. Kotowicz, P. Dwie wczesnośredniowieczne bradatice z południowej Lubelszczyzny / P. Kotowicz // Hereditas praeteriti. Additamenta archaeologica et historica dedicata Ioanni Gurba Octogesimo Anno Nascendi / eds. H. Taras, A. Zakościelna. – Lublin: Inst. Archeologii UMCS, 2009. – P. 383-396.

297. Lehtosalo-Hilander, P.-L. Luistari II: The artifacts / P.-L. Lehtosalo-Hilander // SMYA 82:2 / eds. – Helsinki: Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, 1982. – 197 p.

298. Lenz, E. In Russland gefundene frühmittelalterliche Helme / E. Lenz // ZWK. NF. Bd. 1 (10) . – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1924. – P. 1-17.

299. Liwoch, R. Militaria z dziewiętnastowiecznych badań w Podhorcach / R. Liwoch // Acta Militaria Mediaevalia. T. I / ed. P. Kotowicz. – Kraków-Sanok, 2005. – P. 37-59.

300. Liwoch, R. Zachodnioukraińskie miecze i trzewiki pochew mieczowych od X do połowy XIII w. / R. Liwoch // Acta Militaria Mediaevalia. T. 4 / ed. P. Kotowicz. – Kraków-Sanok, 2008. – P. 39-59.

301. Makarov, N.A. Viking Age weaponry from the Volga-Oka confluence: a scabbard chape from Shekshovo in Suzdal Opolie / N.A. Makarov // Interaktion ohne

Grenzen. Beispiele archäologischer Forschungen am Beginn des 21. Jahrhunderts. Bd. 2. Vol. 2 / eds. B.V. Eriksen, A. Abegg-Wigg, R. Bleile, U. Ickerodt. – Schleswig, 2017. – P. 663-670.

302. Mandel, M. Eesti 8.–13. sajandi mõõkade tüpoloogias ja dateerimisest / M. Mandel // Arheoloogiline kogumik. Tallinn: Eds L. Jaanits & V. Lang, 1991 – P. 101–133.

303. Marek, L. Wczesnośredniowieczne miecze z Europy Środkowej i Wschodniej: dylematy archeologa i bronioznawcy / L. Marek // Studia Archeologiczne XXXVI. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2004. – 134 p.

304. Marek, L. Broń biała na Śląsku XIV–XVI wiek / L. Marek. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. – 379 s.

305. Marxen, I., Moltke, E. The Jelling man: Denmark's oldest figure-painting / I. Marxen, E. Moltke // Saga-Book of the Viking Club. Vol. 20 – London: University college London, 1981. – P. 267-275.

306. Maure, M. Les épées de l'époque viking – essai de classification typologique / M. Maure // Universitetets Oldsaksamling Årbok 1975/76. – Oslo, 1977. – P. 96-166.

307. Menghin, W. Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Spathen auf dem Kontinent. / W. Menghin // Vorzeit zwischen Main und Donau. Neue archäologische Forschungen und Funde aus Franken und Altbayern. Erlanger Forsch. A. Bd. 26. – Erlangen, 1980. – P. 227-272.

308. Mikhailov, K. A., Kainov, S.Yu. Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus' / K. A. Mikhailov, S.Yu. Kainov // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae / E. Benkő, D. Gabler. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2011. – № 62. – P. 229–244.

309. Mills, N., Payne G. Saxon & Viking Artefacts / N. Mills, Payne G. – Greenlight Publishing, 2001. – 108 p.

310. Movtjan, I.I. Royal guard grave in Kiev, Olga & Ingegerd / I.I. Movtjan

- // Vikingafurstinnor i öst. Statens Historiska Museum 2004-2005. – 2005. P. 54-56.
311. Mühlen, B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen / B. Mühlen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Nr. 9. – Bonn, 1975. – 287 p.
312. Nadolski, A. Pochwa miecza znaleziona w osadzie miejskiej z XI wieku w Gdańsku / A. Nadolski // “Wiadomości Archeologiczne”. Tom XXII/2 / red. Z. Rajewski. – Warszawa, 1955. – P. 186-192.
313. Owen, O., Dalland, M. Scar. A viking boat burial on Sanday, Orkney / O. Owen, M. Dalland, M. Skar. – Tuckwell Press, 1999. – 236 p.
314. Paulsen, H. Pfeil und Bogen in Haithabu / H. Paulsen // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 33. – Neumünster: Wachholtz, 1999. – P. 93-143.
315. Paulsen, P. Schwertortbänder der Wikingerzeit: ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas / P. Paulsen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1953. – 196 p. ill.
316. Peirce, I.G. Swords of the Viking Age / I.G. Peirce. – Woodbridge: The Boydell Press, 2002 – 152 p.
317. Petersen, J. De Norske Vikingesverd en typologisk-kronologisk Studie over vikingetidens vaaben / J. Petersen. – Kristiania: J. Dybwad, 1919. – 228 p.
318. Puškina, T. Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology / T. Puškina // The Rural Viking in Russia and Sweden / ed. by Pär Hansson. – Örebro: Örebro kommuns bildningsförvaltning, 1997. – P. 82-91.
319. Rackevičius, G. Arbaletas ir lankas Lietuvoe XIII–XVI a. / G. Rackevičius. – Vilnius: “Lietuvos pilys”, 2002. – 296 p.
320. Raudonikas, W.J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet / W.J. Raudonikas. – Stockholm: Wahlström et Widstrand, 1930. – 151 p.
321. Révész, L. Adatok a honfoglaláskori tegez szerkezetéhez [Angaben zum Bau des Köchers der Zeit der ungarischen landnahme] / L. Révész // Acta Antiqua et Archaeologica. Suppl. V. – Szeged, 1985. – P. 35-53.

322. Révész, L. Die bereichs-bogenhalter (gorythos) in den grabern der Ungarischen Landnahmezeit / L. Révész // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 44. Fasc. 2-4 / red. D. Gabler. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. – P. 345-369.

323. Rygh, O. Norske oldsager, ordnede og forklarede, Anden afdeling / O. Rygh – Christiania: A. Cammermeyer, 1885. – 282 p.

324. Ruttkay, A. Waffen und Reiterausrüstung des. 9 bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) / A. Ruttkay // Slovenská archeológia. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1976. – № 24. – P. 245-395.

325. Ruttkay, A. The Organization of Troops, Warfare and Arms in the Period of the Great Moravian State / A. Ruttkay // Slovenská archeológia. – Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1982. – № 30. – P. 165-198.

326. Schoknecht, U. Vier neue Wikingerschwerter aus dem Bezirk Neubrandenburg / U. Schoknecht // Ausgrabungen und Funde. Bd. 33, Heft 3. – Berlin: Akademie Verlag, 1988. – P. 142-145.

327. Sikora, P. Frühmittelalterliche Ortbänder bei West- und Ostslawen. Versuch einer typologisch-chronologischen Einordnung / P. Sikora // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. – Bonn: “Dr. Rudolf Habelt”, 2003. – Band. 31. – P. 11-38.

328. Simonsson, H. Studie rörande vikingatida vapen- och ryttargravar med utgångspunkt från det västmanländska materialet. Stencilerad licentiatavhandling / H. Simonsson. – Uppsala: Uppsala universitet, 1969. – 136 p.

329. Smith, M.H. The Lady in Blue. Konan: the textiles. National Museum of Iceland [Электронный ресурс] / M.H. Smith // Bláklædda Konan, Ný Rannsókn á Fornu Kuml. – Skogar: National Museum of Iceland, 2015. – Режим доступа: <https://northernwomen.org/project-2>

330. Solberg, B. Norwegian Spear-Heads from the Merovingian and Viking Periods. Stencil / B. Solberg. – Bergen: Universitetet i Bergen, 1984. – 237 p.: ill.

331. Söderberg, A. The brazing of iron and the metalsmith as a specialised

potter / A. Söderberg // *The Old Potter's Almanack*. – Heidelberg, 2014. – Vol 19. – No. 2. – P. 23-29.

332. Stein, F. *Adelsgräber des achten Jahrhunderts in Deutschland*. / F. Stein // *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit, Serie A, 9/* – Berlin: de Gruyter, 1967 – 437 s., 125 taf.

333. Stępnik, T. *Drewniane okładziny rękojeści mieczy* / T. Stępnik // *Miecze średniowieczne z Ostrowa Lednickiego i Gieczu*. Biblioteka Studiów Lednickich / ed. A.M. Wyrwa, P. Sankiewicz, P. Pudło. – Dziekanowice-Lednica, 2011. – Vol. XXII. – P. 71-79.

334. Stjerna, N. *En stäppnomadisk rustning från Birka* / N. Stjerna // *Fornvännen*, 99 (2004). – Stockholm, 2004. – P. 27-32.

335. Stjerna, N. *Viking-age seaxes in Uppland and Västmanland : craft production and eastern connections* / N. Stjerna // *Cultural interaction between east and west : archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe* / eds. U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. – Stockholm: Stockholm University, 2007. – P. 243-249.

336. Thålin-Bergman, L., Arrhenius, B. *Weapon Investigations. Helgö and the Swedish Hinterland* / L. Thålin-Bergman, B. Arrhenius // *Excavations at Helgö XV*. – Stockholm: Almqvist & Wiksell Intl, 2005. – 132 p.

337. Thunmark-Nylén, L. *Die Wikingerzeit Gotlands. T. I Abbildungen der Grabfunde* / L. Thunmark-Nylén. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1995. – 12 Textseiten - Einleitung, 1 Karte, ca. 300 Fototafeln

338. Thunmark-Nylén, L. *Die Wikingerzeit Gotlands. T. II. Typentafeln* / Thunmark-Nylén. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1998. – 17 p., 316 Fototafeln.

339. Tomsons, A. *Divasmeņu zobenī IX-XIII. gs. latgaļu arheoloģiskajā materiālā* / A. Tomsons // *Latvijas Kara muzeja gadagrāmata*. – Rīga, 2006. – P. 5-27.

340. Vike, V. *Ring weave. A metallographical analysis of ring mail material at the Oldsaksamlingen in Oslo [Электронный ресурс]* / V. Vike // *Universitetet i Oslo Det Historisk-filosofisk fakultet-IAKK. Avdeling for konserveringsstudier*

Semesteroppgave. – Oslo, 2000. – Режим доступа:
http://folk.uio.no/vegardav/brynje/Brynjevev_Vegard_Vike_2000.pdf

341. Vlasaty, T. The Helmet from Bojna (?), Slovakia. One of the biggest mysteries of Slovakian Early Medieval archaeology [Электронный ресурс] / T. Vlasaty. – Режим доступа: <http://sagy.vikingove.cz/the-helmet-from-bojna/>

342. Wegraeus, E. Die Pfeilspitzen von Birka / E. Wegraeus // Birka II: 2 / ed. by G. Arwidsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1986. – P. 21-34.

343. Wheeler, M. London and the Vikings. London Museum Catalogues. No. 1 / M. Wheeler. – Lancaster: Lancaster House, 1927. – 55 p., ill.

344. Żabiński, G. Viking Age Swords from Scotland / G. Żabiński // Acta Militaria Mediaevalia. T. III / red. P.N. Kotowicz. – Kraków-Rzeszów-Sanok, 2012. – P. 29-84.

345. Žak, J. Eine skandinavische frühmittelalterliche Eisenlanzenspitze aus Grosspolen / J. Žak // Meddelanden från Lunds Universitets historiska Museum. – Lund: Lunds universitet: Arkeologiska institutionen, 1959. – P. 136-148.

Список иллюстраций

Рис. 1. План-схема Гнёздовского археологического комплекса: 1 - Центральное городище; 2 - Центральное селище; 3 - Центральная курганная группа; 4 - Глущенковская курганная группа; 5 - Лесная курганная группа; 6 - Левобережная курганная группа; 7 - Днепровская курганная группа; 8 - Ольшанская курганная группа; 9 - Ольшанское городище; 10 - Ольшанское селище; 11 - Заольшанская курганная группа; 12 - Нивленская курганная группа

Рис. 2. Основные конструктивные части меча

Рис. 3. Способы крепления навершия (по Geibig, 1991. P. 91. Abb. 24)

Рис. 4. Хронология мечей «эпохи викингов» (по Андрощук, 2013. Рис. 93).
Типы мечей указаны по Я. Петерсену (Petersen, 1919)

Рис. 5. Детали мечей: 1 - головка навершия меча типа 2 или типа Mannheim (№ 1 в Каталоге мечей); 2 - основание навершия меча типа В (№ 2)

Рис. 6. Меч типа D (№ 3 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

Рис. 7. Детали рукояти меча типа D (№ 3 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие

Рис. 8. Клейма на клинках мечей: 1 - № 4 в Каталоге мечей; 2 - № 9; 3 - № 13; 4 - № 21; 5 - № 16; 6 - № 7; 7 - № 5; 8 - № 3; 9 - № 8

Рис. 9. Меч типа E (№ 4 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

Рис. 10. Детали рукояти меча типа E (№ 4 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие

Рис. 11. Меч типа E (№ 5 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

Рис. 12. Детали рукояти меча типа E (№ 5 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие

Рис. 13. Меч типа E (№ 6 в Каталоге мечей)

Рис. 14. Меч типа H (№ 7 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

Рис. 15. Меч типа H (№ 8 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча; 3 - состояние рукояти меча после находки

- Рис. 16. Детали рукояти меча типа Н (№ 8 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие.
- Рис. 17. Меч типа Н (№ 9 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча
- Рис. 18. Детали рукояти меча типа Н (№ 9 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие
- Рис. 19. Детали мечей типа Н: 1 - головка навершия (№ 10 в Каталоге); 2 - головка навершия (№ 12); 3 - перекрестие (№ 11)
- Рис. 20. Меч типа Т-2 (№ 13 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча
- Рис. 21. Детали рукояти меча типа Т-2 (№ 13 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие
- Рис. 22. Мечи типа V: 1-3 - № 15 в Каталоге мечей (1 - общий вид; 2 - навершие; 3 - перекрестие); 4 - навершие меча (№ 14)
- Рис. 23. Меч типа V (№ 16 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча
- Рис. 24. Меч типа V (№ 17 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча
- Рис. 25. Детали мечей типа X: 1 - навершие с череном клинка (№ 18 в Каталоге мечей); 2 - навершие (№ 19).
- Рис. 26. Меч типа Y (№ 20 в Каталоге мечей): 1 - меч после находки; 2 - фрагмент клинка; 3 - фрагмент навершия, 4 - фрагмент клинка (№ 25)
- Рис. 27. Меч типа Y (№ 21 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча (рисунки А.С. Дементьевой)
- Рис. 28. Накладка на рукоять меча (1) (№ 27 в Каталоге мечей); 2 - накладки на рукоять меча из кургана 38 Петровского могильника; 3 - реконструкция расположения накладок на рукояти меча из кургана 38 Петровского могильника (рисунки А.С. Дементьевой); 4 - меч из могильника Priekulu Gûgeru (Латвия) с сохранившимися накладками
- Рис. 29. Сохранившиеся фрагменты ножен на нижней части клинка меча типа V (№ 16 в каталоге мечей)
- Рис. 30. Типология наконечников ножен П. Паульсена (по Paulsen, 1953)

Рис. 31. Типологии наконечников ножен мечей: 1 - Е.Н. Ениосовой (по Ениосова, 1996); 2 - С.Ю. Каинова (по Каинов, 2009)

Рис. 32. Наконечники ножен мечей с мотивом птицы: 1 - № 1 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 2; 3 - № 4 (а - современное состояние; б - состояние на момент находки); 4 - № 3; 5 - № 10; 6 - № 7; 7 - № 9; 8 - № 8 (а - современное состояние; б - состояние на момент находки)

Рис. 33. Наконечники ножен мечей с мотивом совмещённых фигур человека и птицы (1, 2), с мотивом четвероногого животного (3, 4) и мотивом человеческой фигуры (5): 1 - № 11 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 12; 3 - № 13; 4 - № 14; 5 - № 15

Рис. 34. Непрорезные наконечники ножен мечей (1-4); наконечник неопределённого типа (5): 1 - № 18 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 16; 3 - № 17; 4 - № 22; 5 - № 20

Рис. 35. Боевой нож (№ 12 в Каталоге): 1 - реконструкция внешнего вида боевого ножа и ножен (рисунок А.С. Дементьевой); 2 - ножны боевого ножа

Рис. 36. Детали ножен боевых ножей: 1 - № 1 в Каталоге боевых ножей; 2 - № 3; 3 - № 9; 4 - № 2; 5 - № 10; 6 - № 11; 7 - № 14; 8 - № 15

Рис. 37. Резной каменный (?) предмет (1) из кургана Ц-74/Серг-1900. Детали сабель: 2 - из кургана Л(Гл)-80/1952; 3, 4 - из кургана Ц-3/1950

Рис. 38. Основные конструктивные части наконечников копий и сулиц

Рис. 39. Типология наконечников копий и сулиц А.Н. Кирпичникова (по Кирпичников, Медведев, 1985. С. 337. Табл. 125)

Рис. 40. Типология наконечников «эпохи викингов» Б. Солберг (по Solberg, 1984)

Рис. 41. Наконечник копья типа I (№ 1 в Каталоге наконечников копий): 1 - общий вид; 2 - дамаскированная вставка на пере наконечника; 3 - т.н. готическая врезка на втулке наконечника

Рис. 42. Наконечники копий типа I: 1 - № 7 в Каталоге наконечников копий; 2 - № 8; 3 - № 9; 4 - № 11; 5 - № 16; 6 - № 5; 7 - № 13; 8 - № 14

Рис. 43. Наконечники копий типа III (1-3), IIIA (4), IIIB (5): 1 - № 16 в Каталоге наконечников копий; 2 - № 15; 3 - № 17; 4 - № 18; 5 - № 19

Рис. 44. Наконечники копий и сулиц типов IIIA (1), IIIB (2), IV (3) V (4-6); VI (5-7). Фрагменты наконечников копий (8-11) и копейный вток (12): 1 - № 20 в Каталоге наконечников копий; 2 - № 23; 3 - № 22; 4 - № 21; 5 - № 25; 6 - № 26; 7 - № 24; 8 - № 30; 9 - № 32; 10 - № 34; 11 - № 33

Рис. 45. Основные конструктивные части топоров

Рис. 46. Типология топоров А.Н. Кирпичникова 9по Кирпичников, 1966б. С. 30. Рис. 6)

Рис. 47. Топоры типа I: 1 - № 2 в Каталоге топоров; 2 - № 3; 3 - № 6; 4 - № 4

Рис. 48. Топоры типа IA: 1 - № 7 в Каталоге топоров; 2 - № 8; 3 - № 9

Рис. 49. Топоры типа IA (1) и типа II (2, 3): 1 - № 10 в Каталоге топоров; 2 - № 13; 3 - № 16

Рис. 50. Топоры типа II: 1 - № 12 в Каталоге топоров; 2 - № 11; 3 - № 18

Рис. 51. Топоры типа III: 1 - № 21 в Каталоге топоров; 2 - № 22; 3 - № 23

Рис. 52. Топоры типа IV: 1 - № 34 в Каталоге топоров; 2 - № 31; 3 - № 28

Рис. 53. Топоры типа IV: 1 - № 25 в Каталоге топоров; 2 - № 24; 3 - № 26

Рис. 54. Топоры типа IV: 1 - 29 № в Каталоге топоров; 2 - № 30

Рис. 55. Обломки топоров типа C (1-3) и топоры типа VI (4-6): 1 - № 35 в Каталоге топоров; 2 - № 36; 3 - № 37; 4 - № 38; 5 - № 40; 6 - № 41

Рис. 56. Топор типа VIII (1), обломки топоров (2-11): 1 - № 41 в Каталоге топоров; 2 - № 48; 3 - № 64; 4 - № 61; 5 - № 60; 6 - № 54; 7 - № 56; 8 - № 55; 9 - № 58; 10 - № 53; 11 - № 55

Рис. 57. Типологии гирь кистеней: 1 - А.Н. Кирпичникова (по Кирпичников, 1966б. С. 59. Рис. 12); 2 - А.В. Крыганова (Крыганов, 1987)

Рис. 58. Кистени типа I (1) и типа II (2, 3): 1 - городище, ЦГ-I/1952; 2 - случ. нах.; 3 - курган Ц-191/176

Рис. 59. Основные конструктивные части сложносоставного лука

Рис. 60. Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы: Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы. I - «гунно-болгаро-аварская» («тюрко-хазарская», по Е.В. Круглову) линия. Способы и схемы сборки: А - «аварский» тип; ГБ - «гунно-болгарский» («тюрко-хазарский», по Е.В. Круглову) тип; II - «хазаро-салтово-венгерская» линия. Способы и схемы сборки: Х - «хазарский» тип; С - «салтовский» тип; В - «венгерский» тип, варианты 1 и 2; БТ - лук из Боротала; МТ - лук из Монгун-Тайги (по Савин, Семенов, 1997. С. 42. Рис. 3; Круглов, 2005. С. 100-101. Рис. 2)

Рис. 61. Накладки на сложносоставной лук: 1 - курган Ц-3/1950; 2 - курган Ц-255/1978; 3 - курган Ц-251/1978

Рис. 62. Основные конструктивные части наконечников стрел

Рис. 63. Типология наконечников стрел, найденных в Гнёздовском археологическом комплексе (по Медведев, 1966)

Рис. 64. Наконечники стрел типов 1 (1, 2), 2 (3-5), 3 (6), 4 (7), 5 (8), 8 (9), 14 (10), 18 (11), 20 (12), 29 (13), 31 (14), 33 (15), 34 (16), 37 (17)

Рис. 65. Наконечники стрел типов 39 (1), 40 (2), 41 (3), 42 (4), 44 (5), 45 (6), 46 (7), 47 (8), 48 (9), 49 (10), 50 (11), 51 (12), 52 (13), 55 (14)

Рис. 66. Наконечники стрел типов 60/1 (1), 60/2 (2), 60/3 (3), 62/1 (4), 62/2 (5-7), 63 (8, 9), 65 (10), 68 (11), 69 (12)

Рис. 67. Наконечники стрел типов 75 (1, 2), 76 (3), 77 (4), 78 (5), 79 (6), 81 (7), 82 (8), 84/1 (9), 87 (11, 12), 90 (13), 95 (14), 97/1 (15), 103 (16), Гн (17)

Рис. 68. Наконечники арбалетных стрел (1, 2). Наконечник стрелы с сохранившимся фрагментом древка (3). Берестяная (?) навивка на древке стрелы (4)

Рис. 69. Подвесные бляхи налучья (1, 2), реконструкция налучья (3) (по Révész, 1992. P. 351)

Рис. 70. Подвесные петли для колчанов: 1 - № 7 в Каталоге колчанов, 2 - № 15; оковки днищ колчанов: 3 - № 6; 4 - № 13; реконструкция колчана (5) (по Révész, 1985. Tabl. V, 2)

Рис. 71. Шлем типа I из кургана Дн-86/Серг-1901: 1 – фотография на момент находки (по Кирпичников, 1971. Табл. X, 1); 2 – нынешнее состояние шлема

Рис. 72. Шлем типа IIА из кургана Ц-41/Сиз-1885: 1 - фотография на момент находки (по Сизов, 1902. С. 65. Рис. 16); 2 – реконструкция шлема В.И. Сизова (по Сизов, 1902. С. 67. Рис. 16); 3 – реконструкция шлема В.В. Арендта (по Arendt, 1935. P. 30. Abb. 7); 4 – современное состояние шлема

Рис. 73. Кольчуга из погребения Дн-86/Серг-1901 (1); реконструкция покроя кольчуги из Херсонеса (2); кольчуга из погребения 106 могильника Казазово (3), изображение воинов в кольчугах в манускрипте X века *Exultet Beneventano* (4); изображение воина в кольчуге(?) из северного кургана в Еллинге (5)

Рис. 74. Фрагменты кольчужного плетения: 1 - № 7 в Каталоге кольчужных колец; 2 - № 3; 3, 4 - № 1; 5 - № 51; 6 - № 9; 7 - № 37; отдельные кольчужные кольца: 8 - № 24; 9 - № 35; 10 - № 48; 11 - № 13; 12 - № 14; 13 - № 23; 14 - № 19; 15 - № 11; 16 - № 50; 17 - № 25; 18 - № 31; 19, 20 - № 37; доспешные пластины (21-23)

Рис. 75. Умбоны щитов: 1 - № 5 в Каталоге щитов; 2 - № 1; 3 - № 6; 4 - № 10; 5, 6 - №№ 5, 6; 7 - № 11; 8 - № 7

Рис. 76. Оковки края щита: 1 - № 17 в Каталоге щитов; 2 - № 3; 3 - № 14; 4 - № 15. Реконструкция щита (5) (рисунок О.В. Фёдорова)

Рис. 77. Расположение курганов, содержащих предметы вооружения, в Правобережной Ольшанской группе Гнёздовского могильника

Рис. 78. Расположение предметов вооружения в погребениях, совершенных по обряду трупоположения в погребальных камерах

Рис. 79. Расположение предметов вооружения в погребениях, совершенных по обряду трупоположения в могильных ямах

Рис. 80. Расположение предметов вооружения в Больших курганах: 1 - курган Ц-41/Сиз-1885 (по Сизов, 1902. С. 3); 2 - курган Дн-86/Серг-1901 (по Сергеев, Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. Л. 27об.)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

На правах рукописи

Каинов Сергей Юрьевич

**Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в.
(по материалам Гнёздовского некрополя и поселения)**

Исторические науки:

специальность 07.00.06 – археология

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Том II

Научный руководитель

кандидат исторических наук

Пушкина Т.А.

Москва

2019

Содержание
Том II

Приложение 1. Таблицы	3-30
Приложение 2. Иллюстрации.....	31-109

Таблица 1. Предметы вооружения и воинского снаряжения, найденные на территории Гнёздовского археологического комплекса с 1874 по 2012 гг.

Виды вооружения	Количество предметов
Мечи	27
Наконечники ножен мечей	22
Боевые ножи	4
Ножны боевых ножей	не менее 17
Сабли	1
Ножны сабель	2
Наконечники копий	34
Топоры	62
Кистени	3
Луки	3
Наконечники стрел	не менее 505
Налучья	2
Колчаны	не менее 15
Шлемы	2
Кольчуги	2
Кольчужные кольца и фрагменты кольчужного плетения	не менее 43
Доспешные пластины	3
Щиты	17

* Учтены как целые, так и фрагментированные предметы

Таблица 2. Исследователи и объекты исследований Гнёздовского археологического комплекса с 1874 по 2012 гг.

Исследователь	Год	Исследованные объекты	Место хранения
М.Ф. Кусцинский	1874	курганы Центральной(?) группы	ГИМ
В.И. Сизов (в 1882 году совместно с В.Д. Соколовым; в 1883 и 1885 гг. совместно с А.С. Уваровым)	1881-82, 1885, 1894- 1897(?), 1898, 1901	курганы Центральной, Лесной, Глущенковской, Ольшанской и Левобережной групп; Центральное городище	ГИМ, СГМЗ
А.С. Уваров	1883	курганы	ГИМ
Г.К. Бугославский, С.П. Писарев	1899	курганы Центральной и Ольшанской групп	СМ
Н. Бируков	конец XIX в.	курганы	ГИМ, СГМЗ(?)
С.И. Сергеев	1898-1901	курганы Центральной, Глущенковской и Днепровской групп; Центральное городище	ГИМ
И.С. Абрамов	1905	курганы Центральной, Днепровской и Ольшанской групп; Ольшанское городище	ГЭ
Н.К. Рерих	1910	курганы; Центральное городище (?)	СГМЗ
В.А. Городцов	1911-12	курганы Лесной(?) группы Центральное городище	СГМЗ(?)
Е.Н. Клетнова	1914, 1922	курганы Левобережной, Заольшанской и Нивленской групп	СГМЗ(?)
Смоленский краеведческий музей	1922, 1924, 1926, 1935	Центральное и Ольшанское городища	СГМЗ(?)
Н.В. Андреев, Н.П. Милонов	1940	курганы Центральной и Лесной групп; Центральное городище,	СГМЗ
К. Радац	1942	курганы Центральной и Лесной групп	?
Е.А. Шмидт	1962	курганы Лесной группы	СГМЗ
И.И. Ляпушкин	1967-68	западная часть селища	ГЭ
Д.А. Авдусин	1949-50, 1952-1953, 1959, 1960, 1961, 1963-	курганы Центральной, Лесной, Глущенковской, Днепровской, Ольшанской и Заольшанской групп;	ФКА МГУ, ГИМ, СГМЗ

	64, 1967-68, 1970-1993	Центральное и Ольшанское городища	
Т.А. Пушкина	с 1995	курганы Лесной, Центральной, Глущенковской, Днепровской и Нивленской групп; Центральное поселение: городище, селище	ФКА МГУ
В.В. Мурашева	1995, с 1999	Центральное поселение: северо-западная и пойменная часть селища	ГИМ
С.А. Авдусина	2009	Ольшанское городище	ГИМ
С.С. Зозуля	с 2010	курганы Днепровской группы	ГИМ

Таблица 3. Принятые обозначения объектов исследования на гнёздовском поселении.

Объект исследований		Принятые обозначения	
		Экспедиция МГУ	Экспедиция ГИМ
Центральное городище		раскопы ЦГ-I-XXVII	
Ольшанское городище		раскопы ОГ-I-III	раскопы ОГ-IV, V
Селище:	западная и центральная части	раскопы ГС-I-IV раскопы ЦС-II-IV	раскоп ЦС-I
	восточная часть	шурфы ВС-1-30 раскопы ВС-4, 10, 30	
	северная часть	шурфы СГС-I-IV	
	пойменная часть	шурфы П-1-10	раскопы П-2, 8; ДП-1, 2; БД-1, 2. СВ-1

Таблица 4. Соотношение некоторых типологий мечей.

		Gaibig (1991)	Petersen (1919)	Jankuhn (1939)	Von zur Muhlen (1939)	Oakenshott (1960,1964)	Stein (1967)	Menghin (1980)	Menghin (1980) Muller-Wille (1982)	Glosek (1984)
1	I	B					Immenstedt/ Altjurden	Typ Dunum		
	II									
	III									
	IV									
	V									
	VI									
2		So. Typ II								
3			Typ Mannheim							
4								Typ Mannheim -Speyer		
5	I	H/I	B					Typ Dunum		
	II									
	III									
	IV									
	V									
	VI									
6		K/OIII								
7		L								
8		N								
9		O								
10		R/S								
11		U/V/W								
12	I	X								
	II									
13	I	Y		Y/Y 2	IX					
	II				IX/C/(D)					
14					(B)					
15	I				VIII/B/(A)					
	II									
	III	X								

	IV								
	V								
	VI								
16	I				(B)/A				
	II								
17	I								
	II				(O)				
18					B/B1				
19					E				

Таблица 5. Каталог находок мечей Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Тип по Я. Петерсену	Сохранность (на момент находки)	Общая длина, мм	Длина клинка (от перекрестия до острья), мм	Ширина клинка о перекрестия, мм	Толщина клинка у перекрестия, мм	Длина перекрестия, мм	Высота перекрестия, мм	Длина хвата рукояти, мм	Общая высота навершия, мм	Длина основания навершия, мм	Высота основания навершия, мм	Толщина основания навершия, мм	Длина головки навершия, мм	Высота головки навершия, мм	Ширина головки навершия, мм	Место хранения
1	Городище (ЦГ)	2 Ос.	головка навершия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	ок. 17-18	-	57	17	25	ФКА МГУ
2	Селище ВС-4	В	основание навершия	-	-	-	-	-	-	-	-	71	25	19	-	-	-	ФКА МГУ
3	Курган Ц-2/1950	Д	полная (согнут)	-	-	-	-	100	28	91	60	88	29	31	-	-	-	СГМЗ
4	Курган Ц-15/Кусп.-1874	Е	полная	988	820	64	5	109	22	88	57	84	22	?	-	-	-	ГИМ
5	Курган Л-13/1949	Е	полная (сломан)	978	796	63	6	105	27	ок.95	64	89	28	33	-	-	-	СГМЗ
6	Селище, Случ. нах.	Е	фрагмент	205	-	62	7	100	24	-	-	-	-	-	-	-	-	?
7	Курган «комплекс октябрь 1898 года/Ц»	Н	фрагмент	351	-	61	5	97	18	97	52	84	17	37	-	-	-	ГИМ
8	Курган Л-35/1949	Н	полная (сломан)	960	788	ок. 60	5	106	21	94	57	91	17	37	-	-	-	СГМЗ
9	Курган Лб-1/1987	Н	полная (погнут, сломан)	-	-	66	6	100	15	ок. 95	48	79	14	25	-	-	-	ФКА МГУ
10	Курган Л-6/Сиз-1881	Н	головка навершия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	68	30	20	ГИМ
11	Городище	Н	перекрестие	-	-	-	-	93	16	-	-	-	-	-	-	-	-	ФКА МГУ

Таблица 9. Соотношение некоторых типологий наконечников копий.

Я. Петерсен (1919)	А.Н. Кирпичников (1966)	Б. Солберг (1984)
A	-	VI.1A
B	-	VI.IB
C	-	VI.2B
D	-	VI.3A VI.3B IX.1B
E	I	VI.4A VI.4B VI.4C
F	III	VII.1A VII.1B
G	III	IX.1A IX.2
H	-	IX.3
I	-	VII.2A VII.1B
K	III	VII.2B VIII.2
L	VII	XII
M	III	VII.3A VII.3B

Таблица 6. Соотношение некоторых типологий наконечников ножен мечей X века.

П. Паульсен* (1953)	Н.В. Ениосова (1996)	В. Казакивичюс (1998)	П. Сикора (2003)	С.Ю. Каинов (по материалам Гнёздова)
I.1	A-1-2	Ib1	IIb1	Гн-II.1
I.1 (вариант)	A-1-2a	Ib2	IIb2	
	A-1-2б	Ib3		
I.2a	B-1-1; B-2-1; B-2-2	Ia	Ia	Гн-I.1.3
I.2b				Гн-I.1.1
I.2c			Ib	
I.2d				Гн-I.2
II.1	A-2-1	IIa	IIIb1	Гн-III.1
II.1 (вариант)	A-2-1a		IIIb2	
II.2	A-2-2	IIb		
II.2 (вариант)	A-2-3a		IIIa	Гн-III.2
II.3	A-1-1	IIc		
	A-1-1a		IIa1	Гн-IV.1
II.4	A-2-3		IIa2	
II.4 (вариант)				

* Обозначение групп и подгрупп наконечников ножен в типологии П. Паульсена: I-1 – «скандинавская группа наконечников с мотивом птицы»; I-2(a, b, c, d) – «шведско-варяжская группа наконечников с мотивом птицы»; II-1 – «скандинавская группа наконечников с мотивом четвероногого животного»; II-2 – «шведская группа наконечников с мотивом четвероногого животного»; II-3 – «наконечники со звериным мотивом балтийского региона»; II-4 – «наконечники с мотивом четвероногого животного, дополненным пальметтой».

Таблица 7. Каталог находок наконечников ножен мечей Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Группа/Тип /Вариант	Сохранность на момент находки	Размеры (высота × ширина) мм	Хранение
1	Селище	Гн-І.1.1	фрагмент	?×39	?
2	Городище, ЦГ-IV/1953	Гн-І.1.2	полная	53×38	ФКА МГУ
3	Городище, ЦГ-XV/1981	Гн-І.1.3	фрагмент	?	ФКА МГУ
4	Курган Ц-18/Сиз-1882	Гн-І.1.3	полная	?×39	ГИМ
5	Курган Л-73/1950	Гн-І.2	фрагмент	?	СГМЗ
6	Курган «комплекс 14 июля 1899/Ц»	Гн-І.2	сохранился отпечаток на ножнах	?	ГИМ
7	Городище, ЦГ-вал/Серг-1901	Гн-І.2	фрагмент	?	ГИМ
8	Курган Дн-85/Серг-1901	Гн-І.2	фрагмент	?	ГИМ
9	Селище, ЦС-II/1997	Гн-І.2	фрагмент	?	МГУ
10	Селище	Гн-І.2	фрагмент	66×42	?
11	Селище, ГС-III/1970	Гн-II	полная	?×40	ФКА МГУ
12	Селище	Гн-II	фрагмент	78×?	ГИМ
13	Селище	Гн-III.1	фрагмент	73×42	?
14	Курган Ц-107/Сиз1896-97?	Гн-III.2	полная	60×39	ГИМ
15	Селище	Гн-IV	полная	81×44	?
16	Селище, П-8/2002	Гн-V	фрагмент	?	ГИМ
17	Городище,	Гн-V	фрагмент	?	ФКА

	ЦГ- XXIV/2003				МГУ
18	Селище	Гн-V	фрагмент	?×45	ФКА МГУ
19	Курган?	Гн-I.1 ?	полная?	?	?
20	Селище	Гн-II или Гн-III ?	фрагмент	?	ФКА МГУ
21	Курган Оль-24/Абр- 1905	?	фрагменты	?	ГЭ
22	Селище	непрорезной	фрагмент	?	ФКА МГУ

Таблица 8. Каталог находок боевых ножей и ножен боевых ножей Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Комплектность	Хранение
1	Курган ?/Ув-1883	детали ножен: верхняя пластина, подвесное кольцо с держателем	ГИМ
2	Курган Л-27/Сиз-1882	детали ножен: наконечник ножен, два подвесных кольца(?)	ГИМ
3	Курган Л-66/Сиз-1882	детали ножен: фрагмент верхней пластины, подвесное кольцо с держателем, две скобки	ГИМ
4	Курган Ц-41/Сиз-1885	клинок, детали ножен (?): скобка	ГИМ
5	Курган Дн-86/Серг-1901	клинок, детали ножен: обломок подвесного кольца, скобка	ГИМ
6	Курган Дн-56/Серг-1899	детали ножен: фрагменты верхней пластины, два подвесных кольца, две скобки	ГИМ
7	Курган Ц-1/1950	детали ножен: подвесное кольцо с фрагментом держателя	СГМЗ
8	Курган Оль-3/1950	детали ножен: фрагменты верхней пластины	СГМЗ
9	Курган Л-44/1950	детали ножен: фрагменты верхней пластины, фрагмент держателя подвесного кольца, 5 скобок	СГМЗ
10	Курган Л-73/1950	детали ножен: верхняя пластина, два держателя подвесных колец	СГМЗ
11	Курган Ц-251/1978	детали ножен: обл. верхней пластины, два? держателя колец, скобки	ФКА МГУ
12	Курган ПОль-11/1979	клинок, ножны	ФКА МГУ
13	Курган? 1897?	клинок	?

14	Городище ЦГ-III/1953	подвесное кольцо	ФКА МГУ
15	Городище ЦГ-XXA/1987	подвесное кольцо	ФКА МГУ
16	Городище ЦГ-XIV/2003	фрагмент держателя подвесного кольца	ФКА МГУ
17	Селище 2002, подъемный материал	фрагмент подвесного кольца	ФКА МГУ
18	Селище, П-8/2005	подвесное кольцо	ГИМ

Таблица 10. Каталог находок наконечников копий и сулиц Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Сохранность на момент находки	Тип	Размеры		Место хранения
				Общая длина, см	Длина пера, см	
1	Курган Ц-15/Кусц-1874	полная	I с готической врезкой	52,3	42	ГИМ
2	Городище ЦГ-вал/Серг-1900	полная	I с готической врезкой	?	?	ГИМ
3	Курган «комплекс 14 июля 1899 года/Ц»	полная	I	23	13	ГИМ
4	Курган «комплекс 8 июля 1900 года/Ц»	полная	I	ок. 30 см		ГИМ
5	Городище, ЦГ-III/1953	полная	I	23,8	15,5	ФКА МГУ
6	Курган Ц-240/1978	полная	I	40,5	29	ФКА МГУ
7	Курган ПОль-61/1980	полная	I	53	45	ФКА МГУ
8	Курган ПОль-62/1980	полная	I	42	31	ФКА МГУ
9	Городище, ЦГ-XV/1981	полная	I	29	22	ФКА МГУ
10	Курган Дн-4/1984	полная	I	38	26	ФКА МГУ
11	Курган Л(Гл)-150/1987	полная	I	21,5	15,5	ФКА МГУ
12	Селище раск-ки И.И. Ляпушкина	фрагмент	I	11		ГЭ
13	Курган Л-95/1960	полная	I (разн.)	21,5	12,8	СГМЗ
14	Курган Ц-191/1976	полная	I (разн.)	23,5	11,5	ФКА МГУ
15	Городище, ЦГ-вал/Серг-1900	полная	III	25,5	15,5	ГИМ
16	Курган «комплекс 31 августа 1899 года/?»	полная	III	28,5	16,5	ГИМ
17	Курган		III	более 24		ГИМ

	Дн-86/Серг-1901	полная				
18	Курган «комплекс октября 1898 года/Ц»	полная	ША	24	14	ГИМ
19	Курган ПОль-11/1979	полная	ШБ	50	37,2	ФКА МГУ
20	Городище, ЦГ-XXVI/2011	полная	IV	20,8	11,8	ФКА МГУ
21	Курган Ц-255/1978	полная	V			ФКА МГУ
22	Курган ПОль-4/1978	полная	V	24	13	ФКА МГУ
23	Курган ЛБ-1/1987	фрагмент	V	-	17,3	ФКА МГУ
24	Курган Ц-43/Серг-1899	фрагмент	VI	11,4		ГИМ
25	Курган Л-5/1949	полная	VI	12	7	СГМЗ
26	Городище ЦГ-XXA/1987	полная	VI	12,8	10	ФКА МГУ
27	Городище ЦГ-XXVI/2010	полная	VI	?	?	ФКА МГУ
28	Курган Ц-41/Сиз-1885	полная	I?	?	?	ГИМ
29	Курган Ц-41/Сиз-1885	полная	III/F(?)	?	?	ГИМ
30	Курган Ц-41/Сиз-1885	полная	?	?	?	ГИМ
31	Курган до 1911 года	полная?	?	?	?	до 1911 г. в СГМЗ
32	Курган Ц-331/1984	фрагмент	?	7,5		ФКА МГУ
33	Селище, П-8/2003	фрагмент	?	3,0		ГИМ
34	Селище, П-8/2007	фрагмент	?	4,2		ГИМ

Таблица 11. Каталог находок топоров Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Сохранность на момент находки	Тип	Размеры		Место хранения
				Длина, см	Ширина лезвия, см	
1	Курган ?/Сиз-?	полная	I	?	?	?
2	Курган Л-65/1950	полная	I	14,8	3,6	СГМЗ
3	Курган Л-66/1950	полная	I	16,3	4,3	СГМЗ
4	Курган Ц-59/1961	полная	I	13	4,2	СГМЗ
5	Курган Ц-94/1963	полная	I	12,4	3,4	?
6	Курган Ц-160/1978(1990)	полная	I	15,4	4,8	ФКА МГУ
7	Селище ГС-IV/1971	полная	IA	15	4,1	ФКА МГУ
8	Курган Ц-50/Серг-1899	полная	IA	12,3	5,4	ГИМ
9	Городище ЦГ-вал/Серг-1900-01	полная	IA	14,7	9	ГИМ
10	Курган Ц-255/1978	полная	IA	15,2	6	ФКА МГУ
11	Курган Л-95/1960	полная	II	19,4	9,3	СГМЗ
12	Курган Ц-88/1963	полная	II	17,3	6,1	?
13	Курган Ц-191/1978	полная	II	18,4	8	ФКА МГУ
14	Курган ПОль-61/1980	полная	II	16,5	7	ФКА МГУ
15	Курган ПОль-62/1980	полная	II	более 16,5	?	ФКА МГУ
16	Курган ПОль-64/1980	полная	II	15,9	6,5	ФКА МГУ
17	Курган Дн-4/1984	полная	II	?	8,2	ФКА МГУ
18	Курган ПОль-20/1979	переделан	II	12,1	4	ФКА МГУ
19	Курган	полная	III	12,5	3,8	ГЭ

	Дн-17/Абр-1905					
20	Курган Ц-222/1977	полная	III	13	5,5	ФКА МГУ
21	Городище ЦГ-IV/1953	полная	III	23,7	6,1	СГМЗ
22	Селище случ. находка	полная	III	19,7	5,7	СГМЗ
23	Курган до 1911 года	полная	III	11,6	3,7	СГМЗ
24	Курган Л(Гл)-122/Сиз- 1896-97	полная	IV	14	9	ГИМ
25	Курган Л-56/1950	полная	IV	11,5	6,8	СГМЗ
26	Селище ГС-II/1960	полная	IV	12,7	7	СГМЗ
27	Курган Ц-86/1963	полная	IV	16,9	9,3	?
28	Курган ПОЛЬ-4/1978	полная	IV	14,3	7	ФКА МГУ
29	Курган 1900	полная	IV	15,2	10,2	ГИМ
30	Курган 1900	полная	IV	14,8	9,6	ГИМ
31	Курган 1900	полная	IV	13,7	8,9	ГИМ
32	Курган	полная	IV	15,9	8,1	ГИМ
33	Курган	фрагмент	IV	18,2	-	ГИМ
34	Курган до 1911 года	полная	IV	16,5	9,1	СГМЗ
35	Городище ЦГ-VII/1973	фрагмент	С (по JP)	-	-	ФКА МГУ
36	Городище ЦГ-XII/1978	фрагмент	С? (по JP)	-	-	ФКА МГУ
37	Городище ЦГ-XIX/1987	фрагмент	С (по JP)	-	-	ФКА МГУ
38	Курган Л-105/1959	полная	VI	16,3	9	СГМЗ
39	Курган	полная	VI	Ок. 18	ок. 9,7	ГЭ
40	Курган	полная	VI	17,2	8	ГИМ
41	Городище ЦГ-вал/Серг- 1900-01	полная	VIII	18,5	7	ГИМ

42	Курган Ц-8/Серг-1898	?	?	-	-	?
43	Курган Дн-88/Серг-1901	?	?	-	-	?
44	Курган ?/Гор-1911	?	?	-	-	?
45	Курган Лб. 1914	?	?	-	-	?
46	Курган Дн-50/1991	?	?	-	-	ФКА МГУ
47	Курган до 1911 года	фрагмент	?	?	?	в 1911 г в СГМЗ
48	Курган Ц-25/Сиз-1882	фрагмент	?	-	8,5	ГИМ
49	Селище р-ки И.И. Ляпушкина	фрагмент	?	-	-	ГЭ
50	Селище р-ки И.И. Ляпушкина	фрагмент	?	-	-	ГЭ
51	Селище р-ки И.И. Ляпушкина	фрагмент	?	-	-	ГЭ
52	Городище ЦГ-ХП/1978	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
53	Городище ЦГ-ХIV/1980	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
54	Городище ЦГ-ХVI/1983	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
55	Городище ЦГ-ХVI/1983	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
56	Городище ЦГ-ХХI/1989	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
57	Городище ЦГ-ХХI/1989	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
58	Селище П-8/2002	фрагмент	?	-	-	ГИМ
59	Городище ЦГ-ХХIV/2004	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
60	Городище ЦГ-ХХV/2007	фрагмент	?	-	-	ФКА МГУ
61	Селище П-8/2008	фрагмент	?	-	-	ГИМ
62	Селище П-8/2009	фрагмент	?	-	-	ГИМ

Таблица 12. Каталог находок деталей колчанов Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Комплектность/ сохранность	Место хранения
1	Курган Л-12/Сиз-1881	фрагмент оковки днища	ГИМ
2	Курган ?-1/Ув-1883	петля	ГИМ
3	Курган ?-2/Сиз-1886	петля	ГИМ
4	Курган Л-125/Сиз-1894	оковка днища	ГИМ
5	Курган ?-11/Сиз-1898	петля	ГИМ
6	Курган Ц-12/Серг-1899	фрагмент оковки днища	ГИМ
7	Курган	обломок петли	ГИМ
8	Курган	обломок запорной петли	ГИМ
9	Курган	обломок петли	ГИМ
10	Курган Ц-1/1950	обломок петли	СГМЗ
11	Курган Л-20/1949	обломок петли	СГМЗ
12	Курган Ц-255/1978	обломки петель?	ФКА МГУ
13	Курган Ц-253/1978	оковка днища	ФКА МГУ
14	Городище ЦГ-III/1953	обломок петли	ФКА МГУ
15	Селище П-8/2004	петля	ГИМ

Таблица 13. Каталог находок фрагментов кольчужного полотна и отдельных кольчужных колец Гнёздовского археологического комплекса.

№	Место находки	Количество колец	Способ изготовления колец	Внешний диаметр кольца, мм	Место хранения
1	Курган Ц-17/Сиз-1882	ок. 30	клепаные просечные?	7-8	ГИМ
2	Курган ?-15/Сиз-1898	17	клепаные просечные?	14-15	ГИМ
3	Курган Ц-53/Серг-1899	8	клепаные просечные?	12	ГИМ
4	Курган Ц-3/Рад-1942	3	?	?	?
5	Курган Л-29/1949	более 2	?	9	СГМЗ
6	Курган Л-63/1950	более 3	?	?	СГМЗ
7	Курган Ц-4/1950	15	все клёпаные	От 9 до 13 мм	СГМЗ
8	Курган Л(Гл)-112/1968	несколько	?	?	?
9	Курган раск-ки В.И. Сизова	более 5	клёпаные просечные?	8	ГИМ
10	Селище ВС-4/1974 № 105	1	просечное?	11	ФКА МГУ
11	Селище ВС-4/1983 № 95	1	клёпаное	16	ФКА МГУ
12	Селище ЦС-1/1995 № 220	1	клёпаное	?	ГИМ
13	Городище ЦГ-ХVIII/1985 № 9	1	клёпаное	13	ФКА МГУ
14	Городище ЦГ-ХVIII/1985 № 21	1	просечное?	15	ФКА МГУ

15	Городище ЦГ-XXIV/2002 № 7	1	клёпаное	9	ФКА МГУ
16	Городище ЦГ-XXIV/2002 № 75	1	?	9	ФКА МГУ
17	Городище ЦГ-XXIV/2002 № 76	2	клёпаное просечное?	?	ФКА МГУ
18	Городище ЦГ-XXIV/2002 № 84	1	клёпаное	11×13	ФКА МГУ
19	Селище П-8/2002 № 220	1	клёпаное	8	ГИМ
20	Городище ЦГ-XXIV/2003 № 196	1	цельное	13	ФКА МГУ
22	Селище П-8/2003 № 227	1	клепаное	11	ГИМ
23	Селище П-8/2003 № 342	?	клёпаное	11	ГИМ
24	Городище ЦГ-XXIVБ/2004 № 5	1	просечное?	9	ФКА МГУ
25	Городище ЦГ-XXIVБ/2004 № 327	3?	одно клёпаное	11	ФКА МГУ
26	Городище ЦГ-XXIVБ/2004 № 431	1	просечное?	?	ФКА МГУ
27	Городище ЦГ-XXIVБ/2004 № 438	1	клёпаное	11	ФКА МГУ
28	Городище ЦГ-XXIVБ/2004 № 617	6	клепанные просечные?	11	ФКА МГУ

29	Селище П-8/2004 № 40	1	?	?	ГИМ
30	Селище П-8/2004 № 424	1	?	10	ГИМ
31	Селище П-8/2004 № 429	1	клепаное	14×16	ГИМ
32	Селище П-8/2004 № 580	1	?	?	ГИМ
33	Городище ЦГ-XXIVБ/2005 № 315	2	1 клёпаное	16	ФКА МГУ
34	Селище П-8/2005 № 942	1	клёпаное	?	ГИМ
35	Городище ЦГ-XXV/2006 № 73	1	просечное?	10	ФКА МГУ
36	Городище ЦГ-XXV/2006 № 200	1	клёпаное	8	ФКА МГУ
37	Селище П-8/2006 № 185	более 10	клёпаные просечные?	14×16 14	ГИМ
38	Городище ЦГ-XXV/2007 № 143	1	клёпаное	?	ФКА МГУ
39	Городище ЦГ-XXV/2007 № 943	1	?	?	ФКА МГУ
40	Городище ЦГ-XXV/2007 № 973	1	клёпаное	12	ФКА МГУ
41	Городище ЦГ-XXV/2007 № 1630	1	?	11	ФКА МГУ
42	Селище П-8/2008 № 424	1	клёпаное	10	ГИМ
43	Селище ДП-1/2008 № 166	1	клепаное	13	ГИМ

44	Селище П-8/2009 № 84	1	клёпаное	8	ГИМ
45	Городище ЦГ-XXVI/2010	1	?	?	ФКА МГУ
46	Городище ЦГ-XXVI/2010 № 1689	1	?	10	ФКА МГУ
47	Городище ЦГ-XXVI/2010 № 1698	1	?	10	ФКА МГУ
48	Городище ЦГ-XXVI/2010 № 1801	1	просечное?	14	ФКА МГУ
49	Городище ЦГ-XXVI/2010 № 2246	1	?	?	ФКА МГУ
50	Селище П-8/2009 № 178	1	клёпаное	?	ГИМ
51	Селище ДП-1/2010	ок. 10	?	10-11	ГИМ
52	Городище ЦГ-XXVI/2011 № 392	1	клёпаное	7	ФКА МГУ

Таблица 14. Каталог находок щитовых деталей.

№	Место находки	Комплектность	Место хранения
1	Курган Л-6/Сиз-1881	умбон	ГИМ
2	Курган Ц-41/Сиз-1885	умбон + оковки	ГИМ
3	Курган Ц-41/Сиз-1885	умбон + оковки	ГИМ
4	Курган Ц-74/Сиз-1896-97	2 оковки	ГИМ
5	Курган Ц-78/Сиз-1896	умбон	ГИМ
6	Курган Дн-56/Серг-1899	умбон	ГИМ
7	Курган Дн-58/Серг-1899	умбон	ГИМ
8	Курган Ц-74/Серг-1901	три оковки	ГИМ
9	Курган Дн-86/Серг-1901	1 оковка	ГИМ
10	Курган «комплекс октября 1898 года/Ц»	умбон	ГИМ
11	Курган «комплекс 14 июля 1899 года/Ц»	умбон	ГИМ
12	Курган Л-7/1949	1 оковка	СГМЗ
13	Курган Л-113/1970	2 оковки	ГИМ
14	Курган Ц-99/1970	3 оковки	ГИМ
15	Курган Ц-106/1973	3 оковки	МГУ
16	Курган Ц-265/1978	1 оковка	МГУ
17	Городище ЦГ-II/1953	1 оковка	МГУ
18	Селище ГС-II/1960	1 оковка	СГМЗ

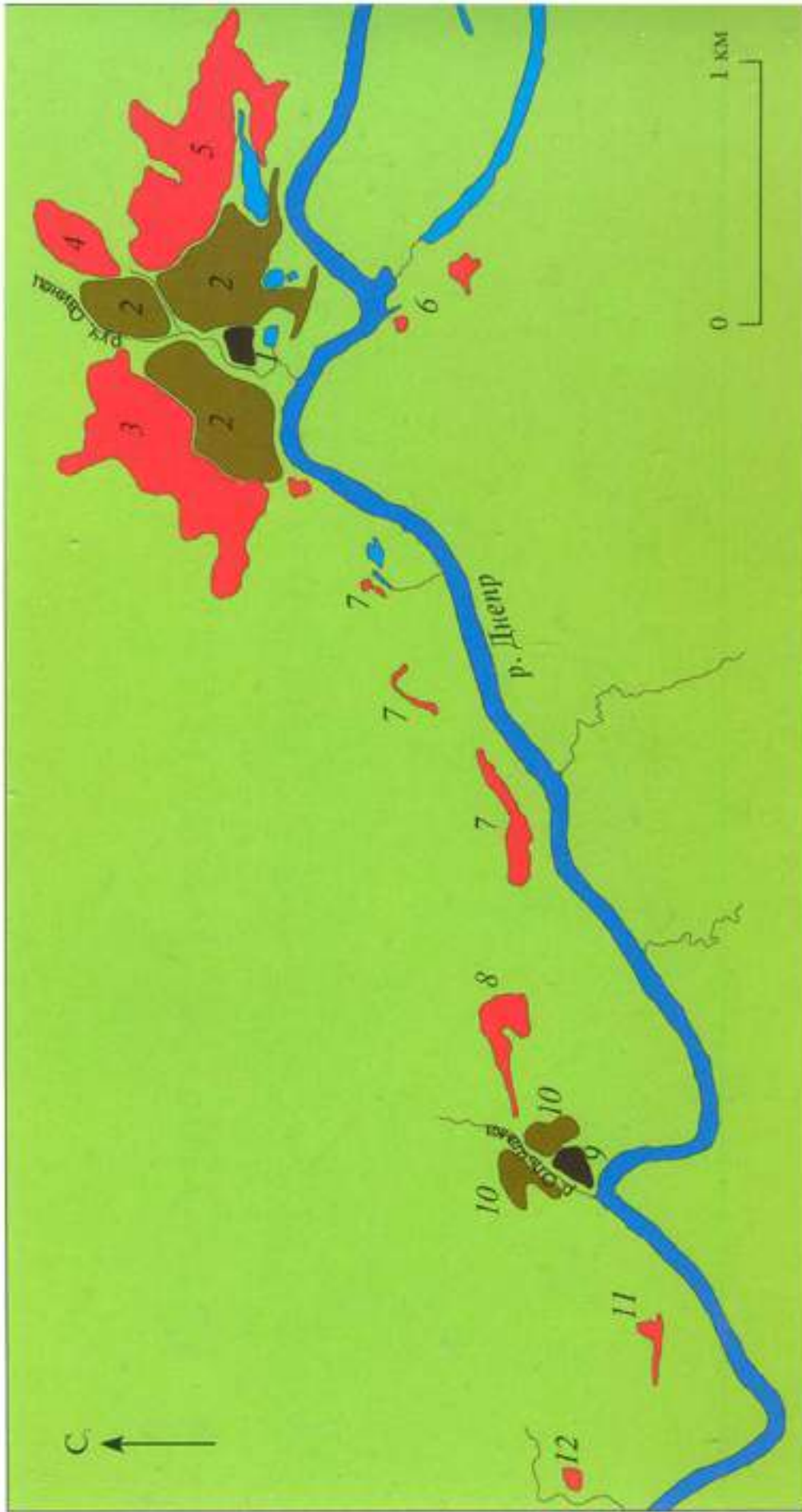


Рис. 1. План-схема Гнёздовского археологического комплекса: 1 - Центральное городище; 2 - Центральное селище; 3 - Центральная курганная группа; 4 - Глущенковская курганная группа; 5 - Лесная курганная группа; 6 - Левобережная курганная группа; 7 - Днепровская курганная группа; 8 - Ольшанская курганная группа; 9 - Ольшанское городище; 10 - Ольшанская курганная группа; 11 - Заольшанская курганная группа; 12 - Нивленская курганная группа



Рис. 2. Основные конструктивные части меча

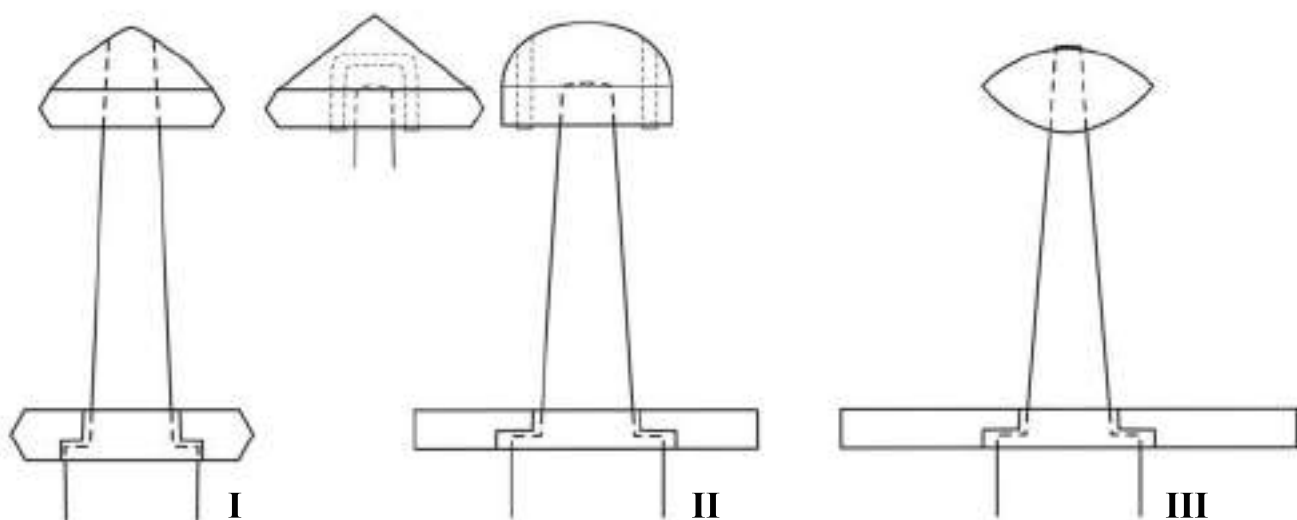


Рис. 3. Способы крепления навершия (по Geibig, 1991. Р. 91. Abb. 24)

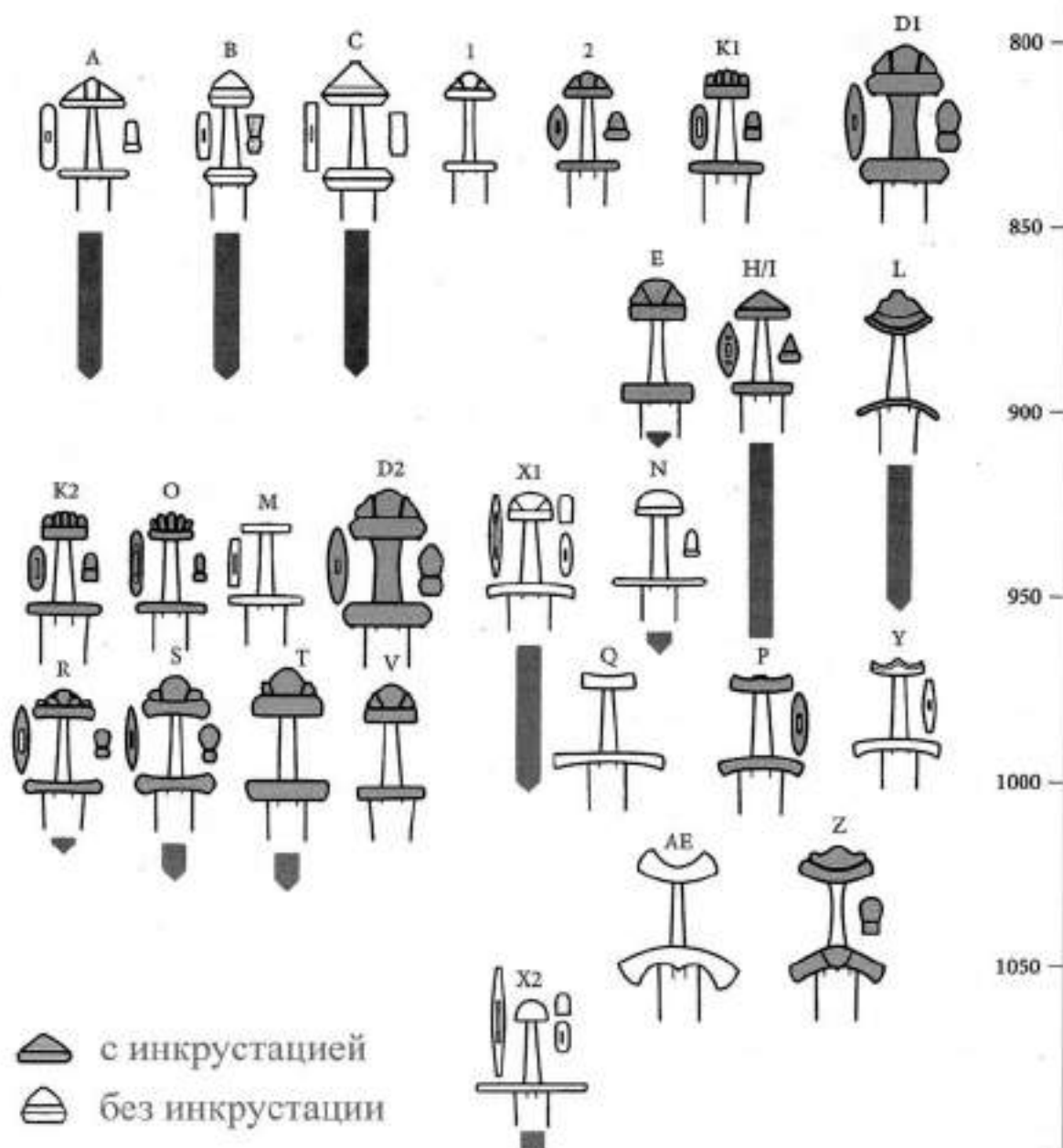


Рис. 4. Хронология мечей «эпохи викингов» (по Андрощук, 2013. Рис. 93).
Типы мечей указаны по Я. Петерсену (Petersen, 1919)

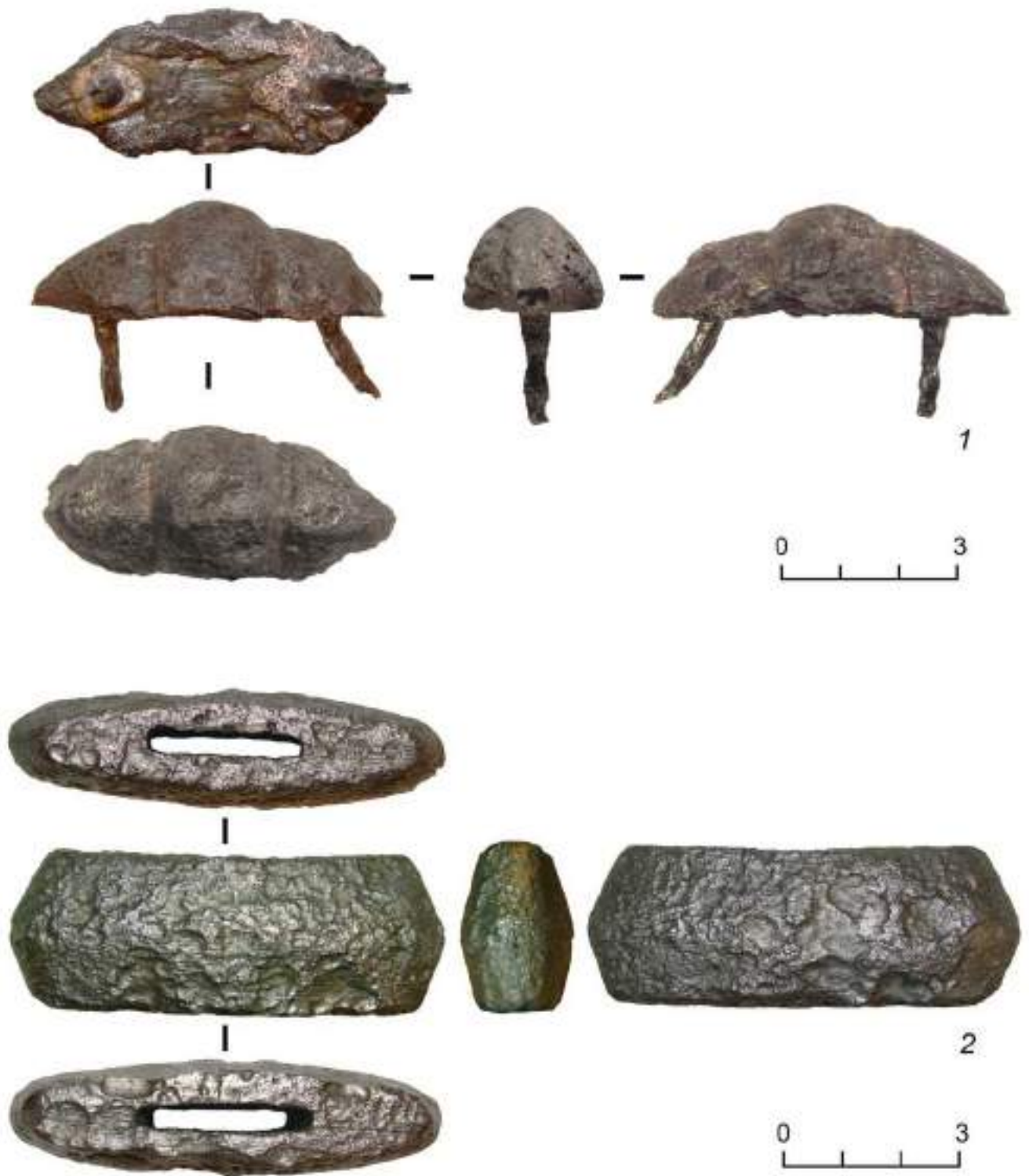


Рис. 5. Детали мечей: 1 - головка навершия меча типа 2 или типа Mannheim (№ 1 в Каталоге мечей); 2 - основание навершия меча типа В (№ 2)



Рис. 6. Меч типа D (№ 3 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча



Рис. 7. Детали рукояти меча типа D (№ 3 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие

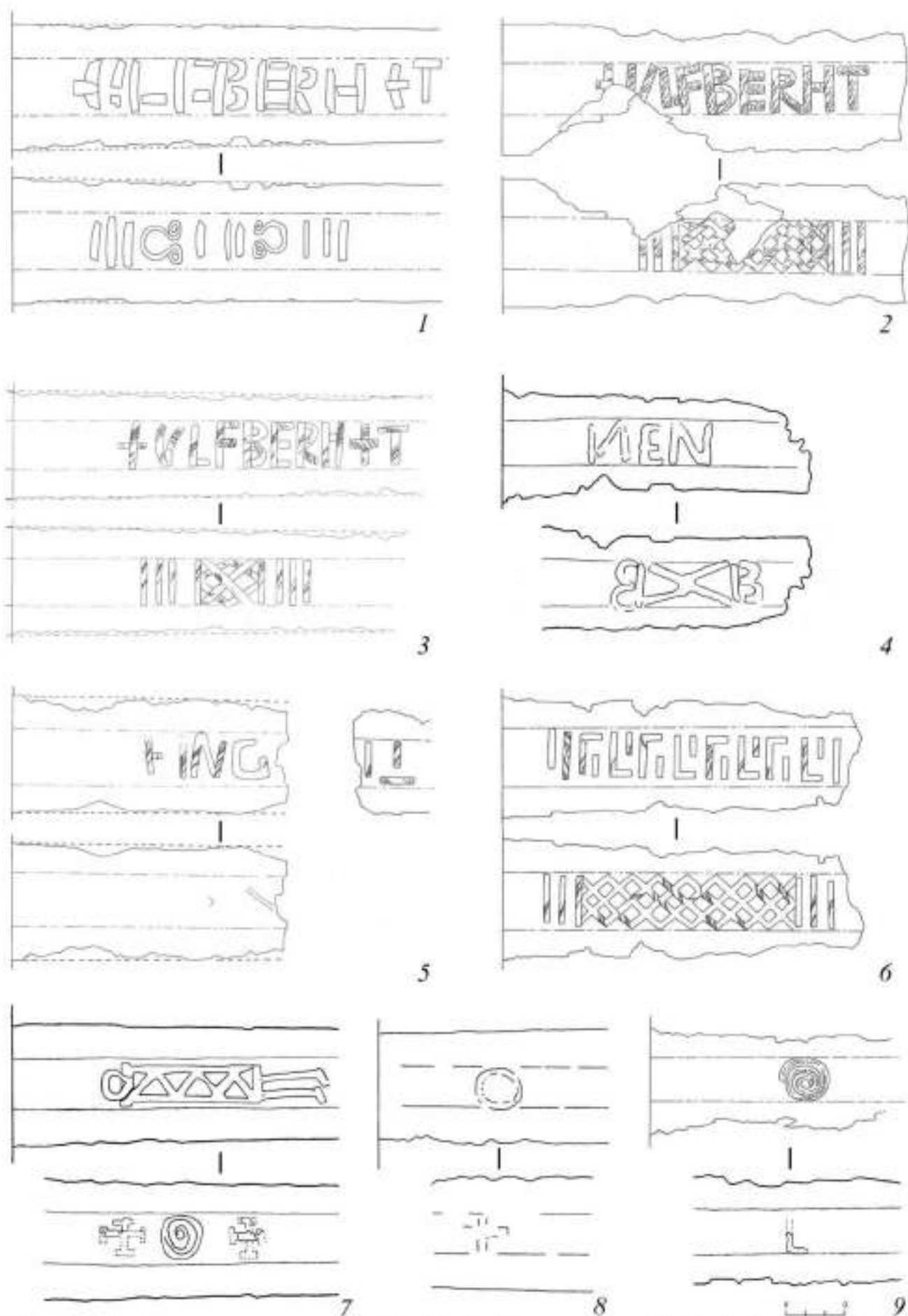


Рис. 8. Клейма на клинках мечей: 1 - № 4 в Каталоге мечей; 2 - № 9; 3 - № 13; 4 - № 21; 5 - № 16; 6 - № 7; 7 - № 5; 8 - № 3; 9 - № 8

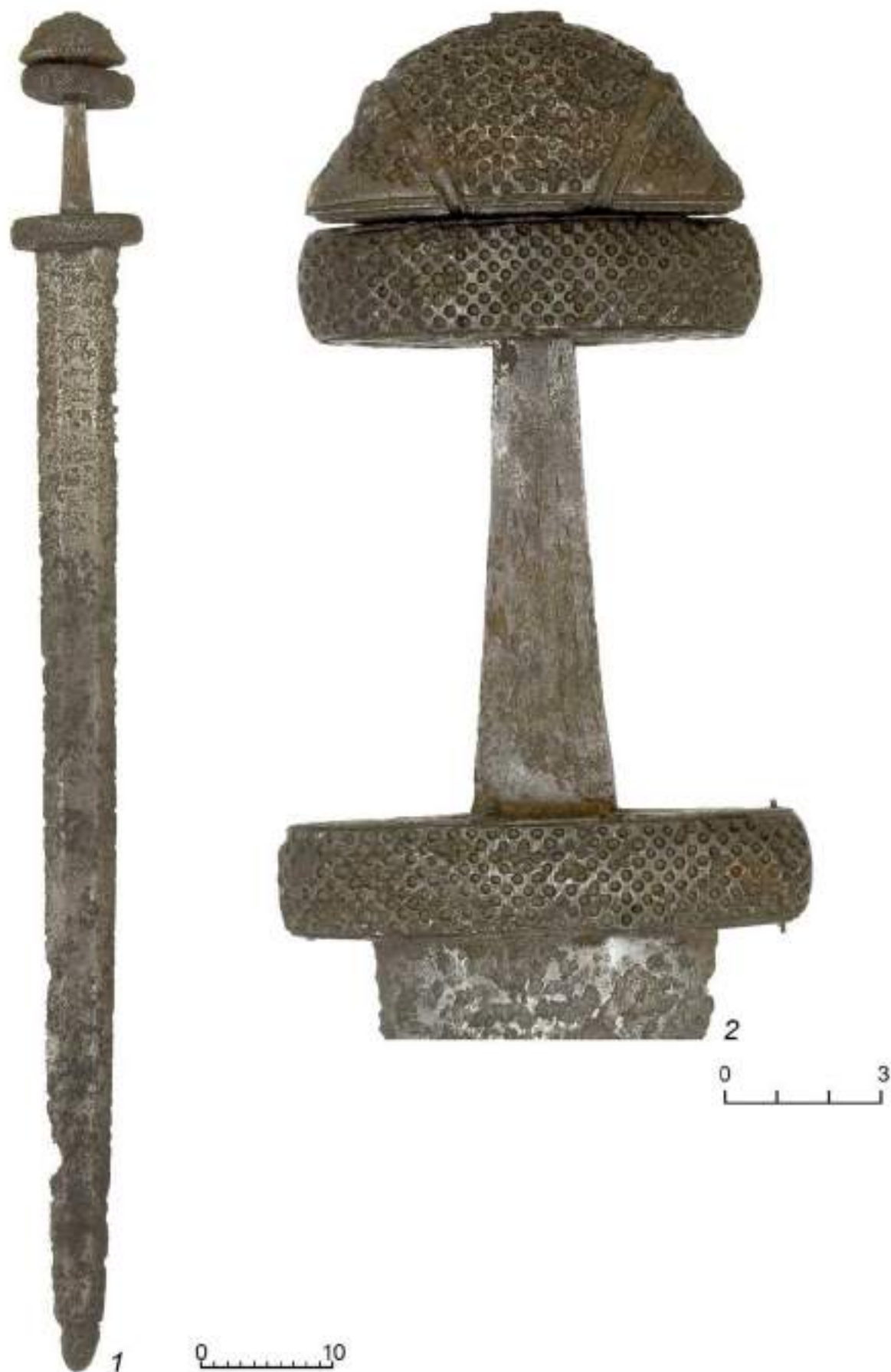


Рис. 9. Меч типа Е (№ 4 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

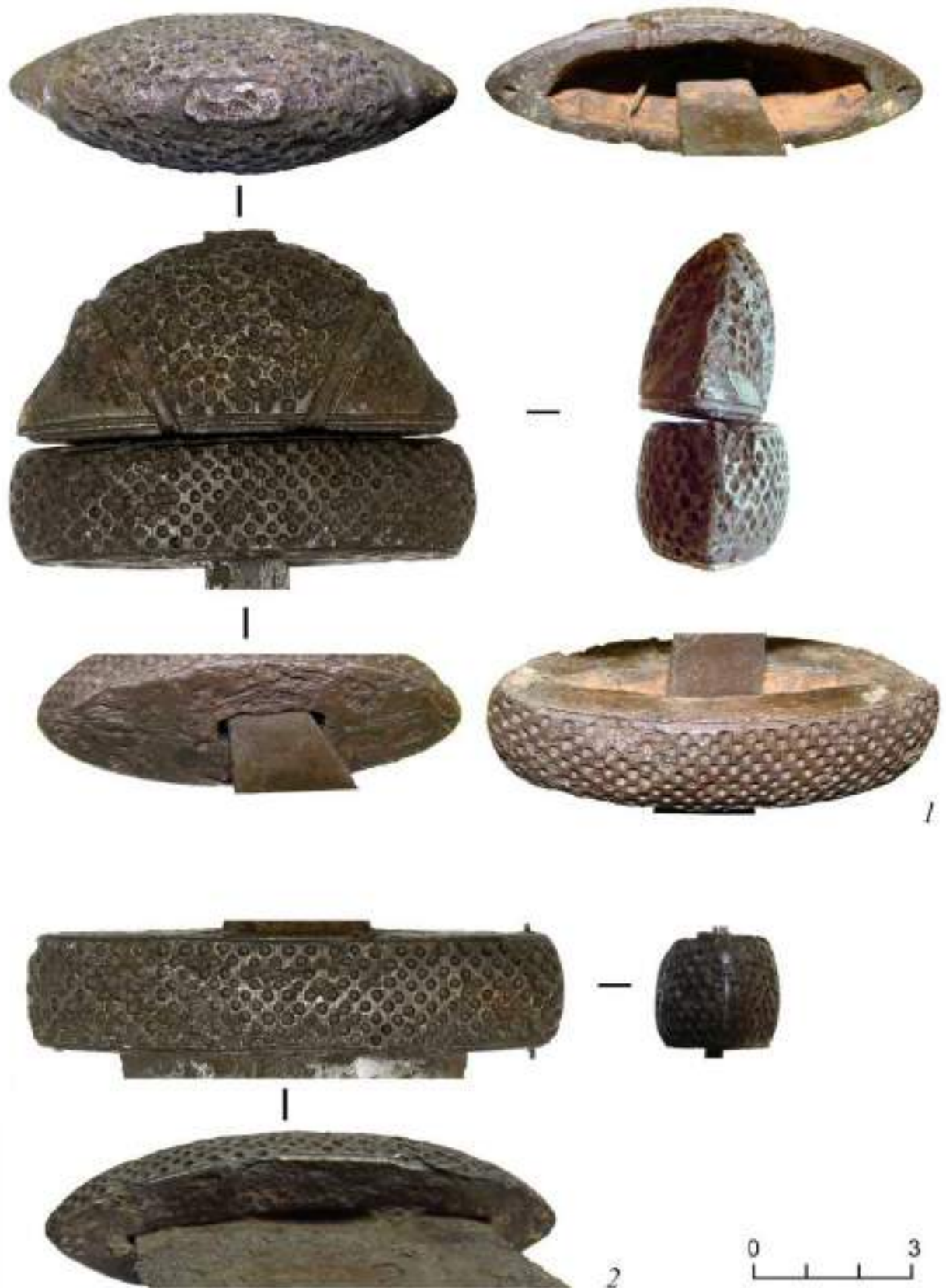


Рис. 10. Детали рукояти меча типа Е (№ 4 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие



Рис. 11. Меч типа Е (№ 5 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

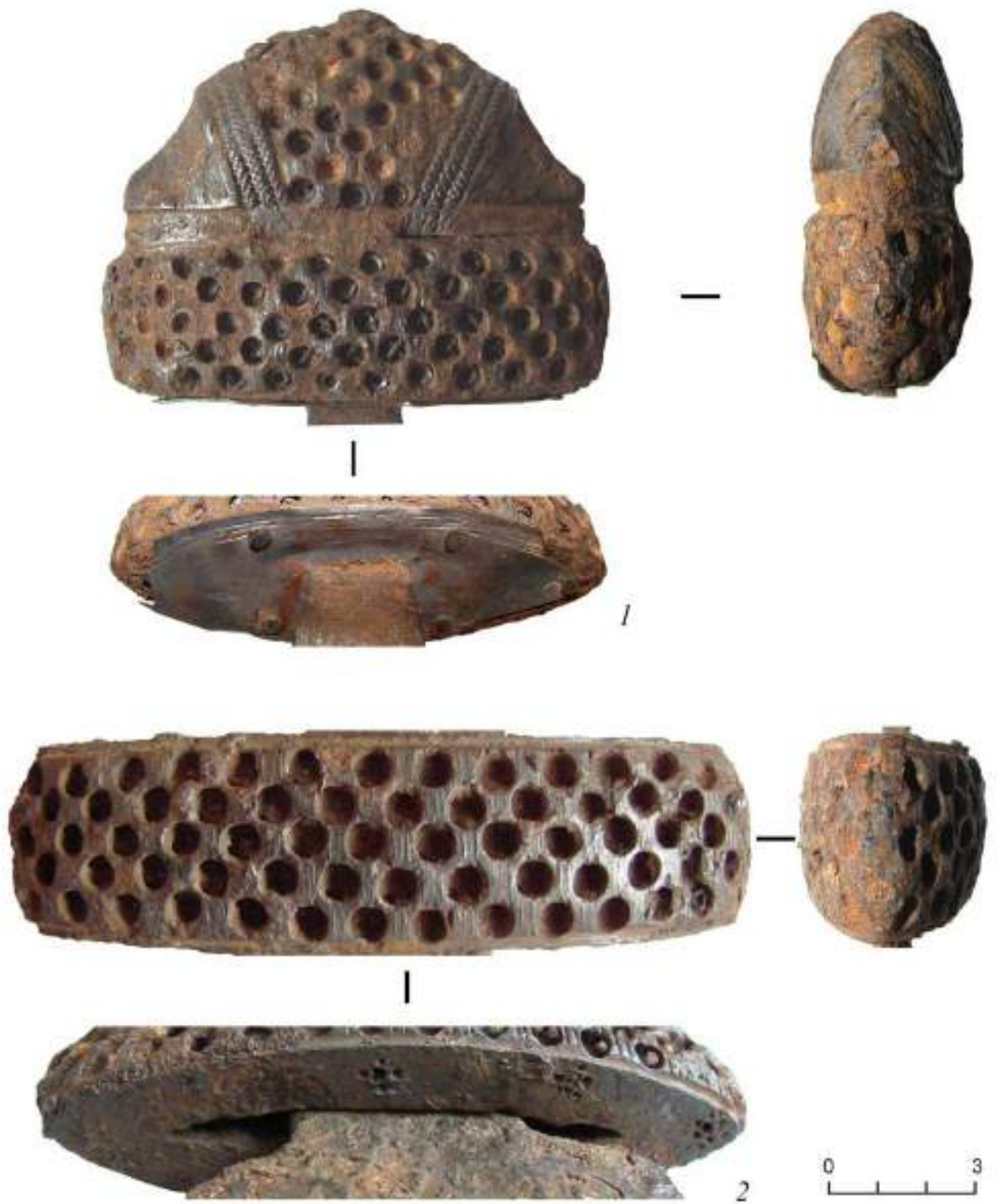


Рис. 12. Детали рукояти меча типа Е (№ 5 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие



Рис. 13. Меч типа Е (№ 6 в Каталоге мечей)



Рис. 14. Меч типа Н (№ 7 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча



Рис. 15. Меч типа Н (№ 8 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча; 3 - состояние рукояти меча после находки



Рис. 16. Детали рукояти меча типа Н (№ 8 в Каталоге мечей):
1 - навершие; 2 - перекрестие



Рис. 17. Меч типа Н (№ 9 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

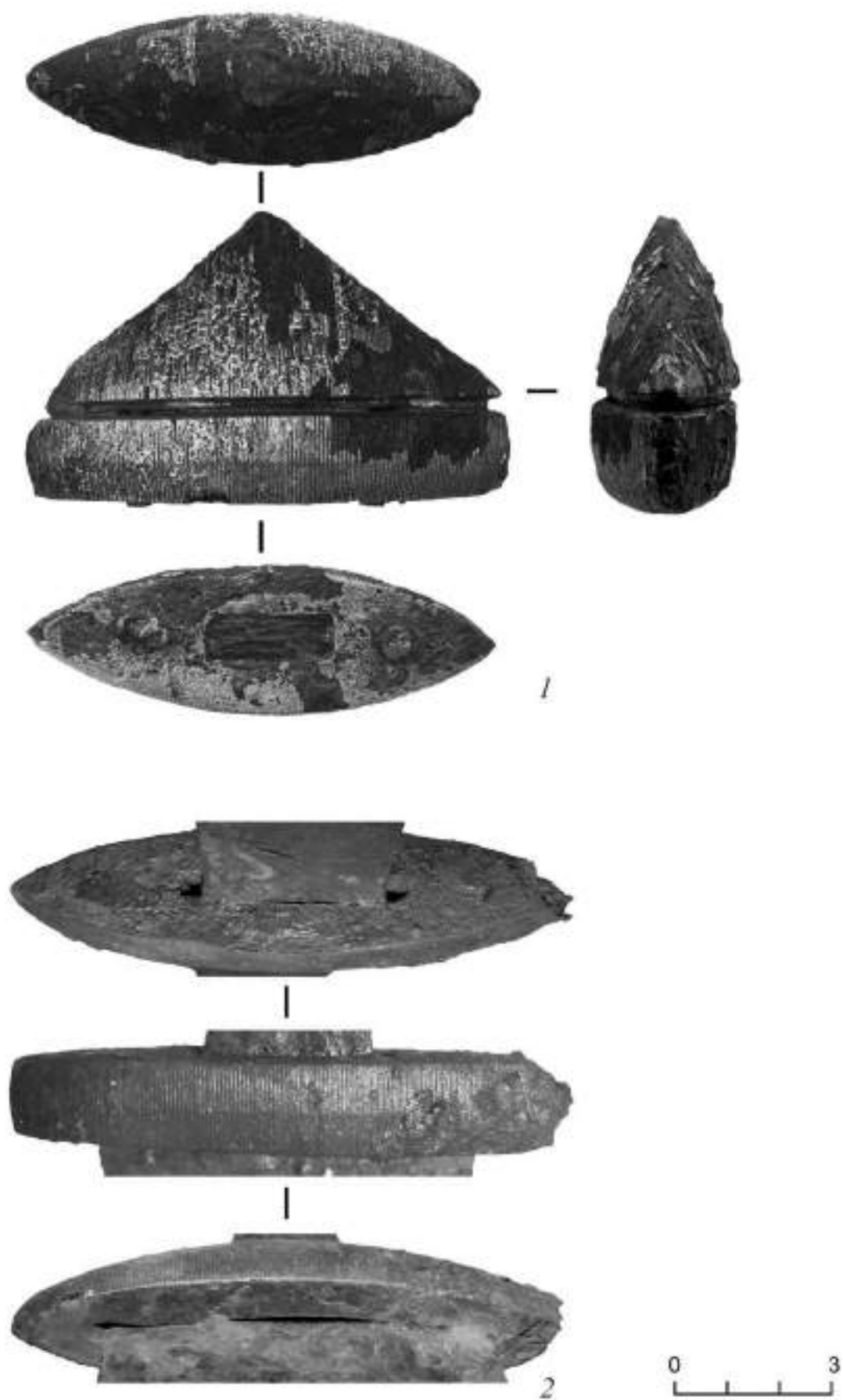


Рис. 18. Детали рукояти меча типа Н (№ 9 в Каталоге мечей): 1 - навершие; 2 - перекрестие

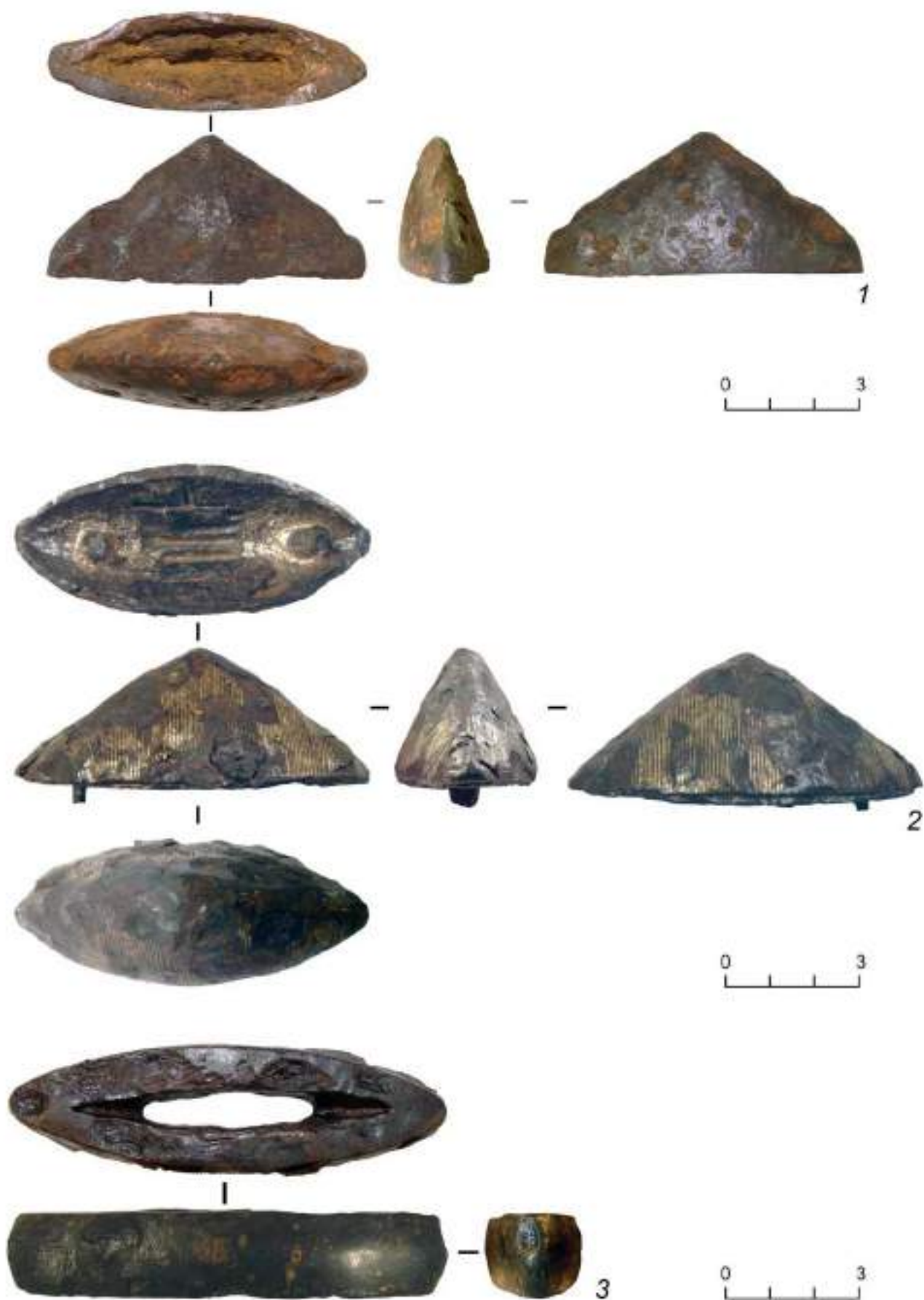


Рис. 19. Детали мечей типа Н: 1 - головка навершия (№ 10 в Каталоге мечей); 2 - головка навершия (№ 12); 3 - перекрестие (№ 11)



Рис. 20. Меч типа Т-2 (№ 13 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча



Рис. 21. Детали рукояти меча типа Т-2 (№ 13 в Каталоге мечей): 1 - наверхие; 2 - перекрестие



Рис. 22. Мечи типа V: 1-3 - № 15 в Каталоге мечей (1 - общий вид; 2 - навершие; 3 - перекрестие); 4 - навершие меча (№ 14)



Рис. 23. Меч типа V (№ 16 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча



Рис. 24. Меч типа V (№ 17 в Каталоге мечей): 1 - общий вид; 2 - рукоять меча

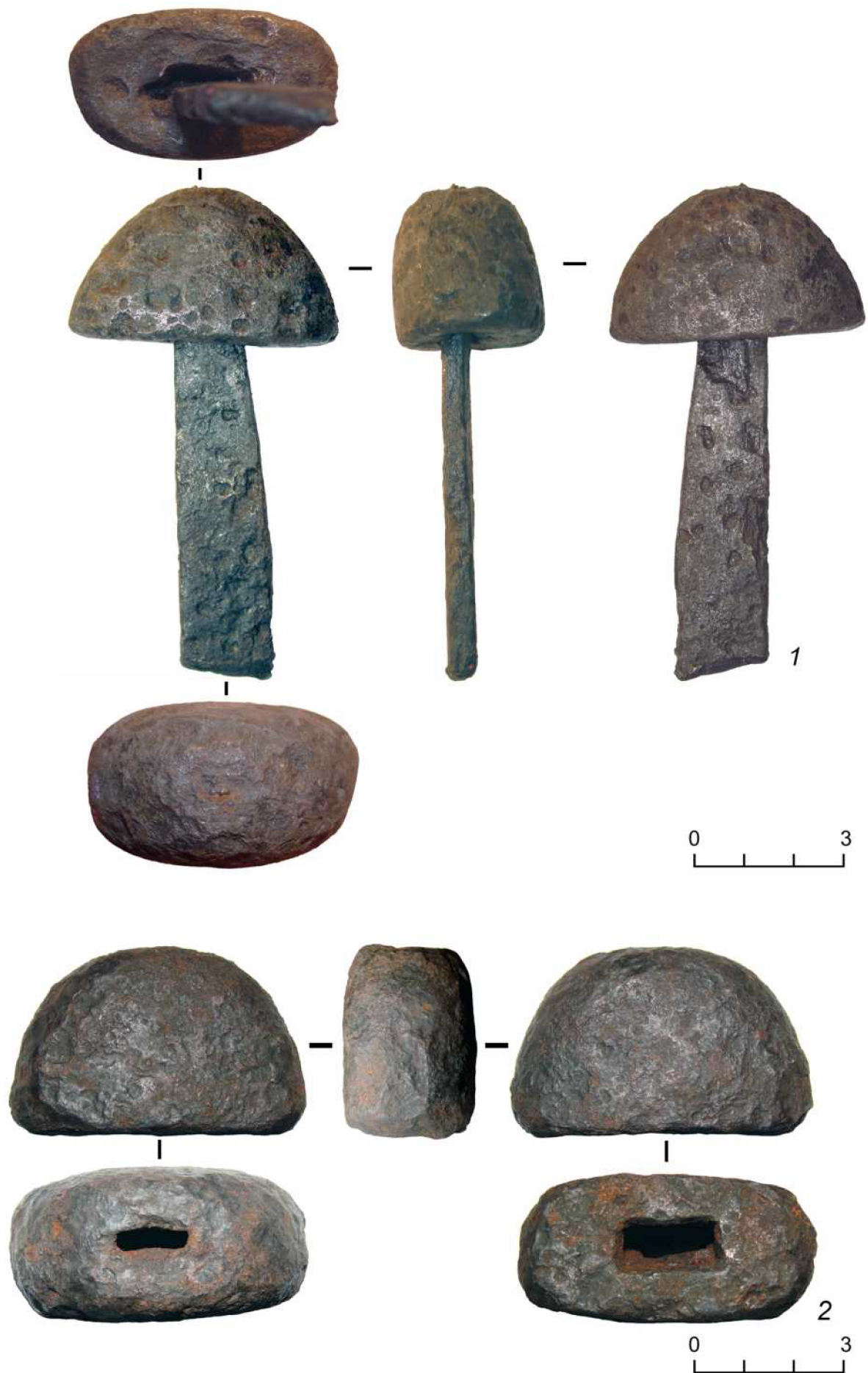


Рис. 25. Детали мечей типа X: 1 - наवेशье с череном клинка (№ 18 в Каталоге мечей); 2 - наवेशье (№ 19)



Рис. 26. Меч типа Y (№ 20 в Каталоге мечей): 1 - меч после находки; 2 - фрагмент клинка; 3 - фрагмент навершия, 4 - фрагмент клинка (№ 25)

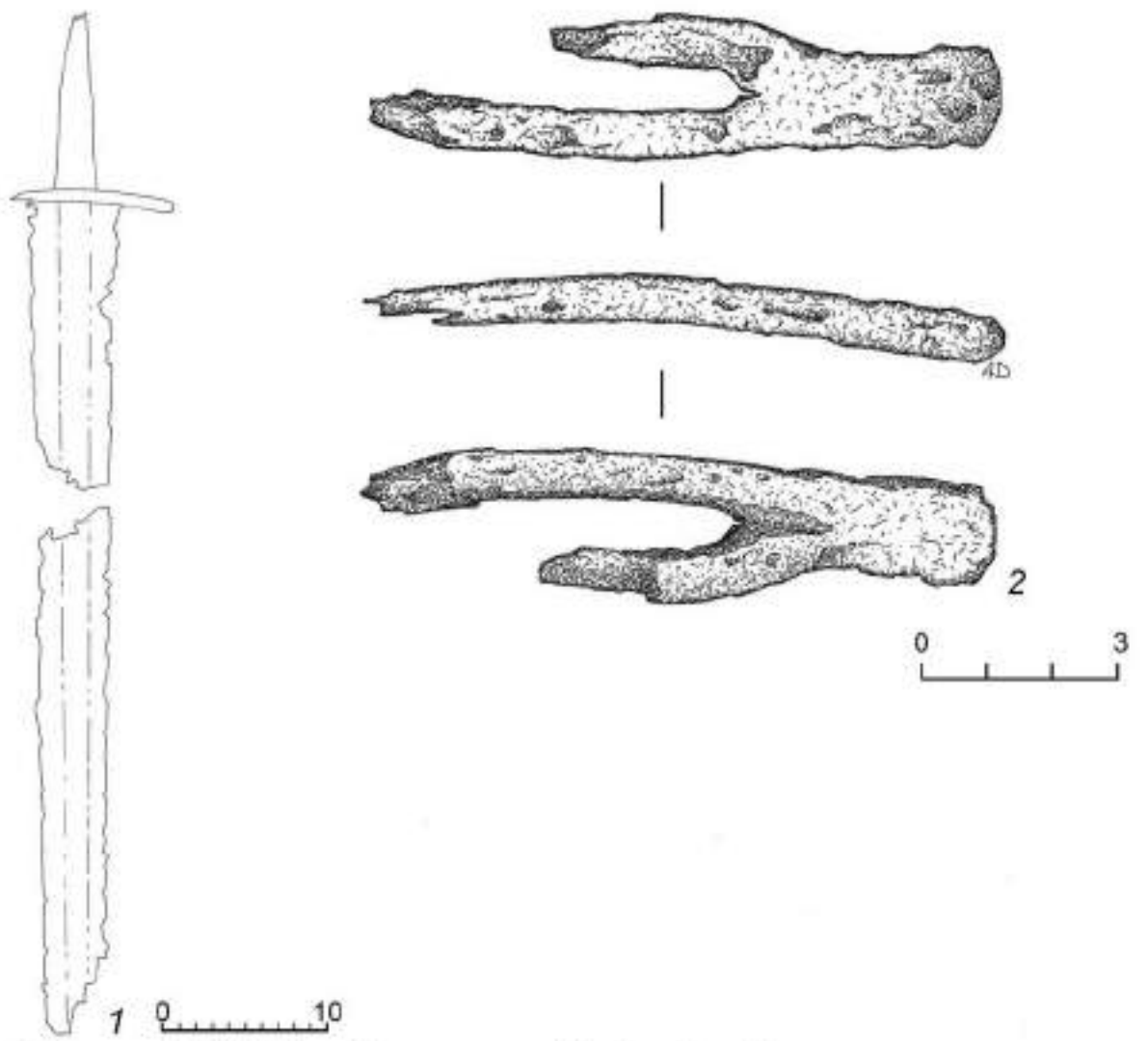


Рис. 27. Меч типа Y? (№ 21 в Каталоге мечей): 1 - общий вид;
2 - рукоять меча (рисунки А.С. Дементьевой)

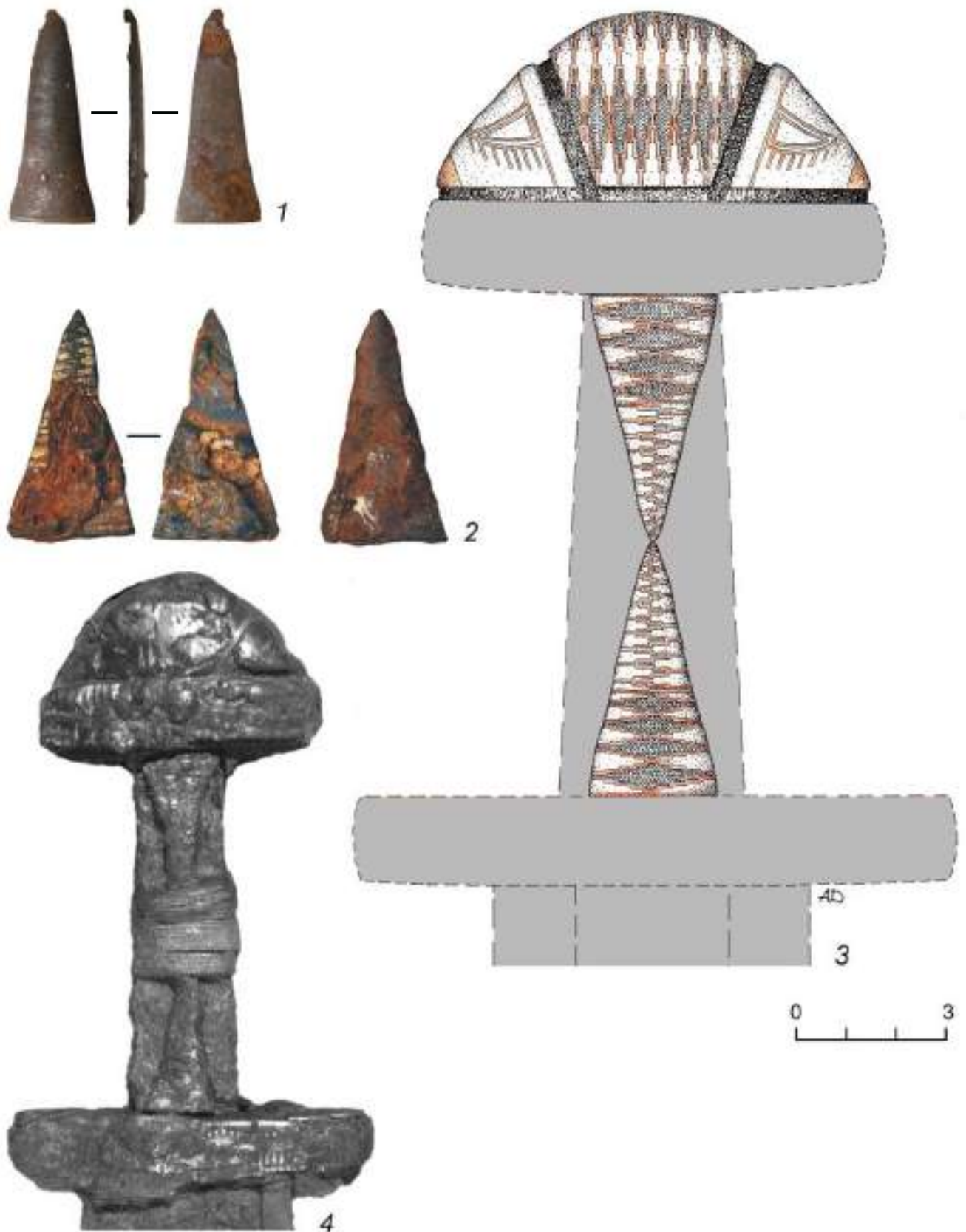


Рис. 28. Накладка на рукоять меча (1) (№ 27 в Каталоге мечей); 2 - накладки на рукоять меча из кургана 38 Петровского могильника; 3 - реконструкция расположения накладок на рукояти меча из кургана 38 Петровского могильника (рисунок А.С. Деметьевой); 4 - меч из могильника Priekule Gūgeru (Латвия) с сохранившимися накладками



Рис. 29. Сохранившиеся фрагменты ножен на нижней части клинка меча типа V (№ 16 в Каталоге мечей)







































Наконечники с мотивом птицы		Наконечники с мотивом четвероногого зверя			
Скандинавская группа	Шведско-варяжская группа	Скандинавская группа	Шведская группа	Наконечники со звериным мотивом балтийского региона	Наконечники со свернувшимся зверем и пальметтой
I-1a	I-2a	II-1	II-2	II-3	II-4
					
I-1 (вариант)	I-2b	II-1 (вариант)	II-2 (вариант)		II-4 (вариант)
					
	I-2c				
					
	I-2d				
					

Рис. 30. Типология наконечников ножен П. Паульсена (по Paulsen, 1953)

Подгруппа А-1		Подгруппа А-2			Подгруппа В-1	Подгруппа В-2	
А-1-1 	А-1-2 	А-2-1 	А-2-2 	А-2-3 	В-1-1  	В-2-1  	В-2-2  
А-1-1а 	А-1-2а 	А-2-1а 		А-2-3а 			
	А-1-2б 						

1

Группа I		Группа II	Группа III		Группа IV	Группа V
Тип 1	Тип 2		Тип 1	Тип 2		
вариант 1 						
вариант 2 						
вариант 3 						

2

Рис. 31. Типологии наконечников ножен мечей:

1 - Е.Н. Ениосовой (по Ениосова, 1996); 2 - С.Ю. Каинова (по Каинов, 2009)

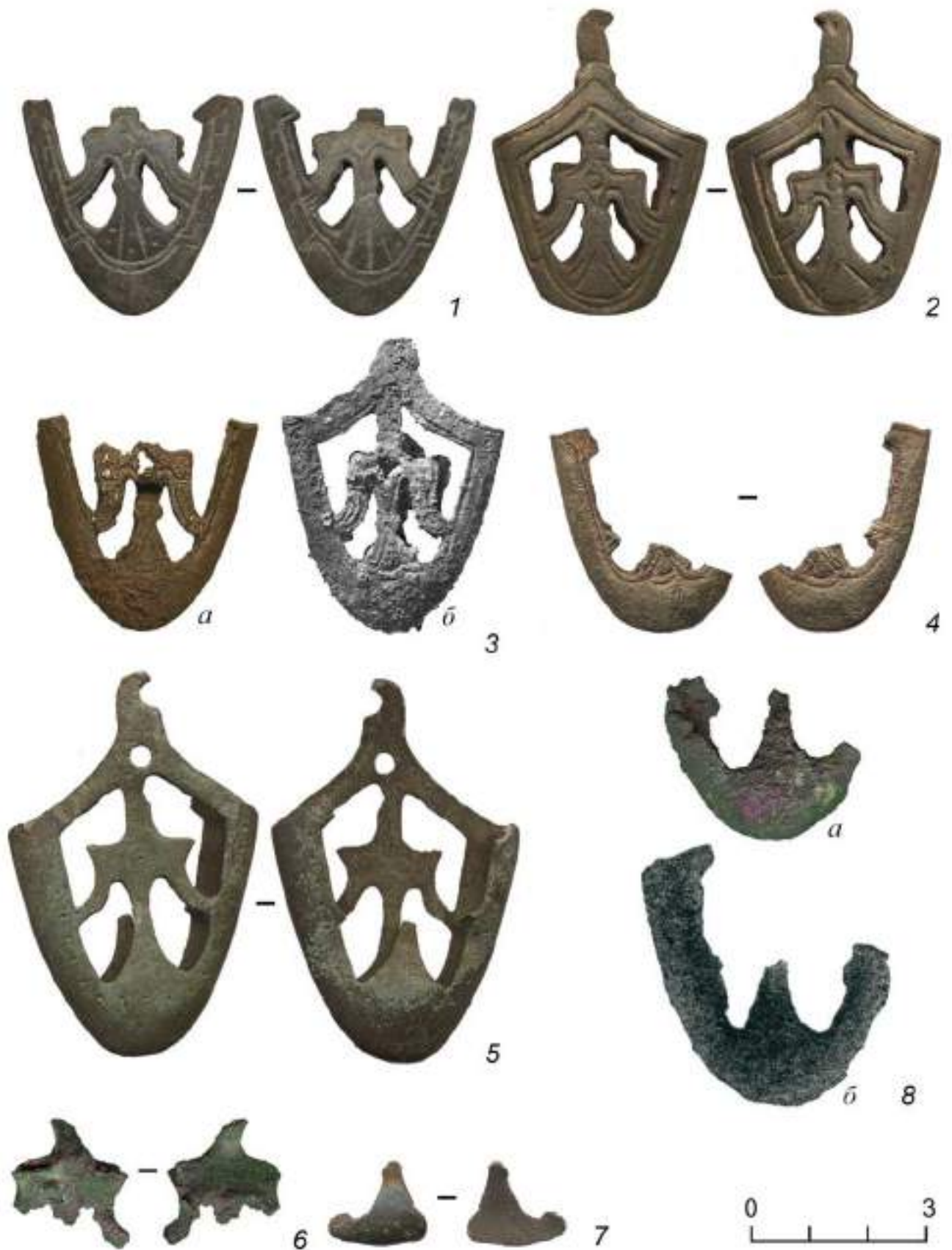


Рис. 32. Наконечники ножен мечей с мотивом птицы: 1 - № 1 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 2; 3 - № 4 (*a* - современной состоянии; *b* - состояние на момент находки); 4 - № 3; 5 - № 10; 6 - № 7; 7 - № 9; 8 - № 8 (*a* - современное состояние; *b* - состояние на момент находки)



Рис. 33. Наконечники ножен мечей с мотивом совмещённых фигур человека и птицы (1, 2), с мотивом четвероногого животного (3, 4) и мотивом человеческой фигуры (5): 1 - № 11 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 12; 3 - № 13; 4 - № 14; 5 - № 15



Рис. 34. Непрорезные наконечники ножен мечей (1-4); наконечник неопределённого типа (5): 1 - № 18 в Каталоге наконечников ножен мечей; 2 - № 16; 3 - № 17; 4 - № 22; 5 - № 20

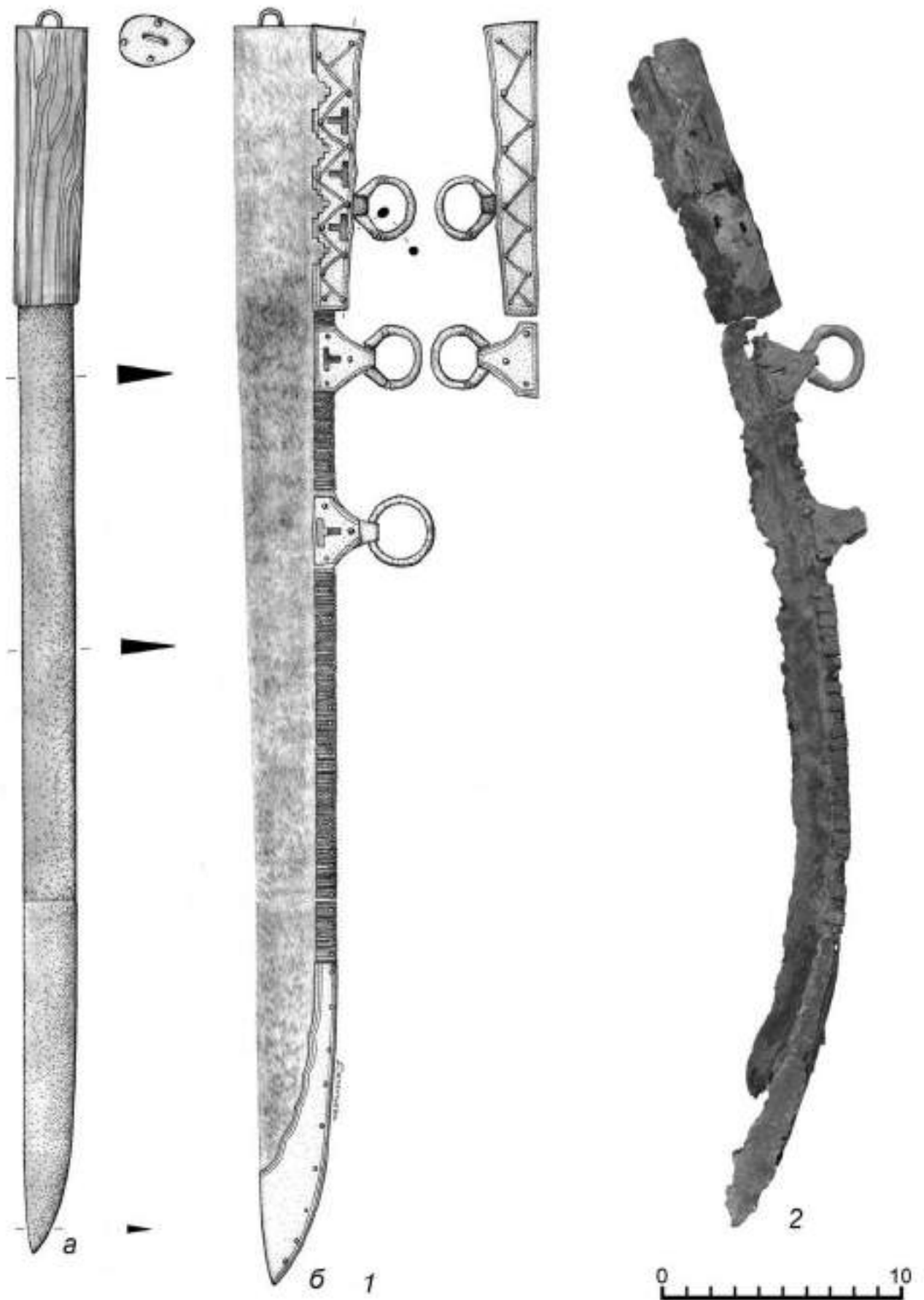


Рис. 35. Боевой нож (№ 12 в Каталоге): 1 - реконструкция внешнего вида боевого ножа и ножен (рисунок А.С. Дементьевой); 2 - ножны боевого ножа



Рис. 36. Детали ножен боевых ножей: 1 - № 1 в Каталоге боевых ножей; 2 - № 3; 3 - № 9; 4 - № 2; 5 - № 10; 6 - № 11; 7 - № 14; 8 - № 15



Рис. 37. Резной каменный (?) предмет (1) из кургана Ц-74/Серг-1900.
 Детали сабель: 2 - из кургана Л(Гл)-80/1952; 3, 4 - из кургана Ц-3/1950

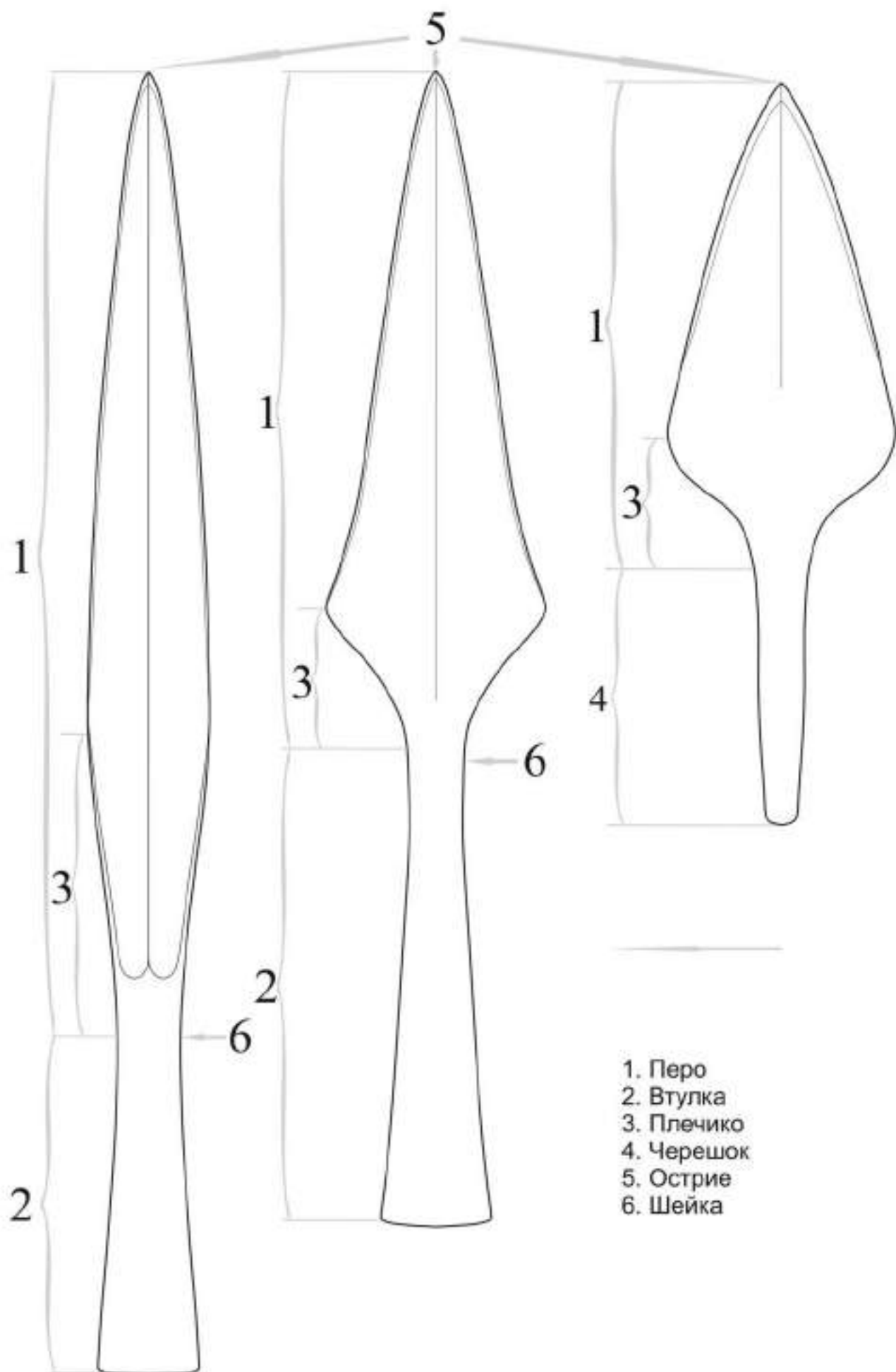


Рис. 38. Основные конструктивные части наконечников копий и сулиц

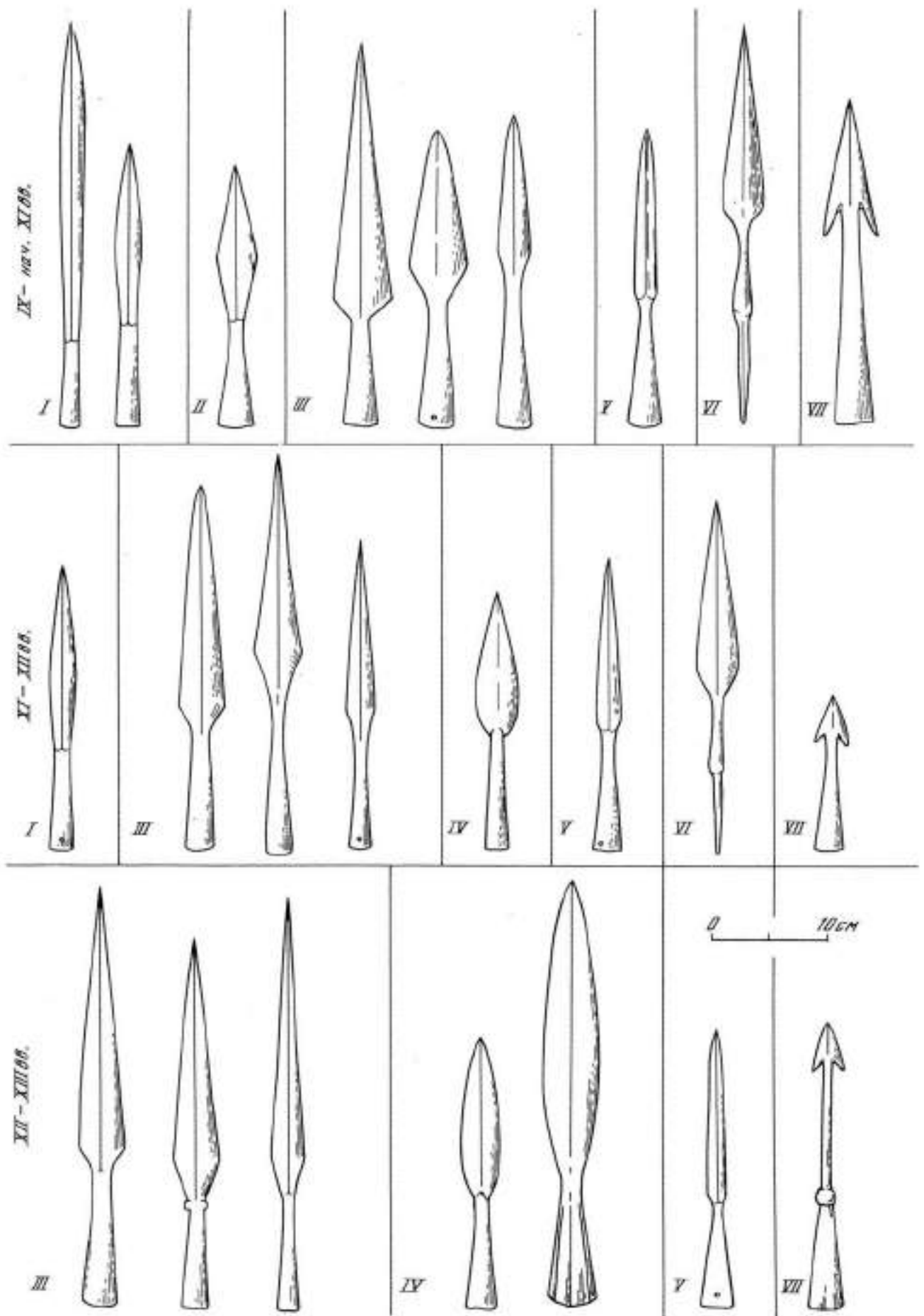


Рис. 39. Типология наконечников копий и сулиц А.Н. Кирпичникова (по Кирпичников, Медведев, 1985. С. 337. Табл. 125)

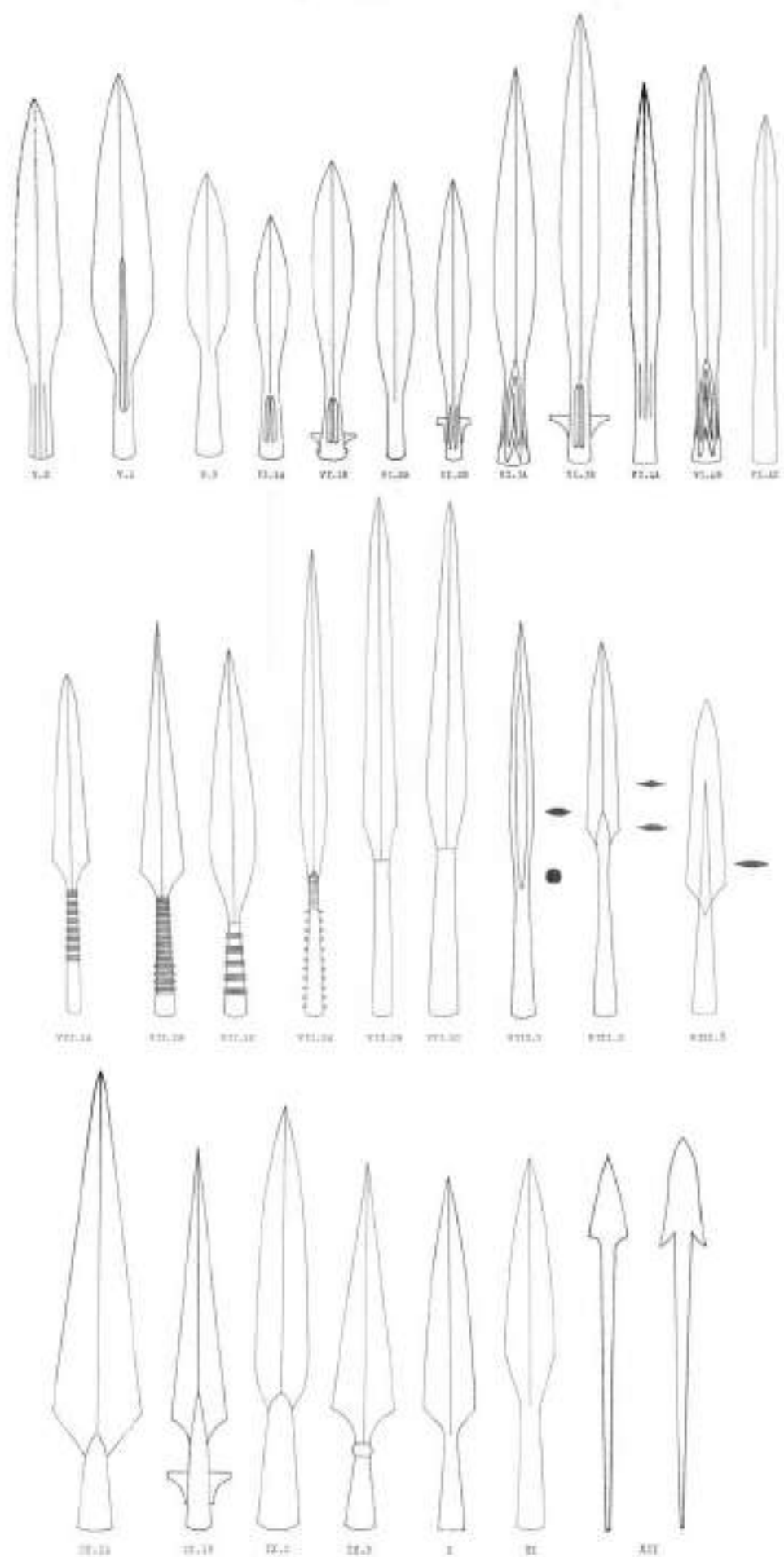


Рис. 40. Типология наконечников «эпохи викингов» Б. Солберг (по Solberg, 1984)

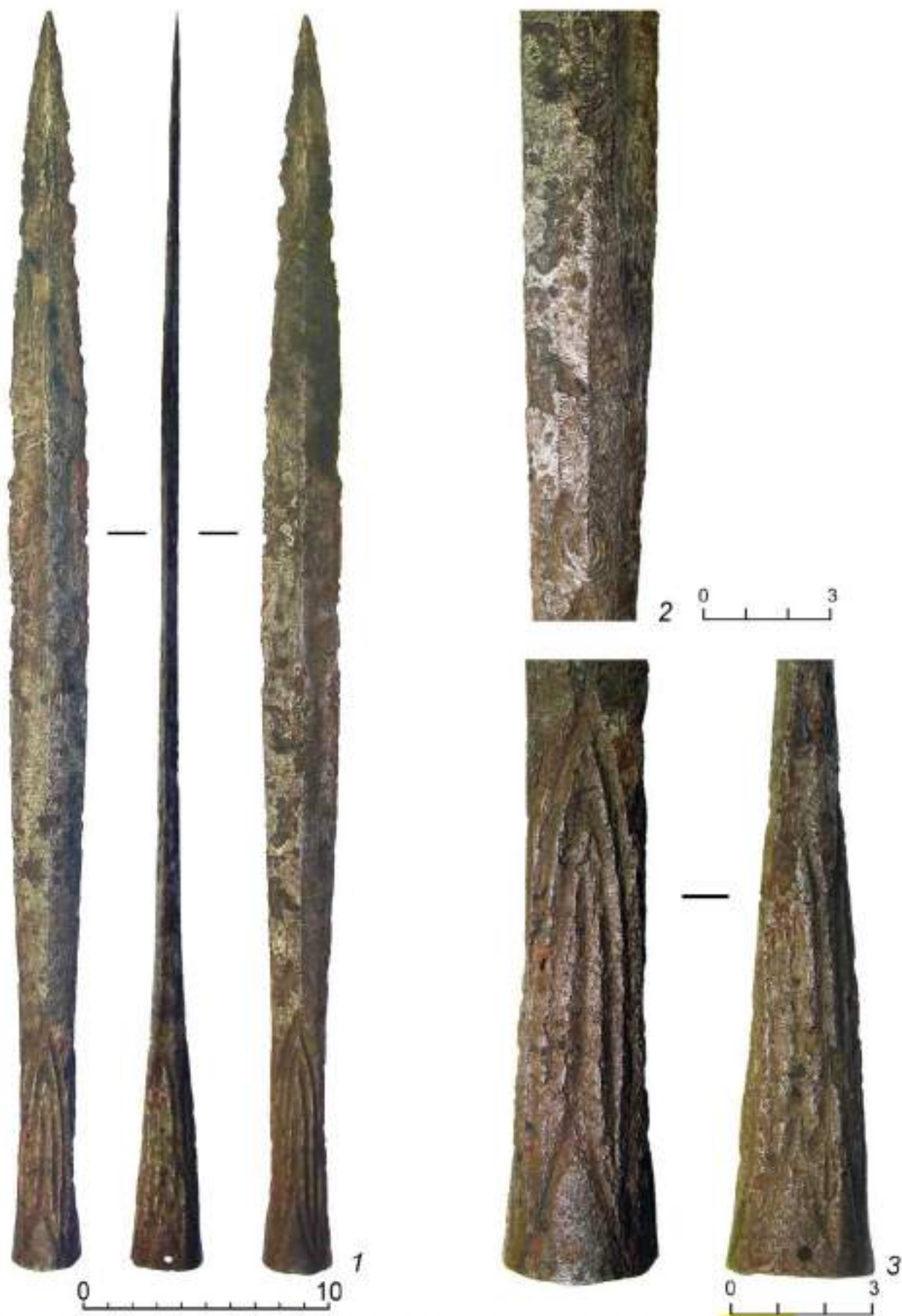


Рис. 41. Наконечник копья типа I (№ 1 в Каталоге наконечников копий):
 1 - общий вид; 2 - дамаскированная вставка на пере; 3 - т.н. готическая врезка на
 втулке наконечника



Рис. 42. Наконечники копий типа I: 1 - № 7 в Каталоге наконечников копий;
2 - № 8; 3 - № 9; 4 - № 11; 5 - № 16; 6 - № 5; 7 - № 13; 8 - № 14

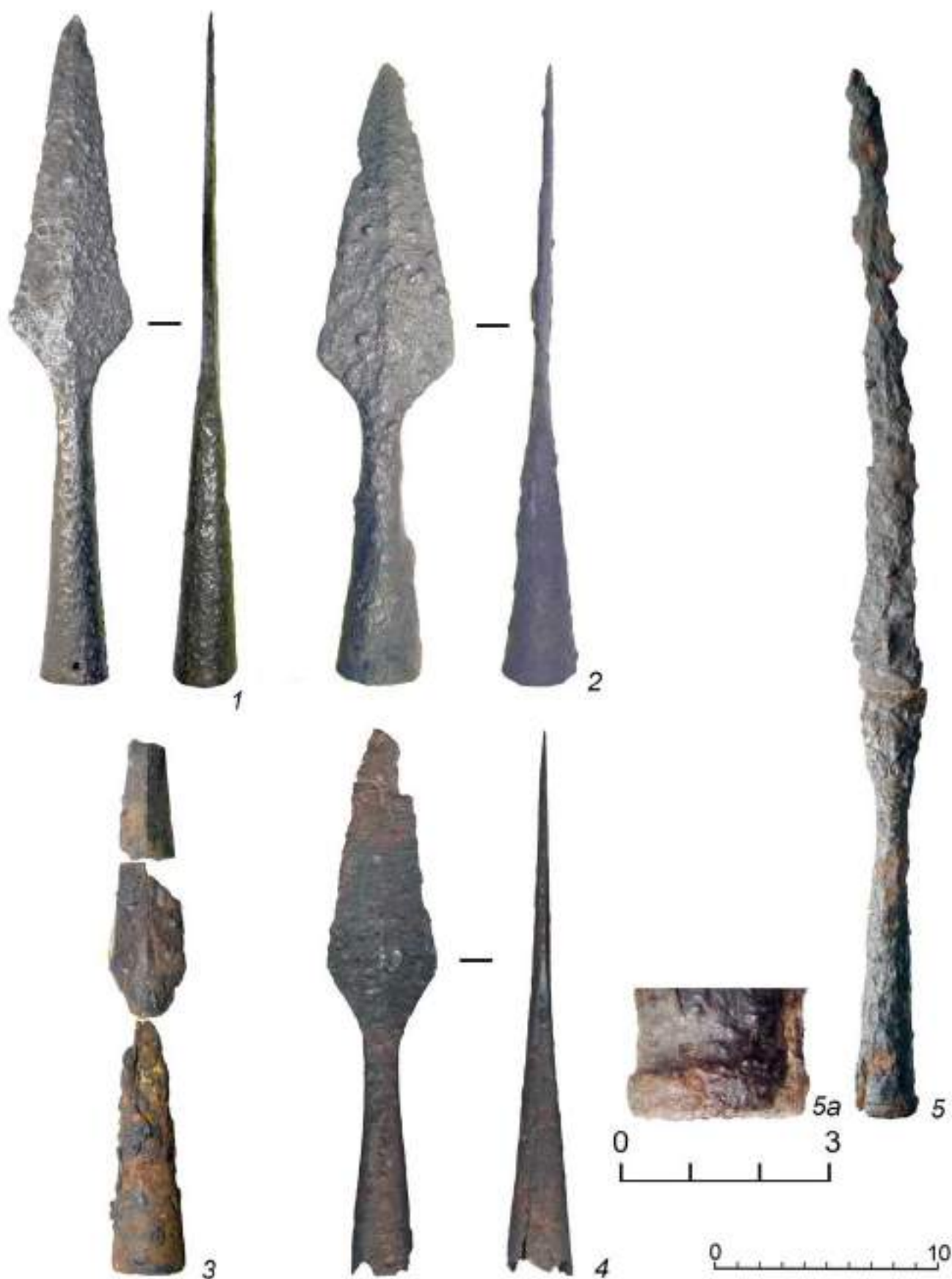


Рис. 43. Наконечники копий типа III (1-3), IIIA (4), IIIB (5): 1 - № 16 в Каталоге наконечников копий; 2 - № 15; 3 - № 17; 4 - № 18; 5 - № 19



Рис. 44. Наконечники копий и сулиц типов IIIA (1), IIIB (2), IV (3) V (4-6); VI (5-7). Фрагменты наконечников копий (8-11) и копейный вток (12):
 1 - № 20 в Каталоге наконечников копий; 2 - № 23; 3 - № 22; 4 - № 21; 5 - № 25;
 6 - № 26; 7 - № 24; 8 - № 30; 9 - № 32; 10 - № 34; 11 - № 33

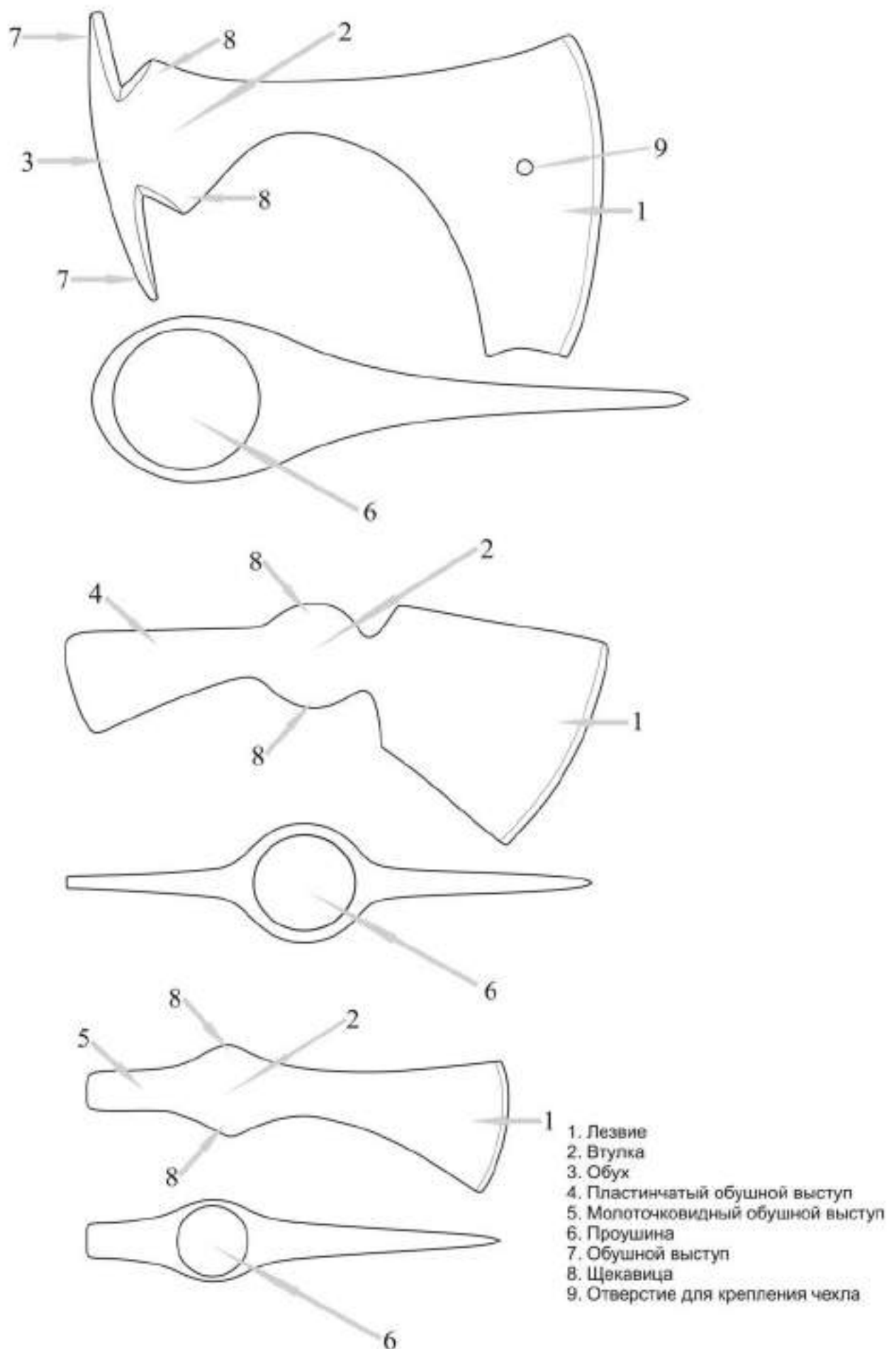


Рис. 45. Основные конструктивные части топоров

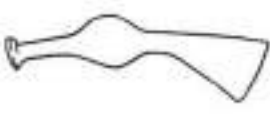



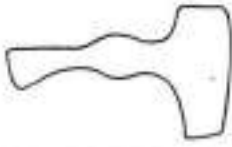





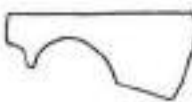










Дата типы	X-нач XI вв	XI-XII вв	XII-XIII вв
I		  A <i>Только XI в.</i>	
II			
III			
IV			 A
V			 A <i>Только XIII в.</i>
VI			
VII			
VIII			 A

Рис. 46. Типология топоров А.Н. Кирпичникова (по Кирпичников, 1966б. С. 30. Рис. 6)



Рис. 47. Топоры типа I: 1 - № 2 в Каталоге топоров; 2 - № 3; 3 - № 6; 4 - № 4



Рис. 48. Топоры типа IA: 1 - № 7 в Каталоге топоров; 2 - № 8; 3 - № 9



Рис. 49. Топоры типа IA (1) и типа II (2, 3): 1 - № 10 в Каталоге топоров; 2 - № 13; 3 - № 16



Рис. 50. Топоры типа II: 1 - № 12 в Каталоге топоров; 2 - № 11; 3 - № 18



Рис. 51. Топоры типа III: 1 - № 21 в Каталоге топоров; 2 - № 22; 3 - № 23



Рис. 52. Топоры типа IV: 1 - № 34 в Каталоге топоров; 2 - № 31; 3 - № 28



Рис. 53. Топоры типа IV: 1 - № 25 в Каталоге топоров; 2 - № 24; 3 - № 26



Рис. 54. Топоры типа IV: 1 - № 29 в Каталоге топоров; 2 - № 30



Рис. 55. Обломки топоров типа С (1-3) и топоры типа VI (4-6):
 1 - № 35 в Каталоге топоров; 2 - № 36; 3 - № 37; 4 - № 38; 5 - № 40; 6 - № 39

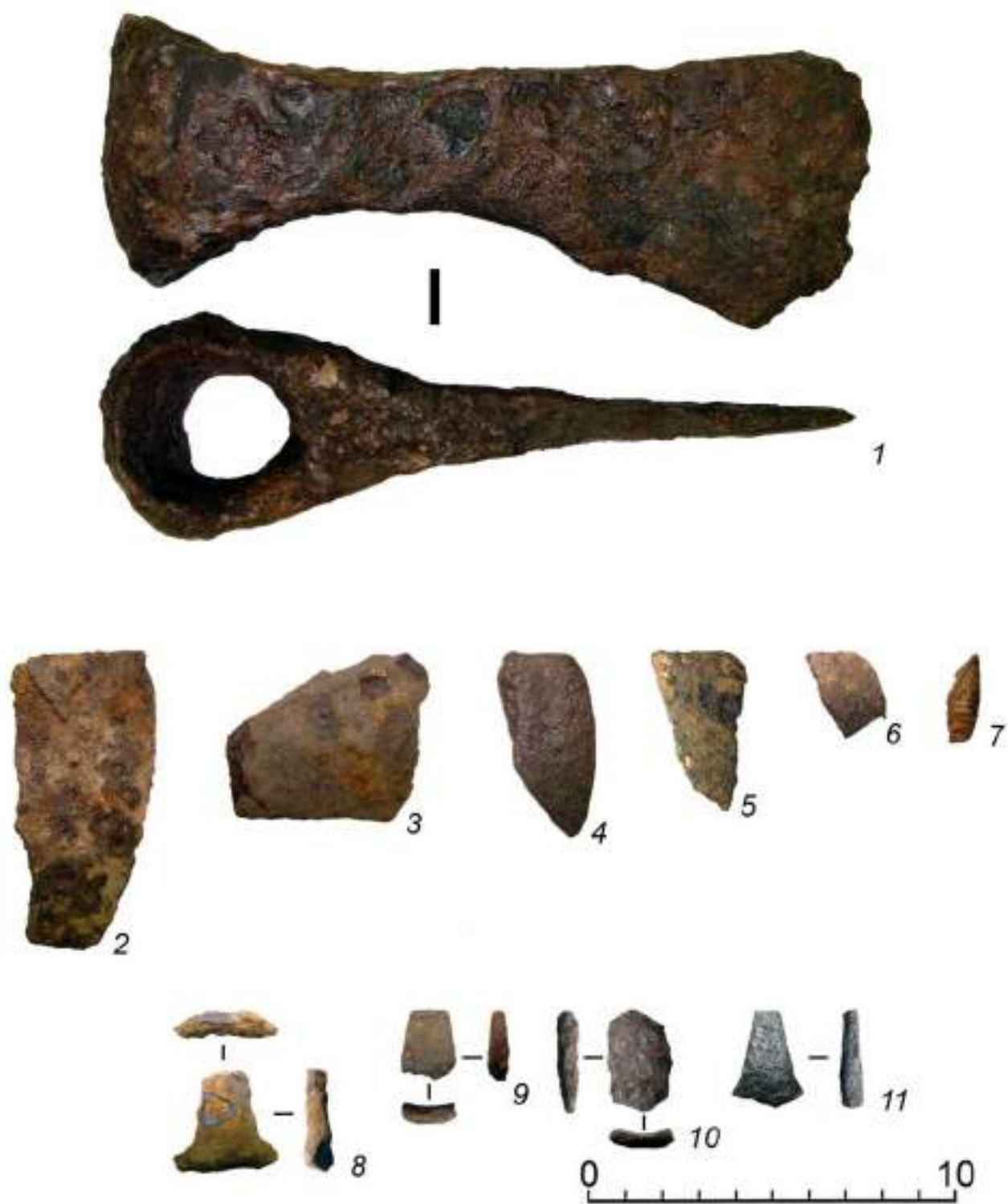


Рис. 56. Топор типа VIII (1), обломки топоров (2-11): 1 - № 41 в Каталоге топоров; 2 - № 48; 3 - № 64; 4 - № 61; 5 - № 60; 6 - № 54; 7 - № 56; 8 - № 55; 9 - № 58; 10 - № 53; 11 - № 55

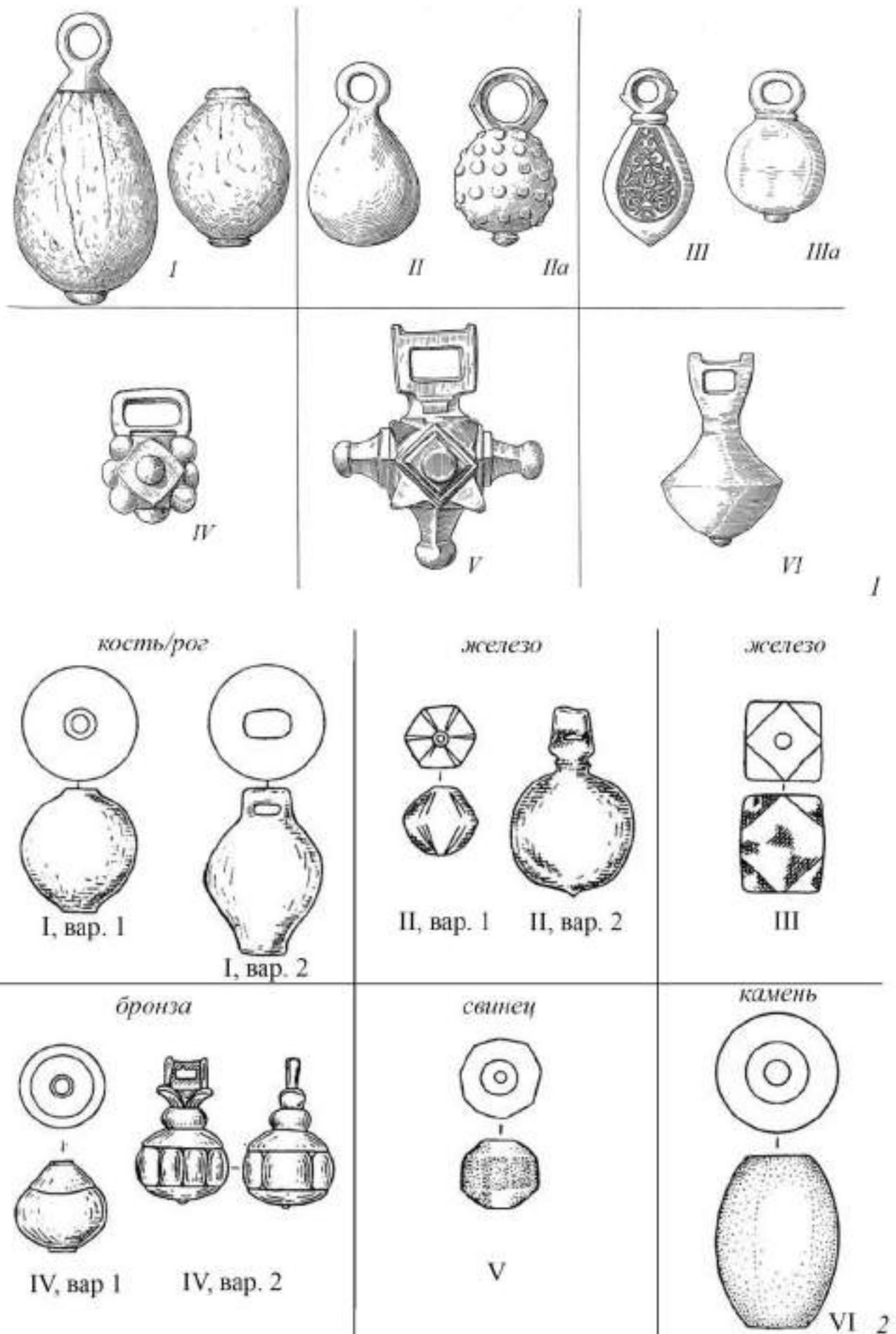


Рис. 57. Типологии гирь кистеней: 1 - А.Н. Кирпичникова (по Кирпичников, 1966б. С. 59. Рис. 12); 2 - А.В. Крыганова (Крыганов, 1987).



Рис. 58. Кистени типа I (1) и типа II (2, 3): 1 - городище, ЦГ-I/1952; 2 - случ. нах.; 3 - курган Ц-191/176

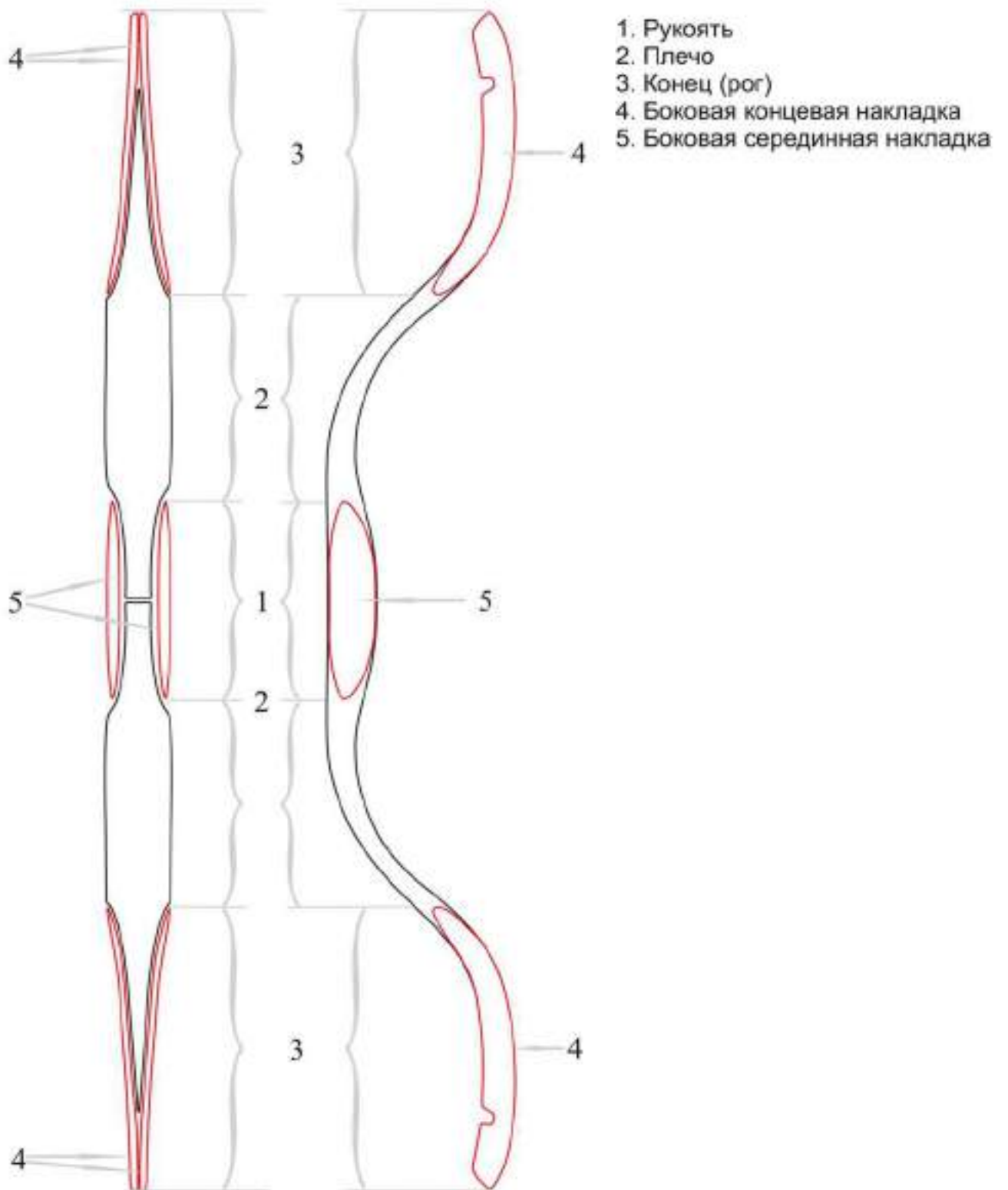


Рис. 59. Основные конструктивные части сложносоставного лука

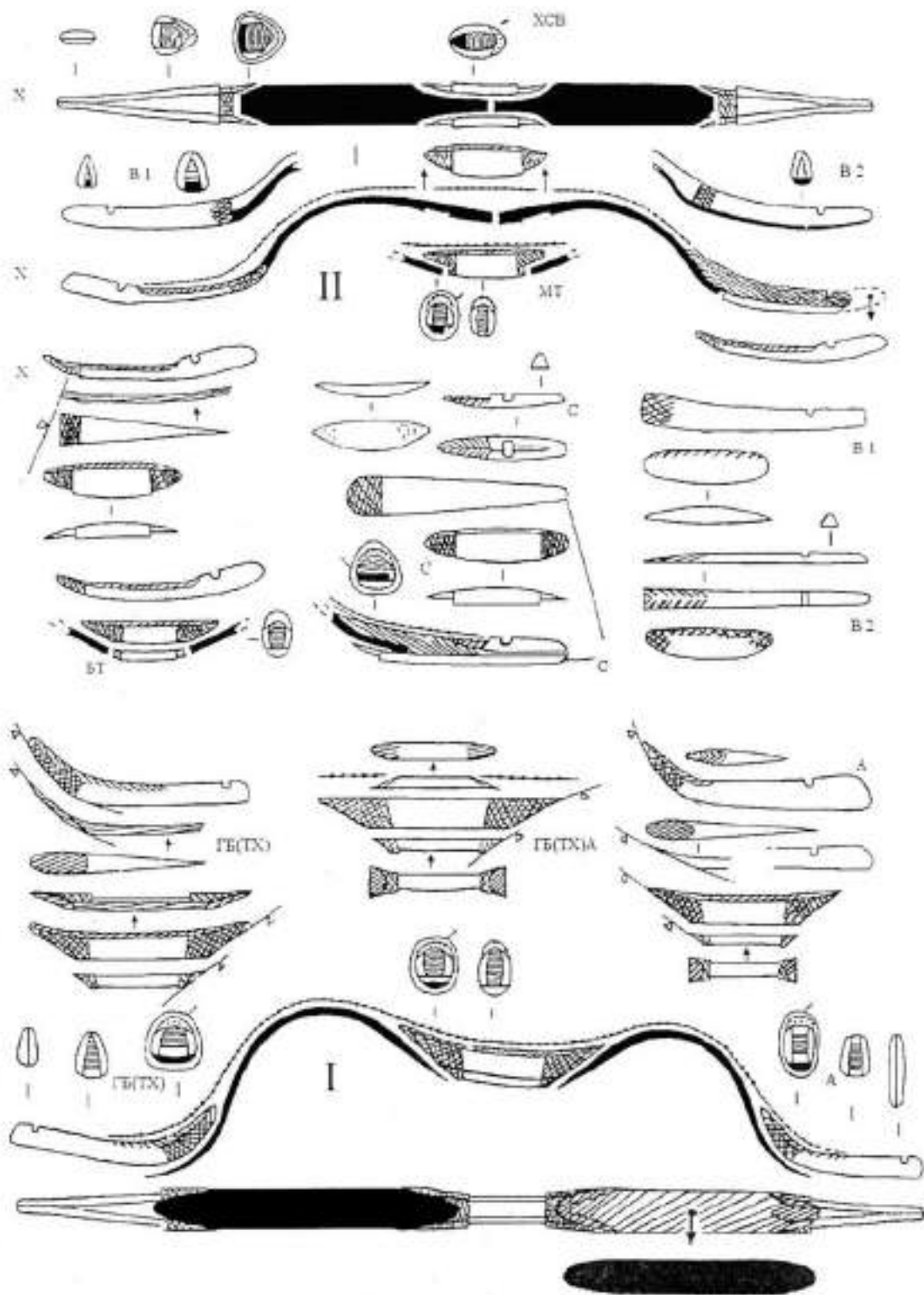


Рис. 60. Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы: Технологические линии развития раннесредневековых сложносоставных луков Восточной Европы. I - «гунно-болгаро-аварская» («тюрко-хазарская», по Е.В. Круглову) линия. Способы и схемы сборки: А - «аварский» тип; ГБ - «гунно-болгарский» («тюрко-хазарский», по Е.В. Круглову) тип; II - «хазаро-салтово-венгерская» линия. Способы и схемы сборки: X - «хазарский» тип; С - «салтово-венгерский» тип; В - «венгерский» тип, варианты 1 и 2; БТ - лук из Боротала; МТ - лук из Монгун-Тайги (по Савин, Семенов, 1997. С. 42. Рис. 3; Круглов, 2005. С. 100-101. Рис. 2)



Рис. 61. Накладки на сложносоставной лук: 1 - курган Ц-3/1950; 2 - курган Ц-255/1978; 3 - курган Ц-251/1978

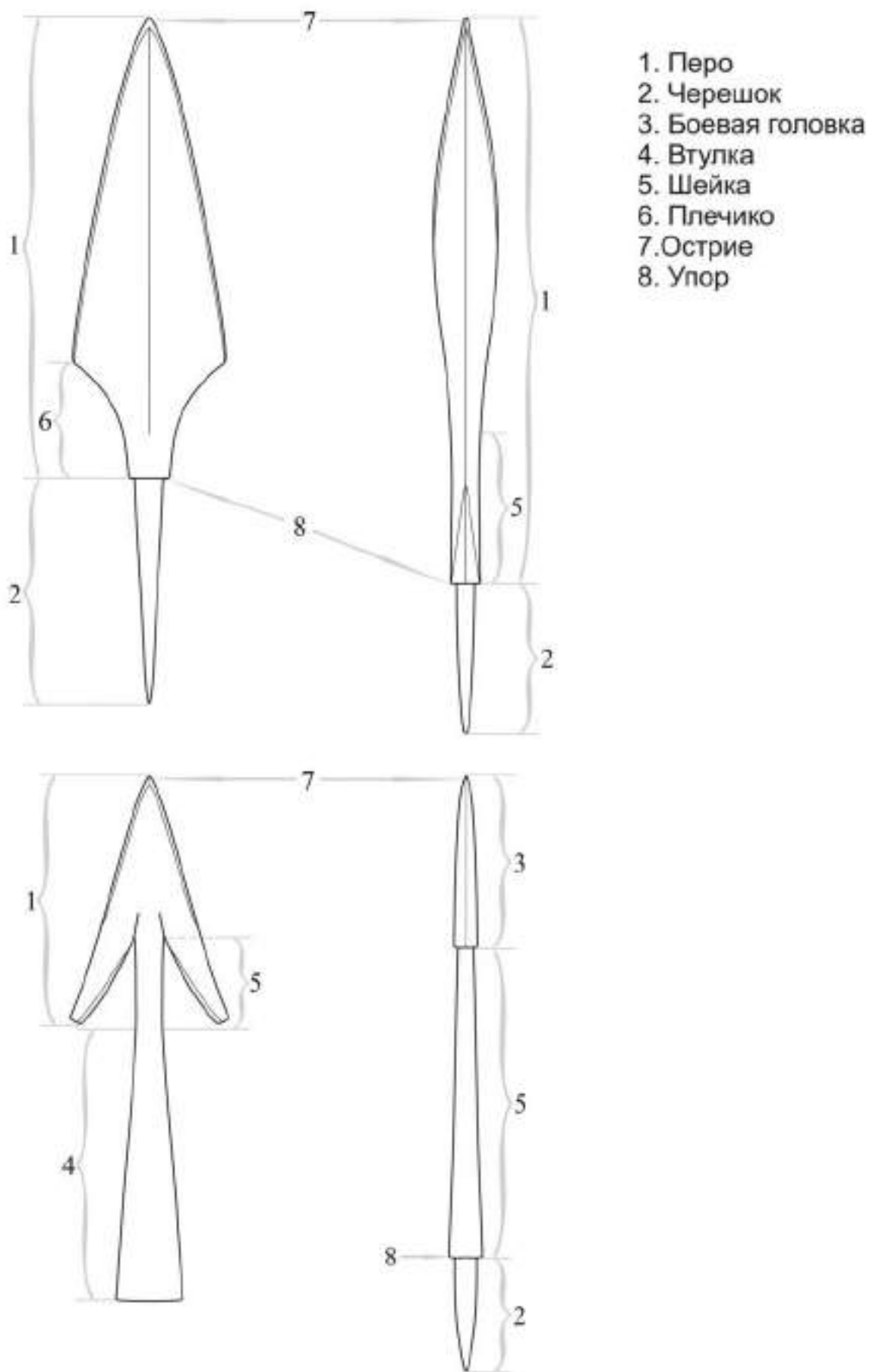


Рис. 62. Основные конструктивные части наконечников стрел

ОТДЕЛ ВТУЛЬЧАТЫЕ

Группа плоские



Группа граненые

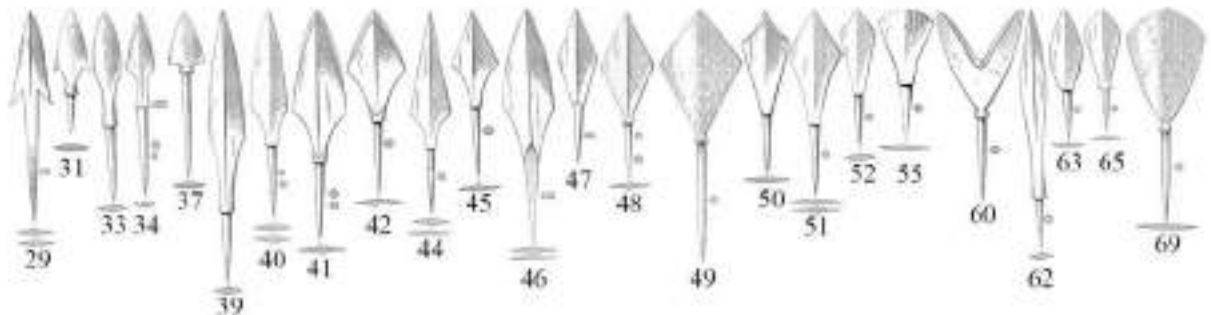


ОТДЕЛ ЧЕРЕШКОВЫЕ

Группа трехлопастные



Группа плоские



Группа граненые

Группа четырехлопастные



Рис. 63. Типология наконечников стрел, найденных в Гнёздовском археологическом комплексе (по Медведев, 1966)



Рис. 64. Наконечники стрел типов 1 (1, 2), 2 (3-5), 3 (6), 4 (7), 5 (8), 8 (9), 14 (10), 18 (11), 20 (12), 29 (13), 31 (14), 33 (15), 34 (16), 37 (17)



Рис. 65. Наконечники стрел типов 39 (1), 40 (2), 41 (3), 42 (4), 44 (5), 45 (6), 46 (7), 47 (8), 48 (9), 49 (10), 50 (11), 51 (12), 52 (13), 55 (14)



Рис. 66. Наконечники стрел типов 60/1 (1), 60/2 (2), 60/3 (3), 62/1 (4), 62/2 (5-7), 63 (8, 9), 65 (10), 69 (11)



Рис. 67. Наконечники стрел типов 75 (1, 2), 76 (3), 77 (4), 78 (5), 79 (6), 81 (7), 82 (8), 84/1 (9, 10) 87 (11, 12), 90 (13), 95 (14) 97/1 (15), 103 (16), Гн (17)



Рис. 68. Наконечники арбалетных стрел (1, 2). Наконечник стрелы с сохранившимся фрагментом древка (3). Берстяная (?) навивка на древке стрелы (4)

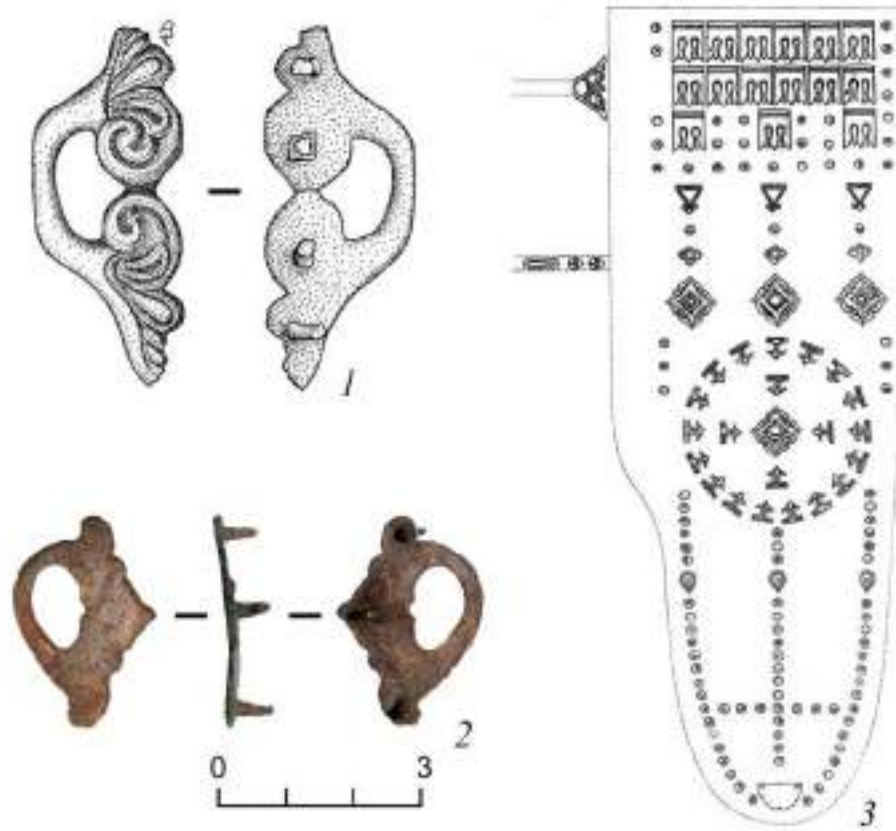


Рис. 69. Подвесные бляхи налучья (1, 2),
реконструкция налучья (3) (по Révész, 1992. P. 351)



Рис. 70. Подвесные петли для колчанов: 1 - № 7 в Каталоге колчанов, 2 - № 15; оковки днищ колчанов: 3 - № 6; 4 - № 13; реконструкция колчана (5) (по Révész, 1985. Tabl. V, 2)

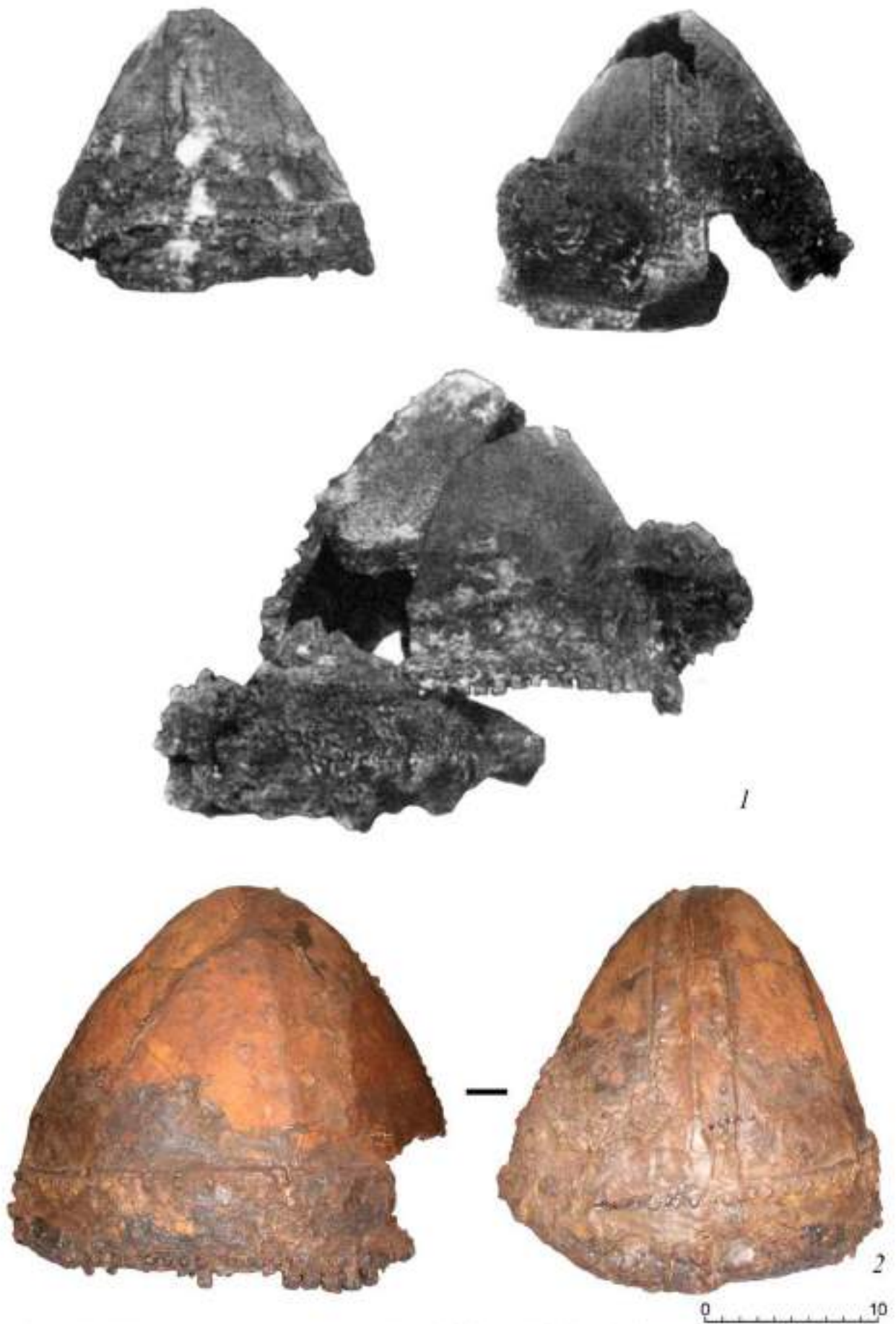


Рис. 71. Шлем типа I из кургана Дн-86/Серг-1901: 1 – фотография на момент находки (по Кирпичников, 1971. Табл. X, 1); 2 – нынешнее состояние шлема



Рис. 72. Шлем типа ПА из кургана Ц-41/Сиз-1885: 1 - фотография на момент находки (по Сизов, 1902. С. 65. Рис. 16); 2 - реконструкция шлема В.И. Сизова (по Сизов, 1902. С. 67. Рис. 16); 3 - реконструкция шлема В.В. Арендта (по Arendt, 1935. P. 30. Abb. 7); 4 - современное состояние шлема

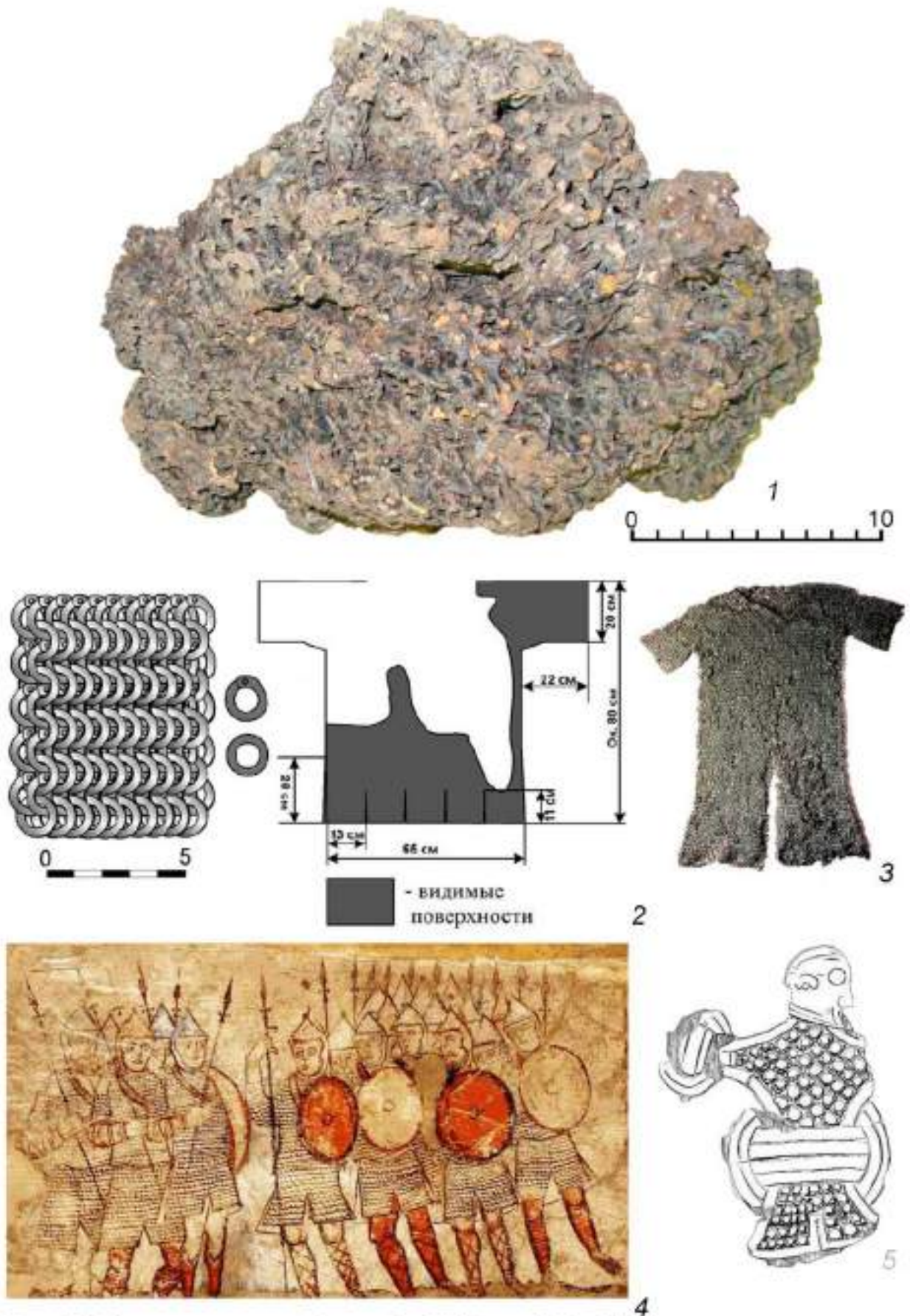


Рис. 73. Кольчуга из погребения Дн-86/Серг-1901 (1); реконструкция покроя кольчуги из Херсонеса (2); кольчуга из погребения 106 могильника Казазово (3), изображение воинов в кольчугах в манускрипте X века *Exultet Beneventano* (4); изображение воина в кольчуге(?) из северного кургана в Еллингге



Рис. 74. Фрагменты кольчужного плетения: 1 - № 7 в Каталоге кольчужных колец; 2 - № 3; 3, 4 - № 1; 5 - № 51; 6 - № 9; 7 - № 37; отдельные кольчужные кольца: 8 - № 24; 9 - № 35; 10 - № 48; 11 - № 13; 12 - № 14; 13 - № 23; 14 - № 19; 15 - № 11; 16 - № 50; 17 - № 25; 18 - № 31; 19, 20 - № 37; доспешные пластины (21-23)



Рис. 75. Умбоны щитов: 1 - № 5 в Каталоге щитов; 2 - № 1; 3 - № 6; 4 - № 10;
5, 6 - №№ 5, 6; 7 - № 11; 8 - № 7

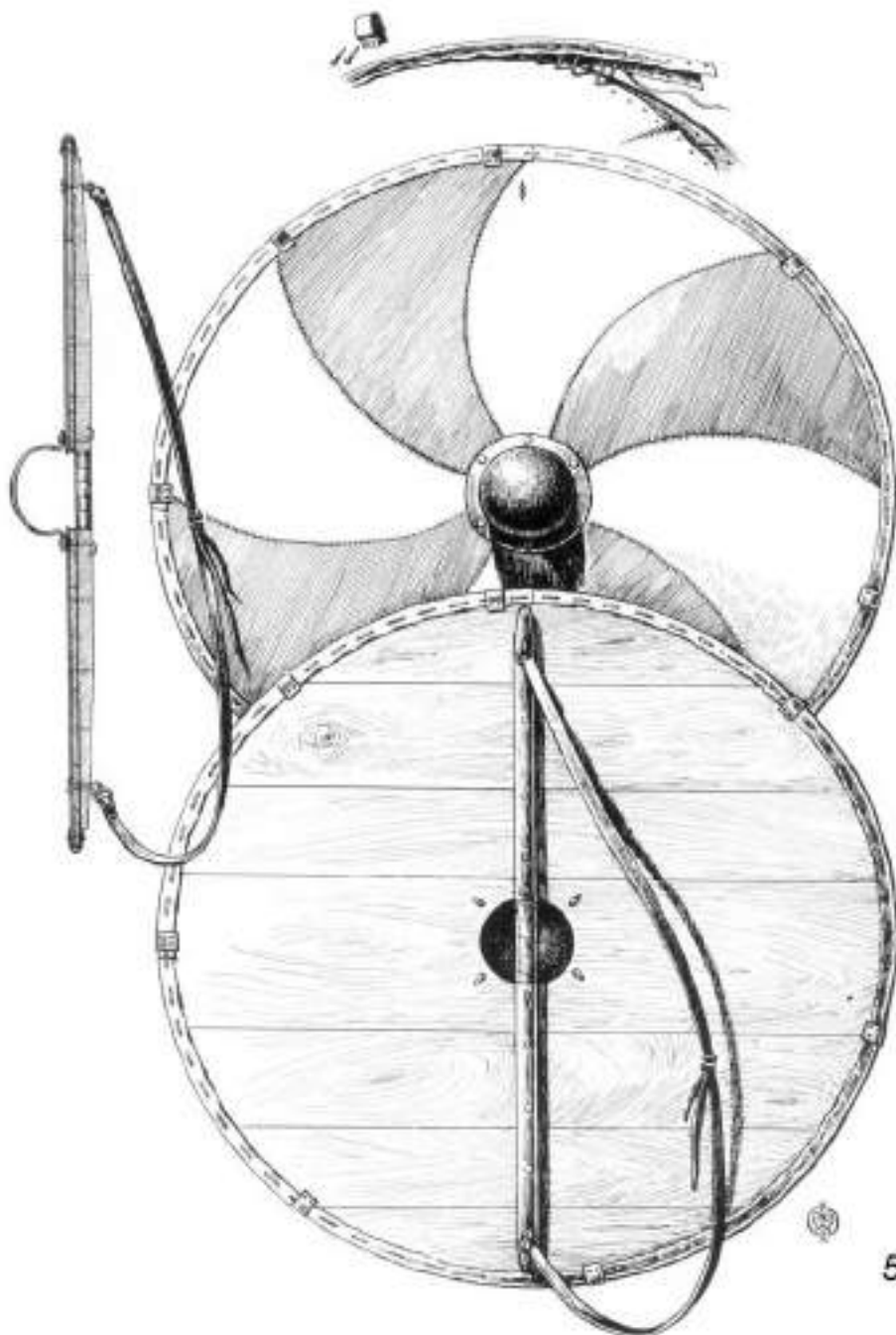


Рис. 76. Оковки края щита: 1 - № 17 в Каталоге щитов; 2 - № 3; 3 - № 14; 4 - № 15. Реконструкция щита (5) (рисунок О.В. Фёдорова)

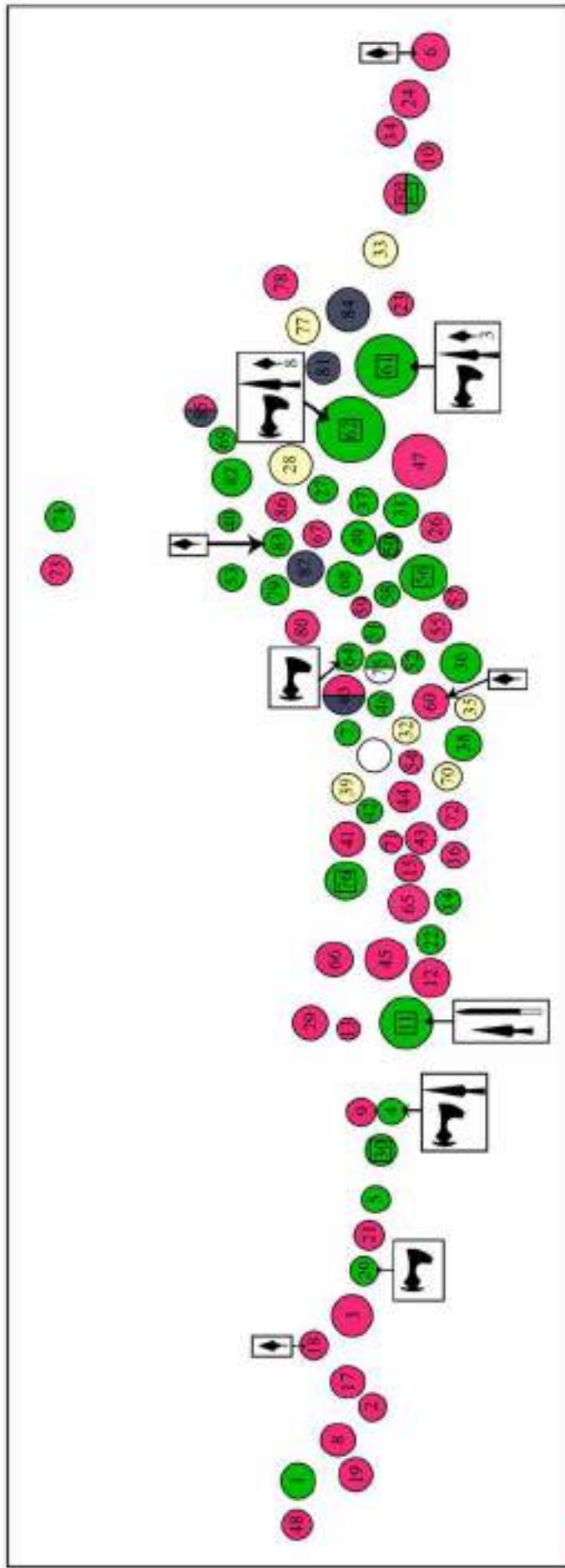


Рис. 77. Расположение курганов, содержащих предметы вооружения, в Правобережной Ольшанской группе Гнёздовского могильника

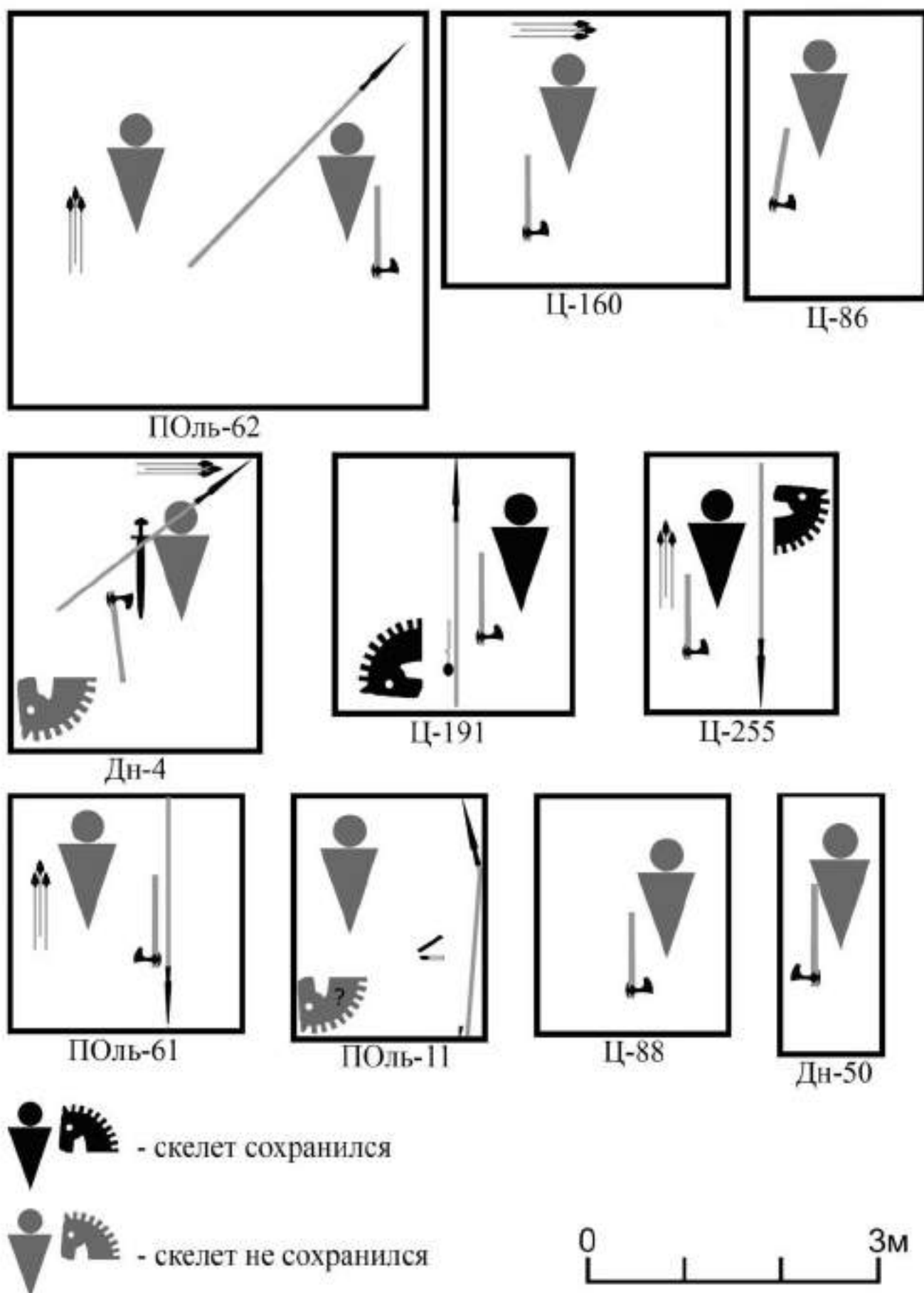


Рис. 78. Расположение предметов вооружения в погребениях, совершенных по обряду труположения в погребальных камерах

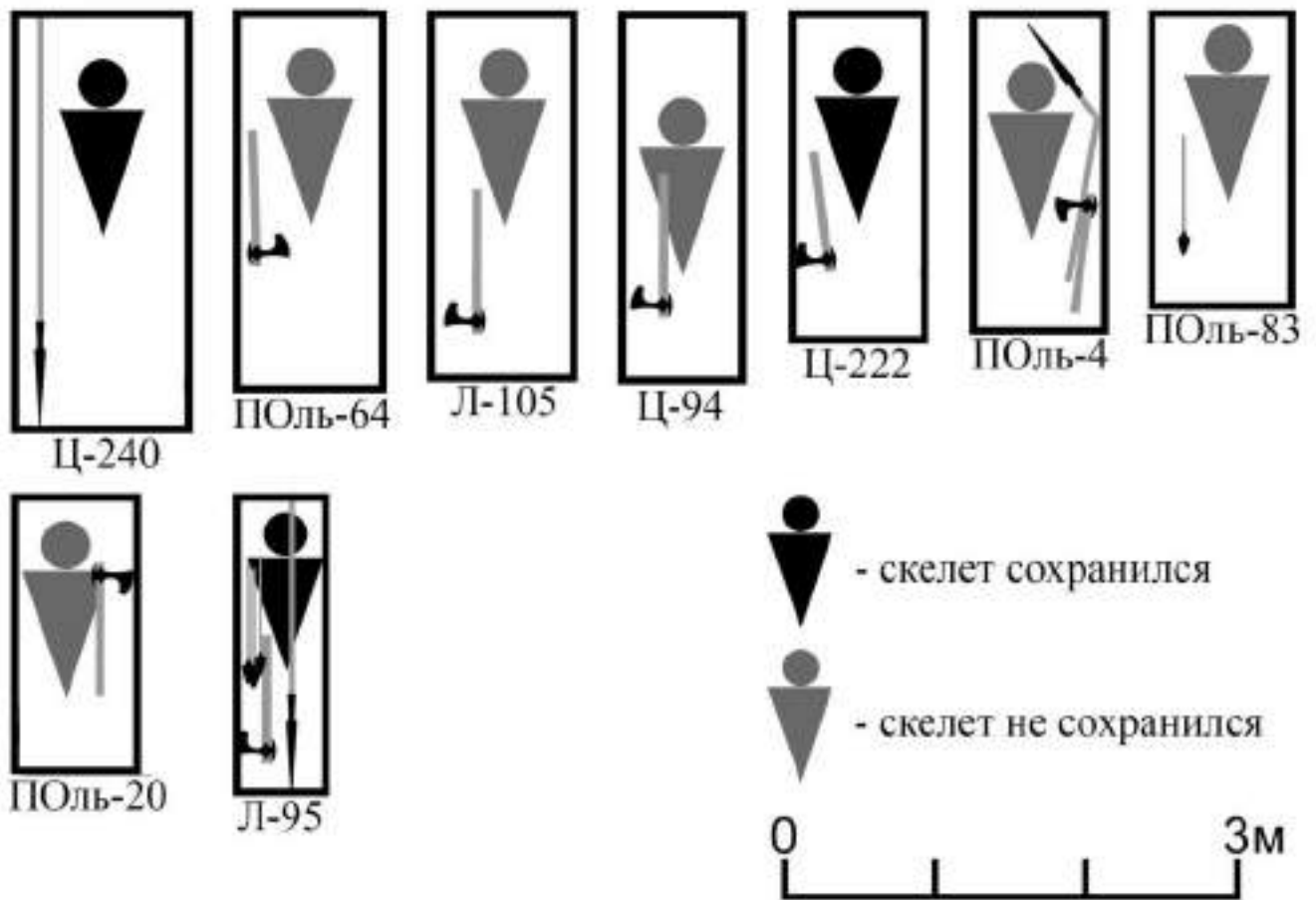
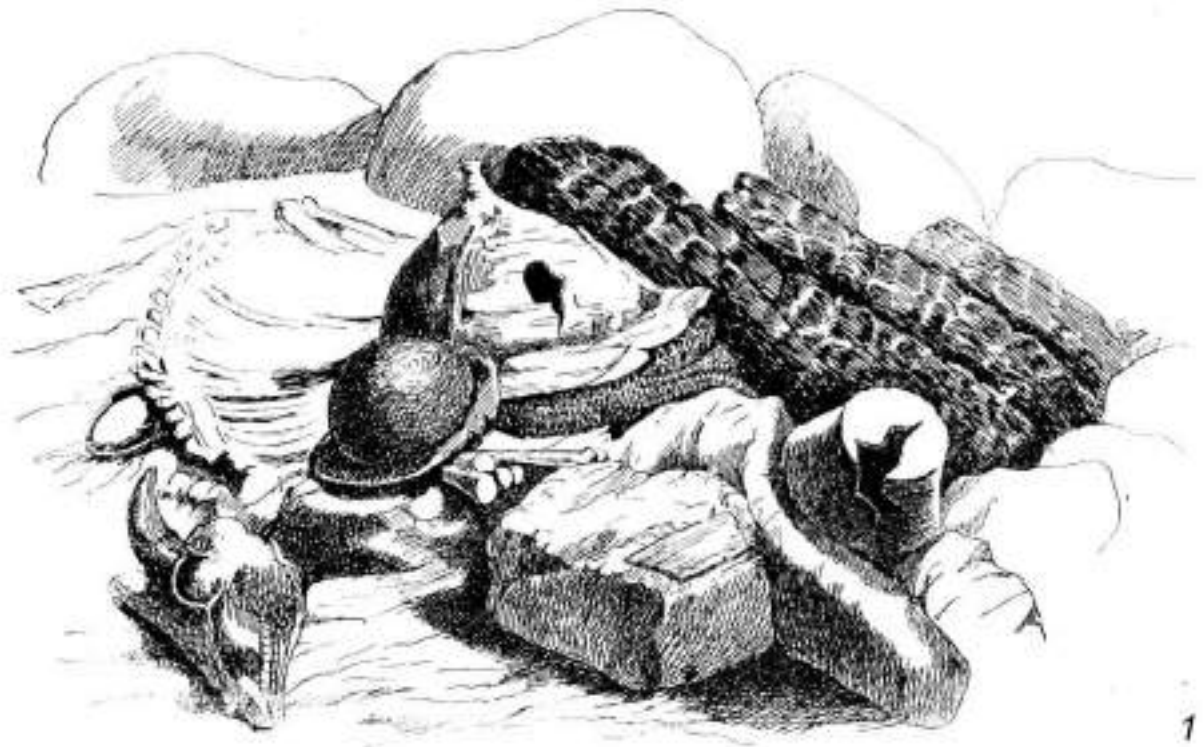


Рис. 79. Расположение предметов вооружения в погребениях, совершенных по обряду труположения в могильных ямах



2

Рис. 80. Расположение предметов вооружения в Больших курганах:
 1 - курган Ц-41/Сиз-1885 (по Сизов, 1902. С. 3); 2 - курган Дн-86/Серг-1901
 (по Сергеев, Архив ИИМК. АК. Ф-1. 1901. Л. 27об.)